7015

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXV-й. ІЮЛЬ. 1904 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **А. А. Фуксъ и казанскіе литераторы 30—40-хъ годовъ.** Проф. Евгенія Боброва..... 5— 35

II. **Польская конституція 3-го мая 1791 года и отношеніе къ ней Россіи.** В. В. Тимощукъ.... 37— 59

III. **Бытовые очерки В. П. Лободовскаго.**..... 61— 85

IV. **Письма императрицы Маріи Ѳеодоровны къ великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ.** Сообщ. В. В. Щегловъ. 87—112

V. **Алексѣевскій равелинъ.** Ал. Маркевича.... 113—115

VI. **Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина.**..... 117—130

VII. **Іоаннъ Грозный и Россія шестнадцатаго вѣка.** В. В. Тимощукъ..... 131—149

VIII. **Изъ переписки князя В. Ѳ. Одоевскаго.** Сообщ. И. А. Бычковъ..... 151—166

IX. **1-я Московская гимназія въ 50-хъ годахъ.** (Отрывокъ изъ воспоминаній). 167—199

X. **Мнѣніе А. С. Шишкова о цензурѣ и книгопечатаніи въ Россіи 1826 года.** 201—211

XI. **Воспоминанія педагога.** В. Г. фонъ-Вооля. 213—227

XII. **О Шведской могилѣ и капиталѣ Судіенка.** И. Фр. Павловскаго..... 229—239

XIII. **Записная книжка „Русской Старины“:** О возобновленіи въ церквахъ моленій по случаю военныхъ дѣйствій съ Наполеономъ. 6-го іюня 1815 г. (стр. 36).—Замѣтка Николая Дмитріевича Быкова о Т. Г. Шевченко (60).—Письмо гр. А. А. Аракчеева М. М. Сперанскому. 24-го марта 1819 г. Спб. (86).—Пожертвованіе гр. Н. П. Румянцова (116). — Тульскому гражданск. губерн. Иванову. 16-го сент. 1801 г.—О производствѣ въ полковничій рангъ Петра Еропкина (150).—Изъ жизни поволжскихъ раскольниковъ. Сообщ. Александръ Успенскій (200).—Донесеніе изъ Фридрихсгама отъ 25-го мар. 1795 г. о государственномъ переворотѣ въ Швеціи. Сообщ. Александръ Успенскій. (212).— Осквернѣніе православнаго храма евреемъ. Сообщилъ А. Мердеръ (228).—Взысканіе за медленное исполненіе высочайшаго повелѣнія. 10-го августа 1827 года (240).

XIV. **Библіографич. листокъ.** (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЯ: Портретъ **ген.-лейт. Николая Ѳедоровича Дубровина и два рисунка вида Алексѣевскаго равелина.**

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1904 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъяческая, № 39.
1904.

25199.

VII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюля 1904 года.

Библіографическій листокъ.

Д. Ѳ. Самаринъ. Собраніе статей, рѣчей и докладовъ. Томъ первый. Крестьянское дѣло. Москва. 1903 г.

Первый томъ собранія статей, докладовъ и рѣчей Дмитрія Ѳедоровича Самарина посвященъ исключительно крестьянскому дѣлу. Въ виду предпринятаго правительствомъ пересмотра крестьянскаго законодательства, онъ еще въ 1898 г. задумалъ собрать и издать отдѣльною книгою все, что имъ было написано въ разное время по крестьянскому вопросу, и самъ привелъ въ порядокъ и приготовилъ къ печати всѣ свои прежнія работы, при чемъ дѣлалъ къ нимъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ необходимыя объясненія и дополненія; подъ его же наблюденіемъ было приступлено къ печатанію книги. Но, къ сожалѣнію, болѣзнь, постигшая Дмитрія Ѳедоровича въ декабрѣ 1899 г., помѣшала ему довести это дѣло до конца: печатаніе остановилось на 26-мъ листѣ. Остальные листы настоящаго тома напечатаны уже послѣ его кончины.

Работы Дмитрія Ѳедоровича Самарина появлялись въ разное время съ 1861 по 1899 гг. и по разнымъ, часто случайнымъ поводамъ; тѣмъ не менѣе въ нихъ нетрудно замѣтить внутреннее единство мысли. Подъ живымъ впечатлѣніемъ реформы 1861 г., въ подготовкѣ и введеніи которой Д. Ѳ. принималъ дѣятельное участіе, у него сложился самостоятельный взглядъ на дѣло, который онъ и примѣнялъ къ разрѣшенію отдѣльныхъ вопросовъ по мѣрѣ того, какъ они выдвигались жизнію. Поэтому его статьи, при всемъ ихъ, повидимому, случайномъ происхожденіи и при отсутствіи между ними внѣшней связи, представляютъ, будучи собраны воедино, нѣчто цѣльное и внутренне законченное, и между различными отдѣлами этого собранія оказывается неразрывная связь, ибо они посвящены уясненію и разработкѣ различныхъ сторонъ одного воззрѣнія.

Бо́льшая часть того, что помѣщено въ разсматриваемой нами книгѣ, была напечатана въ свое время въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, главнымъ образомъ въ газетахъ „День“ и „Русь“, издававшихся И. С. Аксаковымъ, а также въ „Новомъ Времени“ и въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Весь матеріалъ расположенъ не въ хронологическомъ порядкѣ, а по содержанію. При такомъ порядкѣ читателю легче составить себѣ понятіе о главныхъ темахъ, которыя разрабатывались Дмитріемъ Ѳедоровичемъ, и выяснить себѣ существенныя черты того воззрѣнія, которое онъ проводилъ въ своихъ трудахъ.

Первое мѣсто отведено вопросу о земельномъ надѣлѣ и о повинности. Въ статьяхъ, относящихся сюда, уясняется то, что было наиболѣе своеобразнаго въ воззрѣніяхъ Д. Ѳ. Самарина на крестьянское дѣло. Основная мысль состоитъ въ томъ, что отношеніе крестьянъ къ надѣльной землѣ никогда не опредѣлялось и не опредѣляется теперь нормами частнаго гражданскаго права. Крестьяне и при крѣпостномъ правѣ не были простыми арендаторами помѣщичьей земли, и ихъ право на пользованіе землею не основывалось на свободномъ договорѣ, а вытекало изъ всей совокупности крѣпостныхъ отношеній, которыя сложились подъ господствомъ понятія государственнаго тягла. Соотвѣтственно этому и повинность, которую отбывали крестьяне, не имѣла и не могла имѣть характера арендной платы. Размѣръ ея вовсе не опредѣлялся земельною рентою, а исключительно средствами крестьянъ, откуда бы эти средства ни получались, отъ земли или отъ промысловъ. Словомъ, это не была плата за пользованіе чужою землею, а личная повинность, отбывавшаяся лишь отчасти съ земли. Положеніе 19-го февраля, хотя пріурочило эту повинность внѣшнимъ образомъ къ землѣ, но не измѣнило по существу ея основнаго характера. Оброкъ и барщина реформою 1861 года вовсе не были приведены въ соотвѣтствіе съ цѣнностью и доходностью надѣльной земли; законъ ставилъ себѣ задачею только урегулировать и до извѣстной степени облегчить существующія повинности. Поэтому и выкупная операція, въ основу которой была положена капитализація оброка, никогда не была и не могла быть выкупомъ земли, а была выкупомъ повинности, ложившейся частью на землю, частью на лицо, и замѣнившіе оброкъ выкупные платежи, хотя и платятся съ земли, не могутъ однако считаться платою за землю. Такимъ образомъ, и въ настоящее время право крестьянъ на земельный надѣлъ основывается не на покупкѣ, а на отводѣ его властью государства, и надѣльная земля имѣетъ характеръ собственности общественной.

Второе мѣсто въ разсматриваемомъ сборникѣ занимаютъ статьи по вопросу о крестьянской земельной общинѣ. Высказываясь рѣшительно противъ превращенія крестьянской надѣльной земли изъ собственности общественной въ частную, Д. Ѳ. Самаринъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ убѣжденнымъ сторонникомъ той формы землепользованія, которая сложилась у насъ въ великорусскихъ губерніяхъ и которая основана на уравнительномъ распредѣленіи земли между домохозяевами. Каковы бы ни были хозяйственныя неудобства, связанныя съ передѣлками земли и прочими особенностями мірскаго владѣнія, въ соціальномъ отношеніи общинное пользованіе представляетъ, по мнѣнію Самарина, неоспоримыя преимущества передъ личною собственностью и передъ участковымъ владѣніемъ: къ тому же и хозяйственныя затрудненія, имъ вызываемыя, вовсе нельзя считать непреодолимымъ препятствіемъ къ улучшенію техники земледѣлія; подъемъ и упадокъ крестьянскаго хозяйства зависитъ боль-

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ

НИКОЛАЙ ѲЕДОРОВИЧЪ

ДУБРОВИНЪ.

Послѣ смерти перваго редактора-издателя М. И. Семевскаго, редакція журнала „Русская Старина“ была поручена Н. К. Шильдеру, который отъ этой обязанности долженъ былъ отказаться, вслѣдствіе предпринятаго имъ самостоятельнаго труда «Императоръ Александръ I». Тогда редакція была принята мною. Но занятый въ то время службою въ Военно-Ученомъ Комитетѣ Главнаго Штаба, я не имѣлъ возможности посвятить все свое время исключительно только этому изданію. Поэтому, проредактировавъ журналъ въ теченіе двухъ лѣтъ, я обратился къ Н. Ѳ. Дубровину съ предложеніемъ принять на себя редакцію. Я былъ убѣжденъ, что лучшаго выбора нельзя было сдѣлать. Болѣе чѣмъ тридцатилѣтнее знакомство съ покойнымъ, его научно-историческіе труды, оцѣненные по достоинству Императорскимъ Историческимъ Обществомъ, его благородный личный характеръ и безукоризненно честное отношеніе ко всякому предпринятому имъ дѣлу служили ручательствомъ, что принятая имъ на себя тяжелая и отвѣтственная задача будетъ исполнена имъ безукоризненно.

По принятіи имъ редакціи, чтобы еще болѣе связать его съ изданіемъ, я предложилъ ему въ

1896 году принять и матеріальное участіе въ изданіи, на что онъ охотно согласился, и съ тѣхъ поръ его и личные интересы тѣсно связались съ интересомъ самаго изданія.

Нынѣ, лишившись въ лицѣ Николая Ѳедоровича сотоварища по изданію и капитальнаго сотрудника, я считаю своимъ священнымъ долгомъ почтить его память и выразить глубочайшее сожалѣніе о смерти добросовѣстнаго редактора, честнаго человѣка и добраго товарища.

Миръ праху его.

Редакторъ-издатель **С. Зыковъ.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОСНОВАННОЕ 1-го ЯНВАРЯ 1870 г.

1904.

ІЮЛЬ.—АВГУСТЪ.— СЕНТЯБРЬ.

ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

Журнальный фонд
Московской об. библиотеки

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяч., № 39.
1904.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1904 годъ.

Имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакція «Русской Старины» будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и разсказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе разсказы и преданія; 7) Документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполнѣ обезпеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить **1-го числа** каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

---

*

ВЫШЕЛЪ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ“

за 1897—1902 г.г.

Цѣна съ пересылкою для подписчиковъ «Русской Старины» 1 рубль, а для всѣхъ остальныхъ 1 рубль 50 коп.

А. А. ФУКСЪ

и казанскіе литераторы 30—40-хъ годовъ.

XI [1]).

Говоря объ участникахъ литературныхъ бесѣдъ г-жи Фуксъ, на первомъ мѣстѣ надобно поставить очень близкаго ей человѣка и ея друга, Эраста Петровича Перцова. Перцовъ былъ по происхожденію еврей. Его отецъ, по фамиліи Перецъ, былъ привезенъ въ Россію Е. Ф. Канкринымъ, впослѣдствіи графомъ и министромъ финансовъ. Перецъ, кажется, приходился ему сродни. Благодаря образованію и способностямъ, Перецъ въ Россіи выслужился и получилъ офицерское званіе; — приня въ православіе, онъ изъ Переца обратился въ Петра Алексѣевича Перцова и женился на дѣвицѣ Вишняковой, брата которой отличалъ великій князь Михаилъ Павловичъ. Отъ этого брака произошло 12 человѣкъ дѣтей, шесть мальчиковъ и шесть дѣвочекъ. Старшая дочь Перцова вышла впослѣдствіи за богатаго саратовскаго помѣщика, Каховскаго, брата декабриста.

Старшій изъ сыновей, поэтъ Эрастъ Петровичъ, родился въ Воронежѣ 29-го декабря 1804 г., когда его отецъ уже имѣлъ чинъ поручика. Потомъ семейство Перцовыхъ переѣхало на жительство въ Ка-

---

[1]) См. «Русскую Старину», іюнь 1904 г.

зань; Петръ Алексѣевичъ держалъ въ Казани откупъ [1]) и пріобрѣлъ въ той же губерніи помѣстье. Эрастъ Петровичъ учился въ благородномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ и по окончаніи тамъ курса въ 1823 г. поступилъ на службу въ Петербургъ, откуда потомъ перебрался въ Казань.

По смерти отца Эрастъ Петровичъ принялъ въ качествѣ опекуна своихъ братьевъ всѣ имѣнія и женился на генеральской дочери, Варварѣ Николаевнѣ Мандрыкиной, сестра которой Елена была величайшая подруга Александры Андреевны Фуксъ. Э. П. Перцовъ, артистическая натура, хотя и не кутила, зажилъ широко и запустилъ хозяйство, послѣдствіемъ чего была въ концѣ концовъ продажа всѣхъ имѣній Перцовыхъ. Остался одинъ лишь домъ на Сѣнной площади, дававшій доходъ, недостаточный для содержанія молодыхъ братьевъ Перцовыхъ. Тогда имъ изъ своихъ сбереженій сталъ помогать ихъ воспитатель, ссыльный полякъ изъ виленскихъ студентовъ, Лукашевскій, служившій учителемъ латинскаго языка при Казанской гимназіи. Благородный старецъ умеръ въ домѣ Перцовыхъ.

При своемъ появленіи въ Казани блестящій молодой человѣкъ, Э. П. сразу завоевалъ себѣ мѣсто губернскаго льва и души общества. Онъ сыпалъ стихами, писалъ въ альбомы, затѣвалъ спектакли, балы, пикники, концерты. Какъ любитель театра, онъ былъ друженъ съ великимъ московскимъ артистомъ, М. С. Щепкинымъ, который, пріѣзжая каждую весну въ Казань на гастроли, всегда останавливался въ домѣ у Перцовыхъ.

Всего болѣе Э. П. интересовался литературою и самъ имѣлъ большую и хорошую библіотеку изъ русскихъ и французскихъ авторовъ. Въ лицѣ Эраста Петровича А. А. Фуксъ нашла себѣ ревностнаго помощника по дѣлу устройства литературныхъ чтеній. Еще въ бытность въ Петербургѣ Э. П. завязалъ знакомство съ литераторами, особенно съ Пушкинымъ. Казанское преданіе гласитъ, будто Пушкинъ даже останавливался, будучи проѣздомъ въ Казани, именно у Э. П. Перцова. Впрочемъ, это преданіе, повидимому, неосновательно [2]). Э. П. былъ сотрудникомъ мѣстнаго органа «Заволжскій Муравей», но имѣлъ доступъ и въ столичные журналы, напр., печатался въ «Библіотекѣ для чтенія». Отдѣльнымъ изданіемъ вышла его комедія «Андрей Бичевъ или смѣшны мнѣ люди!» Спб. 1833. При первой встрѣчѣ Э. П. производилъ самое выгодное впечатлѣніе, которое, впрочемъ, потомъ, кажется, испарялось. Такъ было, напр., съ Евгеніемъ Абрамовичемъ Баратынскимъ, который, несмотря на всю свою осторожность, сначала

---

[1]) Сборникъ, стр. 409.

[2]) По этому вопросу мною написана особая статья. См. «Новое Время», суббота, 8-го ноября 1903 г., приложеніе № 9943, стр. 7—8.

просто былъ очарованъ Перцовымъ, встрѣтившись съ нимъ въ Казани. Въ своихъ интимныхъ письмахъ къ И. В. Кирѣевскому [1]) Е. А. пишетъ: «Подумай, кого я нашелъ въ Казани. Молодаго Перцова, извѣстнаго своими стихотворными шалостями, котораго намъ хвалилъ Пушкинъ, но мало: это человѣкъ очень умный и очень образованный, съ рѣшительнымъ талантомъ. Онъ мнѣ читалъ отрывки изъ своей комедіи въ стихахъ, исполненные живости и остроумія. Я постараюсь ихъ выпросить для «Европейца» [2]). Съ нимъ однимъ я здѣсь говорю натуральнымъ моимъ языкомъ». Тотъ же отзывъ, хотя уже съ оговорками, Баратынскій повторяетъ и далѣе [3]): «Посылаю тебѣ небольшое стихотвореніе Перцова, которымъ я очень недоволенъ. Онъ много мнѣ читалъ лучшаго, и я не знаю, почему онъ выбралъ эту пьэсу для «Европейца». Я съ нимъ объ этомъ поговорю. Онъ мнѣ читалъ комедію, написанную прекраснѣйшими стихами, исполненную остроумія, а ея многіе характеры изображены вѣрно и живо. Онъ съ рѣшительнымъ талантомъ; но видно, не всѣ роды ему одинаково даются». Но, когда самъ Перцовъ побывалъ въ Москвѣ и повидался съ И. В. Кирѣевскимъ,—въ томъ же году Баратынскій пишетъ уже совсѣмъ иное, повидимому, разочаровавшись въ своемъ новомъ другѣ [4]): «Перцовъ тебѣ совралъ. Будущую зиму я непремѣнно проведу въ Москвѣ . . . Знакомый мой, Перцовъ, кажется, не очень тебѣ понравился. Признаться, и у меня не весьма лежитъ къ нему сердце. Можетъ быть, онъ—человѣкъ съ умомъ и даже съ хорошими душевными качествами, но какъ-то существо его не гармонизуетъ съ моимъ. Мнѣ съ нимъ неловко и невесело». Такъ скоро изгладилось блестящее впечатлѣніе, оставленное Перцовымъ въ первый моментъ знакомства; а Баратынскій не былъ человѣкомъ, легко мѣняющимъ свои привязанности.

Э. П. пережилъ всѣхъ своихъ знаменитыхъ друзей и знакомыхъ, но покончилъ жизнь плачевно—самоубійствомъ. Онъ скончался въ отставкѣ въ чинѣ надворнаго совѣтника 12-го іюля 1873 г. въ Петербургѣ, гдѣ онъ жилъ одинъ, безъ жены и дѣтей, остававшихся въ Казани. На столикѣ близъ кровати, въ которой нашли его трупъ, лежала записка, гдѣ Э. П. заявлялъ, что онъ отравился, благодаря совершенному разстройству своихъ матеріальныхъ дѣлъ. Во вторую половину своей жизни онъ уже не выступалъ въ литературѣ. Неизвѣстно, съ какой стати Перцову, стихами котораго восхищались лучшіе стихотворцы,

---

[1]) «Татевскій Сборникъ» С. А. Рачинскаго, 1899, стр. 32, письмо № 23, отъ 18-го января 1832 г. изъ Казани.

[2]) Журналъ И. В. Кирѣевскаго.

[3]) № 26, стр. 35, отъ 1832 г.

[4]) № 32, стр. 42, отъ 1832 г.

Пушкинъ и Баратынскій,—проф. А. С. Архангельскій приписываетъ конфеточные пошлые стишки:

„Альбомъ сей прекрасенъ;
Я съ этимъ согласенъ“ и т. д. [1]).

XII.

Къ литературному салону А. А. Фуксъ принадлежалъ и наѣзжавшій изъ своего имѣнія въ Казань Дмитрій Петровичъ Ознобишинъ. Сынъ симбирскаго помѣщика, потомокъ древняго рода, выѣхавшаго на Русь еще при Темномъ, Д. П. родился въ 1803 г. въ имѣніи отца, Карсунскаго уѣзда въ селѣ Троицкомъ, невдалекѣ отъ рѣки Суры. Образованіе получилъ Д. П. въ Московскомъ благородномъ университетскомъ пансіонѣ, гдѣ и окончилъ курсъ. Еще студентомъ онъ обращалъ на себя вниманіе профессоровъ М. Т. Каченовскаго и И. И. Давыдова. Ознобишинъ дебютировалъ стихотвореніемъ «Старецъ» въ «Вѣстникѣ Европы» за 1820 г., издававшемся подъ редакціею Каченовскаго. Вмѣстѣ съ С. П. Шевыревымъ и В. П. Титовымъ Ознобишинъ участвовалъ въ образованіи извѣстнаго «раичевскаго» литературнаго кружка. По окончаніи курса Д. П. поступилъ на службу въ московскій почтамтъ въ качествѣ цензора французскихъ газетъ. Въ то же время онъ продолжалъ печатать стихи; въ 1826 г. онъ участвовалъ въ альманахахъ «Уранія» (М. П. Погодина) и «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» (барона Дельвига); въ 1827 г. онъ вмѣстѣ съ Раичемъ составилъ альманахъ «Сѣверная Лира» и сотрудничалъ въ журналѣ Раича «Галатея» 1829—1830 гг. Отдѣльною книгою въ 1830 г. вышелъ «Селамъ или языкъ цвѣтовъ». Наскучивъ службою, Ознобишинъ вышелъ въ отставку и поселился у себя въ деревнѣ, гдѣ его навѣщала проѣздомъ А. А. Фуксъ. Обладая прекрасною библіотекою, Ознобишинъ и у себя въ имѣніи продолжалъ заниматься литературою. Благодаря хорошему знанію языковъ, онъ могъ слѣдить за всѣми новинками западныхъ литературъ. Н. М. Языковъ въ 1835 г. въ особомъ стихотвореніи, посвященномъ Ознобишину, называетъ его «поэтомъ и полиглотомъ». Изъ своего сельскаго уединенія Д. П. поддерживалъ сношенія съ редакціями: онъ печаталъ свои стихотворенія въ «Молвѣ» 1834 г., въ плетневскомъ «Современникѣ» 1839 г., «Галатеѣ» 1840 г., погодинскомъ «Москвитянинѣ» 1841 г., въ альманахѣ жандармскаго офицера Владиславлева «Утренняя заря» 1844 г. Въ «Москвитянинѣ» за 1845 г. появились послѣдніе стихи Ознобишина: послѣ этого онъ замолкъ на 20 лѣтъ слишкомъ. Только въ 1866 и 1867

[1]) «Пушкинъ въ Казани», стр. 12.

годахъ онъ прервалъ свое молчаніе: напечаталъ стихи въ память Д. В. Веневитинова (въ «Русскомъ» Погодина), князю П. А. Вяземскому и прочелъ стихи на юбилейномъ въ честь Карамзина торжествѣ въ Симбирскѣ [1]). Въ отставкѣ Д. П. принималъ на себя по выборамъ должности: почетнаго смотрителя Карсунскаго уѣзднаго училища, потомъ попечителя Симбирской гимназіи. Хорошо зная мѣстный край и населяющихъ его инородцевъ, Д. П. съ успѣхомъ занимался мѣстною этнографіею и фольклоромъ. Эти знанія впослѣдствіи очень пригодились ему, когда на старости лѣтъ онъ опять вступилъ въ службу по новымъ учрежденіямъ въ качествѣ члена симбирскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія (съ самаго его основанія). Д. П. Ознобишинъ былъ крѣпостникъ, но интересовался новою службой и даже издалъ особое руководство для пользованія Положеніемъ 19-го февраля, 1861 г. Скончался онъ на 75 году жизни 2-го августа 1877 г. на Кавказѣ въ Кисловодскѣ, куда онъ часто ѣздилъ для лѣченія. Д. П. Ознобишина навѣщала А. А. Фуксъ, когда ѣздила къ чувашамъ (стр. 47). Она характеризуетъ его такъ въ письмѣ къ мужу: «Д. П. не только поэтъ, но и ученый, знаетъ многіе языки, даже восточные, очень любитъ исторію и теперь особенно занимается англійской литературою. Познакомившись съ нимъ, какъ не пожалѣешь, что такихъ молодыхъ людей, которые не понапрасну проводятъ молодость, у насъ мало. Я видѣла его библіотеку и получила позволеніе брать изъ нея книги; они также получаютъ всѣ русскіе журналы. Однимъ словомъ я отъ нихъ (отъ Д. П. и его сестры) въ восхищеніи». На стр. 90—91 «Записокъ» приведено стихотвореніе Д. П. Ознобишина о Федѣ—чувашскомъ поэтѣ, котораго творенія онъ переслалъ г-жѣ Фуксъ. Ознобишину посвящено цѣлое посланіе въ «Стихотвореніяхъ» (стр. 180—184). А. А. благодарила его за его стихи, полученные ею въ тяжелый моментъ ея жизни:

Среди семейныхъ огорченій,
Почти съ растерзанной душой
Сидѣла я въ уединеньи,
Чтобъ горесть облегчить слезой.
И голосъ дружества совѣтный
Меня утѣшить не умѣлъ—
Вотъ въ этотъ часъ твой стихъ привѣтный
Какъ бы съ небесъ ко мнѣ слетѣлъ.
Я все прочла—о даръ чудесной!
Исчезъ моей печали слѣдъ,
И въ мигъ лучъ радости небесной
Лилъ на меня цѣлебный свѣтъ.

[1]) Въ вышедшемъ въ 1874 г. въ пользу голодающихъ сборникѣ «Складчина», стр. 241—242 помѣщено одно стихотвореніе Ознобишина отъ 22-го августа 1870 г. («Изъ народныхъ реляцій»).

Посланіе Ознобишина вдохновило ее самое, и она тоже «заиграла на лирѣ»:

И мысленно предъ судьбою
Свои колѣна преклоня,
Она съ поэзіею святою
Такъ ознакомила меня,
Твоею Музой вдохновенна,
Запѣла пѣсни я пѣвцамъ.

Она воспѣла Пушкина и Баратынскаго. Къ самому Ознобишину она обращается такъ:

А ты, пѣвецъ младой и нѣжной,
Возможно-ли тебя забыть,
Твой даръ и быстрой, и любезной?
Тебя увидѣть—п о л ю б и т ь!
Повѣрь: твои привѣтны звуки
Дошли тотчасъ къ душѣ моей,
А голосъ сердца и въ разлукѣ
Твердитъ: люби своихъ друзей!

XIII.

Изъ числа столичныхъ литераторовъ, примыкавшихъ, въ бытность свою въ Казани, къ кружку А. А. Фуксъ, какъ мы видѣли выше, былъ отмѣченъ Делярю. Михаилъ Даниловичъ Де-ля-Рю (какъ собственно пишется его фамилія) родился въ 1811 г. въ Казани, гдѣ отецъ его состоялъ на службѣ. Первые годы жизни и отрочество онъ провелъ въ домѣ родителей, а потомъ отецъ его отвезъ въ Петербургъ и помѣстилъ въ Царскосельскій Лицей, чрезъ три года послѣ выпуска Пушкина и Дельвига. Литературная традиція была еще очень живуча въ Лицеѣ, и писаніе стиховъ было между воспитанниками въ модѣ. М. Д. началъ заниматься стихотворствомъ съ самаго поступленія въ Лицей и писалъ, главнымъ образомъ, въ родѣ Дельвига. Делярю окончилъ курсъ въ 1829 г. и поступилъ на службу въ канцелярію военнаго министра, гдѣ и состоялъ въ теченіе 5 лѣтъ. Онъ сблизился съ своимъ образцомъ, бар. Дельвигомъ, и принималъ участіе въ его изданіяхъ, какъ-то въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ». Стихи Делярю критикою одобрялись, но публика оставалась къ нимъ довольно холодною. Пушкинъ чрезвычайно мѣтко отозвался о немъ въ своемъ письмѣ къ Плетневу изъ Москвы, въ апрѣлѣ 1831 г. (VII т. Морозовскаго изданія, стр. 226, № 282): «Делярю с л и ш к о м ъ гладко, слишкомъ правильно, слишкомъ чопорно

пишетъ для молодого лицеиста. Въ немъ не вижу я ни капли творчества, а много искусства. Это второй томъ Подолинскаго. Впрочемъ, можетъ быть, онъ и разовьется». Къ этому времени вышли отдѣльными изданіями: «Превращеніе Дафны», сельская поэма (изъ Овидія), 1829, «Сонъ и Смерть», 1831 (изъ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ»). Имя Делярю никогда бы не получило извѣстности, если бы не бѣда, разразившаяся надъ нимъ. Въ XII кн. «Библіотеки для чтенія» былъ помѣщенъ его переводъ изъ В. Гюго «Красавицѣ», гдѣ поэтъ изъявляетъ готовность, будь онъ богомъ, промѣнять всѣ прелести неба и рая, «за единый поцѣлуй» этой красавицы. Стихотвореніе было, по указанію митрополита Серафима, признано страшно опаснымъ и вреднымъ; Делярю (въ концѣ 1834 г.) немедленно уволили со службы и даже, кажется, ему пришлось на нѣкоторое время оставить Петербургъ. Въ это время онъ и былъ въ Казани, гдѣ принималъ участіе въ литературныхъ бесѣдахъ г-жи Фуксъ. Затѣмъ онъ пріискалъ себѣ мѣсто въ министерствѣ финансовъ. Онъ продолжалъ печататься. Въ 1835 г. въ Петербургѣ появляются его «Опыты въ стихахъ»; послѣ смерти Пушкина онъ принималъ участіе въ «Современникѣ», оттискомъ изъ VIII т. котораго появилась «Дидона, IV пѣснь Энеиды», 1837 г. Затѣмъ М. Д. переѣхалъ въ Одессу, гдѣ съ 1837—1841 г. состоялъ инспекторомъ Лицея. Здѣсь онъ былъ сотрудникомъ «Одесскаго Альманаха», а въ 1839 г. выпустилъ въ Одессѣ же переводъ: «Пѣснь объ ополченіи Игоря сына Святославова». Переводъ вызвалъ рецензіи въ «Литературной Газетѣ» и «Сѣверной Пчелѣ» за 1840 годъ. Въ 1842 г. онъ перестаетъ печататься; онъ вышелъ въ 1841 г. въ отставку, жилъ у себя на хуторѣ въ Харьковской губерніи и погрузился въ сельское хозяйство. Впрочемъ, для себя онъ продолжалъ переводы изъ Овидія и Виргилія, и смерть застала его за «Георгиками». М. Д. Делярю скончался въ Харьковѣ въ ночь на 24-е февраля 1868 г. Н. А. Лавровскій, тогда харьковскій профессоръ, посвятилъ ему некрологъ, помѣщенный въ №№ 26 и 27 «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» за 1868 г. и перепечатанный въ «Голосѣ» за тотъ же годъ, въ № 74.

Теперь коснемся жизни и дѣятельности нѣкоторыхъ профессоровъ мѣстнаго Казанскаго университета, которые тоже были постоянными гостями въ литературномъ салонѣ г-жи Фуксъ.

XIV.

Своимъ человѣкомъ въ семьѣ и домѣ Фуксовъ былъ престарѣлый Григорій Николаевичъ Городчаниновъ. Онъ родился въ 1771 г. въ

г. Балахнѣ, былъ сынъ мѣщанина. Сынъ называетъ его въ «Надгробіи моему родителю» (стр. 534 «Сочиненій») купцомъ:

Званіемъ к у п е ц ъ ты балахнинскій былъ.

Г. Н. учился въ Нижегородской духовной семинаріи и въ Московскомъ университетѣ, потомъ служилъ въ главномъ почтовомъ управленіи. Пользуясь дружбою и протекціею извѣстнаго Евгенія Болховитинова, Г. Н. былъ назначенъ въ 1806 г. въ Казанскій университетъ адъюнктомъ русской словесности, но брался здѣсь преподавать разные предметы, даже философію. Въ университетѣ онъ перебилъ дорогу любимому всѣми Н. М. Ибрагимову, о которомъ будетъ у насъ рѣчь ниже. Обижаясь, что ему не даютъ профессуры, Городчаниновъ вышелъ въ отставку, о чемъ студенты не очень жалѣли. С. Т. Аксаковъ описываетъ, какое тяжелое впечатлѣніе производилъ Городчаниновъ, изступленный старовѣръ-классикъ, не признававшій новыхъ литературныхъ вѣяній. Уйдя изъ университета, Городчаниновъ служилъ библіотекаремъ и ученымъ секретаремъ Московскаго отдѣленія медико-хирургической академіи, а въ 1810 г. опять опредѣленъ въ Казанскій университетъ уже профессоромъ краснорѣчія, стихотворства и языка россійскаго. Съ 1822—1826 г. преподавалъ естественное право. 4 раза Городчаниновъ состоялъ деканомъ. Съ 1826 г. онъ былъ предсѣдателемъ Казанскаго общества любителей отечественной словесности, основаннаго сначала Н. М. Ибрагимовымъ среди своихъ товарищей и учениковъ. Университетская служба Городчанинова окончилась въ 1829 г. Выйдя въ отставку, Г. Н. продолжалъ жить въ Казани, гдѣ и умеръ 22-го декабря 1852 г.

Городчаниновъ былъ большой охотникъ писать стихи, но не обладалъ талантомъ [1]). Бывъ поклонникомъ чарочки, въ послѣдніе годы онъ совсѣмъ спился. Часть своихъ трудовъ онъ издалъ въ 1836 г. подъ заглавіемъ «Сочиненія и переводы въ прозѣ и стихахъ», Казань (всего 547 стр., изъ нихъ прозы 475). Остальные труды Городчанинова указаны въ спеціальной о немъ брошюрѣ Н. П. Лихачева, 1886 г. Пушкинъ, будучи въ гостяхъ у А. А. Фуксъ и заглянувъ въ книгу Городчанинова, сказалъ съ досадою: «О, эти проза и стихи! Какъ жалки тѣ поэты, которые начинаютъ писать прозой». Кромѣ этого отзыва, еще очень обидѣлся Городчаниновъ на Пушкина за то, что, будучи членомъ

[1]) Н. И. Лажечниковъ въ статьѣ «Какъ я зналъ Магницкаго» (Сочиненія, т. XII, изд. 1884 г., стр. 372—373) характеризуетъ Городчанинова, какъ «профессора поэзіи, добраго старичка, въ изсохшей головѣ и сердцѣ котораго не было и чутья поэзіи, почитателя не только Хераскова, но и графа Хвостова. На лекціяхъ его разбирали одни переложенія п с а л м о в ъ!»

Казанскаго общества словесности, Пушкинъ не сдѣлалъ ему визита, какъ предсѣдателю.

Служа въ университетѣ, Городчаниновъ близко сошелся съ К. Ѳ. Фуксомъ, которому, по преданію, былъ полезенъ, исправляя ему русскій языкъ въ его статьяхъ и подыскивая цитаты для его археологическихъ и историческихъ трудовъ (Сборникъ, стр. 465 и 506).

Александрѣ Андреевнѣ Городчаниновъ посвятилъ такое стихотвореніе («Заволжскій Муравей», 1832 г., ч. I, кн. 8, стр. 440):

Къ портрету А. А. Ф.

Прекрасны здѣсь артистъ черты изобразилъ,
Огонь въ ея глазахъ онъ съ нѣжностію слилъ:
Но если бъ кто спросилъ объ этомъ здѣсь поэта,
Сказалъ бы, что душа прекраснѣе портрета [1]).

На выздоровленіе К. Ѳ. Фукса написана цѣлая ода («Сочиненія», стр. 536—537). Она начинается словами:

Вѣстникъ тлѣнія крылами
Твое ложе осѣнялъ
И изсохшими руками
Мрачный гробъ твой открывалъ....

Далѣе поэтъ полагаетъ:

Съ доброй только лишь душою
Жилъ не всуе человѣкъ:
Предъ минутой, Фуксъ, твоею—
Что другихъ и долгой вѣкъ!

Для ознакомленія съ музою Г. Н. Городчанинова, приведемъ еще его стихотвореніе, которое считалось лучшимъ, и которое онъ читалъ на одномъ изъ вечеровъ А. А. Фуксъ. Стихотвореніе было переведено на латинскій языкъ его коллегою, профессоромъ Ф. И. Эрдманомъ подъ заглавіемъ «Poëta immortalis». Подлинникъ помѣщенъ въ «Сочиненіяхъ» на стр. 528—530, а переводъ на стр. 530—531.

---

[1]) Къ ней, повидимому, относятся еще помѣщенные тамъ же рядомъ „Стихи племянника, найденные тетушкою при своемъ портретѣ". Этимъ племянникомъ могъ быть Вас. Ив. Рубановъ, внукъ Г. П. Каменева и двоюродный племянникъ А. А. Фуксъ, самъ поэтъ и участникъ ея бесѣдъ:

Совсѣмъ не то вы на портретѣ.
Хотя прекрасны, хороши,—
Но кисти нѣтъ такой на свѣтѣ,
Чтобъ срисовать красу души.

30-го января 1832 г.

Безсмертіе пінта.

(Въ память Державина).

Старикъ крылатой и лихой
Въ быстрѣйшемъ молніи полетѣ
Все въ дальнемъ сокрушаетъ свѣтѣ
Непритупляемой косой.
И горды Вавилонски стѣны,
И Родосскій колоссъ надменный,
И славный во Ефесѣ храмъ
Его печальной стали жертвой.
Въ глубокой тишинѣ и мертвой,
Лишь вранъ ночной гнѣздится тамъ.
Все пало подъ косой Сатурна:
И свѣтлый тронъ, и мрачна урна.
Но, вижу, на Омировъ бюстъ
Съ почтеніемъ старикъ взираетъ:
Тридцатый вѣкъ уже сметаетъ
Крыломъ съ него зоиловъ пыль.
Сей властелинъ всего суровый
При каждомъ вѣкѣ лавры новы
Даритъ Виргилію въ вѣнокъ.
Гдѣ грозный повелитель міра?
Но Флакка сладостная лира
Звучитъ изъ глубины вѣковъ.
Піитъ, родясь, не умираетъ,
И намъ безсмертье доставляетъ.
Доколь Фебъ будетъ озарять
Наукъ, художествъ насъ лучами,
Дотоль безсмертными стихами
Державинъ будетъ восхищать
Потомства поздняго державы
Изъ вѣка въ вѣкъ, на крыльяхъ славы,
До той минуты преносясь,
Когда и слава онѣмѣетъ,
Когда и Хронъ оцѣпенѣетъ
И косу выронитъ изъ рукъ.

XV.

Кромѣ Городчанинова, живое участіе въ вечерахъ г-жи Фуксъ, какъ мы видѣли выше, принималъ еще проф. И. М. Симоновъ.

Ивану Михайловичу Симонову суждено было долгое время играть видную роль въ Казанскомъ университетѣ. По происхожденію изъ купцовъ, онъ родился въ Астрахани, въ 1795 г., учился въ мѣстной гимназіи, откуда въ 1808 г. перевелся въ Казанскую гимназію, а въ 1809 г.

перечисленъ въ студенты университета. Отличаясь очень хорошими способностями къ наукамъ, а главное, съ юныхъ лѣтъ постигнувъ величайшую науку—науку жизни, онъ уже черезъ годъ, въ 1810 г., признанъ достойнымъ быть произведеннымъ изъ студентовъ прямо въ магистры. Но утвержденъ былъ Симоновъ въ этой степени въ 1812 г. Въ 1811 г., по засвидѣтельствованію иностранца-профессора Бартельса, своего учителя, получилъ благодарность отъ министра народнаго просвѣщенія за успѣхи въ математикѣ и благодарность отъ попечителя учебнаго округа за наблюденіе кометы. Обладая очень ласковымъ по отношенію къ начальству нравомъ, Симоновъ принималъ на себя разныя услуги: напр. въ 1816 г. (какъ видно изъ архива) Симоновъ помѣстился на квартирѣ выходившаго въ отставку попечителя Салтыкова «для надзора» за оставленными его пожитками. И въ томъ же году Симоновъ получилъ званіе экстраординарнаго профессора астрономіи на мѣсто знаменитаго Литтрова. Адъюнктомъ физико-математическихъ наукъ онъ былъ еще съ 1814 г., преподавая въ этомъ званіи теоретическую, а потомъ и практическую астрономію. Въ 1819 г. онъ отправился въ качествѣ астронома въ кругосвѣтное путешествіе на шлюпѣ «Востокъ» подъ командою Ѳ. Ѳ. Беллинсгаузена. Это путешествіе сыграло громадную роль въ карьерѣ Симонова: оно ему придало непререкаемый авторитетъ у себя дома, въ Казани, тѣмъ болѣе, что, возвращаясь обратно, Симоновъ прожилъ нѣкоторое время въ Парижѣ, гдѣ въ то время было нѣсколько первоклассныхъ ученыхъ по части математики, астрономіи и естествовѣдѣнія вообще, какъ-то: Ф. Араго и Александръ Гумбольдтъ. И съ этими учеными Симоновъ сумѣлъ познакомиться довольно близко, а потомъ извлекалъ изъ такихъ знакомствъ большую для себя практическую пользу. Въ Россію Симоновъ вернулся въ 1821 г., а въ Казань въ 1822 г.

Казанскій университетъ переживалъ самую плачевную пору своего безславія и позора: въ немъ уже хозяйничалъ Магницкій. Многіе достойные профессоры были изгнаны изъ университета и замѣнены разными проходимцами; другіе притихли и преклонились. Одинъ Иванъ Михайловичъ и тутъ не пріунылъ, а наоборотъ только выигралъ—даже сталъ любимцемъ Магницкаго. Какими средствами, мы сейчасъ увидимъ. «Профессоромъ Симоновымъ», говорилъ Магницкій (см. брошюру Ѳеоктистова, стр. 102—103), «по возвращеніи изъ морского путешествія вокругъ свѣта, принесено въ даръ Казанскому кабинету естественной исторіи много рѣдкостей, и въ томъ числѣ, съ новооткрытаго острова одинъ значокъ начальника, прикрѣпленный къ его лодкѣ. Казанскій университетъ, воспользовавшись симъ случаемъ, сдѣлалъ разсужденіе, что значокъ сей, составляющій родъ знамени, который отличаетъ начальника жителей дикаго острова, вопреки всѣмъ неисто-

вымъ теоріямъ «естественнаго права» о равенствѣ и значеніи человѣка, доказалъ, что даже открытые предъ глазами нашими дикіе совсѣмъ иначе мыслятъ и присылаютъ намъ неоспоримый знакъ ихъ покорности естественному самодержавію». Но Симоновъ не ограничивался только поднесеніемъ дубинки начальника дикарей съ соотвѣтствующими комментаріями. Мы увидимъ, за что особенно цѣнилъ Симонова Магницкій (тамъ же, стр. 127): «Г. Симонову дѣлаетъ честь преимущественно то, что онъ первый изъ ученыхъ нашихъ, занимающихся астрономіей, выглянулъ на нее съ истинной точки зрѣнія и истребляетъ въ слушателяхъ своихъ пагубную мысль, которую стараются нынѣ распространять авторы, повторяющіе выраженіе «Механики небесной», что мірозданіе есть какъ бы машина, разъ навсегда созданная и заведенная. Ибо сія пагубная мечта служитъ уже основаніемъ новѣйшихъ философическихъ системъ, допускающихъ эѳирный матеріализмъ (sic) и даже пантеизмъ». Хорошъ ученый, хорошъ астрономъ, пускающій въ оборотъ не только дубину дикаго предводителя, но и свою научную совѣсть, астрономъ, истребляющій «небесную механику»! За то Магницкій уже въ 1822 г. представилъ Симонова въ ординарные профессоры. Симоновъ же не унимался въ своемъ служебномъ рвеніи, но шелъ далѣе. Въ 1823 г. его вмѣстѣ съ профессоромъ Купферомъ отправили за границу для покупки инструментовъ (физическихъ и астрономическихъ). Симоновъ побывалъ въ Берлинѣ, Дрезденѣ, Вѣнѣ, Мюнхенѣ, Неаполѣ. По возвращеніи Симоновъ представилъ въ министерство свои «замѣчанія по ученой и нравственной части въ Кёнигсбергѣ», гдѣ высказываетъ такія pia desideria: «Юношество брошено на произволъ счастья, и молодой человѣкъ ничего не можетъ ожидать со стороны нравственнаго образованія, будучи безъ всякаго надзора и руководимый однѣми страстями; новѣйшая нѣмецкая философія довершаетъ его погибель! Оттого-то изъ множества учащихся въ университетахъ Германіи столь мало выходитъ истинно ученыхъ людей (NB. вродѣ самого Симонова). Къ счастью, правительство, приставивъ къ Берлинскому университету уполномоченнаго чиновника, которому поручена особенно полицейская и нравственная (!) часть, приняло уже мѣры къ разсѣянію тайныхъ обществъ и къ истребленію безпорядковъ; но корень зла еще не уничтоженъ: въ университетахъ по-прежнему продолжаютъ преподавать философію и естественное право» (Архивъ министерства народнаго просвѣщенія, картонъ 467, № 36885, журналъ ученаго комитета за 1823 г., листы 213—216—у Сухомлинова, Изслѣдованія и статьи, т. I, стр. 188 и 508, прим. 232). Симоновъ, радуясь появленію полицейскихъ въ университетѣ и поборая философію, зналъ, на какой струнѣ играть: «отчетъ этотъ былъ выслушанъ и одобренъ ученымъ

комитетомъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ». Въ то же время Симоновъ поддерживалъ сношенія съ заграничными учеными, не знавшими, что̀ онъ за птица. Въ 1825 г. по его предложенію избраны въ почетные члены Казанскаго университета многія иностранныя знаменитости, какъ, напр., А. Гумбольдтъ и Араго. И ему за границей оказывали такія же любезности: въ 1824 г. его избрали въ члены Парижскаго географическаго общества, въ члены-корреспонденты Римской академіи наукъ. Александръ Гумбольдтъ, въ бытность свою въ Казани [1]) въ 1826 г., встрѣтился съ нимъ, какъ старый знакомый. Въ 1829 г. И. М. избираютъ въ члены-корреспонденты Петербургской академіи наукъ. Между тѣмъ служебная карьера его все развивалась. Въ 1830 г. Иванъ Михайловичъ уже директоръ Педагогическаго института при университетѣ и инспекторъ студентовъ. Кромѣ того, онъ былъ три раза деканомъ, а съ 1846 г. исправлялъ уже обязанности ректора, въ каковой должности и померъ 10-го января 1855 года въ возрастѣ 60 лѣтъ, изъ коихъ на службѣ провелъ 42 года. Похороны его описаны въ «Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» за 1855 г., № 3. Некрологъ, написанный И. Б—нымъ, помѣщенъ въ «Москвитянинѣ» за 1855 г., № 2, январь, стр. 163—172.

Недобросовѣстный, какъ ученый, истреблявшій «небесную механику», Симоновъ былъ никуда не годенъ, какъ преподаватель, хотя и занималъ каѳедру болѣе 40 лѣтъ. Вотъ что сообщаетъ о немъ его ученикъ, самъ впослѣдствіи профессоръ того же университета, Э. П. Янишевскій («Изъ воспоминаній стараго казанскаго студента», Казань, 1893, стр. 26—29). Упоминая, что И. М. былъ весьма любезнымъ въ обществѣ человѣкомъ и охотно разсказывалъ анекдоты все о томъ же своемъ пресловутомъ путешествіи съ Беллинсгаузеномъ, г. Янишевскій добавляетъ, что и со студентами Симоновъ былъ очень обходителенъ, какъ ректоръ и какъ профессоръ, а на экзаменахъ даже слабъ, иногда вовсе не слушалъ, что̀ студентъ отвѣчаетъ; но, если окончательный выводъ изъ вычисленія былъ написанъ вѣрно, то студентъ всегда получалъ хорошую отмѣтку. Иные студенты этимъ пользовались, выучивали твердо конечный результатъ какого-нибудь сложнаго вычисленія, а затѣмъ на экзаменѣ, если и напутаетъ что-нибудь въ самомъ выводѣ, то можно быстро его стереть съ доски и написать требуемую формулу. У самого Симонова на лекціяхъ астрономіи при сложномъ выводѣ какой-нибудь формулы иногда случалось, что формула

25199

[1]) Объ этомъ пребываніи А. Гумбольдта въ Казани см. нашу статью въ I томѣ сборника «Поволжье», 1903.

не выходила должнымъ образомъ вслѣдствіе ошибки счета или описки. Симоновъ, видя это, обращался къ слушателямъ съ какимъ-нибудь разъясненіемъ, а самъ потихоньку стиралъ то, что мѣшало выводу—лишнюю степень, знакъ и проч., думая, что слушатели не замѣтятъ его уловку.

Но, если Симоновъ былъ нерадивый, неряшливый преподаватель своего предмета, очевидно, никогда не дававшій себѣ труда добросовѣстно готовиться къ чтенію, а на лекціяхъ прибѣгавшій къ подлогамъ, то, быть можетъ, онъ готовилъ практиковъ, астрономовъ-геодезистовъ. И этого, оказывается, ничуть не бывало. Симоновъ, свидѣтельствуетъ ученикъ, г. Янишевскій, приносилъ въ аудиторію какой-нибудь изъ измѣрительныхъ геодезическихъ инструментовъ, ставилъ его по срединѣ, аудиторіи и весьма подробно описывалъ его устройство и обращеніе съ нимъ, при чемъ, однако же, намъ не позволялъ даже и притрогиваться къ инструменту, вслѣдствіе чего мы и вышли изъ университета, не умѣя обращаться даже съ самымъ простымъ угломѣрнымъ инструментомъ, не говоря уже объ инструментахъ собственно астрономическихъ. Симоновъ только на четвертомъ курсѣ, читая практическую астрономію, всего одинъ разъ повелъ насъ въ башню обсерваторіи, гдѣ позволилъ посмотрѣть разные инструменты, но при этомъ зорко слѣдилъ, чтобы мы какъ-нибудь не дотронулись до котораго-нибудь изъ нихъ.

Спрашивается, для кого же и для чего читалъ Симоновъ свою «практическую» астрономію?

Когда по иниціативѣ Гумбольдта въ сороковыхъ годахъ и при Казанскомъ университетѣ была устроена магнитная станція, то Симоновъ привлекъ студентовъ къ наблюденіямъ надъ колебаніемъ магнитныхъ стрѣлокъ. Устройства инструментовъ, равно какъ и цѣли наблюденій, студентамъ не объяснили. Нѣкоторые студенты относились къ этимъ наблюденіямъ крайне небрежно: иногда ночью проспитъ студентъ въ дежурной комнатѣ при павильонѣ часы наблюденія, да потомъ и запишетъ на обумъ. Конечно, эти отмѣтки не имѣли никакой научной цѣнности, и наблюденія эти, якобы «руководимыя» Симоновымъ, пришлось потомъ прекратить. Но результаты подобныхъ наблюденій Симоновъ считалъ возможнымъ печатать!

И такой человѣкъ, очевидно, для студентовъ совершенно безполезный, просуществовалъ въ университетѣ четыре десятка лѣтъ, даже стоялъ во главѣ его, выслужилъ всякія отличія и создалъ себѣ ученую репутацію среди коллегъ и знакомыхъ изъ общества, которыхъ онъ морочилъ своими старыми анекдотами и розсказнями...

XVI.

Совсѣмъ другое, чѣмъ Симоновъ, впечатлѣніе производитъ адъюнктъ университета и редакторъ «Заволжскаго Муравья», Михаилъ Сампсоновичъ Рыбушкинъ. Сынъ чиновника, онъ родился въ Симбирскѣ въ 1792 г., учился въ Казанской гимназіи, потомъ тамъ же въ университетѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1812 г. со степенью кандидата, и въ томъ же году былъ назначенъ при Казанской гимназіи учителемъ славяно-россійскаго класса. Затѣмъ Рыбушкинъ проходилъ разныя должности: въ 1814 г. былъ комнатнымъ надзирателемъ и корректоромъ университетской типографіи (1814—1816), въ 1815 году учителемъ исторіи и географіи, съ 1820 г., наконецъ, старшимъ учителемъ историческихъ наукъ. Въ качествѣ преподавателя исторіи Рыбушкинъ былъ весьма любимъ учениками за очень откровенное, смѣлое изложеніе и освѣщеніе фактовъ прошлаго. Михаилъ Сампсоновичъ не удовлетворялся ролью гимназическаго преподавателя и порывался перейти въ университетъ. Составивъ славянскую грамматику, онъ на основаніи ея въ 1821 году просился въ адъюнктъ-профессоры, но безуспѣшно. Въ 1823 году онъ былъ исполняющимъ должность директора гимназіи и тогда же добился своего: былъ опредѣленъ въ адъюнкты россійской словесности. Въ 1826—1828 гг. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ состоялъ исполняющимъ должность директора училищъ Казанской губерніи. Популярный среди учениковъ гимназіи, какъ учитель исторіи, М. С. на каѳедрѣ славянской грамматики сталъ безцвѣтнымъ адъюнктомъ, что впрочемъ объясняется отчасти и тогдашнимъ состояніемъ его предмета. Кромѣ того, его ученой карьерѣ мѣшало то обстоятельство, что его постоянно отвлекали отъ своего дѣла: то поручали ему корректуру университетскихъ изданій, то посылали закупать бумагу для университетской типографіи, то ставили его на приведеніе въ порядокъ университетскаго архива.

М. С. Рыбушкинъ былъ человѣкъ симпатичный и очень популярный въ городѣ Казани. Извѣстность его особенно возрасла послѣ очень смѣлаго по тогдашнимъ обстоятельствамъ его поступка: влюбившись въ Феклушу, извѣстную актрису городского театра (который тогда содержалъ казанскій помѣщикъ Сергѣй Петровичъ Есиповъ, работая крѣпостною своею труппою), М. С. выкралъ свою возлюбленную и женился на ней.

Въ 1823 г. М. С. былъ приглашенъ къ участію въ редактированіи оффиціальнаго журнала «Казанскій Вѣстникъ», выходившаго при университетѣ. Въ 1832—1834 г. онъ съ своимъ коллегою (адъюнктомъ по каѳедрѣ латинскаго языка) Полиновскимъ издавалъ «Заволжскаго Муравья». Въ 1834 г. онъ издалъ свой главный трудъ, результатъ боль-

шой и долголѣтней работы: «Краткую исторію города Казани». Книга была раскуплена на расхватъ.

Въ 1835 г. Рыбушкинъ былъ уволенъ изъ университета съ назначеніемъ въ директоры училищъ Астраханской губерніи. И здѣсь М. С. не оставилъ своихъ ученыхъ занятій, плодомъ которыхъ въ 1841 г. явились «Записки объ Астрахани». Въ 1843 г. Рыбушкина перемѣстили на такую же должность въ Пензу, гдѣ онъ прослужилъ до 1845 г., когда онъ вышелъ въ отставку послѣ большихъ непріятностей и полнаго упадка силъ. Онъ умеръ 57 лѣтъ отъ роду, 20-го марта 1849 г. въ Казани, отъ горячки, въ совершенной бѣдности. Его «Исторія Казани» была по его смерти переиздана въ 1850 г. на счетъ городского головы Анисима Кирилловича Месетникова, но съ корректурными неисправностями. Некрологъ М. С. Рыбушкина былъ помѣщенъ въ «Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» за 1849 г., № 15—16.

XVII.

Изъ числа мѣстныхъ участниковъ литературнаго кружка г-жи Фуксъ, не принадлежавшихъ къ университету, надобно отмѣтить Ѳ. М. Рындовскаго.

Ѳедоръ Михайловичъ Рындовскій по роду своихъ занятій былъ медикъ (штабъ-лѣкарь). Родился онъ въ Черниговской губерніи 7-го февраля 1783 г., но въ 1811 г. переселился въ поволжскій край — въ Казанскую губернію, и жилъ сначала въ г. Тетюшахъ, потомъ въ самой Казани. Здѣсь онъ женился на дочери тетюшскаго же помѣщика Панаева, Поликсенѣ Ивановнѣ, сестрѣ знаменитаго въ свое время поэта-идиллика, Владиміра Ивановича, учившагося въ Казанскомъ университетѣ вмѣстѣ съ С. Т. Аксаковымъ,—и теткѣ издателя «Современника», Ивана Ивановича Панаева. Ѳ. М. Рындовскій, несомнѣнно, обладалъ поэтическимъ талантомъ и любилъ литературу. Онъ былъ постояннымъ участникомъ литературныхъ вечеровъ г-жи Фуксъ и ревностнымъ сотрудникомъ протежируемаго ею журнала «Заволжскій Муравей», гдѣ помѣщено много сочиненій Рындовскаго. Отдѣльными изданіями вышли его сочиненія: «Печальные, веселые и унылые тоны моего сердца», СПБ., 1809, «Сотвореніе міра», поэма, СПБ. 1832 и «Путешествіе и отдыхъ», стихотворный разсказъ, Казань, 1833. Ѳ. М. Рындовскій остальную часть жизни провелъ въ Казани, гдѣ и скончался 27-го сентября 1839 г. О его столкновеніи съ вице-губернаторомъ Филипповымъ было разсказано выше.

Мы не будемъ останавливаться на двухъ Второвыхъ, отцѣ, Иванѣ Алексѣевичѣ, и сынѣ его, Николаѣ Ивановичѣ, потому что біографія ихъ подробно описана у Де-Пуле въ вышеуказанныхъ его произведеніяхъ. И. А. Второвъ былъ небогатый чиновникъ, занимавшій разныя должности въ поволжскихъ городахъ и склонный къ литературѣ, но не получившій образованія. Познакомившись съ г-ею Фуксъ, И. А. Второвъ сталъ часто бывать въ ея домѣ и посѣщалъ ея бесѣды. Де-Пуле (стр. 621) предполагаетъ, что Второвъ-отецъ не особенно симпатизировалъ «казанской стихотворкѣ» (какъ онъ ее называлъ): по крайней мѣрѣ, онъ не расхваливаетъ ее въ своихъ запискахъ, какъ всѣхъ прочихъ своихъ знакомыхъ. И. А. Второвъ принималъ участіе въ журналахъ конца XVIII и начала XIX вѣковъ. Мы позволимъ себѣ только привести здѣсь полную библіографію его сочиненій.

Въ журналѣ «Пріятное и полезное препровожденіе времени» въ I части: Къ сердцу (стр. 3), Иванъ Варѳоломеевичъ (11), Игра остроумія (17), Пословицы (33), Отрывки (48, 49, 95), Письмо дѣвицѣ Ф. о русскомъ стопосложеніи (97), О наружности стиховъ россійскихъ (113), Легкое средство къ благотворенію (201), Нѣчто о визитахъ (423).

Во II части: Къ жизни (3); ч. III, Къ уму (3); ч. IV, Къ смерти (3), ч. V, Нѣчто о надписяхъ (изъ Ленгетовыхъ лѣтописей, 141), Элегія на смерть одного араба, посвящавшаго жизнь и имущество благотворенію (224), Кораблекрушеніе (306), Три анекдота о Ж. Ж. Руссо (388); ч. VI, Суеты (стр. 3), Краткая исторія греческой поэзіи (149, 392); ч. VII, Покой (3), Эдвинъ и Малли (23), ч. VIII, Предпріимчивость (3), Пиндаръ (149), Краткая исторія римской поэзіи (336); ч. X, Кладбище (11); ч. XIX, Прости, май (123).

Въ журналѣ «Иппокрена»: ч. III, Царевъ курганъ Самарской губерніи (93), Перемѣна участи (105), Время (120), ч. VI, Моя прогулка (545), Здравствуй, май! (550).

По смерти его, сынъ, бывшій въ то время редакторомъ «Каз. Губ. Вѣд.», помѣстилъ въ нихъ некрологъ отца (№ 9, отъ 28-го февраля 1844 г., стр. 129—135). Некрологъ составленъ другомъ его К. О. Александровымъ. Еще въ № 7, отъ 14-го февраля, въ «частныхъ прибавленіяхъ» И. А. Второвъ свидѣтельствовалъ свою признательность проф. Александру Китеру за пособіе въ болѣзни и попеченіе о его лѣченіи. Второвъ-сынъ послѣ Казани служилъ еще въ Воронежѣ, гдѣ много работалъ по статистикѣ и этнографіи, а потомъ въ Петербургѣ, гдѣ дослужился до мѣста вице-директора въ одномъ изъ департаментовъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Второвъ-отецъ оставилъ по себѣ многолѣтній и подробный дневникъ, на основаніи котораго Де-Пуле и составилъ свою монографію.

Отрывокъ изъ записокъ помѣщенъ въ «Русской Старинѣ» за 1891 г., т. 70 (сообщенъ Яхонтовымъ).

XVIII.

Галлерею литературныхъ соратниковъ Александры Андреевны мы закончимъ на очень любопытной личности Л. Н. Ибрагимова.

Левъ Николаевичъ Ибрагимовъ унаслѣдовалъ любовь къ литературѣ и стихотворству отъ своего отца, Николая Мисаиловича Ибрагимова. Ибрагимовъ-отецъ тоже былъ личность замѣчательная, а потому скажемъ нѣсколько словъ и о немъ. По происхожденію изъ татаръ, Н. М. родился въ 1778 г., воспитывался въ Москвѣ въ университетской гимназіи и тамъ же въ университетѣ, а по окончаніи курса въ 1798 г. назначенъ въ Казанскую гимназію учителемъ славяно-россійскаго и ариѳметическаго классовъ. Потомъ ему былъ порученъ въ 1804 г. высшій россійскій классъ, и въ послѣдствіи времени онъ дослужился при гимназіи до инспектора. Ибрагимовъ-отецъ былъ отличный преподаватель, страстно любившій свой предметъ и увлекавшій учениковъ, которые очень любили его, какъ это засвидѣтельствовалъ въ своихъ воспоминаніяхъ С. Т. Аксаковъ. Ибрагимовъ стремился попасть въ университетъ, хотя бы со званіемъ адъюнкта. Но это долго не удавалось ему. Виною тому были, кажется, разгульная жизнь и непомѣрно острый языкъ, не щадившій никого, даже всемогущаго въ то время директора гимназіи и университета, И. Ѳ. Яковкина; однажды по случаю полученія послѣднимъ какого-то ордена Ибрагимовъ навеселѣ подошелъ къ начальнику, дававшему угощеніе, и публично продекламировалъ ему такой экспромптъ собственнаго сочиненія:

Господи, Іисусе Христе!
Спасъ ты вора на крестѣ;
Теперь тебѣ другое горе:
Спаси крестъ на в о р ѣ.

Дорогу Ибрагимову въ университетѣ перебилъ Г. Н. Городчаниновъ. Подъ конецъ дней, а именно въ 1817 г. Ибрагимовъ дожилъ до исполненія своей мечты, бывъ избранъ въ адъюнкты. Но недолго довелось ему прослужить въ новомъ званіи. Страдая чахоткою, онъ чрезъ 10 мѣсяцевъ послѣ новаго назначенія скончался 17-го апрѣля 1818 г. 40 лѣтъ отъ роду.

Н. М. Ибрагимовъ былъ учредителемъ и однимъ изъ ревностнѣйшихъ членовъ казанскаго общества любителей отечественной сло-

вѣсности. Въ «Трудахъ» общества (вышла всего I ч. въ 1815 г.) онъ помѣстилъ нѣсколько стихотвореній. Одна изъ его «Пѣсенъ» (№ 3, стр. 289—290, статья XX) обошла положительно всю Россію: цѣлыя поколѣнія различныхъ классовъ общества распѣвали ее, и не подозрѣвая имени автора. Пѣсня обозначена въ подлинникѣ, какъ «подражаніе польской»:

Вечеркомъ красна дѣвица
На прудокъ за стадомъ шла;
Черноброва, бѣлолица
Такъ гуськовъ домой гнала:

Тига, тига, тига,
Вы, гуськи мои, домой!

Не ищи меня, богатый:
Ты не милъ моей душѣ.
Что мнѣ, что твои палаты?
Съ милымъ рай и въ шалашѣ!

Тига, и т. д.

Насъ однихъ для насъ довольно:
Все любовь намъ замѣнитъ.
А сердечны слезы больно
Черезъ золото ронить.

Тига, и т. д.

Этого развеселаго поэта и любителя чарочки Яковкинъ вздумалъ женить и заставить его остепениться (Буличъ, стр. 130—131). И вотъ онъ «воспріялъ по милости Господней благонамѣреніе сочетаться бракомъ съ Ѳедорою», какъ докладывалъ по начальству Яковкинъ. Эта Ѳедора была дочь покойнаго уже въ то время, перваго профессора богословія при Казанскомъ университетѣ, бывшаго учителемъ нѣмецкаго языка въ гимназіи, протоіерея Гавріила Данкова. Онъ былъ за границей сначала посольскимъ священникомъ въ Берлинѣ, потомъ духовникомъ при великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Переѣхавъ въ Казань, онъ померъ. Яковкинъ пристроилъ его дочь за Ибрагимова. Семья Данкова совершенно онѣмечилась и не говорила по-русски. Отъ брака Николая Ибрагимова съ Ѳедорою Гавріиловною и произошелъ Левъ Николаевичъ Ибрагимовъ, такъ же поэтъ не безъ дарованія. Онъ пошелъ по стопамъ отца. Съ одной стороны онъ также увлекался спиртными напитками и картами, съ другой писалъ эпиграммы на представителей казанскаго бомонда, особенно дамъ, не щадя никого. За стихи ему сильно попадало отъ попечителя округа, Михаила Николаевича Мусина-Пушкина. Учился Л. Н. Ибрагимовъ въ Казанскомъ университетѣ съ 1833—1837 г., окончилъ курсъ дѣйствительнымъ студентомъ и поступилъ учителемъ въ I-ю Казанскую гимназію. Прослуживъ нѣсколько лѣтъ здѣсь, онъ перевелся учителемъ въ Тагилъ и оттуда уже

не возвращался. Два его внука въ восьмидесятыхъ годахъ учились въ Екатеринбургской гимназіи.

Въ 1841 г. онъ издалъ книжку въ Казани: «Стихотворенія Льва Ибрагимова» (58 стр.). Будучи учителемъ, онъ посвятилъ книжку своему начальнику, попечителю Мусину-Пушкину, «какъ покровителю съ самыхъ дней младенчества». На первомъ листѣ (стр. 1-я) помѣщено стихотвореніе «Ожиданіе Царя. Вечеръ въ Казани 1834 г. августа 30-го», въ народномъ стилѣ, начинающееся такъ:

Солнце, въ дальнихъ горахъ
Умирая, въ лучахъ
Закатается (sic).
И вечерній туманъ
Надъ Казанью, какъ ткань,
Разстилается
и т. д.

Эти стихи чрезвычайно понравились В. А. Жуковскому, и за нихъ Левъ Ибрагимовъ былъ награжденъ отъ Высочайшаго имени золотыми часами. Далѣе (стр. 4—6) слѣдуютъ стихи «На всерадостный день прибытія въ Казань Наслѣдника-цесаревича 1837 г. 21-го іюня».

Было время, было времячко
Для Казани, града славнаго,
И счастливое, и пріятное...
и т. д.

Левъ Ибрагимовъ принадлежалъ къ почитателямъ А. А. Фуксъ и былъ постояннымъ посѣтителемъ ея вечеровъ.

Хозяйку этихъ литературныхъ бесѣдъ онъ воспѣлъ такимъ стихотвореніемъ (№ XIII, стр. 27):

Къ портрету
Ея превосходительства
А. А. Ф.

Вотъ образъ женщины прекрасной:
Всѣ совершенства красоты;
Въ очахъ сіяетъ геній ясный,
И вдохновенныя мечты.

Остановимся нѣсколько на упомянутомъ выше стихотвореніи его, прочитанномъ на бесѣдѣ: «Память великому Державину» (№ III, стр. 7—9):

Какъ часто я на Волжскихъ берегахъ
Брожу задумчивый вечернею порою,
Когда луна на дремлющихъ водахъ
Въ лучахъ разстелется сребристою струею...

Тогда въ мечтѣ нашъ поэтъ видитъ небесныя селенья:

Тамъ, видѣлъ я, въ вѣнцѣ златомъ сидитъ
Старикъ, склонивъ на длань главу свою сѣдую,
И съ неба свѣтлаго привѣтливо глядитъ
На русскую страну, на родину святую.
Державинъ! это ты, пѣвецъ Екатерины,
Который путь ея цвѣтами устилалъ.

Слѣдуетъ характеристика Державина. Потомъ Ибрагимовъ обращается къ нему:

Зачѣмъ же пѣть тебѣ, божественный, теперь,
Когда предъ русскими отперта славы дверь?
И кто же, кто теперь гремящіе перуны
И славу мудраго и русскую страну
Такъ славно воспоетъ, какъ пѣлъ ты встарину?
Ты—въ лонѣ вѣчности, божественный поэтъ.
Уже и Пушкина на свѣтѣ больше нѣтъ...
Въ твои объятія душа его слетѣла,
И лира русская опять осиротѣла.

Поэтъ хотѣлъ было подражать обоимъ пѣвцамъ,

. . . . . но юноша не смѣетъ
На родинѣ Державина запѣть.

Онъ проситъ Державина склонить съ улыбкой взоръ и на юнаго пѣвца:

Тогда на лирѣ вдохновенной,
Восторгомъ сладостнымъ горя,
Я буду пѣть нашъ край благословенный
И славу Русскаго Царя.

Подобно своему отцу, Николаю Мисаиловичу съ его «раемъ въ шалашѣ», и Льву Николаевичу удалось написать пѣсню (№ XXV, 2, стр. 54—55), которая тоже обошла всю Россію и дожила въ провинціи до нашихъ дней, хотя имя ея автора почти никому неизвѣстно. Это—знаменитый романсъ, распѣваемый подъ аккомпаниментъ гитары:

Ты, душа ль моя, красна дѣвица,
Ты, звѣзда моя ненаглядная:
Ты услышь меня, полюби меня,
Полюби меня, радость дней моихъ!
Ахъ! какъ взглянешь ты, раскрасавица,
Мнѣ тогда твои очи ясныя
Ярче солнышка въ небѣ кажутся,
Чернѣй сумрака въ ночь осеннюю.
И огнемъ горитъ, и ключемъ кипитъ
Кровь горячая, молодецкая,
Все къ тебѣ манитъ, все къ тебѣ зоветъ
Сердце пылкое, одинокое...

(повтореніе рефрена).
И склоню къ тебѣ я головушку
Свою буйную, разудалую;
Я отдамъ тебѣ свою волюшку,
Во чужихъ рукахъ не бывалую;
Я скажу тогда: ты прости на вѣкъ,
Жизнь разгульная, молодецкая!
Мнѣ милѣй тебя моя милая,
Душа-дѣвица, раскрасавица.

XIX.

Перейдемъ къ обзору литературной дѣятельности самой Александры Андреевны Фуксъ.

За время существованія журнала «Заволжскій Муравей» оба супруги Фуксы принимали въ немъ горячее участіе. А. А. помѣщала въ журналѣ и стихотворенія, и прозаическія статьи. Изъ числа послѣднихъ отмѣтимъ весьма любопытныя «Письма изъ Москвы въ Казань» (въ «Муравьѣ» за 1833 г. августъ, № 15, стр. 813—832; всего помѣщено 8 писемъ къ мужу, начиная съ 20-го января 1833 г.) и вышедшую отдѣльными оттисками «Поѣздку изъ Казани въ Чебоксары» [1]), (всего 130 стр. Каз. 1834 г.). На эту книгу была рецензія кн. П. И. Шаликова въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» за 1834 г., стр. 3421. «Поѣздка» замѣчательна, какъ первый опытъ г-жи Фуксъ на томъ поприщѣ, на которое она вступила по совѣту мужа, найдя наконецъ общую съ нимъ научно-литературную почву,—на поприщѣ фольклора и этнографіи поволжскихъ инородцевъ. Труды А. А. Фуксъ по этнографіи заслужили ей почетную извѣстность и не утратили своей цѣны и до сихъ поръ, почему и заходила уже рѣчь о ихъ перепечаткѣ, ибо всѣ сочиненія г-жи Фуксъ давно сдѣлались большою библіографическою рѣдкостью. Этнографическія студіи знаменовали собою переломъ въ литературной ея дѣятельности. Въ «Поѣздкѣ», посвященной изученію чувашъ, мы находимъ на первой же страницѣ любопытныя слова: «Я воображаю, что мое описаніе чувашъ будетъ очень жалкое, но я рѣшилась, дала себѣ обѣщаніе и исполню его съ удовольствіемъ. Правду

---

[1]) Какой-то «Чувашскій житель Цивильскаго уѣзда» помѣстилъ свои поправки къ статьѣ А. А. Фуксъ („Зав. Муравей“, 1834 г., ч. III, № 23, декабрь, стр. 507—516). Онъ замѣтилъ въ ней невѣрности, которыя онъ объясняетъ тѣмъ, что А. А. не знала сама языка и обыкновеній чувашскихъ и полагалась на посторонникъ лицъ (стр. 516, прим.).

сказать, пора уже перестать забавлять многихъ своими стихами и водевилями; надобно что-нибудь написать и для людей серьезныхъ».

Въ томъ же 1834 г. А. А. издала собраніе своихъ поэтическихъ трудовъ: «Стихотворенія Александры Фуксъ», Казань [1]); всего вошло сюда 23 пьесы на 192 стр. Сказка «Женихъ», которую она декламировала Пушкину, помѣщена на стр. 1—28. Содержаніе ея таково: Милонъ, женихъ Прелесты, уѣхалъ на войну и былъ изуродованъ. Измѣнившаяся наружность заставила невѣсту разлюбить жениха. Отецъ спѣшитъ разорвать обѣщаніе, Милонъ же, безъ приключеній и безъ романическихъ притворныхъ огорченій, сноситъ отказъ невѣсты. Авторъ совѣтуетъ:

Не правда-ли, такой конецъ?
Всѣмъ должно взять за образецъ?

Кромѣ «Жениха», здѣсь же помѣщены «Марія», «Павелъ и Виргинія» и другія болѣе или менѣе краткія эпическія и лирическія произведенія.

Въ 1836 г. въ Казани А. А. выпустила книгу «Основаніе города Казани. Повѣсть въ стихахъ, взятая изъ татарскихъ преданій». Книжка снабжена обширнымъ предисловіемъ мужа, Карла Ѳедоровича, о болгарахъ и основаніи Казани (стр. I—XXXIII). Далѣе слѣдуетъ преданіе, имъ же изложенное (стр. XXXIV—XXXIX); ученый авторъ сообщаетъ (стр. XXXII): «Предлагаю татарскую легенду о построеніи города Казани; отсюда и еще изъ нѣкоторыхъ изустныхъ преданій казанскихъ татаръ жена моя взяла матеріалъ для своего стихотворенія». Самая повѣсть занимаетъ стр. 1—127. Въ концѣ книги опять объяснительныя примѣчанія К. Ѳ. Фукса (стр. 129—136). Въ повѣсти 6 главъ. Начинается она такъ:

Издревле нѣсколько вѣковъ
Болгарско царство процвѣтало;
Неволи бѣдственныхъ оковъ
Оно ни разъ не испытало.

---

[1]) На «Стихотворенія» была помѣщена глумливая и не совсѣмъ приличная рецензія въ № 194 «Сѣверной пчелы», будто бы присланная изъ Казани, но принадлежавшая, повидимому, перу самого Ѳаддея Булгарина. «Заволжскій Муравей» (1834 г., ч. III, № 21, ноябрь, стр. 408—413) отвѣтилъ очень колкою антикритикою. «Цѣлью изданія со стороны г-жи Фуксъ не было ни авторское самолюбіе, ни желаніе получить отъ того себѣ выгоду, что несовмѣстно ни съ лѣтами ея, ни съ званіемъ, но истинное расположеніе въ кругу семейной жизни заниматься литературою и убѣжденіе многихъ особъ, къ ней расположенныхъ и ее уважающихъ (чего она весьма достойна), читать въ печати ея стихотворенія и имѣть ихъ у себя въ память родства и пріязни. При томъ вырученныя отъ продажи стихотвореній деньги были обращены въ пользу бѣдныхъ.

Конецъ повѣсти въ строго патріотическомъ духѣ:

. . . . . Мы торжествуемъ,
Всевышняго благодаря:
Живемъ въ Казани и ликуемъ
Подъ скиптромъ русскаго Царя.

«Основаніе Казани» и «Поѣздка въ Чебоксары» доставили автору высочайшую награду. Въ бумагахъ Александры Андреевны сохранилось слѣдующее письмо («Сборникъ», стр. 521):

«Милостивая государыня, Александра Андреевна!

Государь наслѣдникъ цесаревичъ, получивъ, при письмѣ вашемъ отъ 19-го сего іюня, два сочиненія вашихъ «Описаніе Казани» и «Описаніе дикаго народа чувашскаго» (т. е. «Поѣздка въ Чебоксары»), которыя соизволилъ принять съ благосклонностью,—поручилъ мнѣ въ знакъ признательности за сіе приношеніе препроводить къ вамъ, милостивая государыня, брилліантовыя серьги, при семъ прилагаемыя, о полученіи коихъ прошу васъ не оставить меня увѣдомленіемъ». Бумага датирована 23-го іюня 1837 г. за № 160 и подписана Александромъ Кавелинымъ.

Печатная рецензія на «Основаніе Казани» была помѣщена въ «Сѣверной Пчелѣ» за 1837 г., № 156 и въ «Библіотекѣ для Чтенія», т. 22 [1]).

Къ 1837 г. относится комедія-водевиль въ 3 дѣйствіяхъ «Она похудѣла», посвященная «съ усердіемъ» Эрасту Петровичу Перцову (стр. 90), изъ жизни губернскаго бомонда (съ куплетами) [2]). Н. П. Загоскинъ сообщаетъ, будто бы А. А. Фуксъ написала еще трагедію «Сумбека» и другой водевиль «Безземельное имѣніе», и что водевили ея ставились на мѣстной сценѣ (стр. 590). Насколько это вѣрно, мы не знаемъ.

Въ «Библіотекѣ для чтенія» за 1838 г., самомъ модномъ журналѣ того времени, была помѣщена повѣсть А. А. Фуксъ «Черная коса» (т. 28, стр. 209—257) изъ великосвѣтской жизни. Въ томъ же году г-жа Фуксъ издала въ Казани книжку «Царевна-Несмѣяна, народная русская сказка, переложенная въ стихи для десятилѣтняго читателя П. А. Жмакина Александрою Фуксъ». Рецензіи на сказку были въ «Библіотекѣ для Чтенія», за 1839 г. т. 33 и въ «Сынѣ Отечества» за 1838 г. т. 7.

Главное сочиненіе ея по этнографіи появилось въ 1840 г.: «Записки Александры Фуксъ о чувашахъ и черемисахъ Казанской губерніи», Казань. Заглавіе не совсѣмъ точно; собственно говоря, трудъ этотъ наполовину принадлежитъ ея мужу, Карлу Ѳедоровичу, потому что къ письмамъ путешествовавшей Александры Андреевны, писавшей

[1]) Рукопись-автографъ повѣсти казанскій книгопродавецъ Мясниковъ привезъ въ 1860 г. въ даръ Императорской публичной библіотекѣ («Отчетъ» за 1860 г., стр. 60—61.

[2]) Рецензія на этотъ водевиль въ «Библіотекѣ для Чтенія», т. 26 за 1838 г.

своему мужу, приложены и отвѣты послѣдняго. Письма жены о чувашахъ занимаютъ стр. 1—113, а отвѣты мужа, заключающіе многія научныя дополненія и разъясненія, находятся на стр. 115—166. А къ черемисамъ относятся письма г-жи Фуксъ на стр. 167—264 и отвѣты ея мужа—стр. 265—329. Жена очень точно описываетъ обычаи и образъ жизни инородцевъ и приводитъ ихъ пѣсни въ своей транскрипціи и въ собственномъ стихотворномъ переводѣ. Мужъ даетъ лингвистическіе и грамматическіе экскурсы, сообщаетъ историческіе факты, приводитъ статистическія таблицы. У Н. П. Загоскина подрядъ цитируются (стр. 590) оба труда: «Записки о чувашахъ и черемисахъ», «Поѣздка въ Чебоксары» и нѣкот. др., какъ будто это разные труды. На самомъ же дѣлѣ «Поѣздка въ Чебоксары» дословно перепечатана въ «Запискахъ», начиная съ 33 страницы послѣднихъ. Книга была въ свое время встрѣчена сочувственными отзывами Сенковскаго и Сбоева [1]).

Сюжетомъ для книги «Княжна Хабиба. Повѣсть въ стихахъ, взятая изъ татарскихъ преданій», Каз. 1841 (стр. 64) послужило истинное, какъ говорятъ, происшествіе въ домѣ Тевкелевыхъ [2]). У Фуксъ дѣло разсказано такъ. Хабиба, красавица—дочь богатаго и знатнаго мусульманина, влюбилась въ русскаго, молодого казацкаго офицера, получившаго воспитаніе въ Петербургѣ. Молодой человѣкъ раздѣлялъ ея чувства. Но въ Хабибу влюбился мусульманинъ же, предводитель племени, находившагося во враждѣ съ русскими. Онъ засылаетъ свою сестру свахою къ родителямъ Хабибы, и тѣ даютъ слово. Офицеръ уѣхалъ въ дѣйствующій отрядъ, но поручилъ своему старому слугѣ являться на мѣсто свиданія—на случай, если его услуги понадобятся Хабибѣ. Красавица рѣшается бѣжать изъ родительскаго дома съ помощью офицерскаго слуги, переодѣвшись въ русское мужское платье. Она благополучно достигаетъ лагеря, гдѣ ея возлюбленный скрываетъ ее отъ своего отца, командующаго отрядомъ. Но отвергнутый женихъ не дремалъ—и, подстерегши однажды свиданіе возлюбленныхъ, убиваетъ своего соперника на глазахъ Хабибы, которая лишается чувствъ. Считая и ее мертвою, убійца бѣжитъ въ ужасѣ; Хабиба, очнувшись, утопилась въ рѣкѣ [3]).

Въ «Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» за 1844 годъ, № 2 А. А. Фуксъ помѣстила свои воспоминанія о Пушкинѣ и его письма къ ней, которыхъ мы касались выше.

---

[1]) Рецензіи въ журналахъ за 1840-й годъ: «Отечественныя Записки», № 10, «Литературная Газета», № 93; «Журналъ министерства народнаго просвѣщенія», за 1841 г., ч. 29, отд. 6.; «Библіотека для Чтенія» за 1840 г., т. 6 и 1852 г., т. 7.

[2]) Исторія о капитанѣ Тимашевѣ и влюбившейся въ него Сальме Тевкелевой разсказана у С. Т. Аксакова въ его „Семейной Хроникѣ“. Ср. Сборникъ, стр. 288—289.

[3]) Рецензіи на эту повѣсть шли въ «Библіотекѣ для Чтенія», за 1841 г., т. 49 и въ «Сѣверной Пчелѣ» за 1842 г., № 18.

Въ томъ же журналѣ и за тотъ же годъ она помѣстила (№ 14, стр. 209—214, № 16, стр. 241—245, № 17, стр. 257—264, № 19, стр. 287—292, № 22, стр. 337—340, № 26, стр. 389—393 и № 29, стр. 431—432) свои письма къ мужу изъ имѣнія своей тетки Дѣдевой, Казанбаши, подъ заглавіемъ «Поѣздка къ вотякамъ Казанской губерніи» (въ іюлѣ 1841 г.) [1]).

Въ рукописи остались сочиненіе «Поѣздка въ Нижній-Новгородъ» [2]) и романъ «Зюлима», о которомъ Второвъ-сынъ сообщилъ въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ», № 44 за 1847 г., стр. 260—261 слѣдующее:

«А. А. Фуксъ, безспорно, одна изъ трудолюбивѣйшихъ и талантливыхъ писательницъ нашихъ, пріобрѣтшая уже многочисленными трудами своими столь почетное мѣсто въ русской литературѣ, написала новое, весьма любопытное сочиненіе «Зюлима или Пугачевъ въ Казани», историческій романъ, которое намѣрена въ скоромъ времени издать въ свѣтъ. Мы съ жадностью прочитали его въ рукописи и, судя по впечатлѣнію, произведенному имъ на насъ, смѣло можемъ предсказать, что романъ этотъ будетъ самымъ пріятнымъ явленіемъ для любителей и любительницъ легкаго чтенія. Но для себя собственно мы нашли въ немъ неоцѣненныя сокровища: это примѣчанія и приложенія, составленныя почтеннымъ супругомъ сочинительницы, К. Ѳ. Фуксомъ, которыми сопровожденъ романъ, подобно тому, какъ и большая часть сочиненій А. А.». Самъ Фуксъ указывалъ, что собирать свѣдѣнія о пребываніи Пугачева въ Казани онъ сталъ по просьбѣ Пушкина, которому, однако, при его жизни не успѣлъ передать собранное. «4 года я собиралъ,—говорилъ онъ,—съ неусыпнымъ стараніемъ всѣ свѣдѣнія, всѣ историческія истины, рукописныя и изустныя сказанія казанскихъ старожиловъ, бывшихъ очевидными свидѣтелями тогдашнихъ происшествій». Несмотря на слабое здоровье, К. Ѳ., по словамъ редакціи, съ одинаковою ревностью продолжалъ свои полезныя занятія. Примѣръ его благодѣтельно дѣйствовалъ и на Александру Андреевну. Мы получили уже,—говоритъ Н. И. Второвъ,—обѣщаніе почтенныхъ А. А. и К. Ѳ. на содѣйствіе въ трудахъ нашихъ и можемъ порадовать читателей, что газета наша украсится многими трудами ихъ. «Настоящее сочиненіе А. А. передано намъ въ полное распоряженіе, и мы еще нѣсколько разъ будемъ имѣть удовольствіе сообщить изъ него отрывки прежде, нежели публика прочтетъ его полнымъ въ печати». Далѣе на стр. 261—265 помѣщено изъ этихъ приложеній къ роману сказаніе купца И. А. Сухорукова о Казани допугачевской и пребываніи въ ней

[1]) Изъ этихъ писемъ и имѣвшихся къ нимъ отвѣтовъ К. Ѳ. (см. выше), повидимому, должна была выйти особая книга по тому же плану, какъ книга о чувашахъ и черемисахъ.

[2]) Какъ видно изъ письма къ Пушкину, и эта „поѣздка“ подлежала печатанію. Быть можетъ, дѣло не осуществилось, благодаря препятствіямъ со стороны цензуры, не пропускавшей отзывовъ, сочувственныхъ раскольникамъ.

Пугачева, а въ № 51, стр. 330—331 сказаніе о томъ же купца Л. Ф. Крупеникова. Рукопись романа, повидимому, утрачена безвозвратно [1]).

Отмѣтимъ одну характерную черту, красной нитью проходящую черезъ всѣ сочиненія Александры Андреевны: это ея наклонность къ юмору [2]). Своего добраго мужа Карла Ѳедоровича она изображаетъ въ сказкѣ «Женихъ» (стр. 14– 15):

Считавъ себя въ наукахъ всѣхъ ученымъ,
Онъ натуральную исторію любилъ,
Свободные часы и дни ей посвятилъ
И въ ней считалъ себя мудренымъ:
Имѣлъ онъ въ чучелахъ премножество звѣрей,
Морскихъ пречудныхъ рыбъ и птицъ изъ-за морей,
Въ спирту животныхъ тьму и столько же уродовъ,
Костей, зубовъ, усовъ,
И въ нѣсколько аршинъ роговъ,
И черепа едва-ль не всѣхъ народовъ.
Онъ также бабочекъ ловилъ,
Безжалостно душилъ,
И всякій день жуковъ, козявокъ
Сажалъ на тысячу булавокъ.

Другіе стихи, несомнѣнно, относятся къ самой поэтессѣ и ея тетушкѣ, Дѣдевой (стр. 21—22):

Красавица лежитъ: какъ бы безъ чувствъ она;
Надъ ней сидитъ отецъ и неутѣшно плачетъ,
И такъ же тетушки въ слезахъ
Покоютъ голову больной въ своихъ рукахъ,
Даютъ ей нюхать спиртъ и имъ же натираютъ;
Двѣ горничныхъ стоятъ и сильно трутъ ей грудь,
Чтобы возможность дать скорѣе отдохнуть.
Но вотъ больная вдругъ свой слабый взоръ открыла,
Какъ будто бы она
Отъ крѣпкаго проснулась сна...
Проказница схитрила...

Въ «Греческой сказкѣ» она въ видѣ поэтической дѣвицы Лаисы отчасти рисуетъ себя въ дѣвушкахъ (стр. 80):

Преравнодушная, она
Ко всѣмъ изъ нихъ (жениховъ) всегда ровна;
Ее богатство не прельщаетъ,
И знатный родъ не занимаетъ.

---

[1]) Кн. Н. Н. Голицинъ въ своемъ „Библіографическомъ словарѣ русскихъ писательницъ“, СПб., 1889, стр. 259—260 приводитъ объ А. А. Фуксъ подробныя свѣдѣнія, но въ числѣ ея трудовъ подъ № 9 приводитъ сочиненіе ея мужа, К. Ѳ. „Казанскіе татары“.

[2]) А. А. отрекается отъ сентиментальности: „Ты знаешь,—пишетъ она мужу въ „Поѣздкѣ къ черемисамъ“,—что я вовсе не сентиментальная любительница природы: птичка меня не забавляетъ, цвѣточекъ не восхищаетъ, журчаніе ручейка не разнѣживаетъ мои чувства, зефиръ не настроиваетъ моей лиры къ нѣжнымъ пѣснямъ“.

Ея вниманіе влечетъ или м у д р е ц ъ,
Или артистъ, или пѣвецъ;
Но кто же не имѣлъ таланта никакова,
Она съ тѣмъ ни полслова.

Ученая дѣвица имѣла печальный жребій. Поэтому свою дочь она уже воспитываетъ иначе (стр. 124):

При рожденіи богинь не созывали,
Какъ должно, смертную, ее образовали,
Давали ей совѣтъ быть дальше отъ боговъ,
Любить науки всѣ, но не п и с а т ь с т и х о в ъ.

XX.

Безмятежные дни счастія начали понемногу закатываться для Александры Андреевны. Первымъ тяжелымъ ударомъ была смерть мужа. Еще въ 1842 году (Сборникъ, стр. 523—524), однажды, когда К. Ѳ. сидѣлъ за письменнымъ столомъ и работалъ, у него отнялась рука и нога. Хотя апоплексическое состояніе и прошло черезъ нѣсколько времени, но тѣмъ не менѣе здоровье К. Ѳ. надломилось, рука и нога двигались уже не такъ свободно, энергія стала ослабѣвать, и, хотя К. Ѳ. выѣзжалъ къ больнымъ и казался веселымъ, но по временамъ на открытое лицо его набѣгали и темныя тучки. Особенно неблагопріятно отзывались на немъ непогодливые осенніе и зимніе дни. Онъ начиналъ хандрить: сумрачный, съ нависшей на лбу складкой, бродилъ онъ послѣ обѣда по кабинету жены, молча пуская дымъ изъ своей трубочки. «Что съ тобой»,—тревожно спрашивала А. А.—«Мрачныя мысли, мрачныя мысли»,—коротко отвѣчалъ онъ,—продолжая молчаливо ходить по комнатѣ. Очевидно, К. Ѳ. посѣщала въ это время мысль о близкой смерти. Ранней весною 1846 г. К. Ѳ. заболѣлъ уже серьезно и въ ночь съ 23-го на 24-е апрѣля скончался.

Въ Карлѣ Ѳедоровичѣ Александра Андреевна потеряла не только добраго и любящаго мужа, съ которымъ душа въ душу прожила 25 лѣтъ, но еще и вѣрнаго товарища по занятіямъ, и постояннаго сотрудника въ литературныхъ предпріятіяхъ. По смерти мужа А. А. Фуксъ уже ничего болѣе не печатала, но литературный свой салонъ еще поддерживала года 3—4 до замужества дочери (Де-Пуле, стр. 620).

Смерть мужа подорвала, кажется, и матеріальныя средства А. А. Фуксъ. Пришлось продавать домъ, продавать коллекціи мужа, особенно его драгоцѣнный нумизматическій кабинетъ (Сборникъ, стр. 463). Значительная часть послѣдняго попала въ руки какого-то московскаго

любителя, купца Правоторова, остальное распродано по мелочи, на вѣсъ. Такъ погибла вторая коллекція монетъ, собранная Фуксомъ послѣ продажи первой университету.

По смерти мужа вся привязанность Александры Андреевны сосредоточилась на ея дочери Софьѣ Карловнѣ, болѣзненной, слабой и некрасивой дѣвушкѣ. Это было послѣднее и единственное, оставшееся въ живыхъ дитя Фуксовъ. Мать постоянно трепетала за нее. Въ «Поѣздкѣ въ Москву» (стр. 824) мы читаемъ: «летаю между васъ всѣхъ, но всегда останавливаюсь подлѣ тебя и Сони», въ «Запискахъ о чувашахъ и черемисахъ»: «я представляю себѣ всѣ ужасы, какіе только могутъ случиться съ моею Сонечкою»... «Да сохранитъ Господь тебя, Сонечку и всѣхъ родныхъ моихъ, а другія горести я не сочту за несчастія» (стр. 35)... «Я ѣду къ тебѣ, къ Сонѣ, ѣду въ Казань, гдѣ все живетъ, что̀ мнѣ любезно, оставляю деревню, гдѣ совершенно ничто меня не занимаетъ, ни моей души, ни сердца, а тоскую, тоскую до того, что не знаю, куда дѣваться» (стр. 91). А. А. была нѣжная мать. Къ сожалѣнію, бракъ Софьи Карловны (умерла 14-го декабря 1878 г.) съ нѣкимъ Брылкинымъ оказался неудачнымъ. Брылкинъ прожилъ все уцѣлѣвшее; и фамильную драгоцѣнность, портретъ Г. П. Каменева, который всегда висѣлъ въ кабинетѣ г-жи Фуксъ, и которымъ любовался Пушкинъ, онъ черезъ бывшаго тогда въ Казани адъюнктъ-профессора Б. И. Ордынскаго продалъ М. П. Погодину [1]).

А. А. жила при дочери. Казанская старожилка П. К. Проскурякова хорошо помнитъ ее уже вдовой и жившею въ наемной квартирѣ. Она уже не напоминала болѣе красавицу, воспѣтую Баратынскимъ и Языковымъ, и не походила на ту полную женщину съ добродушно-насмѣшливымъ взоромъ, какою она глядитъ съ сохранившагося портрета. Это была молчаливая, печальная женщина. За то зять ея былъ человѣкъ веселый и гостепріимный. Неудачный бракъ дочери, должно быть, печалилъ бѣдную поэтессу [2]).

Александра Андреевна Фуксъ скончалась скоропостижно 4-го февраля 1853 года, въ среду, о чемъ было оповѣщено въ отдѣлѣ мѣстныхъ извѣстій въ «Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» за 1853 г. № 8 отъ 16-го февраля, стр. 59. Некрологъ ея появился еще въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» за тотъ же годъ, № 46. Погребенъ прахъ Александры Андреевны въ Казани, на Куртинѣ, рядомъ съ могилой Н. И. Лобачевскаго, немного позади ея. За могилой никто не ухаживалъ, и на ней нѣтъ уже ни креста, ни памятника. Единственный, сколько

---

[1]) Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина, т. XVI, стр. 504.

[2]) Разсказывали (хотя, быть можетъ, то были сплетни), что въ этотъ періодъ своей жизни А. А. стала прибѣгать къ алкоголю...

мнѣ извѣстно, сохранившійся портретъ г-жи Фуксъ (масляными красками на полотнѣ, бюстъ, въ натуральную величину) хранится въ Казанскомъ городскомъ научно-промышленномъ музеѣ, подъ № 450; онъ пожертвованъ туда Ник. Викт. Рейнгардтомъ, получившимъ его въ даръ отъ правнучки А. П. Апехтина.

XXI.

Насколько позволялъ намъ весьма скудный, недостаточный и дробный матеріалъ, мы охарактеризовали казанскихъ литераторовъ 30-хъ и 40-хъ годовъ прошлаго XIX вѣка. Конечно, дѣла ихъ не велики, и творенія не безсмертны, но они ничѣмъ не хуже весьма многихъ продуктовъ столичной литературы того времени, а потому въ общемъ обзорѣ исторіи русской культуры, конечно, заслуживаютъ нѣчто большее, чѣмъ простое молчаніе. Если и теперь еще провинціальная литература по чисто внѣшнимъ условіямъ своего существованія и развитія не можетъ равняться съ столичною, то чего же можно требовать отъ провинціи въ ту эпоху, когда занятія литературою считались, если не прямо дѣломъ предосудительнымъ, то, по крайней мѣрѣ, пустяками, недостойными серьезнаго и солиднаго человѣка?...

Но и въ это нелегкое для литературы время, въ глуши захолустной провинціи, населенной на половину дикарями и язычниками, находились люди, которые знакомились съ сочиненіями геніевъ творчества, которые обожали корифеевъ отечественной словесности и даже робкою и трепетной рукой пытались имъ подражать. Было и нѣчто большее. Появились и такіе люди, которые разрозненныя усилія мѣстныхъ любителей и почитателей литературы пытались организовать и объединять, которые старались создать общій культъ литературы, которые стремились мѣстныя силы приводить въ соотношеніе и въ живое общеніе съ крупными дѣятелями поэзіи, жившими въ столицахъ. Такимъ лицомъ является героиня нашего очерка, А. А. Фуксъ. Она группируетъ казанскихъ литераторовъ вокругъ себя и при томъ въ теченіе почти 20 лѣтъ; она завязываетъ отношенія со столичными литераторами и пытается, хотя и безуспѣшно, привлечь ихъ къ участію въ мѣстной, провинціальной прессѣ.

Старый Карлъ Ѳедоровичъ, ея добрый мужъ и товарищъ, идетъ съ нею рука объ руку и помогаетъ ей въ ея начинаніяхъ. Но онъ былъ слабъ характеромъ и не имѣлъ спеціально-литературныхъ интересовъ. Онъ—ученый съ громадной и разнообразною эрудиціею, но не поэтъ и не эстетикъ. Поэзіею онъ начинаетъ интересоваться, благодаря за-

нятіямъ своей жены. Конечно, не будь подлѣ него Александры Андреевны, въ домѣ Фуксовъ никогда бы не были организованы бесѣды, и при томъ бесѣды литературныя.

А. А. Фуксъ придала собраніямъ въ домѣ своего мужа характеръ литературнаго салона или вольнаго общества друзей литературы—наряду съ оффиціальнымъ, университетскимъ обществомъ любителей отечественной словесности, уже прекращавшимъ свое призрачное существованіе. На ея вечерахъ собирались и старъ, и младъ, люди разныхъ литературныхъ поколѣній, разныхъ вкусовъ и разныхъ общественныхъ положеній: здѣсь были и устарѣлые поклонники XVIII вѣка, отжившіе старики въ родѣ Городчанинова и Второва-отца, и важные профессоры, генералы-звѣздоносцы, оставлявшіе здѣсь свою спеціальность—астрономію, медицину; была и зеленая молодежь, юные чиновники, поклонники запретнаго Гейне, какъ Второвъ-сынъ и К. О. Александровъ. Всю эту пеструю и разнообразную публику заставляла вмѣстѣ служить одной цѣли—культу литературы сама хозяйка дома, А. А. Фуксъ. Въ организаціи кружка любителей словесности видѣла она цѣль своихъ усилій и высшее свое честолюбіе въ томъ, чтобы снискать себѣ одобреніе свѣтилъ поэзіи, «русскаго Парнаса», какъ тогда выражались. Съ наивностью провинціалки она благоговѣйно склоняется передъ Пушкинымъ и Баратынскимъ. Это ея высшіе судьи.

Чтобы въ теченіе многихъ лѣтъ съ успѣхомъ выполнять свою роль, Александра Андреевна, несомнѣнно, должна была имѣть много энергіи, много такту, много организаціоннаго таланта и много любви къ литературѣ и поэзіи.

Если къ устроительницѣ литературныхъ собраній прибавимъ еще поэтессу не безъ дарованія, любящую мать и заботливую жену, то, конечно, мы не сумѣемъ отказать Александрѣ Андреевнѣ въ нашемъ уваженіи. Она была достойною подругою замѣчательнаго ученаго и врача-человѣколюбца, Карла Ѳедоровича Фукса—и ея скромное имя съ неменьшимъ основаніемъ, чѣмъ имя ея мужа, должно быть помѣщено въ лѣтописяхъ просвѣщенія въ Россіи вообще, и на Поволжьи въ частности.

Профессоръ **Евгеній Бобровъ**.

*

О возобновленіи въ церквахъ моленій по случаю военныхъ дѣйствій съ Наполеономъ.

Именной высочайшій указъ князю А. Н. Голицыну.

6-го іюня 1815 г.

Изъ манифеста, въ 9-й день мая изданнаго, извѣстно вамъ о возгорѣвшейся новой брани, ради испроверженія коварныхъ замысловъ Наполеона Бонапарте.

Съ начатіемъ нынѣ военныхъ дѣйствій, я признаю нужнымъ, дабы установленныя въ прошедшую кампанію моленія къ Подателю всѣхъ благъ съ колѣнопреклоненіемъ паки возобновлены были, и потому повелѣваю вамъ предложить о томъ Святѣйшему Правительствующему Синоду, и сдѣлать должное распоряженіе по части иностранныхъ исповѣданій.

Ежели бы по предмету сему нуженъ былъ особый Синоду указъ, то вы представьте оный къ подписанію моему, не останавливаясь между тѣмъ исполненіемъ по сему повелѣнію.

Польская конституція 3-го мая 1791 года
и
отношеніе къ ней Россіи.

VII [1]).

По возобновленіи засѣданій сейма, 4-го (15-го) марта 1792 г., маршалъ Малаховскій вознесъ прежде всего благодарность Всевышнему за то единодушіе, съ какимъ обыватели высказались, на февральскихъ сеймикахъ, о переворотѣ 3-го мая, напомнивъ, затѣмъ, что къ акту объ обнародованіи конституціи была приложена декларація сеймовыхъ депутатовъ, въ коей они выразили желаніе соорудить, въ память этого событія, храмъ Провидѣнія, онъ просилъ избрать день для закладки этого храма и для аудіенціи депутатамъ сеймиковъ.

Тогда же было избрано для этого 22-е апрѣля (3-е мая)—годовщина обнародованія конституціи и вмѣстѣ съ тѣмъ, по предложенію краковскаго посла Солтыка, было рѣшено обратиться къ королю съ просьбою ходатайствовать въ Римѣ о перенесеніи на этотъ день торжественнаго празднованія памяти Св. Станислава.

Между тѣмъ были произведены выборы въ Варшавскій муниципалитетъ, и мѣщане города Варшавы дали новое доказательство своей признательности правительству и своего довѣрія къ шляхтѣ, избравъ президентомъ города хорунжаго и познанскаго посла Игнатія Закрев-

---

[1]) См. «Русскую Старину» іюнь 1904 г.

скаго; въ Краковѣ былъ выбранъ маркграфъ Велепольскій, въ Вильно—хорунжій Тизенгаузенъ. Одновременно было получено извѣстіе о признаніи конституціи нѣкоторыми воеводствами, которыя, во время февральскихъ сеймиковъ, были противъ нея.

6-го (17-го) марта присягнула конституціи шляхта Цеханова [1]). Упрямый до тѣхъ поръ Владиміръ-Волынскъ также рѣшилъ послать въ Варшаву депутатовъ [2]).

Наконецъ и изъ Рима прибылъ гонецъ съ папской грамотой, коей разрѣшалось перенести празднованіе памяти Св. Станислава съ 8-го на 3-е мая н. ст. Радость, вызванная благополучнымъ исходомъ городскихъ выборовъ и добрыми вѣстями изъ Цеханова и Владиміра, а также папской грамотой, была омрачена извѣстіями, привезенными изъ Дрездена княземъ Чарторыйскимъ, который возвратился въ Варшаву 23-го марта (3-го апрѣля). Мало хорошаго предвѣщали также сообщенія, полученныя отъ Деболи о намѣреніяхъ Петербургскаго двора. Эти извѣстія, въ связи съ нерѣшительностью курфирста Саксонскаго, убѣждали варшавское правительство въ возможности скораго вторженія русскихъ войскъ, противъ чего было необходимо тотчасъ принять мѣры.

«Полученныя нами, съ разныхъ сторонъ, донесенія подтверждаютъ,—писалъ Хрептовичъ 20-го (31-го) марта,—что отвѣтъ императрицы на предложеніе, сдѣланное Вѣнскимъ дворомъ въ интересахъ Польши, намъ не благопріятенъ, хотя есть основаніе предполагать, что дальнѣйшіе переговоры могутъ измѣнить положеніе дѣла. Тѣмъ не менѣе мы должны принять всѣ отъ насъ зависящія мѣры къ тому, чтобы обезпечить себя, по мѣрѣ возможности, отъ всякихъ случайностей» [3]).

«Мы собираемся принять необходимыя мѣры къ оборонѣ,—писалъ, со своей стороны, король Орачевскому 24-го марта (4-го апрѣля), если отъ насъ потребуютъ, чтобы мы отказались отъ конституціи 3-го мая.

«Оффиціально, императрица все еще хранитъ въ отношеніи насъ молчаніе,—писалъ онъ нѣсколько дней спустя,—а между тѣмъ она стягиваетъ войска и до насъ доходятъ отовсюду угрозы. Я имѣю основаніе думать, что изъ Вѣны и Берлина ей не посовѣтуютъ дѣйствовать про-

---

[1]) Gazeta warszawska отъ 31-го марта н. ст. 1792 № 26.

[2]) Когда жители Владиміра рѣшили отправить въ Варшаву пословъ, то Коллонтай писалъ 2-го (13-го) марта 1792 г. королю: совѣтую в. к. в. отнестись къ нимъ какъ хозяинъ въ евангельской притчѣ, который наградилъ одинаково тѣхъ, кои вышли на работу въ 12 часу, и тѣхъ, кои пришли въ 5 часу (Рукоп. арх. кн. Чарт. № 922).

[3]) Письмо къ польскому послу въ Копенгагенѣ. (Рукоп. Оссолинск. № 411 ч. II, стр. 104).

тивъ насъ насильственно, однако, не слѣдуетъ забывать пословицы: на Бога надѣйся, а самъ не плошай» [1]).

Въ засѣданіи 5-го (16-го) апрѣля сеймъ выслушалъ донесеніе князя Адама Чарторыйскаго о его переговорахъ съ курфирстомъ и донесеніе министра иностранныхъ дѣлъ объ отношеніи Русскаго двора. «Москва,—сказалъ Хрептовичъ,—скрывала свои намѣренія относительно Польши, до тѣхъ поръ, пока у нея были связаны руки войною съ Турціей; въ настоящее время, получивъ, по заключеніи мира съ султаномъ, полную свободу дѣйствій и сосредоточивъ свои войска на границѣ Рѣчи Посполитой, императрица сообщила нѣкоторымъ дворамъ, что она не одобряетъ конституцію 3-го мая и желаетъ сохраненія въ неприкосновенности той формы правленія, которая была ею гарантирована въ 1775 г.». Когда Хрептовичъ присовокупилъ, что Россія намѣрена ввести свои войска въ Польшу, то сеймъ постановилъ разослать европейскимъ дворамъ декларацію о твердомъ намѣреніи Польши воспротивиться этому, въ то же время подлежащимъ властямъ было повелѣно принять мѣры къ оборонѣ страны [2]).

Послѣ короткаго перерыва въ томъ же засѣданіи былъ прочитанъ проектъ этихъ мѣръ, въ которомъ прежде всего была сдѣлана оговорка «что поляки не намѣрены вести съ кѣмъ бы то ни было наступательной войны и дорожатъ дружественными отношеніями со всѣми сосѣдями и спокойствіемъ, которое царствовало до тѣхъ поръ въ Польшѣ, но что они заботятся о цѣлости принадлежащихъ Рѣчи Посполитой земель, о своей свободѣ, независимости, о твердости своего правленія, и о необходимости придать переговорамъ, происходящимъ между сосѣдними дворами, наиболѣе выгодный оборотъ для Польши. Въ виду этого сеймъ постановилъ:

1) Чтобы король, которому конституція вручила верховную исполнительную власть, пользовался ею во всемъ объемѣ, какъ можно сильнѣе и дѣйствительнѣе для народной обороны, распоряжаясь военными силами и употребляя ихъ сообразно цѣли.

2) Королю поручалось пригласить изъ-за границы двухъ или трехъ генераловъ, опытныхъ въ военномъ искусствѣ, въ званіи командировъ, а также ему предоставлялось назначеніе офицеровъ для корпусовъ артиллеріи и инженеровъ, получившихъ образованіе за границею.

3) Скарбовой коммиссіи поручалось, по требованію короля въ Стражѣ, немедленно сдѣлать заемъ въ краѣ или за границею, съ возможно малыми издержками, на сумму тридцать милліоновъ злотыхъ, обезпечивъ

---

[1]) Письма къ Орачевскому въ Парижъ. (Рукоп. собр. Горскаго).

[2]) Pamiętnik hist. polit eck. z'r. 1792, стр. 363, апрѣль.

ихъ фондомъ, который долженъ былъ образоваться изъ остатка отъ продажи староствъ.

4) Королю дозволялось взять изъ суммъ, находившихся въ казнѣ Рѣчи Посполитой, на приготовленіе народной обороны 9 милліоновъ, немедленно; а остальныя деньги въ то время, когда начнется настоящая война.

По истеченіи двухъ мѣсяцевъ, министры въ Стражѣ должны были донести на сеймѣ чинамъ Рѣчи Посполитой о наступившемъ употребленіи денегъ [1]).

По прочтеніи этого проекта, нѣкоторые послы, противники реформъ, краковскій—Отвиновскій—волынскій—Кршуцкій и троцкій—Савицкій потребовали, чтобы онъ былъ подвергнутъ всестороннему разсмотрѣнію. Шидловскій воскликнулъ: «если поляки, въ виду дѣлаемыхъ имъ угрозъ, не выкажутъ твердости, то они погибнутъ и не будутъ достойны сожалѣнія». Король, со своей стороны, сказалъ: «Настоящія обстоятельства такъ важны, что всякая минута промедленія можетъ навлечь на отечество великій и непоправимый вредъ».

Проектъ о мѣрахъ обороны Рѣчи Посполитой былъ одобренъ, и по предложенію краковскаго посла Солтыка было рѣшено сообщить постановленія сейма дворамъ Берлинскому, Вѣнскому и Саксонскому.

Прежде всего надобно было позаботиться о томъ, гдѣ достать денегъ.

Король писалъ въ Голландію, прося о ссудѣ, и предлагалъ подъ залогъ староства; обращался также къ варшавскимъ банкирамъ. Петръ Бланкъ предложилъ казнѣ 100.000 черв. зл. безъ процентовъ на пять мѣсяцевъ.

Вышеупомянутыя мѣры были приняты, какъ уже сказано, подъ впечатлѣніемъ донесеній, полученныхъ изъ Петербурга отъ Деболи, но собственно первое предостереженіе объ опасности, угрожавшей Польшѣ со стороны Россіи, было получено гораздо раньше. Еще на засѣданіи 22-го апрѣля (3-го мая) 1791 г. брестъ-литовскій посолъ Матушевичъ указывалъ на эту опасность и побуждалъ сеймъ принять мѣры.

Въ январѣ 1792 г. Мѣрославскій увѣдомилъ, по пути изъ Яссъ, о готовившейся контръ-революціи въ Волыни и Подоліи.

Въ то же время генералъ Костюшко писалъ изъ Немирова въ военную коммиссію о мѣрахъ, которыя, по его мнѣнію, слѣдовало принять «противъ иноземныхъ войскъ, кои собирались вторгнуться въ Рѣчь Посполитую». Въ мартѣ мѣсяцѣ онъ доносилъ коммиссіи вторично о предполагаемомъ вторженіи русской арміи. Но самымъ серьезнымъ предостереженіемъ можно было считать приказъ, полученный въ январѣ

[1]) Костомаровъ, 419.

1792 г. консуломъ Рѣчи Посполитой въ Херсонѣ, Заблоцкимъ, коему русское правительство повелѣло въ два дня выѣхать изъ Россіи [1]).

По поводу этого факта, вице-канцлеръ Хрептовичъ сообщилъ, въ донесеніи королю отъ 13-го (24-го) января 1792 г. о разговорѣ, который онъ имѣлъ съ Булгаковымъ:

«Что значитъ высылка нашего консула Заблоцкаго, — спросилъ Хрептовичъ русскаго посла, и извѣстно-ли ему объ этомъ?

«Тотъ отвѣтилъ, что ему объ этомъ ничего неизвѣстно; но что если это вѣрно, то должно быть Заблоцкій подалъ къ тому поводъ.

«Я отвѣчалъ ему на это,—писалъ Хрептовичъ,— что если бы онъ сдѣлалъ какой-нибудь проступокъ противъ долга, то его отдали бы подъ судъ».

Причина медлительности, съ какою сеймъ принималъ мѣры къ оборонѣ страны, заключалась въ увѣренности, что внутри и извнѣ Польшѣ не угрожало никакой опасности. Сеймъ не боялся горсти недовольныхъ и, будучи увѣренъ въ сочувствіи къ конституціи со стороны Австріи, Пруссіи и курфирста саксонскаго, полагалъ, что Россія одна не предприметъ никакихъ наступательныхъ дѣйствій противъ Польши. Съ наборомъ же войска и вооруженіемъ милиціи не спѣшилъ, изъ опасенія, чтобы сосѣди не увидѣли въ вооруженіи Рѣчи Посполитой повода къ непріязненнымъ дѣйствіямъ [2]).

Нѣсколько дней спустя, послѣ того, какъ на сеймѣ былъ прочитанъ «проектъ о мѣрахъ къ оборонѣ Рѣчи Посполитой», король получилъ изъ Петербурга депешу, въ которой Деболи сообщалъ ему подробныя свѣдѣнія о происхахъ прибывшихъ на берега Невы польскихъ пановъ и о скоромъ вторженіи въ Польшу русскихъ войскъ. «Русское правительство,—писалъ Деболи,—даетъ эмигрантамъ 10.000 рублей ежемѣсячно; Потоцкій и Ржевусскій постоянно совѣщаются съ русскими сановниками». Кромѣ того онъ изложилъ дислокацію и силу корпусовъ, кои Екатерина предполагала двинуть въ Польшу; назвалъ поименно генераловъ, коимъ ввѣрялось командованіе войскомъ, въ томъ числѣ и брата епископа инфляндскаго, Симеона Коссаковскаго, который служилъ въ русскомъ войскѣ въ чинѣ генерала и долженъ былъ вступить вмѣстѣ съ Кречетниковымъ въ Литву.

На засѣданіи 10-го (21-го) апрѣля король прочелъ депеши, полученныя изъ Петербурга, не назвавъ, однако, Потоцкаго и Ржевусскаго; что же касалось Коссаковскаго, то онъ сказалъ: «я считаю долгомъ прибавить, что это извѣстіе не вѣрно, ибо годъ тому назадъ Коссаков-

---

[1]) Wolski. Obrona St. Augusta. (Rocznik Tow. hist. lit. w Paryżu. 1868).

[2]) O ustanowieniu i upadku konstytucyi polskiej 3 maia 1791. Lwów, 1793. II, стр. 79.

скій, уѣзжая въ кампанію, сказалъ мнѣ, что если бы, чего Боже упаси, дѣло дошло до враждебныхъ дѣйствій между Москвою и Польшею, то онъ броситъ службу въ тамошнемъ войскѣ».

Послѣ пятичасовыхъ преній состоялось новое постановленіе сейма, коимъ было положено увеличить немедленно численность войска до ста тысячъ, и королю было предоставлено право помѣстить по его усмотрѣнію въ войско двадцать офицеровъ, приглашенныхъ изъ-за границы, разрѣшалось производить реквизиціи и т. п.

Для того, чтобы собрать деньги, необходимыя для снаряженія войска, сейму предстояло уладить вопросъ о продажѣ староствъ. Игнатій Потоцкій умолялъ Станислава-Августа отказаться отъ принадлежавшаго ему права раздачи двухъ староствъ [1]) и пустить ихъ, наравнѣ съ другими,въ продажу, тѣмъ лицамъ, коихъ король пожелалъ бы наградить ими, дать взамѣнъ этого 100.000 злотыхъ. Король согласился на проектъ Игнатія Потоцкаго и тотчасъ испросилъ предложенное ему за староства денежное вознагражденіе для своего племянника Іосифа Понятовскаго.

Послѣ продолжительныхъ споровъ и преній, сеймъ изъявилъ на это свое согласіе, и 13-го (24-го) апрѣля состоялся законъ подъ названіемъ: «Уложеніе о вѣчномъ устройствѣ королевщинъ» (Urządzenie wieczyste królewszczyzn), заключавшій правила о порядкѣ продажи староствъ, объ уравненіи проданныхъ староствъ со всѣми прочими наслѣдственными имѣніями, по отношенію къ ихъ правамъ, о назначенныхъ для этого люстраторахъ, объ ихъ обязанностяхъ и правахъ.

Во главѣ оппозиціи стоялъ въ то время троцкій посолъ Савицкій, ярый противникъ новой конституціи, который энергично возсталъ противъ проекта предоставить верховную власть королю, доказывая опасность такого сосредоточенія силъ въ рукахъ одной особы.

Но изъ числа остальныхъ «недовольныхъ» одни рѣдко высказывали свое мнѣніе, а другіе уѣхали изъ Варшавы.

Въ мартѣ мѣсяцѣ, въ Варшавѣ разнеслась вѣсть о смерти Щенснаго-Потоцкаго, послѣдовавшей, будто-бы, отъ огорченія, испытаннаго имъ по случаю нелюбезнаго пріема со стороны императрицы.

Письмо Потоцкаго отъ 9-го (20-го) марта, полученное Бенедиктомъ Гулевичемъ, опровергло этотъ слухъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вызвало большое удивленіе въ патріотическихъ кружкахъ, такъ какъ оно было подписано полнымъ титуломъ: «генералъ коронной артиллеріи». Гулевичъ

---

[1]) Послѣ отнятія у короля стариннаго права раздавать королевщины, за нимъ оставалось, по закону 1775 г., право распоряжаться только четырьмя староствами. Изъ нихъ два были розданы Станиславомъ-Августомъ, а два оставались еще въ его распоряженіи.

показалъ это письмо Пясковскому, а тотъ передалъ его Ожаровскому, который въ свою очередь разсказалъ обо всемъ супругѣ гетмана Огинскаго и краковскому послу Солтыку.

Въ салонѣ гетманши удивлялись наглости бывшаго генерала артиллеріи и дѣлали разныя предположенія. Щенсный переписывался въ это время съ Рожаномъ, Ожаровскимъ и Гулевичемъ, и послѣдній высказывалъ готовность по первому его требованію пріѣхать въ Петербургъ. 6-го (17-го) апрѣля Гулевичъ писалъ ему:

«Выѣзжаю черезъ недѣлю. Грохольскій уѣзжаетъ завтра, Каменецкій—черезъ нѣсколько дней; такимъ образомъ, кромѣ канцлера, Коссаковскаго и Савицкаго, троцкаго посла, нашихъ останется въ Варшавѣ немного. Я ѣду на Волынь, гдѣ пробуду нѣсколько дней, чтобы склонять на нашу сторону колеблющихся и ободрить тѣхъ, кои намъ преданы; оттуда я поѣду прямо въ Хмельники, а по пути повидаюсь съ Свентославскимъ... Прошу васъ, именемъ отечества, дѣтей и друзей вашихъ, быть какъ можно осторожнѣе. Не ѣздить никуда одному, имѣть надежныхъ поваровъ... на которыхъ можно положиться... или лучше вовсе не обѣдать дома, а кушать каждый день въ иномъ мѣстѣ» [1]).

Благодаря тому, что многіе изъ «недовольныхъ» разъѣхались изъ Варшавы, засѣданія сейма прошли въ концѣ апрѣля менѣе бурно. Отсутствіе оппозиціи давало поводъ надѣяться, что празднованіе годовщины переворота пройдетъ спокойно, тѣмъ болѣе, что русскій посланникъ счелъ долгомъ уѣхать 21-го апрѣля (2-го мая) въ Сѣдлецъ.

Вскорѣ послѣ благополучнаго окончанія февральскихъ сеймиковъ, Коллонтай совѣтовалъ королю, для вящшаго впечатлѣнія, дать депутатамъ торжественную аудіенцію [2]).

По первоначальному плану предполагалось воздвигнуть для этой цѣли, въ предмѣстьѣ Воля эстраду, на которой король долженъ былъ принять депутатовъ, облаченный въ коронаціонное платье, но этотъ планъ былъ по разнымъ причинамъ оставленъ [3]). Программа торжественнаго празднованія годовщины 3-го мая была выработана маршалами сейма: Мнишекомъ и Игнатіемъ Потоцкимъ, и короннымъ маршаломъ Казиміромъ Рачинскимъ.

Площадь, напротивъ Уяздовскихъ казармъ, на которой предполагалось воздвигнуть храмъ Провидѣнія, была спланирована. Около того мѣста, гдѣ должна была происходить закладка фундамента, былъ по-

---

[1]) Рукоп. арх. кн. Чарторыйскихъ, № 3474.

[2]) Коллонтай королю 11-го (22-го) февраля 1792. (Рукоп. арх. кн. Чарторыйскихъ, № 922).

[3]) Дневникъ Булгакова отъ 18-го (29-го) февраля 1792. (Калинка. Ostatnie lata pan. St. Augusta, 302).

вѣшенъ колоколъ съ надписью: «Сей колоколъ, отлитый изъ мѣстнаго металла и пожертвованный генералъ-маіоромъ барономъ Солль-Денгофомъ для храма Провидѣнія, въ 1791 году, будетъ звонить въ память новой конституціи, данной того же года 3-го мая, благодаря отеческому попеченію короля Станислава-Августа, и утвержденной единодушно сеймомъ».

Въ костелѣ св. Креста, избранномъ для торжественной церемоніи, шли дѣятельныя приготовленія. Готовилась также иллюминація ратуши и самыхъ лучшихъ домовъ. Для безопасности въ Варшаву были стянуты войска и выставлены орудія, между которыми обращали на себя вниманіе шесть большихъ орудій, поставленныхъ передъ цейхгаузомъ и подаренныхъ княгиней Яблоновской.

Въ Варшаву со всѣхъ сторонъ стекались любопытные. Всеобщее вниманіе обращали на себя, расхаживавшіе по улицамъ, 1.200 человѣкъ эмигрантовъ изъ Монбельяра, прибывшихъ незадолго передъ тѣмъ на галерахъ изъ Кракова. Въ Варшавѣ все подорожало, не исключая сукна на мундиры и лентъ. За мундиръ вмѣсто 14 дукатовъ платили 20; за локоть лентъ вмѣсто 24 грошей 5 злотыхъ.

Наканунѣ торжества, 21-го апрѣля (2-го мая), жителямъ Варшавы было возвѣщено о томъ, что на слѣдующій день всѣ лавки будутъ закрыты.

Подъ впечатлѣніемъ вновь изданныхъ постановленій сейма и слуховъ о передвиженіи войскъ, всѣми овладѣлъ небывалый энтузіазмъ и воинскій задоръ, всѣ только и говорили о войнѣ.

Между прочимъ, передавали слухъ, будто во время празднества королю будетъ дарована неограниченная власть. Говорили также о заговорѣ противъ Станислава-Августа. Нѣкто Забѣлло утверждалъ, будто въ Вильно маіоръ русской службы Шульцъ предлагалъ ему 1.500 руб., если онъ убьетъ короля и, хотя, будучи арестованъ, онъ показалъ на допросѣ, что онъ выдумалъ всю эту исторію только для того, чтобы выманить деньги, но тревожные слухи росли и росли.

Вѣнскій дворъ увѣдомилъ короля, что клубъ якобинцевъ въ Страсбургѣ рѣшилъ произвести на него покушеніе. Короля предостерегали анонимными письмами, совѣтуя ему не присутствовать на торжествѣ празднованія 3-го мая.

Въ замкѣ царила тревога. Король хотѣлъ отдать приказъ, чтобы на улицахъ, по которымъ должна была слѣдовать процессія, всѣ окна были заперты. Наканунѣ празднества онъ исповѣдался, пріобщился и написалъ завѣщаніе. Піэтоли совѣтовалъ, чтобы во время процессіи передъ королемъ несли Св. Дары.

Въ костелѣ св. Креста, гдѣ происходила главная церемонія, у рѣшетки, отдѣляющей главный алтырь отъ церкви, былъ поставленъ тронъ,

обращенный къ главному входу. Возлѣ него стояли коронные и литовскіе чины, за ними дежурные офицеры. По обѣ стороны алтаря выстроились въ два ряда кадеты; нѣкоторые изъ нихъ стояли на ступеняхъ трона. За рѣшеткой помѣщались иностранные послы съ женами, пріѣзжіе иностранцы и герцогиня Курляндская со свитою. По обѣимъ сторонамъ трона, на креслахъ, заняли мѣста сенаторы и министры, на табуретахъ маршалы сейма, а позади нихъ депутаты, члены мѣстнаго суда, варшавской военно-гражданской коммиссіи и прочіе оффиціальныя лица; позади всѣхъ, на мѣстахъ, устроенныхъ амфитеатромъ, сидѣла публика. Между сенатомъ и польской избой стояли эскадроны народной кавалеріи, числомъ до 200 человѣкъ.

У дверей костела наблюдала за порядкомъ стража изъ 80 человѣкъ рядовыхъ скарбоваго батальона; гофъ-фурьеры отбирали разноцвѣтные входные билеты. Въ костелѣ указывалъ мѣста литовскій подкоморій Гутаковскій, коему помогали три камергера. Кавалерія явилась въ костелъ ровно въ 7 часовъ утра; сенаторы, сеймовые послы, депутаты и прочія лица заняли свои мѣста въ половинѣ девятаго.

По обѣ стороны Краковскаго предмѣстья выстроились шпалерами войска и варшавскіе цехи со своими значками. Улицы были переполнены народомъ. Пріѣзжихъ насчитывали до 38 тысячъ человѣкъ.

Въ половинѣ девятаго двинулась изъ замка процессія: впереди, въ каретѣ, ѣхалъ король, за нимъ примасъ съ духовенствомъ въ полномъ облаченіи; карету окружалъ отрядъ гвардіи. Въ ту минуту, когда поѣздъ тронулся, зазвонили въ колокола; по всему Краковскому предмѣстью играла музыка и раздавались возгласы: «да здравствуетъ король и народъ!» У дверей костела короля встрѣтилъ епископъ познанскій съ духовенствомъ, поднесъ ему святую воду и повелъ его къ трону. Станиславъ-Августъ имѣлъ видъ слабый и изнуренный. Церемонія началась рѣчью маршала Малаховскаго, послѣ котораго говорили: великій коронный маршалъ Мнишекъ и маршалъ литовской конфедераціи Сапѣга. Малаховскій превозносилъ заслуги, оказанныя королемъ просвѣщенію страны, Мнишекъ привѣтствовалъ его отъ имени сената, Сапѣга высказалъ радость по поводу благополучно совершеннаго переворота. Послѣ отвѣтной рѣчи короля сенаторы, министры и послы были допущены къ цѣлованію его руки, затѣмъ говорили рѣчи депутаты, благодаря короля за конституцію отъ имени своихъ земель. По окончаніи церемоніи началось богослуженіе. Король, сошедши съ трона, преклонилъ колѣна; его свита стала за рѣшеткой главнаго алтаря. Обѣдню служилъ епископъ познанскій, а ксендзъ Малиновскій произнесъ проповѣдь на тему: «Будетъ едино стадо и единъ пастырь». Какъ только онъ окончилъ проповѣдь, въ костелѣ неожиданно стемнѣло; надъ городомъ разразилась гроза съ вихремъ и градомъ. Въ то время какъ раз-

далось пѣніе сочиненнаго на случай торжества «Te Deum'a», исполненаго 200 музыкантами и пѣвцами, на противуположномъ берегу Вислы было произведено сто выстрѣловъ изъ орудій. По окончаніи богослуженія началось шествіе: процессія при звонѣ колоколовъ двинулась отъ костела св. Креста до Уяздовской улицы; впереди шли цехи со значками; за ними монашескіе ордена, городовой магистратъ, уполномоченные отъ городовъ, сеймовые послы и депутаты, сенатъ, министры, епископы, примасъ, наконецъ, самъ король, окруженный кадетами; за нимъ слѣдовали польскіе и литовскіе сановники и дворъ. Три хора исполняли подъ аккомпаниментъ музыки попеременно псалмы и патріотическія пѣсни. Изъ оконъ глазѣла многочисленная толпа. Во время процессіи надъ Варшавою вторично пронесся вихрь, вызвавшій въ присутствовавшихъ тяжелое предчувствіе. Примасъ окропилъ св. водою мѣсто, предназначенное для сооруженія храма; совершилъ освященіе камней, потомъ подалъ королю золотую кирку и молотокъ. Подъ камень была положена медаль и нѣсколько монетъ. Вслѣдъ за королемъ епископы, министры и маршалы брали по очереди въ руки рабочія орудія и прилагали свою руку; за ними эта честь была предоставлена послу кіевскаго воеводства Хоецкому, на томъ основаніи, что Кіевское воеводство первое и единственное заявило на сеймикахъ желаніе сдѣлать пожертвованіе на постройку храма. По окончаніи церемоніи, которая продолжалась до половины пятаго, король уѣхалъ въ Лазенки, всѣ остальные отправились на обѣды, устроенные въ разныхъ мѣстахъ по случаю торжества. Сенатъ и дипломатическій корпусъ обѣдали у великаго короннаго маршала Мнишека. Земскіе коронные послы и уполномоченные отъ городовъ—у маршала Малаховскаго; земскіе послы и уполномоченные отъ Литвы отправились къ маршалу литовской конфедераціи Сапѣгѣ; президентъ города Варшавы, Закржевскій, пригласилъ къ себѣ муниципалитетъ.

Во всѣхъ костелахъ, не исключая протестантской церкви, были совершены въ тотъ день молебствія и произносились проповѣди.

Вечеромъ въ городѣ была сожжена великолѣпная иллюминація. Особенно роскошно былъ иллюминованъ Саксонскій дворецъ, домъ маршала сейма, каштеляніи Коссаковской и ратуша. Въ театрѣ давали написанную къ этому дню драму Нѣмцевича «Казиміръ Великій». Сюжетомъ ея было приглашеніе Людовика венгерскаго на престолъ. Когда Овсинскій, игравшій Казиміра Великаго, произнесъ: «въ случаѣ нужды я стану во главѣ моего народа», Станиславъ-Августъ высунулъ голову изъ ложи и воскликнулъ: «да, стану и пойду во главѣ войска». Въ отвѣтъ на эти слова раздался громъ рукоплесканій. Когда же актеръ продекламировалъ: «хотя я и старъ и голова моя сѣда, но я пойду съ добрыми поляками и либо лягу костьми на полѣ брани, либо Польша

будетъ независима»,—король снова высунулся изъ ложи и воскликнулъ: «такъ, такъ, браво, виватъ». По окончаніи представленія въ театрѣ и въ Радзивилловскомъ дворцѣ состоялись публичные балы. Такъ закончилось торжественное празднованіе годовщины конституціи 3-го мая.

Передъ этимъ днемъ, въ столицѣ Литвы такъ же точно, какъ въ Варшавѣ, ходили тревожные слухи. Короля предостерегали, что епископъ инфляндскій что-то замышлялъ въ Вильнѣ и подготовлялъ со своими друзьями какую-то публичную демонстрацію противъ конституціи [1]); 21-го апрѣля (2-го мая) король послалъ эстафету президенту Тизенгаузену, съ просьбою извѣстить его о томъ, что дѣлается на Литвѣ.

Впрочемъ, вопреки всѣмъ опасеніямъ, празднованіе годовщины конституціи прошло въ Вильно спокойно. На торжественномъ засѣданіи въ главной школѣ произнесли рѣчи ректоръ Почобутъ и профессоръ церковной исторіи Богуславскій. Коадъюторъ виленскій Янъ Коссаковскій произнесъ проповѣдь. Литовскій канцлеръ Сапѣга далъ обывателямъ обѣдъ; вечеромъ муниципалитетъ далъ балъ.

24-го апрѣля (5-го мая), во время представленія комедіи Богуславскаго «Dowòd wdzięczności narodu» (Доказательство признательности народа) публика привѣтствовала слова, относившіяся къ королю, и конституцію кликами и рукоплесканіями.

Тизенгаузенъ успокоивалъ короля.

«Здѣсь, въ Вильно, все спокойно, и можно пожелать, чтобы во всей странѣ царствовалъ такой патріотизмъ, какой мы видимъ здѣсь. Только одинъ епископъ виленскій, по своей трусости и слабоумію, пугаетъ жителей; но его мало кто слушаетъ, какъ человѣка, который не пользуется болѣе никакимъ значеніемъ... Если бы кто-нибудь вздумалъ смущать здѣсь умы, то по всей вѣроятности поплатился бы за свою смѣлость жизнью и палъ бы отъ руки тѣхъ людей, которые готовы защищать законъ и короля съ неслыханной энергіей.—Здѣсь подозрѣваютъ нѣкоторыхъ лицъ въ томъ, что они шпіоны, подосланные изъ Москвы; за ними учиненъ строгій надзоръ. Для того чтобы собрать о нихъ точныя свѣдѣнія, отъ магистрата разослано всѣмъ обывателямъ приказаніе доносить: кто и какъ давно пріѣхалъ въ городъ и чѣмъ занимается» [2]).

День 22-го апрѣля (3-го мая) ознаменовался и въ другихъ городахъ Польши всевозможными празднествами; вездѣ служили торжественныя обѣдни, стрѣляли изъ орудій, давали обѣды, распѣвали гимны, сочиненные къ случаю на польскомъ языкѣ, сжигались иллюминаціи.

23-го, 24-го и 25-го апрѣля (4-го, 5-го и 6-го мая) король далъ

---

[1]) Popiel, l. c., стр. 71.

[2]) Тизенгаузенъ королю 25-го апр. (6-го мая) 1792 г. (Рукоп. арх. кн. Чарт. № 932).

обѣдъ делегатамъ малопольскимъ, литовскимъ и великопольскимъ, сидѣлъ вмѣстѣ съ ними за столомъ и угощалъ ихъ; 2-го (13-го мая) въ Радзивилловскомъ дворцѣ былъ данъ большой обѣдъ, на которомъ присутствовали король, сенаторы и муниципалитетъ. Приглашенныхъ было 500 человѣкъ; роль хозяевъ взяли на себя президентъ Закревскій и представитель литовскаго муниципалитета литовскій мечникъ Огинскій, бывшій посланникъ въ Голландіи. Посреди стола стояла колонна съ вензелемъ короля и конституціи и гербами маршаловъ сейма. Тутъ же стоялъ алтарь вѣрности на скалѣ съ вѣчнымъ огнемъ, который стерегли весталки; колонна вѣрности, обвитая лаврами, съ ключами, печатью и собакою на самомъ верху; кромѣ того столъ былъ уставленъ множествомъ всевозможныхъ миѳологическихъ алтарей и изображеній; тутъ были и алтарь благодарности, и скала любви къ отчизнѣ и т. п. [1]).

Между тѣмъ, несмотря на эти празднества и всеобщее веселье, Варшава дѣятельно готовилась къ войнѣ.

VIII.

Засѣданія сейма, возобновившіяся по окончаніи празднествъ, 25-го апрѣля (6-го мая), были посвящены исключительно обсужденію вопросовъ, касавшихся обороны края. На первомъ же засѣданіи, по предложенію Игнатія Потоцкаго, заступавшаго мѣсто военнаго министра который находился въ отпуску, было положено учредить два казацкихъ и два татарскихъ полка и четыре батальона вольныхъ охотниковъ. Изъ 9 милліоннаго фонда, предназначеннаго для обороны страны, было рѣшено выдать по 2.000 червонцевъ на экипировку генераламъ, коимъ ввѣрялось командованіе отдѣльными корпусами. Къ предложенію кіевскаго посла Хоецкаго «объявить врагами отечества всѣхъ тѣхъ, кто присоединятся, во время войны, къ непріятелю, и наложить секвестръ на половину ихъ имущества» [2]), было прибавлено, по требованію жмудскаго посла Олендскаго, что «убытки, причиненные въ польскихъ владѣніяхъ обывателямъ, при сожженіи непріятелемъ городовъ и селъ, должны быть пополнены впослѣдствіи раскладкою на всю націю».

3-го (14-го) мая, депутація, избранная для выработки закона о средствахъ обороны, подала проектъ, который въ тотъ же день былъ принятъ единогласно. «Тотчасъ послѣ этого посолъ Збонискій пожертво-

---

[1]) Король—Букатому 5-го (16-го) мая 1792. (Калинка, стр. 211).

[2]) Głos. J. W. Imci Pana Jana Chojeckiego, d. 10 maja r. 1792. na sesyi sejmowej miany. Warszawa, u Grölla, in f., K. nlb. 2.

валъ 40.000 злотыхъ, предоставивъ 5% съ этой суммы для раздачи наградъ отличившимся. Князь Іосифъ Любомирскій пожертвовалъ четыре 6 фунтовыя пушки; многія другія лица сдѣлали также патріотическія пожертвованія. Поляки заранѣе воспѣвали свои будущія побѣды: «что полякъ, то богатырь; съ такимъ воинствомъ, съ тобою, король, на челѣ, мы достигнемъ нашихъ цѣлей»,—говорилось въ сочиненныхъ тогда виршахъ» [1]).

Наступило 7-е (18-е) мая—день памятный въ польской исторіи, въ который Булгаковъ подалъ литовскому подканцлеру Хрептовичу декларацію императрицы Екатерины въ двухъ экземплярахъ: рукописномъ на русскомъ языкѣ съ французскимъ переводомъ и печатномъ на томъ и другомъ языкѣ.

—Я угадываю ея содержаніе,—сказалъ Хрептовичъ,—но я не буду ее читать, а передамъ ее королю».

Послѣ короткой и по обыкновенію дружеской бесѣды съ Булгаковымъ, онъ присовокупилъ, прощаясь съ посланникомъ: «лишь бы все это удалось уладить по-дружески».

Русскій посланникъ ручался въ дружескихъ намѣреніяхъ Россіи, которая, по его словамъ, стремилась только утвердить въ Польшѣ прежнія вольности. Разставшись съ Хрептовичемъ, Булгаковъ поѣхалъ съ письмомъ императрицы и съ деклараціей къ примасу. Распечатывая письмо, примасъ сказалъ также, что онъ догадывается о его содержаніи, а по прочтеніи письма заявилъ, что императрица отдаетъ ему справедливость, называя его хорошимъ патріотомъ. Примасъ, какъ и Хрептовичъ, выразилъ надежду, что «все удастся уладить, не прибѣгая къ насильственнымъ мѣрамъ», и тотчасъ поѣхалъ къ королю [2]).

Отъ примаса Булгаковъ отправился къ посламъ прусскому и австрійскому и передалъ имъ, по приказанію императрицы, копіи съ декларації. Въ тотъ же день, вечеромъ, онъ разослалъ копіи съ декларації сторонникамъ Россіи. Вѣсть о полученіи декларації разнеслась по Варшавѣ и вызвала всеобщее волненіе. Никто не думалъ, что дѣло могло окончиться благополучно, но никто не ожидалъ, что оно приметъ такъ скоро угрожающій оборотъ.

По странному стеченію обстоятельствъ, письмо кн. Іосифа Понятовскаго, отъ 2-го (13-го) мая, въ которомъ онъ сообщалъ королю, что ни одинъ русскій солдатъ не переступилъ еще границы Рѣчи Посполитой и что вторженіе русской арміи ожидается не раньше 15-го (26-го) мая, было получено Станиславомъ-Августомъ въ тотъ самый день,

[1]) Костомаровъ, 435.

[2]) Король—Букатому 8-го (19-го) мая 1792.

когда Булгаковымъ была подана декларація [1]). О ней зналъ ранѣе надворный коронный маршалъ Рачинскій, съ которымъ Булгаковъ былъ откровененъ, но онъ никого не предупредилъ объ этомъ и уѣхалъ изъ Варшавы до 7-го (18-го) мая, ничего не сказавъ.

8-го (19-го) мая, въ субботу, собрался совѣтъ у Коллонтая. Было рѣшено прочесть декларацію въ ближайшемъ засѣданіи сейма и спросить пословъ: прусскаго, австрійскаго и саксонскаго, можно-ли разсчитывать на помощь ихъ дворовъ. На этомъ засѣданіи было предложено ввѣрить начальство надъ арміей королю и обсуждались мѣры обороны и способы удержать въ повиновеніи провинцію. На слѣдующій день Коллонтай писалъ королю: «ваше королевское величество, прикажите точно разузнать, гдѣ находится Рачинскій; его пребываніе въ воеводствахъ опасно. Почему не предупредилъ онъ насъ о нотѣ, коль-скоро передъ отъѣздомъ ему было извѣстно, что Булгакову приказано въ скоромъ времени подать ее. Я зорко слѣжу за Рогожинскимъ и Мечковскимъ; эти господа передаютъ корреспонденцію; въ особенности я не вижу разумнаго основанія держать такихъ господъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ... Въ великой Польшѣ все будетъ спокойно, если только г.г. Рачинскій, Бнинскій и Мощенскій будутъ сидѣть спокойно... Слѣдовало бы также дать надлежащія указанія воеводствамъ, какъ поступить въ случаѣ, если бы вздумали объявить конфедерацію... Что касается декларации, то я совѣтовалъ бы обнародовать по поводу ея три акта: оффиціальный отвѣтъ, манифестъ къ европейскимъ державамъ, въ которомъ былъ бы изложенъ образъ дѣйствій Москвы и универсалъ къ народу».

Русская декларація была прочитана секретаремъ Стражи по иностраннымъ дѣламъ, референдаріемъ литовскимъ, княземъ Волловичемъ, въ засѣданіи сейма 10-го (21-го) мая. Въ залѣ воцарилось глубокое молчаніе; при чтеніи того мѣста декларации, въ которомъ императрица говорила, что, будучи дружески расположена къ Рѣчи Посполитой, она готова помочь добрымъ полякамъ возвратить утраченныя ими вольности, раздался ропотъ, покашливанія и смѣхъ. Маршалы поспѣшили водворить порядокъ.

По прочтеніи декларации король произнесъ рѣчь.

«Вы видите,—сказалъ онъ,—что въ этой декларации отзываются пренебрежительно не только о нашей конституціи 3-го мая, но и о всѣхъ вашихъ дѣйствіяхъ, предшествовавшихъ этому акту. Вы видите стараніе унизить настоящій сеймъ и угрозы нашей независимости. Видите открытое вспоможеніе тѣмъ изъ нашихъ соотечественниковъ, которые посягаютъ на благосостояніе и благо отечества. Вы видите, наконецъ, угрозу всему народу, вѣрному своему рѣшенію и своей при-

[1]) Король—Букатому 8-го (19-го) мая 1792. (Калинка, l. c. II, 213).

сягѣ, такимъ образомъ очевидное насиліе противъ насъ со стороны Россіи. Вы видите поэтому, что намъ необходимо принять всевозможныя мѣры къ оборонѣ и спасенію отечества. Для этого есть два средства: первое составляетъ все, на что могутъ рѣшиться отвага и мужество; я заранѣе соглашаюсь на все, что вы въ этомъ смыслѣ рѣшите, и обѣщаюсь стать и стоять своею особою тамъ, гдѣ мое присутствіе будетъ нужно для возбужденія духа въ опасности и для устроенія силъ и обстоятельствъ нашихъ. Другой рядъ мѣръ, могущихъ служить къ нашему спасенію, можетъ и долженъ быть найденъ въ переговорахъ. И прежде всего намъ слѣдуетъ обратиться къ союзнику нашему, королю прусскому. Вы помните, что почти съ самаго открытія сейма, каждый важный шагъ вашъ совершался по желанію и совѣту прусскаго короля, а именно: освобожденіе изъ-подъ гарантіи, посольство въ Турцію, удаленіе изъ нашего края русскихъ магазиновъ и русскаго войска; этотъ великодушный сосѣдъ нашъ побуждалъ насъ установить твердое правленіе и только на этомъ условіи желалъ устроить свой союзъ съ нами, обѣщая намъ ходатайства и помощь, если бы ходатайства не оказались достаточны для охраненія нашихъ границъ. Эти два пункта нынѣ нарушены декларацією, въ которой намъ ставятъ въ вину тѣ именно поступки, которые мы учинили въ полномъ единомысліи съ королемъ прусскимъ. Я нахожу, что намъ слѣдуетъ обратиться также къ его величеству, королю венгерскому, какъ къ нашему сосѣду, собственный интересъ коего требуетъ, чтобы Польша не была завоевана и не была бы въ зависимости отъ такой державы, отъ которой ее отдѣляли столько лѣтъ владѣнія Рѣчи Посполитой. Всего естественнѣе намъ обратиться къ саксонскому курфирсту, коему мы оказали столько расположенія, что одна благодарность должна побуждать его искать способовъ облегчить намъ грозящія непріятности. Если бы нашлись и другіе пути, кои дали бы намъ возможность вести переговоры перомъ, а не оружіемъ, то не слѣдовало бы пренебрегать ими. Наконецъ, невѣроятно, чтобы такая свѣтлая и великодушная государыня, какъ Екатерина II, захотѣла совершенно пренебречь всякими представленіями, какія могутъ быть сдѣланы ей со всѣхъ сторонъ для отвращенія бѣдствій, неразлучныхъ съ войною, которой послѣдствія тяжелыя для человѣколюбія, безъ сомнѣнія, противны нѣжному сердцу этой государыни; тѣмъ болѣе, если ей докажутъ, что донесенія нашихъ собственныхъ соотечественниковъ не согласны съ истиной... Невѣроятно, чтобы ея величество императрица, будучи лучше освѣдомлена, пожелала бы домогаться силою исполненія выраженныхъ въ декларації желаній, когда истина, справедливость и миролюбіе заговорятъ въ ней»... Въ заключеніе своей рѣчи король призывалъ сеймъ изыскать средства къ оборонѣ отечества и напомнилъ,

*

что теперь слѣдуетъ охранять русскаго посла отъ всякихъ могущихъ быть съ нимъ въ Польшѣ непріятностей [1]).

Въ это же достопамятное засѣданіе сеймъ приступилъ къ обсужденію давно уже стоявшаго на очереди вопроса о диссидентахъ и призналъ, наконецъ, существованіе особой іерархической власти надъ православною церковью въ областяхъ Рѣчи Посполитой.

Въ послѣдующіе дни сеймъ обсуждалъ съ небывалой поспѣшностью вопросы, касавшіеся обороны страны. На засѣданіи 13-го (24-го) мая жмудскій посолъ Олендскій просилъ короля открыть имена эмигрантовъ, которые находились въ Петербургѣ и составили заговоръ противъ отечества. Подольскій посолъ Ржевусскій требовалъ, чтобы были названы лица, кои, засѣдая въ сеймѣ, поддерживали сношенія съ русскимъ дворомъ; когда же король отказался назвать кого-либо, то стародубскій посолъ Ельскій предложилъ, чтобы Щенсному-Потоцкому, Северину Ржевусскому, Сухоржевскому, Мощенскому, каштеляну Четвертинскому и Загорскому было повелѣно явиться по истеченіи трехъ недѣль къ сеймовому суду, а Злотницкаго, который, согласно донесенію оффиціальныхъ лицъ, побуждалъ польское войско перейти на сторону Россіи— предать суду немедленно. Но такъ какъ король былъ противъ столь крутыхъ мѣръ, то была составлена, утвержденная единогласно, «декларація о теперешнемъ состояніи Рѣчи Посполитой», и на основаніи ея состоялось постановленіе, въ силу котораго всѣмъ полякамъ, находившимся на русской службѣ, повелѣвалось возвратиться въ Польшу; тѣ, кои оказались бы въ рядахъ войска, шедшаго на Рѣчь Посполитую, объявлялись врагами отечества точно такъ же, какъ и всѣ лица, кои, живя въ Польшѣ или за границей, составляли заговоръ противъ сейма и правительства Рѣчи Посполитой и не откажутся отъ своихъ замысловъ въ теченіе шести недѣль. Всѣмъ этимъ лицамъ, какъ принимавшимъ лично участіе въ заговорѣ, такъ и подстрекавшимъ къ оному другихъ, или осмѣливавшимся идти съ войскомъ россійскимъ на отечество, угрожало лишеніе всѣхъ правъ и смертная казнь. Для разсмотрѣнія всѣхъ таковыхъ дѣлъ учреждался сеймовый судъ.

18-го (29-го) мая былъ послѣдній день четырехлѣтняго сейма; послѣднее засѣданіе его, начавшееся послѣ полудня, продолжалось до 4-хъ часовъ ночи, когда сеймъ былъ закрытъ. Послѣднимъ его дѣломъ было составленіе трехъ актовъ: отвѣта на русскую декларацію, воззванія главнокомандующаго къ арміи и универсалъ короля и сеймовыхъ чиновъ къ народу.

Надъ составленіемъ отвѣта на русскую декларацію трудились: мар-

---

[1]) Głos Jego Krôlewskiej Mci dnia 21 maja roka 1792. Bez. m. inf. kart. nlb. 2.

шалъ Потоцкій съ братомъ своимъ Станиславомъ, Вейсенгофъ, Мостовскій и Піэтоли. Они просидѣли за нимъ всю ночь съ 7-го на 8-ое (18-го на 19-ое) мая и долго колебались, отвѣчать-ли категорично, опровергнувъ все сказанное въ декларацiи по пунктамъ, или же высказать коротко, что независимый польскій народъ имѣлъ право совершить, въ лицѣ своихъ представителей, то, что считалъ необходимымъ для поддержанія своего благополучія и свободы; и когда на него нападаютъ, то онъ готовъ принести для обороны страны всѣ возможныя жертвы. Послѣ продолжительнаго совѣщанія было рѣшено отвѣтить по пунктамъ. Проектъ контръ-декларацiи, прочитанный на утреннемъ засѣданіи 18-го (29-го) мая, былъ выслушанъ въ глубокомъ молчаніи.

21-го мая (1-го іюня) Хрептовичъ подалъ отвѣтъ на русскую декларацію Булгакову, который нашелъ, что онъ составленъ напыщенно и полонъ софизмовъ.

Прежде всего въ немъ говорилось о тѣхъ грустныхъ чувствахъ, которыя декларація вызвала въ полякахъ, занятыхъ единственно заботою о своемъ спокойствіи и безопасности. Затѣмъ говорилось, что «этотъ актъ не согласуется съ извѣстнымъ величіемъ сердца наияснѣйшей императрицы» и есть очевидно слѣдствіе непріязненныхъ внушеній.

Вмѣсто того чтобы энергично опровергнуть высказанныя въ декларацiи обвиненія, дѣйствія Рѣчи Посполитой оправдывались, но вмѣстѣ съ тѣмъ умалчивалось о побужденіяхъ, руководившихъ дѣйствіями сейма; и говорилось, что изложенныя въ декларацiи обвиненія представили дѣло въ ложномъ свѣтѣ. Конституція 3-го мая изображалась дѣломъ единомышленія; поздравленія, полученныя изъ разныхъ мѣстъ, и согласіе, выраженное на послѣднихъ сеймикахъ, выставлялись какъ доказательство, что нація приняла и одобрила дѣло 3-го мая, и т. д.

Въ заключеніе высказывалась надежда, что чистыя намѣренія короля и польскаго народа найдутъ и у великой государыни ту же справедливость, какая признана за ними всею Европою, но что если бы «Рѣчь Посполитая увидала посягательство на свою самостоятельность и законную власть, то польскій народъ не поколебался бы въ выборѣ между спокойствіемъ подлой покорности и достохвальною рѣшимостью на всякія случайности».

Не особенно удачный по формѣ и по содержанію, отвѣтъ этотъ произвелъ неблагопріятное впечатлѣніе на польскую публику.

«Мы ожидали,—писалъ Янъ Снедецкій,—что отвѣтъ на коварную, злобную и постыдную для насъ русскую декларацію, написанную впрочемъ на прекрасномъ польскомъ языкѣ, будетъ написанъ въ такихъ выраженіяхъ, которыя дали бы понятіе о силѣ и мощи народа и выразили бы его твердую рѣшимость отстоять свою независимость. Но мы жестоко ошиблись. Отвѣтъ, котораго мы ожидали съ такимъ нетер-

пѣніемъ, написанъ слабо; онъ изображаетъ Польшу какъ какого-то молодаго хвастуна, который при первой угрозѣ и похвальбѣ со стороны врага способенъ поступить подло. Въ нашемъ воеводствѣ высказываютъ по поводу этого письма такія мнѣнія, которыя роняютъ Польшу въ глазахъ людей. Дипломатическій актъ, который будетъ прочтенъ всей Европою, написанъ такъ глупо, какъ будто вся цѣль его заключается въ грубомъ восхваленіи императрицы, внушенномъ людямъ не сознаніемъ ихъ невинности и рѣшимостью защищаться, а лицемѣріемъ и неувѣренностью въ себѣ» [1]).

Совершенно въ иномъ тонѣ было написано воззваніе короля къ войску. Напомнивъ объ утѣсненіяхъ, кои Польша испытала со стороны Россіи, онъ призывалъ народъ къ борьбѣ во имя святыхъ обязанностей гражданина; воззваніе заканчивалось возгласомъ: «Дѣти! будемъ независимы и всѣми уважаемы, либо умремъ съ честью!»

Универсалъ къ народу, написанный княземъ Пирамовичемъ и редактированный Коллонтаемъ, произвелъ на всѣхъ потрясающее впечатлѣніе.

«Вы будете воевать за вѣру, за законы, за свою свободу и достояніе,—говорилось въ универсалѣ;—вы будете сражаться за своихъ родителей, за женъ, за все то, что можетъ быть дорого человѣческому сердцу.

«У насъ достаточно средствъ противустоять врагамъ; что можетъ сдѣлать Польшѣ сила, хотя бы самая грозная, если всѣ сограждане, соединившись, пойдутъ подъ предводительствомъ своего короля на защиту предѣловъ своей страны, своихъ законовъ и преимуществъ!»

Поляковъ предостерегали не вѣрить коварнымъ внушеніямъ тѣхъ брошюръ, въ которыхъ старались очернить правительство, отвлечь поляковъ отъ конституціи и склонить ихъ на сторону Россіи.

«Вы знаете по опыту,—говорилось дальше,—что значитъ быть подъ покровительствомъ Россіи. Насильственное похищеніе сенаторовъ, министровъ и пословъ, совершенное на глазахъ короля и чиновъ государства, неуважительное обращеніе съ дворянствомъ, насилія надъ жилищами гражданъ, утѣсненіе городовъ, уводъ жителей изъ края, наконецъ, раздѣлъ территоріи нашей. Вотъ плоды русской гарантіи. Можете-ли вы надѣяться, что это государство будетъ лучше обращаться съ вами, если оно успѣетъ васъ обольстить, для того, чтобы снова открыть раны Рѣчи Посполитой? Дворянство и мѣщане почувствуютъ эту тяжесть еще сильнѣе послѣ того, какъ они сдѣлались свободными и независимыми; крестьяне-земледѣльцы, которымъ теперь покровительствуютъ законы, дарующіе счастье всѣмъ жителямъ, погонятся тысячами, какъ скотъ,

[1]) Письма къ Яну Снедецкому. Изд. Крашевскаго. Познань. 1878 г., ст. 50.

изъ плодоносныхъ полей своихъ въ безплодныя пустыни, наконецъ, окончательный раздѣлъ польской территоріи и вѣчное забвеніе польскаго имени будутъ плачевнымъ слѣдствіемъ несогласія поляковъ» [1]).

За границей обратили вниманіе на большую разницу въ тонѣ отвѣта на русскую декларацію и универсала. Датскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Бернсдорфъ, хваля первый, сожалѣлъ о томъ, что «кромѣ этого акта, вызвавшаго, по его словамъ, «восторгъ всей Европы», появился универсалъ, который старался изобразить въ глазахъ народа все дѣло совершенно иначе и былъ далекъ отъ умѣреннаго тона» [2]).

Любопытно было бы знать, думалъ-ли король, принимая командованіе надъ арміей и издавая прокламацію къ войску, что война неизбѣжна, и надѣялся-ли онъ на побѣду? Въ рѣчи, произнесенной имъ на сеймѣ 10-го (21-го) мая, онъ выразился о войнѣ съ Россіей какъ о возможной случайности, послѣдствій которой слѣдовало избѣжать, прибѣгнувъ съ этой цѣлью къ переговорамъ. Сущность его намѣреній выразилась въ словахъ: «лучше перомъ, нежели оружіемъ». Онъ говорилъ о помощи Берлинскаго, Вѣнскаго и Дрезденскаго дворовъ, но вѣрилъ-ли онъ дѣйствительно въ эту помощь? На Австрію, занятую войною съ Франціей, трудно было разсчитывать; а надежды на поддержку со стороны Пруссіи были совершенно разрушены Луккезини. Получивъ присланную Хрептовичемъ Прусскому двору копію съ изданнаго сеймомъ акта: «Готовность Рѣчи Посполитой къ оборонѣ», Луккезини отвѣтилъ на это сообщеніе нотой отъ 23-го апрѣля (4-го мая), въ которой высказалъ, что его монархъ не можетъ входить въ обсужденіе рѣшеній Рѣчи Посполитой, такъ какъ они совершенно его не касаются. Передавая Хрептовичу ноту, онъ сказалъ: «Король прусскій былъ удивленъ и встревоженъ мѣрами, принятыми сеймомъ въ засѣданіи 5-го (16-го) апрѣля, которыя могутъ имѣть самыя нежелательныя для Рѣчи Посполитой послѣдствія».

«Въ войнѣ, которую Польша намѣревается вести для поддержанія силою оружія наслѣдственности престола и новой конституціи, она не должна разсчитывать на помощь ни со стороны Пруссіи, ни со стороны другихъ сосѣднихъ державъ. Король не желаетъ вмѣшиваться въ польскія дѣла и отказывается даже отъ переговоровъ; онъ до того хочетъ отстранить себя отъ всего, что не желаетъ даже, чтобы ему вспоминали о Рѣчи Посполитой» [3]).

---

[1]) Костомаровъ, 445.

[2]) Депеша Анквича изъ Копенгагена, 16-го (27-го) іюня 1792. (Библ. Оссолинскихъ, т. III, стр. 264).

[3]) Содержаніе ноты отъ 23-го апрѣля (4-го мая) 1792 съ содержаніемъ заявленія, сдѣланнаго Луккезини устно, было отпечатано въ переводѣ на польскій языкъ и ходило въ Польшѣ по рукамъ.

Саксонскій дворъ, напуганный положеніемъ дѣлъ и недоброжелательными къ Польшѣ депешами своего резидента въ Варшавѣ, Эссена, также отказался отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ.

«Ваше превосходительство понимаете, конечно, какія печальныя послѣдствія и какія бѣдствія можетъ повлечь за собою пагубное рѣшеніе, состоявшееся 5-го (16-го) апрѣля»,—писалъ Эссенъ Хрептовичу, ознакомившись съ содержаніемъ сеймоваго акта «Готовность Рѣчи Посполитой къ оборонѣ». Прусскій посланникъ, который такъ же точно, какъ и послы прочихъ державъ, отправилъ къ своему двору курьера, полагаетъ, что это рѣшеніе погубитъ Польшу. Всѣ иностранные послы говорятъ, что тотъ дворъ, который не хочетъ ссориться съ Россіей, долженъ быть въ высшей степени остороженъ въ сношеніяхъ съ людьми столь ненадежными и безразсудными. Приглашая къ вооруженію мѣщанъ и людей запальчивыхъ словомъ и мѣрами, можно ожидать самыхъ ужасныхъ случайностей» [1]).

27-го апрѣля (8-го мая) прибылъ въ Варшаву саксонскій чрезвычайный уполномоченный Лобенъ; два дня спустя онъ имѣлъ аудіенцію у короля. На засѣданіи сейма 3-го (14-го) мая, король назначилъ для совѣщанія съ нимъ и Эссеномъ, канцлера Малаховскаго и подканцлера Хрептовича, но начатые ими переговоры были прерваны закрытіемъ сейма и неожиданнымъ отъѣздомъ Лобена, который не могъ ничего обѣщать Польшѣ, кромѣ того, что курфирстъ per bona officia (желая оказать Польшѣ добрую услугу) постарается склонить въ ея пользу сосѣднія державы.

11-го (22-го) мая былъ отправленъ въ Вѣну кн. Чарторыйскій съ порученіемъ упросить императора начать переговоры, а 14-го (25-го) мая Хрептовичъ подалъ Луккезини ноту, въ коей, ссылаясь на VI статью договора, заключеннаго 18-го (29-го) марта 1790 г., онъ просилъ короля прусскаго о помощи. Не ожидая отвѣта, было рѣшено послать кого-нибудь для личныхъ переговоровъ съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ.

«Для нашего дѣла было бы весьма важно послать въ Берлинъ такое лицо,—писалъ Станиславъ Потоцкій,—которое могло бы вести переговоры съ самимъ королемъ прусскимъ, а не съ Берлинскимъ кабинетомъ. Этому вполнѣ соотвѣтствуетъ посылка въ Вѣну князя Чарторыйскаго.

«Достаточно будетъ приподнять въ Берлинѣ ту завѣсу, которая скрываетъ отъ глазъ короля прусскаго интересы Польши, тѣсно связанные съ его собственными интересами» [2]).

---

[1]) Kalinka. Ostatnie lata pan. St. Augusta. 1868, II, стр. 341.

[2]) Письмо Ст. Потоцкаго королю безъ даты. (Wolski, l. c., стр. 159).

Для посылки въ Берлинъ выборъ палъ на Игнатія Потоцкаго, который однако не вполнѣ ясно представлялъ себѣ положеніе дѣлъ и намѣревался настаивать, прежде всего, на исполненіи обязательствъ, принятыхъ Пруссіей по VI ст. договора, т. е. оказанія Рѣчи Посполитой, въ случаѣ надобности, вооруженной помощи, снабженія ея деньгами, либо оружіемъ и разрѣшенія прусскимъ офицерамъ вступить на службу Польши.

Онъ полагалъ, что ему будетъ легко добиться всего этого, а въ случаѣ отказа, рѣшилъ настаивать на томъ, чтобы король прусскій потребовалъ отозванія русскихъ войскъ; въ случаѣ же неисполненія этого къ указанному сроку, угрожалъ бы императрицѣ отказаться отъ исполненія и своихъ обязанностей, какъ союзника.

Наконецъ, если бы король и этого не исполнилъ, «что было бы, по мнѣнію Потоцкаго, явнымъ доказательствомъ равнодушія Пруссіи и нежеланія сдержать свое слово», то Потоцкій рѣшилъ домогаться окольными путями, чтобы было приступлено къ переговорамъ, но это не освободило бы Фридриха-Вильгельма отъ обязательствъ, принятыхъ имъ на себя въ силу договора [1]).

Несмотря на то, что въ Варшавѣ были получены, въ это время, извѣстія, что прусскій посланникъ въ Россіи всячески старался склонить императрицу принять энергическое рѣшеніе относительно польскихъ дѣлъ, Станиславъ-Августъ вывелъ изъ отвѣта Луккезини на сообщеніе Хрептовича утѣшительное для себя заключеніе и на основаніе этого составилъ новый планъ дѣйствій.

«Въ виду того, что французы объявили Австріи войну,—такъ разсуждалъ король,—Пруссіи по неволѣ придется принять въ ней участіе, поэтому ей неудобно вмѣшаться въ войну съ Москвою, но ей также невыгодно, чтобы Польша была завоевана Екатериной, ибо въ такомъ случаѣ она очутилась бы въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ нею, чего она не можетъ желать. Поэтому Пруссія только стращаетъ насъ, будто она насъ совсѣмъ оставитъ, чтобы мы испугались и полѣзли къ Москвѣ на колѣняхъ, въ надеждѣ, что Москва заставитъ насъ отказаться отъ наслѣдственнаго правленія, а все прочее въ конституціи оставитъ, но если Москва начнетъ одолѣвать Польшу, то прусскій король навѣрно ей поможетъ; слѣдовательно, рано или поздно, ему придется, ради своей собственной безопасности, принять участіе въ войнѣ между Россіей и Рѣчью Посполитой».

Изъ всего этого король выводилъ заключеніе, что ему «не было ни полезно, ни умѣстно сдѣлать какой-либо шагъ по отношенію къ Москвѣ

---

[1]) Собственноручная записка Игнатія Потоцкаго безъ даты. (Рукоп. арх. кн. Чарт. № 929).

до тѣхъ поръ, пока не будетъ получено извѣстіе о началѣ наступательныхъ дѣйствій со стороны русскихъ».

Но изъ этого видно, что Станиславъ-Августъ, еще до полученія отъ Булгакова декларації, допускалъ необходимость войти рано или поздно въ переговоры съ Россіей, а приблизительно за мѣсяцъ до полученія извѣстій объ исходѣ переговоровъ кн. Чарторыйскаго въ Вѣнѣ и отвѣта Прусскаго двора на послѣднюю ноту Хрептовича и на миссію, возложенную на Игнатія Потоцкаго, эта мысль совершенно у него созрѣла, и онъ началъ подготовлять къ ней общественное мнѣніе. Выразительницею этой мысли явилась изданная Станиславомъ Потоцкимъ, по указанію короля, брошюра: «Raczey pidrem, niż orężėm, czyli droga do traktowania z Imperatorową Imcią rossyjską (8°) [1]), въ которой проводилась идея, что Россію натравили на войну съ Польшей эмигранты, но что они утратятъ вскорѣ у императрицы всякое значеніе, и тогда Рѣчь Посполитая обрѣтетъ вновь спокойствіе. Но это не могло случиться до тѣхъ поръ, пока эмигранты были нужны Россіи. А они будутъ ей ненужны только тогда, когда Польша откажется сама, по желанію императрицы, отъ преимуществъ, связанныхъ съ новой конституціей.

«Придумаемъ же какое-нибудь средство,—говорилось въ брошюрѣ,—уничтожимъ замыслы эмигрантовъ, покажемъ, что мы и безъ нихъ можемъ жить съ Россіей въ добромъ согласіи».

Средство было найдено. По мнѣнію автора брошюры, бракъ польской инфанты съ великимъ княземъ россійскимъ вполнѣ соотвѣтствовалъ бы желаніямъ императрицы.

«Она отозвала бы тогда изъ Польши свои войска и, одобривъ конституцію, признала бы наслѣдственность королевской власти полезною для Польши и для своихъ внуковъ, обезпеченныхъ этимъ отъ деспотизма аристократіи».

Таковъ былъ планъ короля, но событія шли столь быстрымъ темпомъ, что никакіе планы уже не могли предотвратить роковой развязки.

Вручивъ Булгакову отвѣтъ Варшавскаго правительства на декларацію Екатерины II, Хрептовичъ сказалъ ему въ дружеской бесѣдѣ:

«Мы видимъ, что Пруссія насъ обманула, она натравила насъ на все и теперь измѣняетъ намъ; многіе готовы сойтись съ Россіей, лишь бы отомстить коварному союзнику. Вы меня уговорили войти въ Стражу, а я всегда былъ недоволенъ этими дѣлами. Я старался, сколько могъ.

---

[1]) Лучше перомъ, нежели оружіемъ, или путь къ переговорамъ съ ея величествомъ императрицей россійской.

По моимъ внушеніямъ король и теперь хотѣлъ бы лучше прибѣгнуть къ милосердію россійской государыни и заключить самый тѣсный дружескій союзъ съ Россіей, а Іосифу Понятовскому и теперь велѣно избѣгнуть сраженія. Можно-ли надѣяться на то, что вы войдете съ нами въ переговоры?»

Булгаковъ отвѣчалъ: «Я не могу иначе войти съ вами въ переговоры, какъ на основаніи поданной мною декларації. Приму всякое ваше разсудительное предложеніе и доставлю его императрицѣ» [1]).

Но время переговоровъ миновало. Въ тотъ самый день, въ который Булгаковъ вручилъ Варшавскому правительству декларацію, русскія войска вступили въ предѣлы Рѣчи Посполитой для того, чтобы поддержать протестъ императрицы противъ переворота 3-го мая.

В. В. Тимощукъ.

---

[1]) Костомаровъ, 448.

Замѣтка Николая Дмитріевича Быкова о Т. Г. Шевченко.

Теплая душа Жуковскаго принимала полное участіе въ освобожденіи Шевченко [1]), и онъ, прежде всего, просилъ императрицу Александру Ѳеодоровну, чрезъ посредство своего питомца [2]), но это ему не удалось. Тогда Жуковскій, будучи въ хорошихъ и, можно сказать, дружескихъ отношеніяхъ съ Карломъ Брюловымъ, говоритъ ему:

— Напиши мой портретъ для добраго дѣла.—Я думаю, я его продамъ, а деньги заплатимъ за Шевченко.—Если не удастся это, то мы разыграемъ въ лотереѣ.

Брюловъ согласился, портретъ былъ написанъ. Когда портретъ былъ оконченъ, то пріѣзжаетъ къ Брюлову Михайло Юрьевичъ Віельгорскій и проситъ Брюлова указать лицо, которое бы написало копію.— Брюловъ указалъ въ то время на меня, и я копію исполнилъ за 1 тыс. руб. Послѣ того портреты были разыграны въ лотерею, собраны деньги. Оригиналъ Брюлова достался императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, а мой портретъ поступилъ въ галлерею Третьякова въ Москвѣ подъ именемъ Брюлова, и когда я просилъ Третьякова, чтобы онъ снялъ имя Брюлова, то онъ не охотно на то соглашался, и я не знаю, исполнилъ-ли онъ мою просьбу или нѣтъ [3]).

---

[1]) Помѣщикъ просилъ за него 2.500 рублей.

[2]) Наслѣдника Александра Николаевича, впослѣдствіи императора Александра II.

[3]) Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ находятся въ письмахъ В. А. Жуковскаго къ графинѣ Ю. Ѳ. Барановой. См. „Рус. Стар.“ 1902 г. № 4.

Бытовые очерки В. П. Лободовскаго.

VI [1]).

Время шло медленно въ пути и скучно для генеральши и Амаліи Ѳедоровны. У той и другой день-отъ-дня все больше и больше стали разстраиваться нервы, и онѣ капризничали, доходили до злости и измучили горничныхъ, которыя, какъ ни старались, никакъ не могли угодить на нихъ. Не скучали только Перепелкинъ и Клодочка, занятые, — кромѣ возникавшаго у нихъ другъ къ другу новаго, незнакомаго еще имъ чувства,— серьезными дѣлами: одна—усиліями—и небезуспѣшными — побѣдить природный недостатокъ въ выговорѣ, другой—стремленіемъ усвоить разговорный французскій и нѣмецкій языки и познакомиться съ англійскимъ. Генеральша охладѣла къ тому и другому дѣлу, даже къ чтенію, во время котораго нерѣдко засыпала, и потому оно прерывалось. Но Амалія Ѳедоровна оживала, какъ бы пробуждаясь отъ глубокаго летаргическаго сна, когда Перепелкинъ, въ случаѣ затрудненія со стороны Клодочки, обращался къ ней за разъясненіемъ нѣкоторыхъ особенностей англійской рѣчи. Развлеченіемъ, правда, весьма непріятнымъ, особенно для нескучающихъ и безъ того Перепелкина и Клодочки, послужило одно обстоятельство, вызвавшее цѣлую бурю со стороны генеральши и которое—не будь Клодочки—могло бы окончиться добровольнымъ отложеніемъ Перепелкина отъ этой компаніи.

Въ какомъ-то кушаньи ея превосходительство почувствовала недостатокъ или полное отсутствіе каперсовъ.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ мартъ 1904 г.

Позванъ былъ поваръ, который, хотя, повидимому, и порядочно уже клюкнулъ, но предсталъ предъ ея превосходительствомъ съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства, правоты и положенія.

— Почему въ кушаньи нѣтъ капорцовъ? — сердито спрашиваетъ генеральша.

— Есть, сударыня, но мало! — отвѣчаетъ громко и выразительно профессоръ кулинарнаго искусства.

— Почему мало?

— Этого, сударыня, я не могу знать.

— Какъ ты не можешь знать?—горячится ея превосходительство.

— Мнѣ, при отъѣздѣ, дано столько, что теперь день-отъ-дня надо уменьшить порцію, потому что на проселкахъ ихъ не достать ни за какія деньги.

— Пошелъ вонъ, болванъ!

Думали, что тѣмъ все и кончилось; но это было только началомъ взрыва.

Пошла переборка всѣхъ, распеканье камердинера, лакея, горничныхъ, допросы: кто выносилъ продукты изъ кладовой, по чьему распоряженію, въ какомъ количествѣ и согласно-ли съ росписаніемъ.

Бросились искать росписанія, но опять таковаго не оказалось ни у генеральши, ни у камердинера. Пришлось обратиться къ Перепелкину, который, по совѣту добрѣйшаго и предусмотрительнаго Эдуарда Ивановича, всегда носилъ свое при себѣ.

— Каперсы, каперсы,—говорилъ, входя въ комнату, Перепелкинъ и ища глазами, гдѣ бы они значились въ росписаніи.

— Да не каперсы, а капорцы,—поправила сердито и придирчиво генеральша.

Перепелкинъ промолчалъ и продолжалъ искать.

— А вотъ они, наконецъ!—воскликнулъ онъ съ сіяющимъ лицомъ, думая, въ простотѣ души, что ничего больше и не нужно, какъ только отыскать ихъ въ росписаніи.

— Капорсовъ взято...

— Да вы ихъ и назвать не умѣете!—злорадостно взвизгнула ея превосходительство:—чему тамъ васъ и учатъ въ бурсѣ!

— Однако жъ и Эдуардъ Иванычъ, ученый естественникъ, такъ ихъ называетъ въ своемъ росписаніи,—огрызался Перепелкинъ, замѣтно кипятясь:—и я думаю, что это названіе правильнѣе, чѣмъ «капорцы»—слово, очевидно, искаж...

— Подите вы съ вашею дурацкою ученостью Эдуарда Ивановича и вашею бурсацкою! — вскрикнула уже она, вся побагровѣвъ отъ злости.

Перепелкинъ положилъ на столъ росписаніе и вышелъ. Онъ на-

правился въ рощицу, которая виднѣлась не вдалекѣ отъ станціи, и весь отдался горькимъ-прегорькимъ думамъ. Послѣ тяжелаго раздумья, первой мыслью было остаться здѣсь, пока уѣдутъ, и продолжать путь въ N. пѣшкомъ, давъ генеральшѣ подписку, что истраченныя на его экипировку деньги онъ возвратитъ при первой возможности. Но зачѣмъ же ему направляться теперь въ N., когда письмо Степана Ивановича къ ректору академіи потеряетъ всякую силу послѣ этой исторіи?

Погруженный въ эти думы, онъ стоялъ, прислонившись головой къ дереву. Вдругъ кто-то, тихонько подкравшись сзади, мягкой нѣжной рукой закрылъ ему глаза. Онъ вздрогнулъ, но не отъ испуга: всѣмъ существомъ своимъ онъ сразу почувствовалъ вѣрно, чье прикосновеніе это было.

— Испугались?—обратилась къ нему Клодочка съ зардѣвшимися щечками и пожимая его горячую, дрожащую отъ волненія руку:—ради Бога, ради Бога, не сердитесь на тетушку! Увѣряю васъ, она предобрая женщина и, навѣрное, ужъ теперь болѣетъ душой и долго будетъ болѣть за невольное безразсудное оскорбленіе васъ. Я ее хорошо знаю. Она разъ и меня глубоко оскорбила, а когда я послѣ этого заболѣла, она чуть съ ума не сошла.

— Какъ же это было?—спросилъ Перепелкинъ, смотря въ ея прекрасные глаза и волнуясь отъ сладкаго, неизвѣданнаго еще имъ чувства.

— Пройдемтесь,—сказала она, не выпуская его руки:—видите-ли, ко мнѣ присватывался въ прошломъ году полковникъ Б., и я бы, навѣрное, и вышла за него замужъ, если бы въ скоромъ времени онъ совершенно не опротивѣлъ мнѣ вотъ чѣмъ. Въ первый пріѣздъ онъ понравился всѣмъ и мнѣ также, какъ человѣкъ живаго и веселаго характера. Онъ бойко разсказывалъ смѣшные анекдоты, отъ которыхъ мы всѣ то и дѣло хохотали. Во второй пріѣздъ онъ прожилъ у насъ три дня и все такъ же смѣшилъ, смѣялась и я, но не знаю, почему-то его хохотъ производилъ на меня сначала непріятное, а потомъ до болѣзненности тяжелое впечатлѣніе. Слушаешь, бывало, его,—смѣшно, а взглянешь на него, когда, раскрывъ широко свой ротъ и выставивъ свои прекрасные бѣлые зубы, онъ начнетъ какъ-то трескуче гоготать и захлебываться, чувствуешь что-то непріятное, а, наконецъ, даже полное отвращеніе. Когда я сообщила объ этомъ теткѣ, она меня поразила въ самое сердце, сказавъ: «тебѣ-ли, убогой калѣкѣ, разбирать жениховъ»! Это былъ грубый и тяжелый для меня намекъ на мой природный недостатокъ въ выговорѣ. Я заплакала и вышла на крыльцо. Это было во второй половинѣ октября, къ вечеру. Въ холодномъ воздухѣ чувствовалась сырость, которая насквозь стала пронизывать меня,

когда, усѣвшись на крыльцѣ, я задумалась надъ вопросомъ: кому же я-то лично и могу быть нужна, если родная тетка такого мнѣнія обо мнѣ? Женятся, конечно, не на мнѣ, а на моемъ богатомъ приданомъ. Долго-ли я тутъ сидѣла, когда ушла и что со мной потомъ было—я ничего не помню: у меня открылась горячка, съ какими-то особенными осложненіями, по мнѣнію докторовъ. Когда три знаменитости, выписанныя для моего лѣченія изъ губернскаго города, объявили мое положеніе безнадежнымъ, а тетка до того растерялась, что ходила, какъ помѣшанная, Эдуардъ Ивановичъ, не спрашивая уже ее, поскакалъ въ нашъ уѣздный городъ и привезъ оттуда молодаго врача-гидропата. Онъ спасъ мнѣ жизнь, обернувъ меня немедленно по пріѣздѣ въ мокрую замороженную простыню, за что и получилъ отъ тетки три тысячи рублей,—сколько ихъ оказалось тогда въ наличности дома,—да еще какихъ-то два банковыхъ билета, не знаю на какую сумму. Я не узнала ее, при первомъ побужденіи у меня сознанія—такъ измѣнилась она въ лицѣ: ввалившіяся щеки, синіе круги подъ глазами, мутный блуждающій взоръ—все свидѣтельствовало, что она изстрадалась и морально, и физически. Такъ видите-ли, значитъ, она не безсердечная эгоистка,—заключила Клодочка, выпуская руку Перепелкина, въ виду показавшейся издали, шедшей имъ навстрѣчу, Амаліи Ѳедоровны.

Что Александра Андреевна была не безсердечная женщина,—въ этомъ уже могъ убѣдиться лично и самъ Перепелкинъ изъ многихъ наблюденій, сдѣланныхъ имъ въ короткое время, но что она не чужда и самаго грубаго эгоизма, свойственнаго людямъ, избалованнымъ богатствомъ, положеніемъ, привычкой повелѣвать, угодливостью имъ окружающихъ—для наблюденія всего этого представлялись не одиночные факты, которые почти ежедневно и постоянно приводили на память Перепелкину простодушныя слова разбѣжинскаго приказчика, при возвращеніи ихъ изъ губернскаго города, по исполненіи порученія дамъ: «Потрафятъ-ли они на барыню: она-де горячая и не скоро отходитъ». Тѣмъ не менѣе природный умъ, замѣтно развитый большою начитанностію, потребность въ любви окружающей среды, составляющая принадлежность людей сердечныхъ, не успѣвшихъ еще зачерствѣть душевно,—дѣлали проявленіе ея и грубаго эгоизма менѣе чувствительнымъ по сравненію съ таковымъ же Амаліи Ѳедоровны.

Два дня не происходило чтенія и два дня, подъ предлогомъ недомоганья, генеральша обѣдала одна, въ отдѣльной комнатѣ. На третій тдень Перепелкинъ былъ приглашенъ занять мѣсто въ каретѣ, для исполненія своей прямой обязанности.

Генеральша очень внимательно отнеслась къ нему и попросила дочитать послѣднюю почту, полученную въ Сухаревкѣ.

— Вотъ завтра мы пріѣдемъ въ имѣніе Клодочки, въ которомъ

живетъ извѣстная всѣмъ бабушка Флора,—сказала она, обращаясь къ Перепелкину, когда тотъ закончилъ статью.

— Вы не вздумайте еще обижаться ея обращеніемъ, которое, пожалуй, подъ-часъ еще хуже, чѣмъ тамъ, у васъ, бываетъ въ бурсѣ,—продолжала она весело улыбаясь: — она, обыкновенно, всѣмъ говоритъ «ты», все равно губернатору, архіерею, фельдмаршалу; не прочь сказать: «не бреши, ледащо!» какъ однажды она прервала продолжительный разсказъ новой губернаторши, которая, впрочемъ, говорятъ, не поняла значенія этого неожиданнаго комплимента, а когда ей впослѣдствіи объяснили его, то она всячески избѣгала встрѣчи съ безцеремонной бабушкой Флорой. Но надо вамъ сказать, что она любитъ хохловъ и, навѣрное, будетъ заговаривать съ вами по-малороссійски, когда узнаетъ, что вы тоже хохолъ.

Чтобы окончательно изгладить въ душѣ Перепелкина непріятное впечатлѣніе своей грубой вспышки, она вступила въ подробные разспросы о его семейномъ положеніи, средствахъ къ жизни, даже полюбопытствовала узнать—извѣстно-ли его отцу, что онъ ѣдетъ съ ними, а когда Перепелкинъ, совершенно обезоруженный ласковымъ обращеніемъ и уже примиренный съ нею въ душѣ, сообщилъ ей, что онъ не только написалъ объ этомъ, но и денегъ до ста рублей послалъ отцу, то она поспѣшила заявить, что уже за одно это увеличитъ его жалованье.

— Я высоко цѣню,—говорила она,—такое нравственное отношеніе дѣтей къ родителямъ, да и вообще люблю, когда молодые люди съ пользой для себя или для другихъ употребляютъ деньги.

Хорошему настроенію генеральши немало также содѣйствовало случайное открытіе, что вторую опасную гать, о которой какъ-то позабыли и думать, вслѣдствіе случившихся передрягъ, вчера еще благополучно проѣхали, такъ что изъ господъ никто этого не замѣтилъ.

— Сегодня выдался для меня денекъ особенно счастливый,—сказала она, уже подъѣзжая къ станціи,—и здоровьемъ чувствую себя хорошо, и на душѣ покойно, и даже радостно, особенно, когда подумаешь, что всѣ эти предполагаемыя опасности путевыя миновались.

— Я вамъ сдѣлаю на сегодняшній вечеръ маленькое порученіе, которое—даже думаю—доставитъ вамъ удовольствіе,—обратилась она къ Перепелкину: сообщите, пожалуйста, Лампіусу, что я очень довольна его управленіемъ моими имѣніями и назначаю ему съ 1-го января нынѣшняго года по шести тысячъ рублей жалованья, кромѣ наградныхъ. Онъ тоже добрякъ и все отдаетъ своей матери на поддержаніе ея многочисленнаго семейства.

Клодочка отъ всего этого была въ восторгѣ и, вперивъ глаза на Перепелкина, какъ-бы говорила: вотъ видите-ли, не права-ли я была, сказавъ вамъ, что моя тетка—вовсе не безсердечная эгоистка!

Бабушка Флора, задолго извѣщенная и письмами съ дороги и за три часа ранѣе прибывшими поварами, со всѣмъ своимъ штатомъ встрѣтила гостей у крыльца.

Это была низенькая, худенькая женщина, весьма пріятной наружности, на видъ не очень старая, хотя Перепелкинъ и зналъ, что ей далеко за семьдесятъ лѣтъ. На головѣ ея было надѣто что-то похожее на турецкую красную феску, изъ-подъ которой выбѣгали сѣдые вьющіеся волосы. Штатъ ея составляли пять-шесть особъ женскаго пола, разнаго возраста, разнохарактерно и пестро одѣтыхъ, да толстый, претолстый мужчина, съ просѣдью въ волосахъ, одѣтый въ длинополый коричневый сюртукъ, поверхъ котораго отъ шеи были намотаны большія пасмы разноцвѣтной вязальной бумаги. Тутъ же сновали подъ ногами десятка два разновидностей мелкой собачьей породы: длинношерстыхъ, лохматыхъ и совершенно голыхъ, длиннохвостныхъ, коротко-хвостыхъ и совершенно безхвостыхъ, острорылыхъ и тупорылыхъ. Всѣ нѣ принялись лаять, визжать, пищать и всячески проявлять свои индивидуальности.

Когда камердинеръ высадилъ изъ кареты генеральшу, бабушка Флора стремительно бросилась ей на шею и долго ее цѣловала.

— Мать ты моя, ты все въ ширь ползешь! Смотри, какъ-бы тебя не хватилъ кондрашка. Ты бы умѣряла свой аппетитъ и поменьше кушала,—говорила она, опять кидаясь на шею Александры Андреевны и крѣпко ее цѣлуя.

— А ты, моя сирота-красавица,—обратилась она къ Клодочкѣ, сжимая ее крѣпко въ своихъ объятіяхъ, цѣлуя и въ очи, и въ уста, и въ шею, и потомъ разрыдалась, какъ ребенокъ.

— Я всѣ глаза проглядѣла, смотря на дорогу и поджидая васъ,—говорила она, не много успокоившись, но сильно растроганнымъ голосомъ.

— Теперь, Яковъ Антоновичъ, спой мнѣ: «Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ»,—обратилась она къ мужчинѣ въ коричневомъ сюртукѣ и съ большими мотками разноцвѣтной вязальной бумаги на шеѣ.

Яковъ Антоновичъ откашлялся и густымъ басомъ очень выразительно пропѣлъ священную стихиру, аккомпанируемый пріятными женскими голосами.

Это происходило на дворѣ, у крыльца, гдѣ высадились гости.

Бабушка Флора, обратившись на востокъ, осѣняла себя широкимъ крестомъ и земно кланялась, пока продолжалось пѣніе. Затѣмъ, взявъ подъ руки Александру Андреевну и Клодочку, направилась въ комнаты, но, войдя въ залу, быстро выпустила ихъ и, обернувшись назадъ, проговорила: да, вѣдь, я еще не со всѣми твоими поздоровалась!

— А ты, нѣмчура, и не напомнила о себѣ? Или все еще держишься

бусурманскихъ обычаевъ и не цѣлуешься по нашему православному?—говорила она, цѣлуясь съ Амаліей Ѳедоровной. Вотъ потому-то, мать, ты и жениховъ себѣ не нашла; теперь развѣ за какого нѣмца управляющаго выйдешь замужъ, коли еще есть охота.

— А это что за молодецъ?—спросила она—смотря на Перепелкина;—нашего поля ягода?

Генеральша отрекомендовала ей Перепелкина.

— Семинаристъ, семинаристъ! Да, вѣдь, это сейчасъ видно: на лицѣ либо гордость напускная, либо уныніе жестокое,—сказала бабушка Флора, смѣясь.

Клодочка поспѣшила пояснить, что онъ малороссъ.

— Що-жъ ты, хлопче, не челомкаешься со мною?

Перепелкинъ, раскраснѣвшійся, конфузливо подошелъ къ ручкѣ.

— Ни, ни!—говорила она, торопливо отнимая руку:—ты цилюй мене, стару, прямо въ губы.

Перепелкинъ повиновался.

— А скажи, хлопчику, по правди, чи богацько извели на тебе лозы въ бурси? А може, коштувавъ и дрючья а-бо-й батижья, якъ утикавъ зъ бурсы?

— Ни, не коштувавъ я зъ роду ни того, ни другого, ни третьяго,—отвѣчалъ ободрившійся уже, къ великой радости Клодочки, Перепелкинъ: бо ни за що було, та-й не утикавъ я зъ бурсы.

— Ну, ты, хлопче моторный, якъ я бачу: стрывай-же, мы еще набалакаемся вволю: я тоби рада не такъ, якъ торшинему снигови.

Послѣдняя фраза, не понятая Клодочкой, нѣсколько смутила ее, и она, воспользовавшись моментомъ, когда бабушка Флора занялась представленіемъ гостямъ своей свиты, просила объяснить ея значеніе. Но Перепелкинъ, внимательно вслушивавшійся въ то, что говорила бабушка Флора о своихъ приживалкахъ, далъ наскоро такое неудовлетворительное толкованіе, что Клодочка стала подозрѣвать, не злой-ли ироніей заключила бабушка свой разговоръ съ нимъ.

— Маринка, мать ты моя, умерла, какъ я тебѣ, кажется, писала, а ужъ какая пѣвунья была и свѣтскихъ и духовныхъ вещей, такой, пожалуй, и не сыщешь теперь нигдѣ,—говорила бабушка. Вотъ теперь у меня и Анна Васильевна поетъ хорошо, но только все божественное, особенно духовныя кантаты поетъ она съ Яковомъ Антоновичемъ такъ хорошо, такъ чувствительно, что, кажется, хоть камень будь, то расчувствуешься, ну, а свѣтскаго ничего не поетъ и не знаетъ. Теперь мой домъ такъ и зовутъ скитомъ: съ утра и до вечера ежедневно взываемъ къ Богу—кто съ горя, кто изъ страха смерти, кто скуки ради, кто, иной разъ, и съ пьяныхъ глазъ. Вотъ, мать моя, Яковъ Антоновичъ и Евфросинья Ивановна—прекраснѣйшіе люди по буднямъ, а ужъ

*

въ праздникъ—не взыщи—непремѣнно сблудятъ—или наливочки, или перцовки налижутся и, вѣдь, срамъ: ссору учинятъ между собой, такъ что приходится ихъ запирать на ночь отдѣльно по кладовымъ.

— Это мы только для встрѣчи тебя попринарядились такъ пестро, а то у всѣхъ у насъ все черное, какъ у монахинь,—продолжала бабушка безостановочно. Вотъ это тебѣ рекомендую—Наталья Петровна,—указала она на старушку съ болѣзненнымъ лицомъ,—сорокъ лѣтъ жила въ счастіи и довольствѣ, но умеръ мужъ, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ очутилась въ нуждѣ и страшномъ горѣ. Сыновья все спустили—кто въ карты, кто на развратъ,—а мать, въ чемъ была, выгнали въ холодъ, въ мятель изъ дома. Одинъ изъ нихъ, какъ слышно, найденъ убитымъ около своей квартиры, по всей вѣроятности, какъ думаютъ, солдатами, съ которыми онъ обращался какъ лютый звѣрь; а другой пьетъ запоемъ и въ бѣлой горячкѣ чуть не зарѣзалъ своей жены, которая ночью съ грудным ребенкомъ бѣжала къ своему отцу.

Наталья Петровна разрыдалась. Яковъ Антоновичъ поспѣшно вынулъ изъ кармана камертонъ, ударилъ имъ объ ноготь большаго толстаго своего пальца и задалъ тонъ. Раздалось стройное пѣніе четырехъ голосовъ, дирижируемое Яковомъ Антоновичемъ.

— Это, мать моя, поютъ кантату, сочиненную Яковомъ Антоновичемъ въ день моего ангела и переложенную на музыку Натальей Петровной: она, вѣдь, отличная музыкантша.

Генеральша полюбопытствовала прослушать стихи въ чтеніи.

— Ну, Яковъ Антоновичъ, ударь себя въ грудь и продекламируй!—обратилась бабушка Флора къ автору кантаты.

Яковъ Антоновичъ,—изъ авторской-ли скромности или по другой какой причинѣ—заупрямился и не исполнилъ общаго желанія.

— Прочитай, душечка Фрося, ты,—обратилась бабушка къ Евфросиньѣ Ивановнѣ,—а ты, Яшка, ступай сейчасъ въ кладовую и не смѣй показываться на мои глаза, пока не потребую,—сказала она грозно своему панегиристу.

Евфросинья Ивановна, пожилая женщина, съ очень добродушной и пріятной физіономіей, кокетливо оправила кое-что въ своемъ туалетѣ, легонько кашлянула въ платокъ и, граціозно полузакрывъ свои черные выразительные глаза, съ паѳосомъ продекламировала:

Богоподобная жена!
Страшатся всѣ тебя напрасно—
И панъ, и рабъ, и попъ, и сатана:
Утѣшишь всякаго всечасно,
Кому какая скорбь дана.
Но врагъ людскаго рода,
Обманутый твоею добротой,
Напрасно ждетъ такого года,
Чтобъ быть вполнѣ утѣшену тобой.

— Вѣдь, вотъ, и умный человѣкъ, а упрямъ, какъ оселъ,—сказала бабушка по адресу Якова Антоновича, который тотчасъ шмыгнулъ въ переднюю, у дверей которой, идя, по приказанію своей патронессы, въ кладовую подъ арестъ, онъ остановился, чтобы послушать декламацію своихъ стиховъ.

— Съ этими стихами была цѣлая исторія,—обратилась бабушка къ генеральшѣ. Онъ написалъ сначала только одинъ куплетъ, а по смыслу-то выходитъ, что я утѣшаю и сатану. Какъ же это я утѣшаю сатану? спрашиваю я Яшку. Молчитъ. Я пригрозила кладовой. Это, говоритъ, я только для риѳмы пристегнулъ сатану. А самъ смотритъ внизъ и не можетъ на меня поднять глазъ. Врешь, говорю, по глазамъ вижу, что врешь. Да и риѳма дальше идетъ, въ четвертомъ стихѣ, а тотъ стихъ, гдѣ ты включилъ сатану, совсѣмъ и не нуженъ, потому что куплетъ долженъ состоять изъ четырехъ стиховъ. Смотрю, смутился Яшка—и что ты думаешь? Бѣжалъ, вѣдь! И гдѣ пропадалъ цѣлыхъ двѣ недѣли,—мы и до сихъ поръ не знаемъ. Наконецъ, явился и подаетъ прекраснымъ почеркомъ переписанные стихи съ новымъ куплетомъ. Ну, чѣмъ же я тѣшу сатану, по-твоему, хоть не вполнѣ?—спрашиваю. «А тѣмъ,—говоритъ,—что вы одной рукой ласкаете—это утѣшаетъ людей, а другой ихъ же обижаете—это утѣшаетъ сатану». Значитъ, ты съ умысломъ употребилъ лишній стихъ? Отвѣта не было, и я ужъ больше и не настаивала на немъ.

— Ну, теперь ступайте до обѣда въ садъ да захватите ужъ по дорогѣ и арестанта, а я съ Сашей потолкую о дѣлахъ,—сказала бабушка Флора.

Всѣ тотчасъ же тронулись подъ предводительствомъ Анны Васильевны, лучшей пѣвицы духовныхъ кантатъ.

Проходя по длинному корридору, со множествомъ дверей направо и налѣво, Евфросинья Ивановна постучалась въ одну изъ нихъ и громко сказала: выходите, отшельникъ, васъ простили.

— Правда?—послышался голосъ Якова Антоновича.

Чрезъ минуту онъ былъ уже въ саду, но не присоединился къ группѣ гуляющихъ, а занялся внимательнымъ осмотромъ цвѣтниковъ, которые, подобно островкамъ, разбросаны были по разнымъ направленіямъ сада и уходъ за которыми, по замѣчанію дамъ, составлялъ любимое его занятіе.

Клодочка успѣла сообщить Перепелкину, что Яковъ Антоновичъ былъ когда-то давно учителемъ рисованія и каллиграфіи въ двухъ учебныхъ заведеніяхъ, но за пьянство былъ удаленъ изъ службы, надѣлалъ дерзостей начальству и могъ бы серьезно пострадать за нихъ, если бы не вступилась за него бабушка, у которой съ тѣхъ поръ онъ и поселился.

— Вы, какъ видно, любите цвѣты,—сказалъ онъ, подходя къ Якову Антоновичу и привѣтствуя его поклономъ.

— Такимъ субъектамъ, какъ я, нѣтъ и не можетъ быть выбора для любви и нелюбви, а только для воловьяго терпѣнья...

Онъ, повидимому, не окончилъ фразы и, въ поискахъ за подходящимъ словомъ, какъ-то сурово взглянулъ на Перепелкина и замолчалъ, поминутно обрывая увядшіе листики и цвѣты и отбрасывая ихъ съ нѣкоторымъ ожесточеніемъ въ сторону.

Перепелкинъ занялся тѣмъ же, въ надеждѣ возобновить разговоръ.

Подошла Клодочка и напомнила Якову Антоновичу, что она не забыла его, хотя и видѣлась съ нимъ чуть-ли не семи лѣтъ отъ роду.

— Вотъ именно, потому-то, сударыня, и не забыли, что видѣли въ такомъ возрастѣ, въ которомъ еще не разбираютъ людей по рангамъ,— сказалъ онъ съ оживленіемъ и даже улыбаясь. Сиръ и убогъ я для того, чтобъ помнить меня людямъ постарше возрастомъ.

— Однако жъ, года три тому назадъ, мы были съ теткой въ губернскомъ городѣ почти на всѣхъ балахъ, и тамъ многіе изъ бывшихъ вашихъ учениковъ, офицеры и чиновники, разспрашивали насъ, какъ вы поживаете у бабушки Флоры.

— Ну бывшіе гимназисты, можетъ быть, и дѣйствительно интересовались, а бывшіе кадеты... такъ себѣ... больше для того, чтобы имѣть предлогъ къ разговору.

— Почему бы вамъ, Яковъ Антоновичъ, не послужить еще въ другомъ какомъ городѣ?—сказалъ Перепелкинъ.

— На это «почему» можно бы отвѣчать многими «потому», но я ограничусь только двумя: слабъ волей и характеромъ. Только здѣсь я, въ рукахъ бабушки, и могу походить на человѣка. Она шутить не любитъ. Вонъ Приську-то, свою любимую кантаторшу, недѣли три назадъ, за наливочку, которой ужъ очень часто она стала до безобразія нализываться, она собственноручно въ своей комнатѣ такъ отстегала березовыми, что, я думаю, и теперь рубцы не зажили.

— Какую это Приську?—спросила Клодочка.

— Ну, Евфросинью Ивановну, что читала мои стихи. Эта тоже, что и я, безъ надзора погибла бы. Слаба, значитъ, какъ и я, характеромъ и волею. Да и несчастья, правда, перенесла она столько, что удивляться надо, какъ сохранилась еще у человѣка любовь къ жизни. Оставшись сироткой на третьемъ году жизни, она попала подъ опеку звѣроподобныхъ родныхъ, которые, какъ всѣмъ было извѣстно, только о томъ и думали, какъ бы ее извести и воспользоваться ея богатымъ наслѣдствомъ, а когда это не удалось, то они поспѣшили ее, едва достигшую 16 лѣтъ, выдать замужъ, предварительно, разумѣется, огра-

бивъ и доведя до послѣдняго разоренія ея имѣнія. Штабсъ-капитанъ Фигнеръ, осчастливившій сиротку своимъ именемъ, въ три года спустилъ всѣ оставшіяся имѣнія тѣмъ же роднымъ за безцѣнокъ, а жену неслыханными тиранствами довелъ до полнаго сумасшествія и, засадивъ ее въ домъ умалишенныхъ, самъ отправился искать себѣ счастья по бѣлу свѣту, и гдѣ нынѣ обрѣтается, Господь вѣдаетъ. Разсказы объ ея несчастіяхъ составили бы цѣлую эпопею и очень поучительную, но и способную, правда, подорвать всякую вѣру въ человѣка. Лучшимъ и примиряющимъ эпизодомъ въ этой эпопеѣ былъ бы только пріѣздъ за 700 верстъ, въ губернскій городъ Болотный, какой-то никому невѣдомой бабушки Флоры, съ единственною цѣлію выручить совсѣмъ незнакомую ей несчастную личность, надъ которою, по слухамъ, разразились всевозможные ужасы людского варварства или, лучше сказать, звѣрства самаго дикаго, плотояднаго.

Клодочку, которая вся обратилась въ слухъ и вниманіе, потребовали въ горницу. Яковъ Антоновичъ замолчалъ и съ прежнимъ ожесточеніемъ принялся обрывать завядшіе цвѣты и листы.

— Что жъ эта Евфросинья Ивановна дѣйствительно была въ сумасшествіи, или же такъ запрятали въ сумасшедшій домъ, чтобъ только сбыть куда-нибудь?—спросилъ Перепелкинъ, наконецъ, видя, что Яковъ Антоновичъ, повидимому, и не думаетъ продолжать съ нимъ бесѣду, которую онъ такъ воодушевленно велъ при Клодочкѣ.

Яковъ Антоновичъ внимательно посмотрѣлъ на Перепелкина, приподнялъ и оправилъ опустившійся на землю, но не увядшій еще цвѣтокъ, и наконецъ заговорилъ:

— По-моему, она и теперь еще не совсѣмъ въ нормальномъ состояніи, отчего и проявляется у нея подчасъ необыкновенное пристрастіе къ наливочкѣ. Ну, да бабушка отучитъ отъ этой слабости хоть кого.

— Удивительна для меня эта бабушка Флора,— замѣтилъ Перепелкинъ, сильно заинтересованный продолженіемъ разговора и боясь, какъ бы Яковъ Антоновичъ совсѣмъ не замолчалъ.

— Въ какомъ же это смыслѣ она удивительна для васъ?—спросилъ Яковъ Антоновичъ, вперивъ въ своего собесѣдника большіе черные глаза.

— А въ томъ, что, съ одной стороны, ея боятся, какъ будто недобраго существа, а съ другой—видишь, что на самомъ дѣлѣ она предобрѣйшая женщина.

— Да, она, дѣйствительно, очень добрая женщина, и признать это не помѣшаютъ ни блажь, ни нѣкоторое юродство, ей свойственныя, къ которымъ, можетъ быть, она и прибѣгаетъ только для достиженія добрыхъ цѣлей.

— Да неужели же прямымъ путемъ нельзя достигать добрыхъ цѣлей?

— Какъ это прямымъ путемъ?

— Ну, не прибѣгая къ юродству, не маскируя своихъ намѣреній, не насилуя чужой воли...

— Еще что?—перебилъ Яковъ Антоновичъ, строго смотря на юношу.

— Однимъ словомъ, дѣйствуя всегда по совѣсти и справедливости,— закончилъ Перепелкинъ, нѣсколько сконфуженный.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Да вотъ почти двадцать лѣтъ.

— Молодо—зелено! Я вотъ именно по причинѣ такихъ не прикрытыхъ добродѣтелей и былъ выброшенъ за бортъ, а теперь, какъ видите, до того подчинился чужой волѣ, что безпрекословно иду, по командѣ бабушки, подъ арестъ и не жалуюсь на насиліе, потому что на кой чортъ такимъ людямъ, какъ я и Приська, своя воля, когда мы пропьемъ ее въ нѣсколько мѣсяцевъ и загубимъ себя. Безпремѣнно загубимъ!— повторилъ Яковъ Антоновичъ послѣ минутнаго молчанія.

— Пугаетъ меня жизнь при такихъ условіяхъ! — невольно и искренно сорвалось у Перепелкина.

— Да, батенька, жизнь прожить—не поле перейдти, справедливо говорится. Никогда не забуду тѣхъ ехидныхъ и жесткихъ подвоховъ, какіе мнѣ дѣлались на службѣ только потому, что я имѣлъ наивность честно относиться къ своему дѣлу и вѣрить въ справедливость людей. Вотъ, вѣдь, два равноправныя, повидимому, учебныя заведенія—корпусъ и гимназія, а какая между ними огромная разница!—продолжалъ, воодушевляясь, Яковъ Антоновичъ,—въ первомъ, напримѣръ, прочитаешь инструкціи о воспитаніи или программы и указаніе методовъ преподаванія—Господи, подумаешь, какая тутъ должна процвѣтать нравственность и образованность! А на самомъ-то дѣлѣ выходитъ фокусъ-покусъ. Во второй же все это просто и немногословно, а на дѣлѣ сколько образцовъ того и другаго, хотя во главѣ заведенія тоже, большею частью, стоитъ какой-нибудь отставной военный. Вотъ вы и разбирайте тутъ. Видно ужъ, таково свойство корпоративнаго духа, что онъ въ состояніи переработать иногда и чужаго человѣка на свой ладъ.

— Но какъ же программы... вѣдь программы же выполняются?— наивно спросилъ Перепелкинъ.

— Да развѣ трудно какую угодно программу выполнить формально? Да это еще что! Въ нихъ, ради эффекта, заносятся иногда и такія вещи, до разрѣшенія которыхъ не додумались еще даже представители науки. Пріѣхалъ, говорятъ, знаменитый естествоиспытатель Александръ Гумбольдтъ въ Петербургъ и, по приглашенію начальства, посѣтилъ корпусъ какой-то. «Счастливо ваше юношество,—сказалъ онъ съ улыб-

кой, пробѣжавъ въ классѣ программу по естественной исторіи,—оно будетъ знать и то, чего я до сихъ поръ никакими усиліями не могъ разрѣшить себѣ».

— Пожалуйте, господа кавалеры, обѣдать,—крикнула съ крыльца Евфросинья Ивановна, къ великому неудовольствію Перепелкина, жаждавшаго выслушать поучительную исторію всѣхъ служебныхъ похожденій несчастнаго Якова Антоновича.

Обѣдъ начался и закончился стройнымъ пѣніемъ подобающихъ молитвъ. Бабушка, съ искреннимъ благоговѣніемъ помолившись на образа, захлопоталась, какъ усадить дорогихъ гостей, Александру Андреевну и Клодочку. Сначала она посадила ихъ возлѣ себя одну съ правой стороны, другую съ лѣвой.

— Ахъ, что-жъ это я дѣлаю, глупая!—вскрикнула она тотчасъ же: вѣдь, я и забыла, что лѣвымъ-то глазомъ я ужъ плохо вижу. Сядь, моя милая, ненаглядная моя, напротивъ меня,—обратилась она къ Клодочкѣ:—чтобъ я поминутно имѣла тебя предъ глазами. Вѣдь, я еще не налюбовалась тобою,—сказала она съ такою задушевностью, что у многихъ проступили слезы на глазахъ.

— А признайся, хлопче, часто получалъ тумаки отъ Смарагда?—обратилась бабушка за столомъ къ Перепелкину.

— Нѣтъ, тумаковъ не получалъ.

— Ну, и повоевала же я съ нимъ изъ-за одного попика. Слышу, въ Милюжкѣ, говорятъ, попа сняли съ петли и чуть отводили. Что такое. Да, говорятъ, консисторія преслѣдуетъ его и вотъ уже четвертый годъ гоняетъ его съ мѣста на мѣсто, одно хуже другаго. Семейства у него десять душъ, обнищалъ кругомъ, ну, и повѣсился. Почти замертво снятъ. Правда все это? спрашиваю исправника. Хоть образъ, говоритъ, снимайте: клятвенное подтвержденіе дамъ. Лечу въ городъ и прямо къ Смарагду. Что ты, говорю, вѣруешь въ Бога? Онъ выпучилъ на меня глазища и руки развелъ. Что, говорю, не за сумасшедшую-ли меня принимаешь? Нѣтъ, я не сумасшедшая, а изъ тѣхъ, которыя по поступкамъ судятъ о томъ, кто вѣруетъ и кто не вѣруетъ въ Бога, а не потому, кто носитъ рясу, а кто зипунъ. Ты зачѣмъ, говорю, позволяешь воровской твоей консисторіи такъ обижать людей, что имъ не въ моготу становится жить и они прибѣгаютъ къ петлѣ? Расфыркался, какъ-де смѣть государственное учрежденіе такъ порочить. Не фыркай, говорю, а то все отпишу вашему полковнику (такъ я все еще зову ихъ военнаго командира, Протасова)—а не то и самому государю, тогда, пожалуй, придется и самому еще тебѣ посидѣть на покаяніи въ какомъ-нибудь захолустномъ монастырѣ. Вѣдь, твой секретарь консисторскій ужъ третій каменный домъ строитъ, а чей онъ сынъ? Дьячковскій. Ну, объяснились. Обѣщалъ все повернуть

и поправить дѣло. Дѣйствительно, священнику далъ хорошій приходъ, на которомъ онъ и теперь живетъ. Но я наплакалась, когда, на обратномъ пути, нарочно сдѣлала крюкъ, чтобъ посмотрѣть самой и воочію убѣдиться, дѣйствительно-ли нужда привела къ петлѣ, а не другое что. Было это зимой. Деревню занесло снѣгомъ. Гдѣ попъ живетъ? спрашиваютъ мои люди. Указали убогую избенку, не огороженную, безъ двора. Я велѣла скорѣй высадить меня изъ возка, чтобы застать всѣхъ и все въ расплохъ. Захожу въ избу. Куча дѣтей, очень маленькихъ, отъ 2 до 10 лѣтъ, стоятъ у печки и запекаютъ на угляхъ картошку. Маленькая дѣвочка, не старше года, сидитъ въ рубашонкѣ на голомъ полу и муслитъ мякишъ чернаго хлѣба. Гдѣ жъ ваши папа и мама? спрашиваю. Папа ушелъ на требы, а мама къ сосѣдямъ попросить молочка для Ленки—указали дѣти на дѣвочку. Попа я не стала дожидаться, но попадью обрадовала и помогла. За Леночкой каждый годъ лѣтомъ посылаю лошадей, и въ это лѣто она прогостила у меня съ половины мая и почти до вашего пріѣзда. Хорошенькая дѣвочка становится.

— Ну, а скажи мнѣ, хлопче,—спрашивала неугомонная бабушка Перепелкина,—кто это изъ замѣчательныхъ людей выразился, что если бы и не было Бога, то его слѣдовало бы выдумать, иначе человѣкъ былъ бы хуже и лютѣе самаго лютаго звѣря?

Перепелкинъ ничего подобнаго никогда не слыхалъ и потому молчалъ и только раскраснѣлся.

— Ну, васъ тамъ, въ бурсѣ, воспитываютъ, какъ красныхъ дѣвушекъ: начиняютъ всякими тонкостями, а существеннаго ничего не даютъ. Неужели ничего не слыхалъ о знаменитомъ энциклопедистѣ Дидеро и его «Pensées philosophiques»?

— Да, вѣдь, это не Дидеро сказалъ, а Вольтеръ,—замѣтила Александра Андреевна.

— Нѣтъ, милая, не спорь: это сказалъ Дидеро! Я и карандашомъ подчеркнула это мѣсто у себя.

— Да и я могу даже припомнить приблизительно страницу, гдѣ это сказано у Вольтера.

— Ну, спорщица, вотъ тебѣ пари: если твоя будетъ правда, я обязываюсь сдѣлать для тебя все, чего бъ ты ни пожелала, лишь бы только было возможно для меня; но если окажется моя правда, то, во-1-хъ, ты обязываешься теперь прогостить у меня никакъ не менѣе двухъ недѣль, во-2-хъ, пріѣзжать изъ города ко мнѣ еженедѣльно на два дня. Идетъ пари?

— Идетъ, но вы проиграете,—самоувѣренно сказала, улыбаясь, Александра Андреевна:—если вы и отмѣтили у Дидеро такую фразу, то, навѣрное, это была цитата, приведенная изъ Вольтера.

— Махни-ка, хлопчику, въ мою библіотеку,—обратилась бабушка къ Перепелкину: тамъ во второмъ шкапу отъ дверей найдешь ты всѣхъ французскихъ энциклопедистовъ. Перебери Дидеро, тамъ увидишь помѣтки, сдѣланныя мною карандашомъ. Принеси сюда тотъ томъ, въ которомъ найдешь спорную между нами фразу.

Помѣтокъ у Дидеро было много, но требуемой фразы между ними не оказывалось. Перепелкинъ нашелъ Вольтера и сталъ перелистывать его сочиненія, гдѣ тоже были помѣтки карандашомъ. Онъ такъ углубился въ чтеніе, что и не слыхалъ, какъ въ библіотеку вошла Клодочка, подкралась къ нему сзади и повторила продѣланный уже разъ надъ нимъ маневръ, закрывъ рукой ему глаза. Перепелкинъ вздрогнулъ и такъ быстро и неловко повернулъ голову, что коснулся лица шалуньи, и уста молодыхъ людей невольно слились въ поцѣлуй, послѣ чего оба, переконфуженные и перепуганные такимъ неожиданнымъ казусомъ, дрожащими отъ волненія руками стали перебирать книги. Вошла Бланка, и, вѣроятно, отъ ея вниманія не ускользнула нѣкоторыя растерянность молодыхъ людей, не совладѣвшихъ съ собой.

— Что это васъ не могутъ дождаться никакъ?—сказала она, жестоко, по обыкновенію, коверкая русскія слова, и ехидно, съ злобной улыбкой посматривая то ни одного, то на другую.

Провинившіеся молчали, но еще усерднѣе стали перелистывать—кто Дидеро, кто Вольтера. Между тѣмъ разгоравшаяся краска на лицахъ предательски выдавала ихъ обоихъ опытной, по всей вѣроятности, въ этихъ дѣлахъ старой дѣвѣ, которая, какъ бы на зло, положительно не сводила съ нихъ глазъ.

Но вотъ раздалось пѣніе молитвъ—значитъ, обѣдъ кончился. Послышались шаги многихъ, идущихъ по корридору. Это шла бабушка подъ руку съ Александрой Андреевной, сопровождаемыя всей свитой людей, разновидныхъ собакъ и кошекъ. Бабушка собственноручно несла на тарелкѣ пирожное для своей любимицы.

— Что не нашли? —крикнула она, переступая порогъ библіотечной комнаты.

Бланка многозначительно взглянула на Александру Андреевну, которая, очевидно, поняла этотъ взглядъ и начала пристальнымъ взоромъ фиксировать молодыхъ людей, а они безбожно выдавали сами себя, краснѣя и обнаруживая крайнюю растерянность.

— Ну, ты, землякъ,—обратилась бабушка къ Перепелкину: ступай въ столовую и продолжай обѣдъ, на чемъ остановился; а ты, моя голубка, покушай своего любимаго пирожнаго,—нѣжно говорила она разрумянившейся Клодочкѣ:—сама несу, я, вѣдь, не забыла твоего вкуса. Вишь, какъ бросилась угодить нетерпѣливой бабушкѣ! Да, видно, и

молодые глаза не всегда находятъ то, что нужно,—продолжала бабушка держа любимицу за подбородокъ и покрывая ея лицо поцѣлуями.

VII.

Странно чувствовалъ себя Перепелкинъ весь остальной день. Случайный, совершенно неожиданный, дѣвственный поцѣлуй обожаемаго имъ существа вскипятилъ ему кровь. Онъ какъ-бы замеръ на одномъ чувствѣ сладостнаго упоенія этимъ поцѣлуемъ.

Мысль не работала. Ни стремленій, ни желаній впереди. Только изрѣдка наносилось не то желаніе, не то дума: хоть умереть сейчасъ съ этими ощущеніями, не повторится-де подобное мгновеніе.

Призванный, по окончаніи своего обѣда (до котораго онъ, впрочемъ, и не дотрогивался, а такъ только просидѣлъ за столомъ, чтобы исполнить желаніе бабушки)—для исполненія своихъ обязанностей, прочтеніемъ только-что полученной на имя Александры Андреевны почты, онъ представлялъ удобную и вѣрную мишень для наблюдательныхъ глазъ. А таковыми оказались глаза старшихъ его спутницъ, Амаліи Ѳедоровны и настроенной ею Александры Андреевны, отъ проницательности которыхъ не ускользнули ни нѣкоторая торжественность въ лицѣ и взорѣ молодаго человѣка, ни порывистая страстность тона, съ которымъ онъ прочелъ заинтересовавшій всѣхъ разсказъ такъ увлекательно, что бабушка подошла къ нему, трижды поцѣловала его и перекрестила.

— Такъ, хлопчику, гарно читаешь ты, що якъ-бы ще трошки, то я бъ и нюни распустила,—проговорила она съ чувствомъ.

Клодочка не смѣла глазъ поднять на него, интинктивно чувствуя наблюдательность тетокъ надъ собой и боясь выдать его и себя.

Подчасъ даже казалось, что и бабушка смекала, что между молодыми людьми произошло нѣчто особенное.

— Какъ хорошо читаетъ вашъ галушникъ!—говорила она, послѣ поцѣлуя его, подходя къ Клодочкѣ и смотря ей пристально въ глаза.

— Да гдѣ ты, Саша, выкопала его?

— А я нашла его въ камышахъ, въ корзинкѣ, какъ Фараонова дочь Моисея,—говорила, смѣясь, Александра Андреевна, но такимъ смѣхомъ, который для всякаго, знающаго ее, могъ казаться недобрымъ.

На другое утро Перепелкинъ еще спалъ, когда чья-то тяжелая неуклюжая рука опустилась вдругъ ему на грудь.

— Вставайте, господинъ, вамъ надо сейчасъ ѣхать въ городъ, по

приказанію барыни,—говорилъ камердинеръ, проводя своей шершавой рукой по разстегнутой груди изумленнаго Перепелкина:—онѣ долго еще будутъ почивать, а вотъ записка, которую онѣ вчера съ вечера велѣли вамъ отдать, когда проснетесь.

Въ запискѣ, наскоро набросанной карандашомъ, значилось: «Будьте любезны, Савва Павловичъ (какъ трудно, подумаешь, большимъ барамъ справляться съ плебейскимъ именемъ,—пробурчалъ Савва Саввичъ), съѣздите съ людьми въ городъ и устройте приготовленную тамъ для насъ квартиру, согласно инструкціямъ, словесно мною даннымъ камердинеру. Остальное въ другомъ письмѣ, которое онъ вамъ передастъ. До свиданья! Всегда доброжелательная вамъ Александра Бланквистъ».

Въ другомъ письмѣ, которое приказано было передать въ городѣ, говорилось: «Добрый и хорошій Савва Петровичъ! (А все-таки не Саввичъ,—сердито проговорилъ Перепелкинъ). Вы настолько умны и честны, что ни распространяться слишкомъ на счетъ моего рѣшенія временно удалить васъ отъ себя, ни оправдываться въ немъ передъ вами я не нахожу надобности. Между вами и моей племянницей, по наблюденію Амаліи Ѳедоровны, да отчасти и по моему личному, завязываются тѣ симпатичныя отношенія, которыя неминуемо приводятъ или къ браку, или къ паденію. Первый и не мыслимъ для васъ, какъ вы сами хорошо понимаете, ни по лѣтамъ, ни, главное, по вашему общественному положенію. А втораго,—я увѣрена,—и сами не пожелаете, какъ человѣкъ (припоминаю ваши слова), поставившій себѣ цѣлію слѣдовать высоко-нравственнымъ и благороднымъ стремленіямъ. Прилагаемые при семъ сто рублей на ваши личныя потребности (на столъ вамъ и людямъ деньги особенно даны камердинеру) обезпечатъ васъ во всемъ до нашего пріѣзда, который состоится не раньше двухъ недѣль. Всегда готовая къ вашимъ услугамъ и доброжелательная вамъ Александра Бланквистъ».

По пріѣздѣ въ городъ осмотрѣвъ внимательно всѣ комнаты и разспросивъ всѣхъ людей, что они, съ своей стороны, нашли неудобнаго, но устранимаго до пріѣзда генеральши, Перепелкинъ принялся за письма къ ней.

Дѣловая сторона исчерпана была скоро, но возраженія противъ опасеній Александры Андреевны за сближеніе молодыхъ людей никакъ на давались, а потому онъ ограничился извѣщеніемъ ея только о томъ, что уже готово въ нанятой для нея квартирѣ и что предстоитъ приготовить къ ея пріѣзду, согласно ея инструкціямъ письменнымъ и словеснымъ.

Оставшіеся съ Перепелкинымъ люди оказались очень внимательными къ нему и даже предупредительными. Вскорѣ выяснилась и причина того и другаго.

— Что вамъ, барчукъ, приготовить сегодня къ завтраку?—пришелъ спросить поваренокъ Павлуша, украшенный бѣлыми, какъ снѣгъ, фартукомъ и колпакомъ.

— Мнѣ все равно, что̀ для себя приготовите, то мнѣ и подадите.

— Нѣтъ, мы вашей милости всѣ—и Груня, и комендинеръ, и я желали бы угодить во-какъ,—показалъ онъ руками.

— Зачѣмъ же такъ?

— А вотъ какъ бы, ваша милость, подучили всѣхъ насъ грамотѣ, пока господа пріѣдутъ въ городъ. Мы ужъ маленько маракуемъ — кто что: комендинеръ цыфирь знаетъ, Груша разбирать живети, арцы, люди, мыслети, а, може, еще что, а я, со словъ Терентьича, на память выучилъ всю, что ни есть, азбуку.

И, въ доказательство того, онъ принялся читать ее, но сбился подъ конецъ на буквахъ: укъ, оникъ, фертъ, и такъ переконфузился, что готовъ былъ заплакать.

— Я съ большимъ удовольствіемъ готовъ заниматься съ вами хоть по цѣлымъ днямъ,—сказалъ Перепелкинъ, обрадовавшись тому, что нашлось развлеченіе отъ гнетущей его тоски.

Груня и Павлуша оказались замѣчательно способными людьми: въ шесть дней они уже безошибочно разбирали и писали буквы, а чрезъ двѣ недѣли, хотя медленно, но сносно читали, такъ что Александра Андреевна, по пріѣздѣ, проэкзаменовавъ ихъ лично, не могла надивиться ихъ понятливости. Не то было съ почтеннымъ по лѣтамъ камердинеромъ. Онъ отличался такою непонятливостью, что, при величайшемъ своемъ усердіи и воловьемъ терпѣніи, въ двѣ недѣли едва достигъ умѣнья разбирать буквы, да еще, какъ бы въ награду за это, сталъ путаться въ цыфири, которую зналъ прежде, а подъ конецъ совсѣмъ разучился разбирать ее.

— Что это, сударь, со мной дѣлается, и самъ понять не могу,—жаловался онъ Перепелкину, сокрушительно качая головой:—бывало, прежде не токма одну цыфирку, а и съ ноликомъ всякую разберу, а нонѣ хоть убей, все перепуталось въ проклятой головѣ.

Такъ и пришлось его оставить безъ цыфири и безъ буквъ, изъ опасенія, чтобъ отъ напряженія головы не сдѣлалось воспаленіе мозга.

Побудительной причиной такого рвенія всѣхъ этихъ людей къ книжному дѣлу, по словамъ Павлуши, былъ разсказъ Груни о томъ, что бабушка чуть не расплакалась отъ чтенія Перепелкина и трижды поцѣловала его за это.

Но проявленная ими за это короткое время любознательность свидѣтельствовала вмѣстѣ съ тѣмъ и о другой, болѣе существенной причинѣ, именно жаждѣ знанія, присущей и темнымъ людямъ. Только и

слышались вопросы: «Да гдѣ живутъ люди съ песьими головами? На чемъ земля стоитъ? Скоро-ли всѣ звѣзды перепадаютъ на землю? И правда-ли, что тогда и конецъ свѣта наступитъ»?

— А вотъ комендинеръ господъ Безпаловыхъ въ прошедшемъ году сказывалъ,—говорилъ самоувѣренно поваренокъ Павлуша, что всѣ цари земные, сколько ихъ ни на есть, просились въ подданство Рассеи, но нашъ батюшка-царь, Николай Павловичъ всѣмъ имъ отказалъ.

— Потому, примѣты есть,—еще самоувѣреннѣе замѣтилъ камердинеръ генеральши:—конецъ міра скоро будетъ, а съ ними, басурманами, только нагрѣшишь.

Отрицательныя разъясненія Перепелкина, повидимому, не утверждали ихъ въ противоположныхъ мысляхъ.

Груню занимали другіе вопросы: гдѣ течетъ живая вода, отъ которой и старость проходитъ, и мертвый воскреснетъ, если только не сгнилъ еще, а какъ сгнилъ уже совсѣмъ, тогда ничего не подѣлаешь,—наивно увѣряла она, обводя глазами компанію учащихся. Когда дошло дѣло до чертей, то оказалось, что въ ихъ деревнѣ нѣтъ ни одного мужика или бабы изъ взрослыхъ, которые такъ или иначе не видѣли бы ихъ. На увѣренія Перепелкина, что это такъ только всѣмъ имъ казалось, всѣ съ жаромъ протестовали.

— Казалось! Помилуйте, сударь,—съ несвойственною ему живостію говорилъ камердинеръ:—на Святой, разговѣвшись, прилегъ я соснуть въ кладовой. Слышу, кто-то тянетъ съ меня шубу—а кладовую, замѣтьте, заперъ я изнутра—я кричу: кто тутъ? А онъ, шельма, хвостомъ меня по губамъ, знай все по губамъ да по губамъ—это, значитъ, стираетъ христосованье... такъ-таки иродъ и стеръ окончательно. А потомъ какъ навалится мнѣ на грудь, такъ ужъ я и не помню, какъ я всталъ. Вотъ оно, кажется—заключилъ камердинеръ, съ самодовольствіемъ смотря на всѣхъ.

— А то такъ ночью, передъ заутреней, въ Пасху,—говорилъ съ воодушевленіемъ Павлуша:—подбѣжитъ къ одному углу, гдѣ горитъ лампадка, къ другому, къ третьему, и все тукъ, тукъ, тукъ — стучитъ, значитъ, костлявой лапой. Не любитъ, ухъ! какъ не любитъ этихъ лампадокъ: однова, подъ Крещенье, пять разъ тушилъ лампадку у пономаря, пока не сдогадались поставить въ уголъ крестъ.

Александра Андреевна во всемъ отличалась аккуратностью и ровно чрезъ двѣ недѣли, какъ назначила, прибыла въ городъ. Свиданіе Перепелкина съ нею, съ Амаліей Ѳедоровной и Клодочкой, на первыхъ порахъ, повидимому, не обнаружило никакой перемѣны въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Осмотрѣвъ комнаты и найдя, что всѣ ея инструкціи, какъ письменныя, такъ и переданныя черезъ людей, выполнены пунктуально въ

точности, Александра Андреевна выразила Перепелкину полное свое удовольствіе.

Первый день прошелъ, какъ и прежде: было чтеніе, обѣдали вмѣстѣ, послѣ обѣда пили кофе въ гостиной и перебирали новости дня, газетныя и домашнія. Затѣмъ этотъ порядокъ измѣнился, и было ни то, ни се, пока, наконецъ, не установился новый, совершенно не похожій на прежній, и поставившій Перепелкина въ изолированное положеніе. Первые два дня генеральша сама визитировала, вмѣстѣ съ м аліей Ѳедоровной и Клодочкой, затѣмъ нѣсколько дней сряду принимала у себя визиты другихъ, и Перепелкинъ не только не былъ приглашенъ на дамскую половину для чтенія, но и чай, завтракъ, обѣдъ кофе и ужинъ были присылаемы ему въ его комнату. Этой перемѣной можетъ быть, и дѣйствительно случайной, какъ выражалась генеральша, по словамъ Груни, онѣ все-таки воспользовались, чтобъ и на будущее время Перепелкинъ являлся во внутренніе аппартаменты только по ея приглашенію, для исполненія своихъ обязанностей.

Между тѣмъ каникулы подходили къ концу, начали съѣзжаться уже нѣкоторые студенты академіи. Перепелкина стала безпокоить мысль, какъ бы не затянулъ дѣло отецъ ректоръ и тѣмъ не помѣшалъ ему пристроиться, къ началу учебнаго года, въ академію или въ университетъ.

Пользуясь полной свободой отъ исполненія своихъ обязанностей въ домѣ генеральши, такъ какъ начались выѣзды ея съ Амаліей Ѳедоровной по гостямъ и пріемы гостей по вечерамъ у нихъ, — Перепелкинъ отъ скуки часто уходилъ гулять.

Возвращаясь домой, онъ почувствовалъ пустоту на сердцѣ и тоску. Въ корридорѣ встрѣтила его Груня и проворно сунула ему что-то въ руку, тихонько шепнувъ: «отъ барышни». Это была небольшая кожанная сумочка, въ которой оказалась записка къ нему и два миніатюрные портретика, одинъ его, сдѣланный Клодочкой отъ руки, карандашомъ, и другой самой Клодочки, писанный красками какимъ-то бывшимъ ея учителемъ рисованія. Въ запискѣ она писала: «Не могу никакъ справиться съ чувствами, хотя и выдержала двухнедѣльную атаку со стороны бабушки, которая, впрочемъ, очень полюбила васъ и обѣихъ тетокъ. Всего несноснѣе Амалія Ѳедоровна. Я, вѣдь, и догадываюсь о причинахъ ея Аргусовской наблюдательности за нами и почти не скрываемой ненависти къ вамъ. При свиданіяхъ постарайтесь быть съ нею любезнѣе. Боюсь, чтобъ она существенно не повредила вамъ. Завтра вамъ придется много читать на нашей половинѣ, какъ сейчасъ сказала ma tante, а потому не уходите изъ дома, не предупредивъ тетку чрезъ камердинера».

На другой день, дѣйствительно, происходило чтеніе, но продолжалось не долго. Генеральша, повидимому, была не въ духѣ, слушала

разсѣянно и, казалось, больше была занята соображеніями—произошло-ли между молодыми людьми охлажденіе въ такой степени, чтобы не требовалось съ ея стороны особыхъ мѣръ для постояннаго наблюденія за ними, а въ случаѣ надобности, и для полнаго разъединенія ихъ, устраненіемъ Перепелкина отъ исполненія своихъ обязанностей на болѣе продолжительный срокъ, или даже и совсѣмъ.

Было 11 часовъ, когда перебрана была послѣдняя почта, и Перепелкинъ, раскланявшись съ дамами, поспѣшилъ къ отцу ректору съ просьбой принять его въ академію. Не прошло и полутора часа послѣ доклада о немъ, какъ раздался звонокъ и слугѣ велѣно было проводить Перепелкина въ кабинетъ его высокопреподобія.

Кабинетъ поражалъ громадностью своихъ размѣровъ и множествомъ шкафовъ, переполненныхъ книгами. Въ одномъ изъ нихъ рылся отецъ ректоръ, выдвигая впередъ и задвигая вглубь большіе фоліанты въ старинныхъ неуклюжихъ кожанныхъ переплетахъ. Раскрывъ одинъ изъ таковыхъ, онъ долго его перелистывалъ, наконецъ, весь погрузился въ чтеніе, повидимому, совершенно позабывъ о постороннемъ лицѣ, приглашенномъ въ кабинетъ и замѣченномъ имъ при входѣ.

Перепелкинъ всячески старался не заявлять о своемъ присутствіи, боясь подвергнуться упрекамъ въ нетерпѣливости, которая, по мнѣнію отца ректора, составляетъ большой порокъ въ міряниѣ. Но какъ онъ ни крѣпился, по неволѣ пришлось хоть тихонько кашлянуть въ руку. Это, вѣроятно, произошло оттого, что онъ силился дышать не всей грудью.

Его высокопреподобіе взглянулъ вполоборота по направленію кашляющаго, чѣмъ воспользовался Перепелкинъ и, смиренно отвѣсивъ низкій поклонъ, хотѣлъ подойти подъ благословеніе и сдѣлалъ уже шагъ, но отецъ ректоръ, понявъ его намѣреніе, сказалъ: «сейчасъ», и опять погрузился въ чтеніе, которое уже продолжалось такъ долго, что чуть не довело до обморока юношу, стоявшаго неподвижно на одномъ мѣстѣ.

Наконецъ, фоліантъ былъ закрытъ, но отецъ ректоръ долго еще провозился надъ нимъ, запирая его на мѣдные крючки и застежки.

Произошла процедура благословенія, и на этотъ разъ продолжалась, кажется, еще дольше, чѣмъ прежде: такъ медленно поднималъ и опускалъ его высокопреподобіе свою десницу для изображенія знаменія креста на истомленномъ просителѣ.

— Я не могу вамъ дать теперь окончательнаго отвѣта,—сказалъ ректоръ послѣ переговоровъ,—но вы, на всякій случай, все-таки готовьтесь къ экзамену. Черезъ недѣлю, а можетъ быть, и раньше, вы будете извѣщены о моемъ рѣшеніи изъ канцеляріи, гдѣ и оставьте свой адресъ.

На другой день онъ раньше обыкновеннаго былъ потребованъ къ генеральшѣ, въ ея кабинетъ, но, какъ видно было, вовсе не для чтенія.

По первому взгляду на Александру Андреевну, можно было понять, что тутъ произойдетъ нѣчто рѣшительное, и что его свиданіе съ ней будетъ послѣднее.

Ея превосходительство имѣла серьезный и озабоченный видъ. Она сидѣла у письменнаго стола и въ то время, когда Перепелкинъ переступилъ порогъ ея кабинета, она клала на письмо облатку.

— А вотъ и тотъ, кому я приготовила это письмо,—сказала она, ласковой улыбкой привѣтствуя Перепелкина. Видите, мнѣ нужно многое вамъ сказать наединѣ, а между тѣмъ, намъ ежеминутно могутъ помѣшать и свои и чужіе, а потому недосказанное на словахъ вполнѣ выяснится вамъ изъ письма, которое я и попрошу васъ теперь же хорошенько припрятать въ карманъ. Присядьте, вотъ тутъ, поближе къ столу,—указала она ему мѣсто и подвинула къ нему письмо, повторивъ опять, чтобъ онъ поспѣшилъ припрятать его въ карманъ, что̀ Перепелкинъ и не замедлилъ сдѣлать.

— Меня озабочиваетъ Клодочка, — начала она послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія: шутить съ ея чувствами никакъ нельзя.

Перепелкинъ хотѣлъ что-то сказать, но она поспѣшила предупредить его.

— Вамъ не въ чемъ оправдываться, вы виноваты только тѣмъ, что имѣете способность производить на всѣхъ впечатлѣніе, подкупающее въ вашу пользу. Ужъ, чего, когда даже бабушка полюбила васъ!—сказала генеральша, улыбаясь,—и просила меня не оставлять васъ на произволъ судьбы и употребить свое вліяніе, чтобъ вы достигли предположенныхъ цѣлей.

Здѣсь она полюбопытствовала узнать, какъ идутъ его переговоры съ начальствомъ академіи и, услышавъ отъ Перепелкина, что пока еще ничего окончательнаго нѣтъ и будетъ-ли что въ пользу его, онъ не слишкомъ надѣется, она замѣтила, что у нея здѣсь столько вліятельныхъ знакомыхъ, что по ея просьбѣ все можетъ устроиться для него, какъ нельзя лучше, но что и отъ него потребуется маленькая жертва.

— Въ виду серьезности чувствъ Клодочки къ вамъ, я уже нахожу совершенно неудобнымъ держать васъ при себѣ въ качествѣ лектора, а потому попрошу васъ, сегодня же, подыскать себѣ квартиру и, завтра, пораньше, когда на нашей половинѣ будутъ еще спать, переѣхать, оставивъ... вотъ тутъ маленькая жертва съ вашей стороны и потребуется: вы оставите на мое имя записку, въ которой объясните, что, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, вы находите невозможнымъ исполнять принятыя на себя обязанности въ моемъ домѣ и въ скоромъ времени должны будете оставить этотъ городъ. Вотъ и все, чего я въ правѣ отъ васъ попросить, полагаясь на вашу честность и благородство. Тамъ,— указала она рукой на боковой карманъ, куда Перепелкинъ положилъ ея

письмо,—вы найдете то, что я считала нравственнымъ своимъ долгомъ сдѣлать для васъ...

Когда Перепелкинъ запротестовалъ противъ подразумѣваемаго въ этихъ словахъ вложенія въ письмо денегъ и хотѣлъ вынуть пакетъ, она съ раздражительною живостью сказала:

— Ну, вы, пожалуйста, не оскорбляйте меня. Я дѣлаю то, что̀ должна была сдѣлать по условію, предъявленному мною вамъ. А вы, конечно, не забыли, что я вамъ обезпечивала, по крайней мѣрѣ, годовое пребываніе у меня въ качествѣ чтеца въ этомъ городѣ.

Два деревянныхъ сѣренькихъ домика составляли, такъ называемую, на жаргонѣ бурсаковъ, Камчатку, обыкновенный пріютъ семинаристовъ и академистовъ для временныхъ остановокъ, по пріѣздѣ въ городъ, иногда для постоянныхъ, а чаще всего для кутежей. Оба домика были о двухъ этажахъ, занимали по фасаду и въ глубину много мѣста и потому во всякое время могли вмѣщать въ себя немаленькое народонаселеніе, въ число котораго на другой день, рано утромъ, какъ желала того генеральша, включилъ себя и Перепелкинъ. Студентъ 3-го курса, рябоватый, Ѳоминъ, которому предстояло чрезъ нѣсколько дней переселиться въ академію, пригласилъ его въ свой номеръ, куда на-дняхъ ожидался еще одинъ студентъ 4-го курса, для котораго и оставлено было мѣсто. Не прошло и двухъ дней, какъ Перепелкинъ былъ уже какъ свой въ средѣ населенія того и другаго дома.

Тотъ домъ, въ которомъ занялъ квартиру Перепелкинъ, чаще всего посѣщался академистами разныхъ курсовъ, и постепенное знакомство съ ними пролило много утѣшенія въ его разбитое сердце. Это, большею частью, были люди очень даровитые, какъ выбранные изъ лучшихъ, по способностямъ и развитію, семинаристовъ, и отличались такими честными и благородными стремленіями, которыя не могли не возбуждать въ Перепелкинѣ глубокаго уваженія къ нимъ.

Съ поступленіемъ въ Академію, Перепелкинъ такъ заинтересовался лекціями начавшагося академическаго курса, что забылъ про все на свѣтѣ, и только и думалъ, что о нихъ, да составлялъ конспекты, и резюмировалъ въ особыхъ тетрадяхъ все, что̀ выносилъ изъ аудиторіи послѣ каждой лекціи.

«Вотъ она, настоящая-то наука гдѣ!»—думалъ онъ про себя, забравшись куда-нибудь въ уединеніе и стараясь переварить все, что выслушалъ.

Однажды подошелъ къ нему, любимый всѣми сторожъ, Сидоръ Ивановичъ Капелюха и что-то шепнулъ ему на ухо. Перепелкинъ вздрогнулъ и, то краснѣя, то блѣднѣя, быстро направился за Капелюхой.

Внизу, на крыльцѣ, за колонной стояла Груня, и едва Перепелкинъ

*

показался, та быстро сунула ему въ руку пакетъ и, симпатично ему улыбнувшись, мгновенно скрылась, шепнувъ только: «здорова и кланяется».

«А! такъ вы бѣжать отъ насъ такъ предательски вздумали?—писала Клодочка въ шутливомъ тонѣ: знайте же, что мы вездѣ найдемъ васъ, хотя бы лишь только для того, чтобы вы поработали въ стѣнахъ академіи надъ вопросомъ: какія книги рекомендовать мнѣ для серьезнаго изученія, чтобъ хоть сколько-нибудь пополнить нищенское свое полуобразованіе. Не отдѣлаетесь вы также и отъ вопросовъ по части богопознанія и укажете лучшее Богословіе. Груня, въ слѣдующее воскресенье, въ 6 часовъ вечера, будетъ ходить близъ академическаго сада, и вы ей вручите, что̀ найдете нужнымъ сообщить мнѣ.

«P. S. Ваше мѣсто занялъ отставной учитель, Сергѣй Ивановичъ Петрусенко, очень симпатичный старичокъ, но, къ сожалѣнію, глухой и съ такою ослабѣвшею памятью, что совершенно забываетъ часомъ раньше сказанное.

«Направленія онъ такого же, какъ и вы, но, видно, ужь новаго ничего не читаетъ, а восторгается старыми вещами, знаетъ ихъ почти всѣ наизусть и съ юношескимъ воодушевленіемъ ихъ произноситъ».

Грунѣ, явившейся въ условленное время, Перепелкинъ передалъ Клодочкѣ записку, въ которой она прочла слѣдующее:

«Вмѣсто указанія, пока, руководства по интересующему васъ предмету, я могу вамъ рекомендовать живое богословіе въ лицѣ вашего новаго лектора, почтеннаго Сергѣя Ивановича, который можетъ указать путь къ богопознанію вѣрнѣе, чѣмъ иной ученый представитель богословскихъ наукъ. Это воплощенная добродѣтель, по общему отзыву коротко его знающихъ. Онъ, положительно, живетъ для другихъ, а не для себя и его же наши оффиціальные богословы съ презрѣніемъ обзываютъ опаснымъ либераломъ, вольтеріанцемъ. Представьте себѣ, что, получая порядочную пенсію, онъ цѣлый день бѣгаетъ по урокамъ единственно только для того, чтобы удовлетворять насущныя потребности бѣдняковъ, на себя же онъ тратитъ всего 15 рублей въ мѣсяцъ и другаго костюма, кромѣ того, что̀ на немъ ежедневно видятъ, у него нѣтъ. Какъ видите, въ своемъ лицѣ онъ представляетъ различіе между теоретическимъ и практическимъ богопочитаніемъ, на что̀, въ дѣлѣ серьезнаго перевоспитанія себя, недурно обратить вниманіе».

Блистательная сдача Перепелкинымъ курсоваго экзамена, о которой всѣ заговорили въ академіи, высоко подняла его въ глазахъ товарищей, но она же вызвала зависть и вражду къ нему со стороны нѣкоторыхъ. Это явленіе, не сразу замѣченное, глубоко поразило и опечалило его, тѣмъ болѣе, что и прежняя холодность къ нему двухъ-трехъ профес-

соровъ, усилившаяся послѣ экзаменовъ, замѣтно стала переходить въ открытую вражду.

Надъ Перепелкинымъ стали исподтишка подтрунивать нѣкоторые изъ его товарищей, называя его гегеліанцемъ, натурфилософомъ, раціоналистомъ и проч., что все раздражало его и отталкивало отъ нихъ, не смотря на то, что много другихъ, лучшихъ студентовъ разныхъ курсовъ, всячески старались его успокоить и чуть на рукахъ не носили его. Всѣмъ бросалось въ глаза, что Перепелкинъ сталъ другимъ человѣкомъ: изъ веселаго, общительнаго и ласковаго со всѣми онъ сдѣлался мрачнымъ, угрюмымъ, сталъ, повидимому, многихъ чуждаться, а съ другими былъ такъ серьезенъ, что они неохотно заговаривали съ нимъ.

Мрачное расположеніе его духа, главнымъ образомъ, происходило отъ двухъ причинъ: во-первыхъ, отъ неудовлетворенности научныхъ стремленій, которыя имѣлись въ виду при поступленіи въ академію, во-вторыхъ, отъ разочарованія во многихъ идеальныхъ понятіяхъ о людяхъ.

Онъ рѣшился покинуть академію и отправиться въ Петербургъ для поступленія въ университетъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письмо графа А. А. Аракчеева—М. М. Сперанскому.

24-го марта 1819 г. С.-Петербургъ.

Милостивый государь Михайла Михайловичъ! Если вы, милостивый государь, на меня сердились за нескорое исполненіе вашего препорученія въ покупкѣ Новгородскаго имѣнія, то въ ономъ согрѣшили, ибо мнѣ пріятнѣе всего угождать вамъ, потому что я любилъ васъ душевно, тогда какъ вы были велики, и какъ вы ни смотрѣли на нашего брата, любилъ васъ и тогда, когда по неисповѣдимымъ судьбамъ Всевышняго страдали, протестовалъ противъ онаго, по крайнему моему разумѣнію не только въ душѣ моей, но всюду, гдѣ только голосъ мой могъ быть слышанъ; радовался и концу сего непріятнаго для васъ дѣла и буду не только радоваться, но и желать вашему возвышенію на степень высшую прежней. Вотъ вамъ, милостивый государь, отчетъ въ моихъ чувствахъ, а дѣло о покупкѣ имѣнія, конечно, уже вамъ извѣстно по слухамъ и формальному моему отношенію, отправленному мною, по неизвѣстности нынѣшняго высочайшаго расположенія 18-го марта по почтѣ за № 273.

На письмо ваше отъ 11-го марта прилагаю мой формальный отвѣтъ и въ душѣ своей я съ онымъ соглашаюсь, бывъ увѣренъ, что дѣйствіе ваше согласно съ онымъ много будетъ служить къ вашему въ мірѣ семъ возвышенію. Желаніе мое въ ономъ по слабости человѣческой основано на слѣдующемъ: становясь старъ и слабъ здоровьемъ, я долженъ буду очень скоро основать свое всегдашнее пребываніе въ своемъ Грузинскомъ монастырѣ, откуда буду утѣшаться, какъ истинно русской, новгородской, неученой дворянинъ, что дѣла государственныя находятся у умнаго человѣка, опытнаго какъ по дѣламъ государственнымъ, такъ болѣе еще по дѣламъ суетъ міра сего, и въ случаѣ обыкновеннаго къ несчастію существующаго у насъ въ отечествѣ обыкновенія безпокоить удалившихся отъ дѣлъ людей въ необходимомъ только случаѣ, отнестись смѣю и къ вамъ, милостивому государю.

Окончу сіе письмо тѣмъ, что какъ вы далеко отъ Волхова ни удаляетеся, не отъ васъ зависѣть будетъ быть близкимъ къ дряхлому волховскому жителю, которой пребудетъ всегда съ истиннымъ почтеніемъ, вашего превосходительства покорный слуга.

Письма императрицы Маріи Ѳеодоровны

къ великимъ князьямъ

Николаю и Михаилу Павловичамъ[1]).

Num. 51.

Ce Dimanche, 25 Juillet 1815.

Le comte Orlof-Dénissof est arrivé peu de moments avant la messe, c'est vous dire que je me sens heureuse et contente d'avoir reçu des lettres de l'empereur et son portrait par Isabey, qui me fait un plaisir inexprimable étant des plus ressemblants et faisant un superbe portrait, il est parlant et me rend extrêmement heureuse; les nouvelles espérances que le comte Orlof nous a données du prochain retour de l'empereur me comblent de satisfaction et vos lettres, mes chers enfants, sont venues rendre ma joie parfaite; je vous en remercie de tout mon coeur et vous embrasse, cher Nicolas, pour les détails dans lesquels vous entrez sur le prince d'Orange: tout ce que vous m'en dites augmente mon désir sur la réussite de la chose, car l'éloge que vous m'en faites ne peut que prévenir en sa faveur. Enfin l'espoir de la réussite vient naître dans mon coeur d'après la lettre que je viens de recevoir hier de l'empereur. Je vous copie le passage: «Je vous demande encore une dizaine de jours après lesquels je vous parlerai du prince royal des Pays-Bas». J'attends tout de la bonté Divine. Je m'explique tout cela à bien, mes bons amis, et me dis que si la chose réussit, on m'annoncera un de

[1]) См. „Русскую Старину", іюнь 1904 г.

ces beaux jours Chernichef, qui arrivera en courrier. Dieu le veuille, car cette union, vu le caractère individuel du prince, me donne l'espoir du bonheur pour Annette; je suis charmée de le voir si sensible à la faveur que l'empereur vient de lui accorder de le décorer de la croix de St. Georges de la seconde classe; il me paraît en même temps que c'est de très bon augure, tant comme son empressement d'être lié avec vous deux. Enfin, cher Nicolas, j'attends vos lettres avec impatience extrême, chaque détail m'est précieux, n'en négligez aucun. Donnez m'en aussi beaucoup sur vous-mêmes, mes bons amis, sur vos occupations, vos sociétés, vos délassements. Je vois par vos lettres que vous avez dû aller en société chez Madame (*для фамиліи оставленъ пробѣлъ*). Vu la très parfaite mauvaise opinion que j'ai de la société des dames parisiennes, je suis persuadée que vous aurez un vaste champ aux remarques et réflexions, et probablement à la critique et au dégoût, car c'est ainsi que tous ceux qui reviennent de Paris parlent des sociétés. Ce n'est pas que je croie qu'il n'y a pas de femmes vertueuses dans ce nombre; non, certainement; je suis persuadée qu'il y en a femmes de très estimables, mais je parle du nombre qui doit être perverti et c'est contre celles-là que je vous conjure d'être en garde. Je suis bien aise, cher Nicoche, de l'intention où vous étiez d'assister à une leçon d'art militaire des élèves de l'école polytechnique. Cette séance vous sera instructive et intéressante; et c'est employer votre temps d'une manière utile. Je vous prie, cher Michel, de me parler des objets que vous voyez, des établissements que vous visitez, de vos réflexions; rendez vos lettres un peu plus détaillées, je vous en prie: ce sera me faire grand plaisir. Ma journée d'aujourd'hui a été très agréable, le temps était superbe, j'avais un monde infini, toutes les dames qui ne m'avaient pas vue à ma fête sont venues aujourd'hui; en suite j'avais invité l'ambassadeur lord Walpol et le comte .....[1]). Après le dîner nous avons été au Pavillon des roses qui est dans toute sa beauté les roses étant épanouies; on y a goûté, après quoi on s'est promené en ligne et puis on a soupé; la société était très gaie et à son aise. L'ambassadeur part pour Paris à ce qu'il dit pour chercher sa femme, mais on prétend qu'il ne reviendra pas et qu'un autre sera nommé à sa place. Bonsoir, mes bons amis, dormez bien et aimez-moi aussi tendrement que vous l'êtes par moi.

Ce Lundi, 26 Juillet.

Voilà deux jours de suite de beau temps, la journée a été superbe, sans faire trop chaud, j'en ai bien profité pour montrer mon jardin au comte Arakchéef; tous mes clumbs de roses sont en fleur ce qui embellit Pavlowsk. Nous avons dîné au Pavillon des roses et soupé à la ferme. Je

[1]) Фамилія не разобрана.

n'ai rien à vous mander d'ici, mes bons amis, nous abondons tout de vous. Dites-moi, mes enfants, laissera-t-on impunis tous les scélérats qui ont manqué à leur serment et se sont donné un cachet d'infamie, comme Ney, Regnaud d'Angely, Labédoyère, Soult etc.; que fera-t-on avec Madame Hortense et compagnie? Où restera mon neveu Jérôme et qui gardera cette prise princière? Nous ignorons encore où Napoléon sera conduit. Il me tarde d'apprendre l'effet que sa prise aura produit en Angleterre. Puisse-t-on bien le garder. Savez-vous, cher Nicolas, que je suis persuadée qu'une de vos lettres est perdue, car encore dans celle, que je viens de recevoir par le comte Orlof, vous ne me dites mot sur l'événement de la prise de Napoléon, et cependant certainement vous m'en avez parlé. Bonsoir, mes bons amis, je vous embrasse de tout mon coeur et vous donne mille bénédictions. Avez-vous vu M-r Pougens et que fait le bon vieillard?

Ce 27 Juillet.

Mes bons amis, vous rappelez-vous de la fête de l'année passée? J'en suis très occupée aujourd'hui et crois nous voir tous très occupés, très inquiets du temps et cependant de très bonne humeur; et le soir, Nicoche, vous vous rappelez de vos terreurs par le feu d'artifice: c'était une journée bien agréable et qui me laissera toujours le plus doux souvenir. Le Pavillon des roses a beaucoup embelli cette année, et les roses sont dans leur plus belle floraison, il y en a immensément. Mes neveux et mes nièces m'ont fait la surprise hier d'un petit divertissement de chants et danses russes. Marie s'en est acquittée à merveille, sa voix est divine et elle est charmante musicienne, elle a bien joliment dansé la russe. Enfin nous avons encore une belle journée aujourd'hui, il fait chaud, sans faire trop chaud; et l'air est des plus agréables. Parlez-moi donc, mes bons amis, de Napoléon, où est-il, où sera-t-il? J'ai lu sa lettre au prince royal; il m'indigne d'oser se comparer à Thémistocle; son appel à la protection des lois anglaises me donne à douter sur son séjour; enfin tout ceci s'éclaircira, mais donne en attendant beaucoup d'impatience. Adieu, mes bons amis. Toute à vous pour la vie. Que Dieu vous conserve et vous ramène bientôt dans mes bras.

Marie.

Mes compliments à vos messieurs et à nos braves militaires. Où est Constantin Benckendorf?

Воскресенье, 25-го іюля 1815 г.

(Переводъ). Гр. Орловъ-Денисовъ пріѣхалъ за нѣсколько минутъ до обѣдни; вы поймете, какъ я была рада и счастлива получить письма отъ императора и его портретъ работы Изабея, который доставилъ мнѣ несказанное удовольствіе, такъ какъ онъ очень похожъ; это великолѣпный портретъ, онъ только не говоритъ, и я очень счастлива имѣть его; надежда, поданная намъ гр. Орловымъ на скорое возвращеніе императора, чрезвычайно порадовала меня, а ваши письма, дорогія дѣти, довершили мою радость; благодарю васъ за нихъ отъ всего сердца и цѣлую васъ, дорогой Николай, за сообщаемыя вами подробности относительно принца Оранскаго; все, что вы пишете мнѣ о немъ, еще болѣе усиливаетъ мое желаніе, чтобы это дѣло уладилось, ибо ваши похвалы располагаютъ въ его пользу. Письмо, полученное мною вчера отъ императора, также заронило въ мое сердце надежду на успѣхъ. Выписываю вамъ соотвѣтствующее мѣсто: «Прошу васъ повременить еще дней десять, по прошествіи которыхъ я напишу вамъ о нидерландскомъ наслѣдномъ принцѣ». Я возлагаю всѣ надежды на милосердіе Божіе. Я толкую все это въ хорошую сторону, добрые друзья мои, и думаю, что если дѣло уладится, то въ одинъ прекрасный день мнѣ доложатъ о пріѣздѣ Чернышева, который будетъ присланъ ко мнѣ курьеромъ: дай Богъ, ибо, въ виду личныхъ качествъ принца, этотъ бракъ даетъ мнѣ надежду на счастье Аннеты; мнѣ очень пріятно, что онъ былъ тронутъ благосклонностью императора, пожаловавшаго ему Георгія 2 ст.; вмѣстѣ съ тѣмъ я считаю это хорошимъ предзнаменованіемъ, точно такъ же, какъ поспѣшность, съ какою онъ постарался сблизиться съ вами обоими. Словомъ, дорогой Николай, я ожидаю отъ васъ писемъ съ большимъ нетерпѣніемъ; каждая подробность для меня драгоцѣнна, не опускайте ни одной. Пишите мнѣ также подробно о себѣ, добрые друзья мои, о вашихъ занятіяхъ, о томъ, съ кѣмъ вы видитесь, о вашихъ развлеченіяхъ. Я вижу изъ вашихъ писемъ, что вы были приглашены къ г-жѣ (*пробѣлъ*); такъ какъ я весьма дурнаго мнѣнія о парижскихъ дамахъ, то я увѣрена, что вамъ представится обширное поле для наблюденій и замѣчаній и, вѣроятно, для критики и отвращенія, ибо въ такомъ духѣ говорятъ о тамошнемъ обществѣ всѣ возвращающіеся изъ Парижа. Это вовсе не означаетъ, будто я думаю, что тамъ нѣтъ добродѣтельныхъ женщинъ; конечно, нѣтъ; я увѣрена, что въ Парижѣ есть женщины весьма почтенныя, но я говорю о тѣхъ, которыя испорчены, и умоляю васъ остерегаться ихъ. Меня очень порадовало, Никошъ, ваше намѣреніе присутствовать на одной изъ лекцій о военномъ искусствѣ, которыя читаются воспитанникамъ Политехнической школы. Она будетъ для

васъ поучительна и интересна, и это будетъ полезное препровожденіе времени. Прошу васъ, дорогой Михаилъ, описывать мнѣ все, что вы видите, всѣ учрежденія, которыя вы посѣщаете; дѣлитесь со мною вашими впечатлѣніями; прошу васъ писать мнѣ нѣсколько подробнѣе, это доставитъ мнѣ большое удовольствіе. Я провела сегодняшній день очень пріятно, погода была великолѣпная, у меня было множество гостей; всѣ дамы, которыя не видѣли меня въ день моего ангела, посѣтили меня сегодня; кромѣ того я пригласила посланника лорда Вальполя и графа....[1]). Послѣ обѣда мы ѣздили въ Розовый павильонъ. Онъ теперь во всей красѣ, розы въ полномъ цвѣту. Тамъ мы закусили, потомъ катались въ линейкахъ, а затѣмъ ужинали; общество было очень веселое и непринужденное. Посланникъ ѣдетъ въ Парижъ, по его словамъ, за женою, но говорятъ, будто онъ болѣе не вернется, а на его мѣсто будетъ назначенъ другой. Прощайте, добрые друзья мои, спите спокойно и любите меня такъ же нѣжно, какъ я люблю васъ.

Понедѣльникъ, 26-го іюля.

Послѣдніе два дня стоитъ хорошая погода, сегодня день былъ прекрасный, но было не особенно жарко; я воспользовалась этимъ, чтобы показать свой садъ графу Аракчееву; всѣ мои клумбы розъ въ цвѣту, это очень украшаетъ Павловскъ. Мы обѣдали въ Розовомъ павильонѣ и ужинали на фермѣ. Мнѣ нечего сообщить вамъ отсюда, добрые друзья мои, мы живемъ только извѣстіями, получаемыми отъ васъ. Скажите мнѣ, дѣти мои, останутся-ли безнаказанны негодяи, нарушившіе клятву и покрывшіе себя позоромъ, какъ-то: Ней, Реньо д'Анжели, Лебедойеръ, Сультъ и т. д.; что сдѣлаютъ съ королевой Гортензіей и прочими? гдѣ будетъ находиться мой племянникъ Жеромъ и кто будетъ стеречь этого царственнаго узника? Намъ неизвѣстно пока, куда отправятъ Наполеона. Я горю нетерпѣніемъ узнать, какое впечатлѣніе произвело въ Англіи взятіе его въ плѣнъ. Только бы его хорошенько караулили. Знаете-ли, дорогой Николай, я увѣрена, что одно изъ вашихъ писемъ затерялось, ибо въ томъ письмѣ, которое я только-что получила чрезъ гр. Орлова, вы не пишете ни слова о взятіи въ плѣнъ Наполеона, а я увѣрена, что вы написали бы мнѣ объ этомъ. Прощайте, добрые друзья мои, цѣлую васъ отъ всего сердца и тысячу разъ благословляю васъ. Видѣли-ли вы г. Пуженса и что подѣлываетъ добрый старикъ?

27-го іюля.

Добрые друзья мои, помните-ли вы прошлогодній праздникъ? Я очень озабочена имъ сегодня, и мнѣ представляется, что мы всѣ

[1]) Фамилія не разобрана.

озабочены этимъ, что мы волнуемся по поводу того, какова будетъ погода, и что вмѣстѣ съ тѣмъ мы всѣ въ прекрасномъ настроеніи духа; вечеромъ, Никошъ, помните, какъ вы боялись за фейерверкъ; это былъ очень пріятный день, который оставилъ во мнѣ навсегда самое пріятное воспоминаніе. Розовый павильонъ сталъ еще красивѣе въ этомъ году; розы въ полномъ цвѣту; ихъ великое множество. Мои племянники и племянницы сдѣлали мнѣ вчера сюрпризъ, устроивъ маленькій дивертиссементъ съ русскими пѣснями и танцами. Марія справилась съ этимъ какъ нельзя лучше, у нея божественный голосъ, она прекрасная музыкантша и премило протанцовала русскую. Сегодня у насъ также отличная погода, тепло, но не слишкомъ жарко; воздухъ очень пріятный. Напишите же мнѣ о Наполеонѣ, добрые друзья мои, гдѣ онъ будетъ находиться? Я читала его письмо къ наслѣдному принцу; онъ привелъ меня въ негодованіе, осмѣлившись сравнить себя съ Ѳемистоклomъ; его обращеніе къ покровительству англійскихъ законовъ внушаетъ мнѣ сомнѣніе относительно его теперешняго мѣстопребыванія; конечно, все это выяснится, но я ожидаю этихъ извѣстій съ большимъ нетерпѣніемъ. Прощайте, добрые друзья мои. Ваша на всю жизнь. Да хранитъ васъ Господь и да приведетъ Онъ васъ вскорѣ въ мои объятія. Марія.

Поклонъ вашимъ кавалерамъ и нашимъ молодцамъ военнымъ. Гдѣ Константинъ Бенкендорфъ?

Num. 52.

Ce 27 Juillet 1815.

Je viens de terminer ma lettre par courrier et sans poser ma plume je vous dis ces deux mots, chers enfants, qui vous portent mes bénédictions et mes souvenirs. La journée d'aujourd'hui me rapporte beaucoup à celle de l'année passée et me donne de la sérénité. Grâce à Dieu nous pouvons et osons nous livrer à la satisfaction, car Dieu a fait des miracles pour nous. Reconnaissons Ses bienfaits et devenons meilleurs de jour en jour. Adieu, mes bons amis, je vous embrasse de tout mon coeur et vous donne mille bénédictions.

Marie.

Mes compliments aux vôtres.

27-го іюля 1815 г.

(Переводъ). Сію минуту окончила письмо, посылаемое съ курьеромъ, и, не выпуская изъ рукъ пера, пишу вамъ пару словъ, дорогія дѣти, чтобы сказать вамъ, что я васъ благословляю и вспоминаю васъ. Сего-

дня я невольно переношусь въ воспоминаніи къ прошлому году, и это навѣваетъ на меня какое-то спокойствіе. Благодаря Бога мы можемъ и имѣемъ право радоваться, ибо Господь сотворилъ для насъ чудеса. Будемъ Ему благодарны за Его благодѣянія и постараемся становиться день ото дня лучше. Прощайте, добрые друзья мои, цѣлую васъ отъ всего сердца и тысячу, тысячу разъ благословляю васъ. Марія. Мой поклонъ вашимъ.

Num. 53.

Ce 28 Juillet 1815, Mercredi.

Nous avons profité du beau temps, mes chers et bons enfants, pour faire une course à Czarsko Sello pour y dîner sur la collonade; après le dîner nous avons parcouru le château et puis le jardin; nous avons été à l'île où nous avons pris le thé et de là nous avons gagné le chemin de la maison. Cette promenade ajoutée à celle que j'ai faite le matin me fait sentir que j'ai des pieds et qu'il faut se reposer. Nous ne savons rien de vous, mes bons amis. Je cherche vos noms dans les gazettes et me réjouis quand je les trouve. Est-il vrai que vous avez reçu le St. Esprit? Elles le disent, mais, comme vous ne m'en dites rien, je n'y crois pas. Parlez-moi donc un peu de vous, mes bons amis, et dites-moi vos pensées et réflexions. Je suis dans l'attente et l'espérance d'une lettre de l'empereur au sujet du prince d'Orange. Dieu veuille que les nouvelles soient bonnes. Bonsoir, mes bons amis. Toute à vous de coeur et d'âme.

Ce 29 Juillet, Jeudi.

Ma journée s'est passée à la promenade et à l'occupation. J'ai vu M-r de Krusenstern ce matin dont la conversation m'intéresse toujours beaucoup; il va à Réval, ses yeux le font beaucoup souffrir; je n'ai vu personne de plus. Auguste est avec nous depuis le 21, ce qui est bien aimable et je lui en suis bien reconnaissante; il attendra le retour de l'empereur et retournera à Réval jusqu'à ce temps. J'espère que, s'il plaît à Dieu, il ne sera pas longtemps à l'attendre: je nourris l'espoir de voir l'empereur pour le 30 Avril, et vous, mes bons amis, ne tarderez aussi pas longtemps à nous revenir: comme j'en bénirai le Ciel! Bonsoir, chers enfants, je vous donne mille bénédictions.

Ce 30 Juillet, Vendredi.

J'ai fait une grande promenade à pied, mes bons amis, et puis je me suis mise à écrire. J'ai eu la visite du général Knjazéwitsch qui va par-

tir pour l'Oukraïne; il souffre beaucoup de sa blessure et les médecins le chassent d'ici: sa poitrine est très délabrée; avec cela il a pris beaucoup d'embonpoint, ne s'étant pas donné du mouvement. C'est un homme qui me paraît très estimable. J'attends avec bien de l'impatience un courrier, espérant qu'il m'apportera de bonnes nouvelles sur le prince d'Orange. Le public s'occupe de ce parti et le désire beaucoup pour Annette, le trouvant le seul convenable pour elle. J'ai vu une lettre de la princesse Kutusof qui fait l'éloge d'Alexandrine, elle la trouve charmante: voilà qui vous fera plaisir, cher Nicoche. Nous jouissons d'un bien beau temps depuis quelques jours, ce qui fait que nous dînons et soupons dehors. Aujourd'hui nous dînerons à la volière. Demain je ferai une course d'inspection à Alexandrovski, pour laquelle il faut me souhaiter des jambes. Adieu, mes bons amis, il me tarde beaucoup de savoir ce que vous faites, de ce que vous pensez, à quoi vous vous occupez et à quand est fixé votre retour. Ne m'oubliez pas et aimez-moi autant que je vous chéris.

Marie.

Mes compliments au g(énéral) Konovnitzin et à vos messieurs. Assurez de mon souvenir tous les braves militaires de ma connaissance.

28-го іюля 1815 г., среда.

(Переводъ). Мы воспользовались хорошей погодой, добрыя и дорогія дѣти, чтобы съѣздить въ Царское Село, гдѣ мы обѣдали на колоннадѣ; послѣ обѣда мы обошли дворецъ и садъ; были на островѣ, гдѣ мы пили чай, а оттуда отправились домой. Эта прогулка вмѣстѣ съ той, которую я совершила по утру, дала мнѣ почувствовать, что у меня есть ноги и что мнѣ слѣдуетъ отдохнуть. Мы ничего не знаемъ о васъ, добрые друзья мои. Я ищу ваши имена въ газетахъ и радуюсь, находя ихъ. Правда-ли, что вы получили орденъ Св. Духа? Объ этомъ пишутъ, но такъ какъ вы объ этомъ не упоминаете, то я не вѣрю этому. Пишите же мнѣ что-нибудь о себѣ, добрые друзья мои, и подѣлитесь со мною своими мыслями и соображеніями. Я ожидаю отъ императора письма по поводу принца Оранскаго и надѣюсь вскорѣ получить его. Дай Богъ, чтобы извѣстія, которыя онъ сообщитъ мнѣ, были благопріятны. Прощайте, добрые друзья мои. Ваша душою и сердцемъ.

29-го іюля, четвергъ.

Сегодня я провела весь день въ прогулкѣ и занятіяхъ; по утру видѣла Крузенштерна, съ которымъ бесѣда для меня всегда интересна; онъ ѣдетъ въ Ревель, у него очень болятъ глаза; кромѣ него я никого не видѣла. Августъ находится у насъ съ 21-го числа,—это очень

любезно съ его стороны, и я очень благодарна ему за это; онъ дождется возвращенія императора, а пока побываетъ въ Ревелѣ. Если Богу будетъ угодно, надѣюсь, что ему не долго придется ожидать; я надѣюсь, что императоръ пріѣдетъ къ 30-му апрѣля, и что вы, добрые друзья мои, также не замедлите возвращеніемъ; какъ я буду благодарна за это Господу Богу. Прощайте, дорогія дѣти, тысячу разъ благословляю васъ.

30-го іюля, пятница.

Я сдѣлала большую прогулку пѣшкомъ, добрые друзья мои, а затѣмъ принялась писать. У меня былъ генералъ Княжевичъ, который собирается въ Малороссію. Онъ очень страдаетъ отъ раны; доктора гонятъ его отсюда; у него очень повреждена грудь; къ тому же онъ очень пополнѣлъ, такъ какъ онъ дѣлаетъ мало движенія; по-моему, это человѣкъ весьма почтенный. Я ожидаю съ нетерпѣніемъ курьера, надѣясь, что онъ привезетъ мнѣ благопріятныя извѣстія о принцѣ Оранскомъ. Публика очень интересуется этимъ бракомъ, очень желаетъ его для Аннеты и находитъ, что это единственная подходящая для нея партія. Я видѣла письмо княгини Кутузовой, которая восхваляетъ Александрину и находитъ ее очаровательною; вѣроятно, это будетъ вамъ пріятно, дорогой Никошъ. Вотъ уже нѣсколько дней, какъ мы пользуемся прекрасной погодой, поэтому мы обѣдаемъ и ужинаемъ на воздухѣ. Сегодня мы будемъ обѣдать на птичьемъ дворѣ. Завтра я поѣду осматривать Александровское; поэтому надобно пожелать, чтобы у меня были здоровыя ноги. Прощайте, добрые друзья мои, мнѣ очень хочется знать, что вы дѣлаете, чѣмъ занимаетесь и когда именно назначенъ день вашего отъѣзда. Не забывайте меня и любите меня такъ же сильно, какъ я люблю васъ. Марія.

Привѣтъ ген. Коновницыну и вашимъ кавалерамъ. Передайте всѣмъ молодцамъ военнымъ, коихъ я знаю, что я ихъ не забываю.

Num. 54.

Ce 30 Juillet 1815, Vendredi.

Je ne me dégoûte pas de la poste, mes bons amis, et vous écris toujours parce que j'aime à vous assurer de mes bénédictions, de mon souvenir et de ma tendresse. Je ne puis rien vous mander d'ici, chers enfants, si non, cher Michel, que votre Makarof est le meilleur sujet qui soit sur terre: il aime les fleurs et soigne mes roses devant le théâtre comme si c'étaient ses enfants. En général ces invalides sont des êtres

précieux, ils ont l'air content et je le suis beaucoup d'eux. Adieu, mes bons amis, je vous embrasse de tout mon coeur et vous aime de même.

Marie.

Mes compliments au général et à tous les vôtres.

30-го іюля, пятница. 1815 г.

(Переводъ). Я не отказываюсь прибѣгать къ услугамъ почты, добрые друзья мои, и часто пишу вамъ, такъ какъ мнѣ пріятно сказать вамъ, что я посылаю вамъ свое благословеніе, что я васъ помню и люблю. Я не могу ничего ссобщить вамъ отсюда, дорогія дѣти, кромѣ того, дорогой Михаилъ, что вашъ Макаровъ прекраснѣйшій человѣкъ въ мірѣ; онъ любитъ цвѣты и ухаживаетъ за моими розами передъ театромъ, какъ за своими дѣтьми. Вообще, инвалиды люди драгоцѣнные; они видимо довольны, и я очень довольна ими. Прощайте, добрые друзья мои, цѣлую васъ отъ всего сердца и искренно люблю васъ. Марія.

Передайте мой поклонъ генералу и всѣмъ вашимъ.

Num. 55.

Ce 31 Juillet 1815, Samedi.

Tenez-moi compte, mes bons enfants, de vous écrire aujourd'hui; nous avons été à Alexandrofski; nous sommes partis à 8 heures du matin et sommes revenus à 10 heures du soir; nous avons marché depuis les 11 heures du matin jusqu'à 3 heures après-midi, ne faisant qu'un intervalle d'une-demi-heure et pas même pour déjeuner; ensuite j'ai marché encore depuis les $4^1/_2$ jusqu'à $6^1/_2$. La fabrique devient si étendue qu'il faut du temps pour en faire le tour. J'ai vu la nouvelle machine à feu de la force de 70 chevaux qui est la plus belle chose du monde. Wilson nous a apporté tout plein de nouvelles machines des plus intéressantes. Cet établissement devient superbe. Toute la société, excepté Kurakin et deux de nos demoiselles qui ont craint la fatigue, ont été avec nous jusqu'au bon vieux Nélédinski qui a monté tous les escaliers avec moi; notre bonne comtesse en a monté un de 96 degrés; grâce à Dieu elle se porte bien et a été de la plus grande gaieté. Bonsoir, mes chers enfants, il me tarde bien de recevoir de vos lettres; demain il y aura 8 jours que j'ai reçu les dernières. Je vous embrasse bien tendrement. Annette s'est bien amusée, mais a été très fatiguée. Dormez bien, mes bons amis.

Ce Dimanche, 1 Août.

J'ai oublié de vous dire hier, mes enfants, que nous avons beaucoup parlé en route de vous; nous nous sommes rappelé mille petites anecdotes et bien des moments de gaieté que vous nous avez fait passer et qui paraissent nous avoir quittés depuis votre départ. Nous voici 8 jours sans avoir de vos nouvelles: les courriers tardent cruellement, ils me font toujours regretter la poste; on la dit établie déjà entre Paris et Berlin, aussi il y aurait moyen d'écrire. J'ai vu aujourd'hui le prince Gorchakof et lui ai demandé s'il avait reçu des ordres pour le retour des gardes; il m'a répondu que non et que même les régiments non arrivés encore à leur destination continuaient à marcher pour s'y rendre; voilà qui est fâcheux, car cela jette du vague dans nos suppositions. Gorchakof m'a dit que le comte Miloradovitch avait donné une fête à mon jour de nom à Vilna. Notre temps s'est gâté de nouveau et il n'a fait que pleuvoir toute la journée, aussi ma pauvre Boster a terminé. Bonsoir, mes enfants, je m'endors malgré moi.

Ce 2 Août.

Pas de courrier de l'empereur, nous voici à neuf jours: c'est une école de patience qu'on supporte avec peine. Que puis-je vous dire d'ici, mes bons amis, qui puisse vous intéresser? En vérité rien au monde, si non que mes invalides me charment par leur zèle, leurs soins; ce bon Makarof est parfait, il a soin de mes roses comme si c'étaient des enfants; nous sommes grands amis et je ne passe jamais devant lui sans lui parler, et très souvent il reçoit des cadeaux; je lui fais quelquefois vos compliments, comme aussi à Osipof, et alors ils m'en chargent pour vous. L'ambassadeur de Perse se promenera chez moi aujourd'hui; il est amateur des roses et désire voir les miennes qui sont dans leur beauté. Grävenitz lui fera les honneurs du Pavillon. Adieu, mes bons amis, je fais mes comliments au g(énéral) Konovnizin, à vos cavaliers, qui tous oublient de m'écrire quoique ce soit marqué dans leur instruction. Assurez de mon souvenir mes connaissances militaires et ne m'oubliez pas, mes bons amis. Il me tarde extrêmement de vous revoir et surtout de vous savoir partis de Paris: au reste dites-vous que c'est le voeu général. Adieu, chers enfants, je vous embrasse tendrement et vous donne mille bénédictions.

Marie.

31-го іюля 1815 г., суббота.

(Переводъ). Поставьте мнѣ въ особую заслугу, добрыя дѣти мои, что я пишу вамъ сегодня. Мы были въ Александровскомъ, куда мы отправились въ 8 часовъ утра и откуда вернулись въ 10 часовъ вечера; мы проходили пѣшкомъ съ 11 часовъ утра до 3 часовъ по полудни, сдѣлавъ только получасовую остановку, и не останавливались даже, чтобы позавтракать; затѣмъ я ходила пѣшкомъ еще съ $4^1/_2$ до $6^1/_2$ часовъ. Фабрика такъ разростается, что надобно довольно много времени, чтобы обойти ее. Я осматривала новую паровую машину въ 70 лошадиныхъ силъ; это великолѣпнѣйшая вещь. Вильсонъ привезъ намъ много весьма интересныхъ новыхъ машинъ. Эта фабрика становится великолѣпнымъ учрежденіемъ. Съ нами было все наше общество, за исключеніемъ Куракина и двухъ фрейлинъ, которыя боялись утомиться; даже добрый старикъ Нелединскій ходилъ съ нами и поднимался вмѣстѣ со мною на всѣ лѣстницы; наша добрая графиня поднялась на лѣстницу въ 96 ступеней; благодаря Бога, она здорова и была очень весела. Прощайте, дорогія дѣти. Съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидаю отъ васъ писемъ. Завтра недѣля, какъ я получила послѣднія письма. Нѣжно обнимаю васъ. Аннета очень веселилась, но очень устала. Доброй ночи, добрые друзья мои.

Воскресенье, 1-го августа.

Я забыла сказать вамъ вчера, дѣти мои, что дорогою мы много говорили о васъ; мы припоминали тысячу мелкихъ анекдотовъ и много пріятныхъ минутъ, которыя мы провели, благодаря вамъ, и которыхъ мы лишились съ вашимъ отъѣздомъ. Вотъ уже недѣля, какъ мы не имѣемъ отъ васъ извѣстій: курьеры страшно запаздываютъ, они заставляютъ меня постоянно сожалѣть о почтѣ; говорятъ, что она уже установлена между Парижемъ и Берлиномъ, слѣдовательно, есть возможность переписываться. Я видѣла сегодня кн. Горчакова и спросила его, получилъ-ли онъ приказъ о возвращеніи гвардіи; онъ отвѣчалъ мнѣ отрицательно и сказалъ даже, что полки, не прибывшіе къ мѣсту назначенія, все еще идутъ впередъ; это досадно, ибо это сбиваетъ съ толку всѣ наши расчеты и предположенія. Горчаковъ сказалъ мнѣ, что гр. Милорадовичъ далъ, въ день моего ангела, праздникъ въ Вильнѣ. Погода у насъ снова испортилась, весь день идетъ дождь.

Прощайте, дѣти мои, я невольно засыпаю.

2-го августа.

Вотъ уже девять дней, какъ нѣтъ курьера отъ императора; это настоящая школа терпѣнія, съ которой трудно мириться. Что сообщить

вамъ отсюда, добрые друзья мои, что было бы для васъ интересно? По истинѣ, писать нечего; скажу только, что мои инвалиды приводятъ меня въ восторгъ своимъ усердіемъ и стараньемъ; добрый Макаровъ безупреченъ, онъ ухаживаетъ за моими розами, какъ за дѣтьми: мы съ нимъ большіе друзья, и я никогда не прохожу мимо, не поболтавъ съ нимъ, и часто дѣлаю ему подарки; я передаю ему иногда отъ васъ поклонъ, равно и Осипову, и они въ такомъ случаѣ также просятъ кланяться вамъ. Сегодня въ моемъ саду будетъ гулять персидскій посланникъ; онъ любитель розъ и хочетъ видѣть мои розы, которыя теперь въ полномъ цвѣту. Гревеницъ покажетъ ему павильонъ. Прощайте, добрые друзья мои, шлю привѣтъ ген. Коновницыну, вашимъ кавалерамъ, которые и не думаютъ писать мнѣ, хотя объ этомъ упоминается въ ихъ инструкціи. Передайте моимъ знакомымъ военнымъ, что я вспоминаю ихъ, и не забывайте меня, добрые друзья мои. Съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидаю свиданія съ вами; въ особенности какъ мнѣ хотѣлось бы знать, что вы уже уѣхали изъ Парижа; впрочемъ, это всеобщее желаніе. Прощайте, дорогія дѣти, нѣжно обнимаю и тысячу разъ благословляю васъ. Марія.

Num. 56.

Ce 3 Août 1815.

Point de courrier, mes enfants, nous voici au dixième jour; je vous déclare que je préfère la poste à tous ces envois qui vous arrivent après tant d'inquiétude et d'attente. Le temps, après avoir été agréable, ce matin s'est changé de nouveau: il pleut à verse; voilà un triste été. Nous avons eu hier l'ambassadeur de Perse en promeneur dans mon jardin; nous l'avons vu de loin; on le dit très aimable et parlant très bien l'anglais; il a une barbe noire très respectable. Je n'ai rien d'intéressant à vous mander, mes enfants, et le moyen d'écrire à des gens qui ne répondent jamais. Adieu, mes bons amis, portez-vous bien, ne m'oubliez pas. Je fais mes comliments au bon g(énéral) Konovnitzin, à vos messieurs et à nos cavaliers militaires. Que Dieu vous conserve et vous ramène au plus tôt chez nous: voilà ma prière quotidienne. Je vous embrasse de tout, tout mon coeur.

Marie.

3-го августа 1815 г.

(Переводъ). Вотъ уже десятый день, какъ нѣтъ курьера, дѣти мои; скажу вамъ откровенно, что я предпочитаю почту всѣмъ этимъ послан-

цамъ, въ ожиданіи которыхъ приходится такъ много волноваться. Погода, которая была довольно пріятная, снова измѣнилась сегодня утромъ: идетъ проливной дождь; какое скучное лѣто! Вчера въ моемъ саду гулялъ персидскій посланникъ; мы видѣли его издали; говорятъ, что онъ очень любезенъ и очень хорошо говоритъ по-англійски; у него очень большая черная борода. Я не могу сообщить вамъ ничего интереснаго, дѣти мои, да и возможно-ли писать людямъ, которые никогда не отвѣчаютъ. Прощайте, добрые друзья мои, будьте здоровы, не забывайте меня. Шлю привѣтъ доброму ген. Коновницыну, вашимъ кавалерамъ и нашимъ г.г. военнымъ. Да хранитъ васъ Господь и да приведетъ Онъ васъ какъ можно скорѣе къ намъ: вотъ о чемъ я прошу Его ежедневно. Цѣлую васъ отъ всего, отъ всего сердца. Марія.

Num. 57.

Ce 4 Août 1815, Mercredi.

Je suis affligée et peinée jusqu'au fond de l'âme de la privation de vos nouvelles, mes chers enfants; nous voici 11 jours sans vos lettres et les gazettes du jour sont si inquiétantes sur l'état de la France, expiment en tout caractère que les royalistes se joignent à l'armée de Davoust, qui avait reconnu le roi, lui avait prêté serment de fidélité, mais voulait combattre les troupes alliées, que les partis se réunissaient sous ce rapport, et même les gazettes disent que le roi se trouve dans une position très difficile par ces circonstances. Elles ajoutent qu'on sait que les forteresses ne se rendent pas par l'ordre du roi même, pour qu'elles ne soient pas remises aux alliés. Enfin les gazettes font quitter le d(uc) Wellington Paris pour aller combattre cette armée. Tout cela n'est pas réjouissant; le sang va donc encore couler, et Dieu sait où tout cela nous conduira pour le retour de l'empereur et le vôtre. Le manque total de vos nouvelles ajoute à la masse de ces inquiétudes si bien que je me sens triste et rêveuse. Les gazettes annoncent que le cours de poste est rétabli entre la France et l'Allemagne; ainsi, mes amis, si votre séjour se prolonge, écrivez, je vous en conjure, par la poste, car du moins verrai-je alors que vous existez. Rien de nouveau chez nous, mes amis. Le temps est affreux et les ondées perpétuelles, aussi la fenaison est perdue, on est très inquiété pour le blé. Bonsoir, mes bons amis, je supplie votre amitié et tendresse pour me donner de vos nouvelles. Je vous embrasse et vous donne mille bénédictions.

Ce 5 Août, Jeudi.

Pas de courrier, pas de lettres, un temps affreux; dites-moi, mes bons amis, si après cela on est disposé à écrire; non, en vérité, car l'âme est triste, inquiète. Voyez donc, mes amis, si vous ne faites pas mal de ne pas adoucir ma peine par quelques mots par la poste: je ne vous demande que ce peu de mots: nous nous portons bien; et certes ils peuvent être lus par tout le public de Paris sans tirer à conséquence. Ne savoir rien de vous c'est un supplice. Adieu, mes bons enfants, portez-vous bien, restez les mêmes, occupez-vous sérieusement, conservez le respect pour la vertu et l'horreur du vice: voilà ce que vous demande instamment maman en vous serrant dans ses bras et vous donnant mille bénédictions.

Marie.

Mes compliments au général, à vos messieurs et à nos braves connaissances militaires.

4-го августа 1815 г., среда.

(Переводъ). Я огорчена и опечалена до глубины души, не имѣя отъ васъ извѣстій, дорогія дѣти; вотъ уже 11 дней, какъ мы не имѣемъ отъ васъ писемъ, а въ газетахъ сообщаютъ весьма тревожныя вѣсти о состояніи Франціи и говорятъ ясно, что роялисты присоединяются къ арміи Даву, которая признала короля и присягнула ему, но намѣревается сражаться съ союзными войсками, и что партіи соединяются съ этой цѣлью; въ газетахъ говорится даже, что король поставленъ всѣмъ этимъ въ крайне затруднительное положеніе. Прибавляютъ, что крѣпости, какъ всѣмъ извѣстно, не сдаются даже по повелѣнію самого короля, чтобы не быть переданными союзникамъ. Наконецъ, по словамъ газетъ, герцогъ Веллингтонъ уѣхалъ изъ Парижа, чтобы сражаться съ этой арміей: все это далеко неутѣшительно; слѣдовательно, кровь снова будетъ литься, и одному Богу извѣстно, какъ это повліяетъ на возвращеніе ваше и императора. Совершенное отсутствіе отъ васъ извѣстій еще болѣе усиливаетъ мою тревогу, такъ что я скучаю и задумываюсь. Въ газетахъ объявлено, что почтовое сообщеніе между Франціей и Германіей возстановлено; поэтому, друзья мои, если ваше пребываніе (за границею) продолжится, пишите мнѣ, умоляю васъ, по почтѣ; тогда, по крайней мѣрѣ, я буду знать, что вы живы. У насъ нѣтъ ничего новаго, друзья мои. Погода отвратительная; то и дѣло идутъ проливные дожди, сѣнокосъ пропалъ, весьма опасаются за урожай ржи. Про-

щайте, добрые друзья мои; взываю къ вашей дружбѣ и любви, чтобы получить отъ васъ извѣстія. Цѣлую васъ и посылаю вамъ тысячу благословеній.

5-го августа, четвергъ.

Нѣтъ курьера, нѣтъ писемъ, погода отвратительная; скажите, добрые друзья мои, можно-ли послѣ этого быть расположенной писать,—конечно, нѣтъ, такъ какъ на душѣ скучно, тревожно. Подумайте же, друзья мои, какъ дурно съ вашей стороны не облегчить моего горя, написавъ мнѣ нѣсколько словъ по почтѣ; я прошу васъ написать только два слова: «мы здоровы»; безъ сомнѣнія, они могутъ быть прочитаны всѣми жителями Парижа, безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій. Ничего не знать о васъ для меня пытка. Прощайте, добрыя мои дѣти, будьте здоровы, не измѣняйтесь, занимайтесь серьезно, сохраняйте уваженіе къ добродѣтели и отвращеніе къ пороку; вотъ о чемъ настоятельно проситъ васъ мамаша. Обнимаю васъ и посылаю вамъ тысячу благословеній. Марія.

Поклонъ генералу, вашимъ кавалерамъ и нашимъ знакомымъ молодцамъ-военнымъ.

Num. 58.

Paw(lowsk), ce 6 Août 1815.

En vérité, mes chers enfants, nous sommes plus aimables que vous, car nous vous écrivons toujours malgré votre obstiné silence. Nous voici 13 jours sans signe de vie de vous tous: c'est désolant; je ne sais qu'en croire, surtout lorsque je vous sais tous en place; cela ne me rend ni gaie ni contente, mais par contre triste et inquiète. Adieu, mes bons amis, je ne vous soupçonne pas d'oubli, je sais qu'avec vos coeurs c'est impossible, mais pourquoi ne pas écrire par la poste, pourquoi aucun de vos messieurs ne m'écrit, lorsque cela leur est intimé par leur instruction, c'est ce que je ne comprends pas. Adieu encore une fois, mes chers enfants, je vous embrasse tendrement et vous donne mille bénédictions.

Marie.

Павловскъ, 6-го августа 1815 г.

(Переводъ). Въ самомъ дѣлѣ, дорогія дѣти, мы любезнѣе васъ, такъ какъ мы продолжаемъ писать вамъ, несмотря на ваше упорное молчаніе. Вотъ 13 дней, какъ вы не подаете признака жизни; это прискорбно; я не знаю, что думать, тѣмъ болѣе, что, какъ мнѣ извѣстно, вы всѣ находитесь на мѣстѣ; поэтому я не могу быть ни весела, ни довольна; напротивъ, я грущу, я волнуюсь. Прощайте, добрые друзья мои, я не

думаю, что вы забыли меня; я знаю, что, имѣя ваше сердце, это невозможно; но почему же вы не пишете по почтѣ, почему ни одинъ изъ вашихъ кавалеровъ не пишетъ мнѣ, коль скоро это предписано въ данной имъ инструкціи, этого я понять не могу. Прощайте еще разъ, дорогія дѣти, нѣжно обнимаю и тысячу разъ благословляю васъ. Марія.

Num. 59.

Ce Samedi, 7 Août 1815.

Enfin, mes chers et bons amis, j'ai reçu de votre écriture après 14 jours d'attente et d'inquiétude; le courrier est arrivé à trois heures de l'après-dînée, le coeur m'a battu de joie en ouvrant vos lettres, mes chers enfants. J'en ai reçues deux de vous, cher Nicolas, qui embrassent du 13 au 15 Juillet, je ne puis assez vous en remercier et vous dire tout l'intérêt que j'ai donné à leur lecture, tout le plaisir qu'elles m'ont fait et sous le rapport de votre amitié, souvenir, tendresse et confiance; je vois que vous m'écrivez presque journellement et les moments que vous me donnez sont bien appréciés par mon coeur qui vous les repaye en bénédictions. Cher Michel, je vous remercie aussi pour votre lettre, mais, mon bon ami, je ne peux m'empêcher de vous faire la remarque, qu'elle n'est qu'un journal militaire de quelques lignes, que vous terminez par me dire que vous me remerciez de ma lettre: ainsi depuis le 9 Juillet jusqu'au 16 vous ne m'avez écrit que ce dernier jour, et encore n'était-ce que pour me transcrire quelques lignes de votre journal militaire. Vous ne me dites mot de vous, de vos occupations, de l'emploi de votre temps, de vos lectures; j'en suis, je l'avoue, peinée; il m'importe, cher Michel, de savoir ce que vous faites, de vous entendre raisonner juger sur ce que vous voyez, et puis j'ai cru que votre coeur aurait toujours quelque chose à me dire, mais vous ne répondez pas même à mes lettres; je n'en accuse certainement que la grande distraction que le séjour de Paris entraîne après soi, mais, cher Michel, c'est contre elle que je vous mets en garde et vous conjure de vous fixer des heures d'étude sérieuse et d'occupation sérieuse: cela vous est d'une nécessité indispensable dont vous sentirez l'utilité. J'en reviens au contenu de votre lettre, cher Nicoche, et vous dirai qu'Annette et moi sommes bien parfaitement contentes de ce que vous nous dites du prince d'Orange; sa manière d'être me paraît porter le cachet de la loyauté et de la franchise, et c'est toujours le moyen et le bon moyen de captiver le coeur. J'ai en idée que, si la chose s'arrange, nous nous aimerons mutuellement, et je m'y sens toute disposée par tout ce que vous me dites de lui; tous les détails ont fait grand plaisir à Annette et la disposent avantageusement

pour le prince. Voyons ce qui en sera et si le papa se rendra aux voeux du fils. J'ai en idée que, si le consentement arrive, ce sera Tschernichef qui sera le porteur de la nouvelle, et vous vous direz, cher Nicoche, s'il sera bien reçu. Je désire infiniment ce parti pour Annette et y vois son bonheur; il est très désiré chez nous et la joie sera universelle, s'il s'arrange. Je suis bien aise de voir l'empereur aimer et estimer le prince d'Orange, j'en ai d'autant meilleure opinion de lui; mais je suis bien étonnée de voir que le prince royal de Wur(temberg) a démérité chez lui après l'éloge qu'il m'en a fait: j'en suis peinée pour la pauvre Catau. Dieu veuille qu'elle soit heureuse et ne regrette jamais le choix qu'elle a fait, mais bien certainement elle n'aura de reproches à faire qu'à elle-même, car si elle eût écouté mes conseils, elle aurait donné plus de temps à la réflexion et à se décider. Que Dieu veille sur elle. Parlez-moi en attendant de lui, mes amis, et dites-moi s'il tient une conduite sage et réservée à Paris? D'où vient, mes amis, que vous ne me parlez pas de Napoléon, vous ne me le nommez pas, cher Nicoche. Avez-vous vu la d(uchesse) d'Angoulème, comment la trouvez-vous après tous ses malheurs? Faites-lui mes compliments et assurez-la de mes voeux pour son bonheur. Comment est le d(uc) d'Orléans? Comment se conduit-il? Voyez-vous souvent le m(aréchal) Wellington? Enfin, mes amis, parlez-moi de vos sociétés. Comment était le bal de madame de Duras? Y vous êtes-vous amusés? La société était-elle bonne et choisie? Je vous remercie de l'envoi du charmant éventail que je dois à votre amitié, cher Nicoche. Je m'en parerai demain; il est bien joli; et croyez que j'ai été bien sensible au choix que vous en avez fait, étant parsemé de roses que vous savez que j'aime. Bonsoir, mes amis, le reste à demain, s'il plaît à Dieu. Je vous embrasse de tout mon coeur et vous donne mille bénédictions. D'où vient donc qu'aucun de vos cavaliers ne m'écrit malgré que cela leur est intimé dans l'instruction? Le bon Glinka est arrivé aujourd'hui, il vous présente ses tendres hommages. Les gardes ont eu ordre de revenir, elles doivent partir le 10 Août de Wilna.

Ce 8 Août, Dimanche.

M. d'Achverdof vous fait dire mille choses; nous parlons toujours de vous. Le bon Glinka a trouvé du changement en mieux à Smolensk, et pour la ville, parce qu'il a retrouvé des quartiers rebâtis et les terres ensemencées: la récolte serait superbe, mais la pluie l'abîme. M-r Markéwitch m'a envoyé les fusils, casques empaquetés, et les caisses seront expédiées par Levis à Stettin et de là à Berlin. Le sujet de la conversation du moment est un accident arrivé à Taizi, où le comte, la comtesse Kotschoubei, son père, la comtesse Woronzof, le prince Jacques Lobanof et Madame Démidof sont tombés avec un balcon à la hauteur

de 5 à 6 archines; grâce à Dieu personne ne s'est rien fracturé, mais tous de plus ou moins ont été froissés; Madame Démidof s'est fait le plus mal et on a dû la saigner d'abord; le prince Jacques est déjà des nôtres aujourd'hui avec quelques taches bleues; le comte Kotschoubei m'a écrit hier, qu'il se sentait mieux, de même que la comtesse; on a saigné la comtesse Woronzof, parce qu'elle avait reçu ou plutôt qu'on craignait l'effet du contre-coup, mais elle est bien. Les 4 poutres du balcon ont cassé à la fois. J'ai pensé avec plaisir au contenu de votre lettre, cher Nicoche, et prié Dieu de bénir les bonnes intentions de l'empereur pour notre Annette. Cher Nicoche, soyez bien précautionné, mon bon ami, de ne pas faire voir au prince de l'empressement d'âme pour ce mariage, il faut ménager sa délicatesse; mais vous pouvez lui dire tout l'intérêt que j'ai pris à sa blessure, à son rétablissement et que je suis bien aise de le voir se lier avec vous, par la bien bonne opinion que j'ai de lui. Je suis bien aise, cher Nicoche, de vous voir rassuré sur le souvenir d'Alexandrine. J'attends sa réponse avec impatience et je sais bien l'usage que j'en ferai. Le devinez-vous? Adieu, mes bons amis. Mes compliments au général et à vos messieurs; assurez de mon souvenir tous nos braves militares. Je vous embrasse de tout mon coeur et vous donne mille bénédictions.

Marie.

Суббота, 7-го августа 1815 г.

(Переводъ). Наконецъ то, дорогіе и добрые друзья мои, я получила отъ васъ письмо послѣ двухнедѣльнаго ожиданія и тревоги; курьеръ прибылъ въ половинѣ четвертаго по полудни; сердце радостно забилось у меня, вскрывая ваши письма, дорогія дѣти. Я получила два письма отъ васъ, дорогой Николай, отъ 13-го—15-го іюля; не знаю, какъ достаточно благодарить васъ и какъ выразить вамъ, съ какимъ вниманіемъ я ихъ прочитала, и какое удовольствіе они мнѣ доставили, какъ доказательство вашей дружбы, вашей памяти обо мнѣ, вашей любви и довѣрія; я вижу, что вы пишете мнѣ чуть не ежедневно, я вполнѣ цѣню тѣ минуты, которыя вы посвящаете мнѣ, и отъ всего сердца благословляю васъ за нихъ. Дорогой Михаилъ, благодарю васъ также за письмо, но, добрый другъ мой, не могу не замѣтить, что оно представляетъ собою всего нѣсколько строкъ изъ вашего военнаго журнала, который вы заканчиваете благодарностью за мое письмо: такимъ образомъ, съ 9-го по 16-е іюля вы писали мнѣ только 16-го числа, да и то ограничились перепискою нѣсколькихъ строкъ изъ своего военнаго журнала. Вы не пишете мнѣ ни слова о себѣ, о своихъ занятіяхъ, о препровожденіи времени, о вашихъ знакомствахъ, о томъ, что вы читаете; признаюсь,

это огорчаетъ меня; для меня важно, дорогой Михаилъ, знать, что вы дѣлаете, слышать ваши сужденія, имѣть понятіе о томъ, что вы видите; кромѣ того, я полагала, что сердце всегда подскажетъ вамъ нѣсколько словъ для меня, но вы даже не отвѣчаете на мои письма; я приписываю это, разумѣется, только той крайне разсѣянной жизни, какую влечетъ за собою пребываніе въ Парижѣ; но, дорогой Михаилъ, противъ этого-то я и предостерегаю васъ и умоляю васъ опредѣлить извѣстные часы дня на серьезныя занятія и науку, это для васъ необходимо; вы сами сознаете всю пользу этого. Возвращаюсь къ содержанію вашего письма, дорогой Никошъ, и скажу вамъ, что мы съ Аннетой вполнѣ довольны тѣмъ, что вы сообщаете намъ о принцѣ Оранскомъ; онъ держитъ себя, на мой взглядъ, искренно и чистосердечно, а это всегда наилучшее средство привлечь сердца; мнѣ кажется, что если дѣло уладится, то мы будемъ взаимно любить другъ друга, я къ этому вполнѣ готова подъ вліяніемъ всего, что вы пишете о немъ. Аннета выслушала съ удовольствіемъ всѣ эти подробности; онѣ много говорятъ въ пользу принца. Увидимъ, что изъ этого выйдетъ, и согласится-ли папаша на желаніе сына; я думаю, что если согласіе послѣдуетъ, то извѣстіе объ этомъ привезетъ намъ Чернышевъ; вы можете быть увѣрены, дорогой Никошъ, что ему будетъ оказанъ хорошій пріемъ. Я очень желаю для Аннеты этой партіи и полагаю, что она составитъ ея счастье: у насъ этого брака очень желаютъ, и если онъ устроится, то радость будетъ всеобщая. Мнѣ пріятно видѣть, что императоръ любитъ и уважаетъ принца Оранскаго, это еще болѣе усиливаетъ мое благопріятное мнѣніе о немъ; но я удивляюсь тому, что наслѣдный принцъ Виртембергскій провинился передъ нимъ, тогда какъ онъ отзывался о немъ ранѣе съ такою похвалою; это огорчаетъ меня ради бѣдной Като. Дай Богъ, чтобы она была счастлива и никогда не жалѣла о сдѣланномъ ею выборѣ, но, разумѣется, ей некого будетъ упрекать, кромѣ самой себя, ибо, если бы она послушалась моихъ совѣтовъ, то она не приняла бы рѣшенія столь поспѣшно и обдумала бы его болѣе зрѣло. Да хранитъ ее Господь. Напишите мнѣ о немъ, друзья мои, и скажите, ведетъ-ли онъ себя въ Парижѣ благоразумно и сдержанно? Отчего вы не пишете, друзья мои, ничего о Наполеонѣ? Вы даже не упоминаете о немъ, дорогой Никошъ. Видѣли-ли вы герцогиню Ангулемскую, какъ находите вы ее послѣ всѣхъ испытанныхъ ею несчастій? Передайте ей мой привѣтъ и скажите, что я желаю ей счастья. Какъ вы находите герцога Орлеанскаго? Какъ онъ держитъ себя? Часто-ли вы видите фельдмаршала Веллингтона? Словомъ, друзья мои, пишите мнѣ о тѣхъ лицахъ, съ коими вы видитесь. Опишите мнѣ балъ у г-жи Дюрасъ; веселились-ли вы у нея? Было-ли у нея хорошее, избранное общество? Благодарю васъ за присылку прелестнаго вѣера, я обязана этимъ вашей нѣжной заботливости,

дорогой Никошъ; я украшу имъ свой нарядъ завтра; онъ очень красивъ; повѣрьте, я была очень тронута тѣмъ, что вы выбрали именно этотъ рисунокъ, такъ какъ онъ усѣянъ розами, которыя, какъ вамъ извѣстно, я такъ люблю. Прощайте, друзья мои, остальное напишу завтра, если Богу будетъ угодно. Цѣлую васъ отъ всего сердца и тысячу разъ благословляю. Почему же никто изъ вашихъ кавалеровъ не пишетъ мнѣ, хотя это предписывается имъ инструкціей? Сегодня пріѣхалъ добрый Глинка; онъ свидѣтельствуетъ вамъ свое глубочайшее почтеніе. Гвардія получила приказаніе возвратиться; она должна выступить изъ Вильны 10-го августа.

8-го августа, воскресенье.

Ахвердовъ проситъ передать вамъ его привѣтъ, мы постоянно говоримъ о васъ. Добрый Глинка нашелъ въ Смоленской губерніи большія перемѣны къ лучшему: въ самомъ городѣ отстроены цѣлые кварталы, и въ окрестностяхъ засѣяны поля; урожай былъ бы великолѣпный, но его портятъ дожди. Маркевичъ прислалъ мнѣ ружья и каски, уже уложенныя; ящики будутъ отосланы Левисомъ въ Штеттинъ, а оттуда въ Берлинъ. Въ настоящую минуту всѣ говорятъ о несчастномъ случаѣ, бывшемъ въ Таицахъ, гдѣ графъ и графиня Кочубей, ея отецъ, графиня Воронцова, князь Яковъ Лобановъ и г-жа Демидова свалились вмѣстѣ съ балкономъ съ высоты 5—6 аршинъ; благодаря Бога, ни у кого не переломлены члены, но всѣ получили болѣе или менѣе сильные ушибы; особенно пострадала г-жа Демидова; ей тотчасъ пришлось пустить кровь. Князь Яковъ уже былъ у насъ сегодня; у него еще замѣтно нѣсколько синяковъ; графъ Кочубей писалъ мнѣ вчера, что онъ чувствуетъ себя лучше, точно такъ же, какъ и графиня; графинѣ Воронцовой пустили кровь, боясь послѣдствій ушиба, но она чувствуетъ себя хорошо. Всѣ четыре столба, поддерживавшіе балконъ, обломились сразу.

Я припоминаю съ удовольствіемъ содержаніе вашего письма, дорогой Никошъ, и молю Господа благословить добрыя намѣренія императора относительно нашей Аннеты. Дорогой Никошъ, будьте очень осторожны, добрый другъ мой, чтобы не выказать принцу слишкомъ большаго желанія, чтобы этотъ бракъ состоялся; надобно щадить его деликатность, но вы можете передать ему, что я принимала большое участіе въ немъ, узнавъ о томъ, что онъ раненъ, и очень интересовалась его выздоровленіемъ и что я очень довольна, что онъ сходится съ вами, такъ какъ я о немъ очень хорошаго мнѣнія. Я очень рада, дорогой Никошъ, что вы успокоились относительно того, что Александрина не позабыла васъ. Я ожидаю съ нетерпѣніемъ отъ нея отвѣта и знаю, какое я сдѣлаю изъ него употребленіе. Догадываетесь, какое? Прощайте, добрые друзья мои. Передайте отъ меня поклонъ генералу и вашимъ

кавалерамъ и скажите всѣмъ нашимъ молодцамъ военнымъ, что я ихъ не забыла. Цѣлую васъ отъ всего сердца и тысячу разъ благословляю васъ. Марія.

Num. 60.

Ce 10 Août 1815.

Chers enfants, je vous ai écrit hier soir comme à mon ordinaire et même je crois que vous me lisez avec plaisir, pour ce moment ce n'est que par la poste que je vous trace ces lignes, ainsi c'est du расхожій et de la pâture pour les maîtres de poste, mais toujours vous verrez que je pense à vous, mes enfants, que je m'occupe de vous. En vérité vous êtes constamment présents à mon coeur, à mes yeux, à ma mémoire: oui, mes bons enfants, on n'aime pas plus que je ne vous chéris. Le temps est toujours bien mauvais chez nous et jamais je ne vis un été pareil, le soleil est d'une rareté extrême et le ciel constamment noir; on aurait presque besoin de bougie au moment que je vous écris. Adieu, mes bons amis, je vous embrasse de tout, tout mon coeur et vous prie de faire mes compliments au général, à vos messieurs et à mes connaissances militaires. Toute à vous pour la vie.

Marie.

10-го августа 1815 г.

(Переводъ). Дорогія дѣти, я писала вамъ, по обыкновенію, вчера вечеромъ и полагаю даже, что вы прочли мое письмо съ удовольствіемъ; въ настоящую минуту пишу вамъ нѣсколько строкъ только по почтѣ, поэтому это «расхожій» [1]) и пожива для содержателей почты, но все-таки вы увидите, что я думаю о васъ, дѣти мои, и что я забочусь о васъ. Въ самомъ дѣлѣ, душою я всегда съ вами; вы всегда стоите у меня передъ глазами, и я всегда думаю о васъ; да, добрыя дѣти мои, нельзя любить болѣе, нежели я люблю васъ. У насъ все еще стоитъ отвратительная погода, я никогда не видала подобнаго лѣта, солнце показывается очень рѣдко, небо постоянно обложено тучами; въ ту минуту, какъ я вамъ пишу, едва не приходится зажечь свѣчей. Прощайте, добрые друзья мои, цѣлую васъ отъ всего сердца и прошу васъ передать мой поклонъ генералу, вашимъ кавалерамъ и моимъ знакомымъ военнымъ. Ваша навѣки. Марія.

---

[1]) Это слово написано по-русски въ оригиналѣ.

Num. 61.

Ce Lundi, 9 Août 1815.

Bonsoir, mes chers enfants! J'ai l'âme réjouie de la pensée du plaisir que vous donnera ma lettre d'aujourd'hui, cher et bon Nicoche, par l'envoi que je vous fais de celle que j'ai reçue hier au soir d'Alexandrine: elle est charmante; les sentiments qu'elle y exprime me sont chers et sont rendus avec grâce et sensibilité; je vous en fais don, cher Nicoche, gardez-la, elle vous donnera, tout comme à moi, l'expérience d'un heureux avenir, car Alexandrine me paraît bonne, sensible et aimante. Je sais que j'ai gardé copie de cette lettre que je lui ai écrite, je tâcherai de la retrouver pour vous l'envoyer aussi, mon bon ami. Je vais lui écrire de nouveau pour la prier de remettre les fusils à son frère cadet. Vous voyez, cher enfant, que je sers bien vos voeux et votre tendresse parce que je la trouve bien placée. Si le temps de votre séjour à Paris vous le permettait ou plutôt si vous êtes encore à Paris à la réception de cette lettre, vous me feriez grand plaisir tous deux, mes bons amis, en vous faisant peindre par Isabey: le portrait de l'empereur est si parfait que j'ai le vif désir d'avoir le vôtre à t o u s d e u x peint par le même artiste. Dans la suite du temps ce modèle pourra servir pour en tirer copie et l'offrir à Alexandrine, tout comme un jour à celle que vous auriez choisie, cher Michel. Je n'ai rien de nouveau à vous dire, mes bons amis. Je crois n'avoir pas oublié de vous marquer hier que les gardes ont eu ordre de rebrousser chemin, elles doivent quitter Wilna demain, le 10 du mois; ainsi nous pouvons les attendre vers le commencement d'Octobre. Cette nouvelle fait grand plaisir, mais celle de votre retour à tous en fera un bien plus grand. Dieu veuille nous ramener bientôt l'empereur. Sa présence est des plus nécessaires, et tout retard est désolant. Les gazettes parlent d'un congrès; cette pensée fait battre le coeur d'angoisse, mais je n'y crois pas, tout comme non plus à l'arrivée de l'impératrice Elisabeth, de l'impératrice d'Autriche et de tous les rois à Paris. Je regarde cette nouvelle puisée dans l'imagination des gazetiers. Bonsoir, mes bons amis, dormez bien, ne m'oubliez pas et dites-vous que je vous aime bien tendrement.

Ce Mercredi, 11 Août.

Je vous ai écrit hier par la poste et continue aujourd'hui cette lettre-ci, quoique j'ai bien peu de choses à vous dire qui puissent vous intéresser, mes bons enfants. Notre temps est toujours détestable et, ayant usage de sortir deux fois, aujourd'hui j'ai été mouillée chaque fois: c'est une véritable désolation pour l'habitant de la campagne qui

ne peut recueillir la moisson. Je me flatte d'un courrier ces jours-ci espérant que l'empereur m'aura écrit le 22 Juillet. Les gazettes parlent du congrès et de l'arrivée des rois à Paris: on nomme même celui d'Espagne; mais je n'y crois rien, tout aussi peu qu'à l'arrivée des impératrices et de Constantin; j'ai reçu hier de ses lettres, il me dit, cher Nicoche, que vous lui avez écrit, ce qui lui a fait grand plaisir, car toutes les nouvelles lui manquent, ce qui le chagrine. Parlez-moi du prince d'Orange, du prince r(oyal) de W(urtemberg). Que fait-il? Comment est-il avec vous? Vous recherche-t-il? Le voyez-vous souvent? Dieu veuille que Cateau soit heureuse, elle l'affectionne tendrement et en a la plus haute pensée; puisse-t-elle pouvoir la conserver. Parlez-moi de vos occupations, de vos lectures, de la manière dont votre temps est partagé, de vos connaissances; ne laissez rien ignorer de ce qui vous concerne à maman et dites-moi bien sincèrement et ouvertement si vous êtes contents de vous-mêmes. Adieu, chers et bons enfants, je vous embrasse de tout, tout mon coeur. Faites mes compliments au général, à vos messieurs, à nos braves connaissances militaires. Ne m'oubliez pas, chers enfants, et dites-vous que toutes mes bénédictions reposent sur vous.

Marie.

Dites-moi, mes amis, que fait le bon M-r Pougens? Vous ne me dites rien, je n'ai pas de ses nouvelles, je crains qu'il ne lui soit arrivé malheur.

Понедѣльникъ, 9-го августа, 1815 г.

(Переводъ). Здравствуйте, милыя дѣти. Я отъ души радуюсь при мысли, что мое сегодняшнее письмо доставитъ вамъ удовольствіе, мой милый и хорошій Никошъ, такъ какъ я пересылаю въ немъ письмо, полученное мною вчера вечеромъ отъ Александрины; оно очаровательно; чувства, которыя она выражаетъ въ немъ съ такимъ изяществомъ и такою чувствительностью, мнѣ очень дороги. Я вамъ дарю это письмо, милый Никошъ, храните его, оно дастъ вамъ, такъ же, какъ дало мнѣ, надежду на счастливое будущее, такъ какъ мнѣ кажется, что Александрина очень добра, чувствительна и любяща. Мнѣ помнится, что я сохранила копію съ того письма, которое я ей послала; я постараюсь отыскать ее и пришлю вамъ, мой дорогой другъ. Я напишу ей еще и попрошу ее передать ея младшему брату ружья. Вы видите, милое дитя, что я исполняю ваше желаніе и забочусь о тѣхъ, кого вы любите, потому что они этого достойны. Если во время вашего пребыванія въ Парижѣ вы найдете возможнымъ или, лучше сказать, если при по-

лученіи моего письма вы будете еще тамъ, то вы сдѣлаете мнѣ большое удовольствіе, добрые друзья мои, заказавъ Изабею ваши портреты; портретъ императора такъ хорошъ, что я очень хочу имѣть ваши портреты, работы этого же художника. Впослѣдствіи эти портреты могутъ послужить оригиналами, съ которыхъ можно будетъ снять копіи и подарить ихъ Александринѣ и той, которую вы изберете себѣ въ жены, дорогой Михаилъ. Я не могу вамъ сообщить ничего новаго, добрые друзья мои; кажется, вчера я писала вамъ, что гвардія получила приказаніе возвратиться, она должна выступить изъ Вильны завтра, 10-го числа, такъ что мы можемъ ожидать ее въ началѣ октября. Это очень пріятная новость, но вѣсть о вашемъ возвращеніи доставитъ всѣмъ гораздо большее удовольствіе. Дай Богъ, чтобы императоръ скоро вернулся, его присутствіе въ высшей степени необходимо; малѣйшее промедленіе прискорбно. Газеты сообщаютъ о предстоящемъ конгрессѣ; мысль объ этомъ заставляетъ мучительно сжаться сердце, но я этому не вѣрю, точно такъ же, какъ прибытію въ Парижъ императрицы Елизаветы, императрицы австрійской и всѣхъ королей. Я считаю это извѣстіе газетнымъ вымысломъ. Прощайте, мои добрые друзья, спите спокойно, не забывайте меня и вѣрьте, что я васъ нѣжно люблю.

Среда, 11-го августа.

Я вамъ писала вчера по почтѣ, милыя дѣти; сегодня продолжаю это письмо, хотя я мало могу сообщить для васъ интереснаго. Погода стоитъ у насъ все время отвратительная; я сегодня два раза промокла, такъ какъ привыкла два раза выходить изъ дому. Это истинное бѣдствіе для крестьянъ, которые не могутъ собрать жатву. Я ожидаю на-дняхъ курьера, ибо надѣюсь, что императоръ писалъ мнѣ 22-го іюля. Газеты извѣщаютъ о конгрессѣ и о съѣздѣ королей въ Парижъ: называютъ даже короля испанскаго, но я не вѣрю этому, такъ же точно, какъ не вѣрю пріѣзду императрицъ и Константина. Я получила вчера отъ него письма; онъ мнѣ сообщаетъ, милый Никошъ, что вы ему писали; это доставило ему большое удовольствіе, такъ какъ онъ не получаетъ никакихъ извѣстій, и это его огорчаетъ. Напишите мнѣ о принцѣ Оранскомъ и о Виртембергскомъ наслѣдномъ принцѣ, что онъ подѣлываетъ? Какъ онъ къ вамъ относится? Ищетъ-ли онъ вашего общества? Часто-ли вы его видите? Дай Богъ, чтобы Като была счастлива; она нѣжно его любитъ и очень высокаго о немъ мнѣнія; дай Богъ, чтобы ей не пришлось перемѣнить его. Пишите мнѣ о вашихъ занятіяхъ, о вашемъ чтеніи, о распредѣленіи вашего времени, о вашихъ знакомствахъ; не опускайте сообщить вашей матери все, что только касается васъ, и скажите мнѣ вполнѣ правдиво и откровенно, довольны-ли вы собой. Прощайте, дорогія, добрыя дѣти; цѣлую васъ отъ всего сердца.

Кланяйтесь отъ меня генералу, вашимъ кавалерамъ и нашимъ молодцамъ-военнымъ, коихъ я знаю. Не забывайте меня, дорогія дѣти, и будьте увѣрены, что мое благословеніе будетъ надъ вами.

Марія.

Скажите, милыя дѣти, что подѣлываетъ добрый г. Пуженсъ? Вы мнѣ о немъ ничего не пишете; я не имѣю извѣстій отъ него, и боюсь, не случилось-ли съ нимъ какое-нибудь несчастіе.

Сообщ. **В. В. Щегловъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

АЛЕКСѢЕВСКІЙ РАВЕЛИНЪ.

Алексѣевскій равелинъ.

Прилагаемые два снимка съ двухъ сторонъ Алексѣевскаго равелина Петропавловской крѣпости представляютъ, сколько я знаю, величайшую рѣдкость, такъ какъ ни рисовальщики, ни фотографы для изображенія его никогда не допускались, а теперь зданія этого равелина уже не существуютъ; снимки же, имѣющіеся въ моемъ распоряженіи, сняты лицомъ, нѣсколько времени проживавшимъ въ 60-хъ годахъ въ Петропавловской крѣпости и занимавшимся фотографіей. Между тѣмъ Алексѣевскій равелинъ нерѣдко упоминается какъ въ русской исторіи, такъ и въ исторіи русской литературы. Здѣсь заключена была и скончалась несчастная княжна Тараканова, здѣсь сидѣли многіе декабристы, Шевченко, Костомаровъ и пр.

Полагаютъ даже, что въ Алексѣевскомъ равелинѣ былъ заключенъ, умеръ и похороненъ царевичъ Алексѣй Петровичъ (см. далѣе), вслѣдствіе чего равелинъ этотъ и получилъ будто свое названіе; но это невѣрно: Алексѣевскаго равелина въ то время еще не существовало, а царевичъ былъ заключенъ и умеръ въ Трубецкомъ раскатѣ, по сосѣдству съ которымъ Алексѣевскій равелинъ былъ выстроенъ.

По поводу этого равелина въ извѣстномъ сочиненіи Богданова: «Историческое, географическое и топографическое описаніе С.-Петербурга» (изд. 1779 г.) сообщаются (стр. 43—44) такія свѣдѣнія:

«Равелинъ стоитъ (вблизи) отъ Васильевскихъ воротъ, начатъ строить 1733 г. іюня 20-го дня, именованъ св. Алексѣй. При зачатіи сего равелина надпись высѣченная на камнѣ слѣдующая: «Во имя Господне, Божіею поспѣшествующею милостію, повелѣніемъ Всепресвѣтлѣйшія, Державнѣйшія Великія Государыни Императрицы и Самодержицы Всероссійскія Анны Іоанновны, матери отечества, основаніе сего равелина со фланки и контрогарды, именуемаго Алексія, во имя блаженныя и вѣчнодостой-

ныя памяти Государя Царя и великаго князя Алексія Михайловича, а ея Императорскаго Величества дѣда, положися каменнымъ зданіемъ въ четвертое лѣто, благочестивыя державы царства Ея, лѣта Господня 1733, іюня въ 20 день, въ которое зданіе того равелина оный первый камень съ надписью, во основаніе изволила положить сама Ея Императорское Величество собственными своими руками при присутствіи тогда при Ней многихъ кавалеровъ, и штатовъ, и другихъ разныхъ чиновъ, и людей, и всего священнаго духовнаго сана».

Далѣе продолжаетъ Богдановъ: «Равелинъ отъ западной стороны, противъ Васильевскихъ воротъ, зачатъ отъ болверка Трубецкова треугольникомъ до болверка, именуемаго Зотова».

Кромѣ Алексѣевскаго въ Петропавловской крѣпости былъ еще другой равелинъ—св. Іоанна, въ честь царя Ивана Алексѣевича, заложенный каменнымъ зданіемъ въ 1731 г. іюня въ 20 день (Богдановъ, l. c.).

Надо полагать, что названія двухъ равелиновъ: Алексѣевскій и Іоанновскій, наводя на мысль о судьбѣ несчастнаго царевича и еще болѣе злочастнаго малолѣтняго императора, и дали основаніе преданію, что оба эти лица и похоронены здѣсь, и даже будто бы именно въ Алексѣевскомъ равелинѣ (Записки Смирновой, стр. 73).

Въ показаніи Богданова говорится о постройкахъ каменнаго строенія; можетъ быть на мѣстѣ Алексѣевскаго и Іоанновскаго равелиновъ были сперва земляныя укрѣпленія; по крайней мѣрѣ такъ можно понять указанія о постройкѣ Петропавловской крѣпости, П. Свиньина (Достопамятности С.-Петербурга. Спб. 1810—1818, ч. III, стр. 8), хотя не совершенно сходныя съ показаніями Богданова и не вполнѣ точныя. Но изъ обоихъ этихъ показаній можно узнать, кто были строители равелиновъ.

Богдановъ сообщаетъ о нихъ слѣдующее: «Сію Петропавловскую крѣпость и внутри при ней надлежащее каменное строеніе сначала строилъ съ 1703 г. до 1734 г. февраля по 19 число итальянецъ архитекторъ и полковникъ Андрей Трезинъ, который вышеписаннаго числа при С.-Петербургѣ и умре, и по немъ опредѣленъ былъ къ строенію той крѣпости у строенія ея быть и нѣкоторые недостатки ея достроить изъ иноземцевъ же инженеръ и полковникъ Христіанъ фонъ Минихъ, который тщательнымъ и искуснымъ раченіемъ сію С.-Петербургскую крѣпость всю строеніемъ къ окончанію привелъ».

У Свиньина же читаемъ, что въ 1703 г. начата постройка крѣпости, но земляной; каменная же Петропавловская крѣпость «начата 30-го мая 1706 г., когда положенъ первый камень на фланкѣ Меньшикова больверка. Вскорѣ того крѣпость и выстроилась и въ ней было между прочимъ 2 равелина: Іоанновскій и св. Алексѣя, во имя царя Алексѣя

Михайловича. Крѣпостнымъ архитекторомъ былъ инженеръ-полковникъ Трезинъ съ 1703 по 1734 г.».

О томъ, чѣмъ былъ Алексѣевскій равелинъ во время заключенія въ немъ декабристовъ, находимъ свѣдѣнія въ запискахъ И. Д. Якушкина. Авторъ сидѣлъ въ № 1, а всѣхъ номеровъ было 17; онъ такъ описываетъ свой номеръ, на который, вѣроятно, были похожи и остальные: «Комната, въ которую меня посадили, была 6 шаговъ длины и 4 ширины. Стѣны, послѣ наводненія 1824 г., были покрыты пятнами; стекла были выкрашены бѣлою краской и внутри отъ нихъ была вдѣлана въ окно крѣпкая желѣзная рѣшетка [1]). Около окна въ углу стояла кровать, на ней былъ тюфякъ и госпитальное бумажное одѣяло. Возлѣ кровати стоялъ маленькій столикъ, на немъ кружка съ водою; на кружкѣ были вырѣзаны буквы А. Р. [2]). Въ другомъ углу, противъ кровати, была печь. Въ третьемъ углу, противъ печи, стольчакъ. Кромѣ того было еще 2 стула и на одномъ изъ нихъ ночникъ. Въ двери было небольшое стеклянное окошко, внутри загороженное желѣзною рѣшеткой, а снаружи закрытое зеленымъ фланелевымъ мѣшкомъ».

Внутри равелина находился, по словамъ Якушкина, маленькій трехугольный садъ, а въ немъ была могила—по мѣстному преданію, княжны Таракановой. Садъ этотъ виденъ и на фотографіяхъ, ко времени снятія которыхъ онъ уже успѣлъ вырости. Заведенъ объ былъ по распоряженію извѣстнаго М. Я. фонъ Фока. Декабристъ Батеньковъ, просидѣвшій 18 лѣтъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ, посадилъ въ саду его отростокъ яблони и имѣлъ удовольствіе ѣсть яблоки съ этого дерева.

Ал. Маркевичъ.

---

[1]) Изъ окна, однако, видна была улица и можно было узнать, кто по ней проходитъ; такъ Шевченко увидѣлъ мать Костомарова, идущую навѣстить заключеннаго въ равелинѣ сына, и замѣтилъ, что она

„Чорнійша чорної землі,
Иде, з хреста неначе знята“.

[2]) Очевидно, Алексѣевскій равелинъ.

*

Пожертвованія графа Н. П. Румянцова.

Въ ноябрѣ 1813 года гр. Н. П. Румянцовъ передалъ въ Академію наукъ 25.000 руб. на изданіе лѣтописей, начиная съ Кенигсбергскаго списка Несторова лѣтописца.

Въ 1814 году графъ Н. П. Румянцовъ пожертвовалъ опредѣленные ему оклады и вещи, полученныя отъ иностранныхъ дворовъ, на составленіе инвалиднаго капитала и обязался вносить ежегодно по 3.000 руб. Вслѣдъ за тѣмъ, онъ пожертвовалъ въ пользу изувѣченныхъ воиновъ семь пожалованныхъ ему табакерокъ, которыя были оцѣнены кабинетомъ въ 75.000 руб.

Въ октябрѣ 1822 г. онъ пожертвовалъ 500 руб. на памятникъ дѣйствительному статскому совѣтнику Павлу Григорьевичу Демидову, сооружаемый въ Ярославлѣ. Демидовъ былъ извѣстенъ своими благотвореніями на пользу просвѣщенія, преимущественно Московскаго университета, Кіевской и Тобольской гимназій, Харьковскаго института и особенно бѣдныхъ дворянъ Ярославской губерніи, гдѣ основалъ Демидовское училище высшихъ наукъ.

Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина.

XIV [1]).

Раскрытіе мятежной организаціи.—Арестованіе главнаго руководителя Калиновскаго и его сообщниковъ.—Древняя плащаница.—Священникъ Антоній Щелко. — Намѣреніе М. Н. Муравьева закрыть Остробрамскую часовню.

Собранныя къ концу 1863 года изъ слѣдственныхъ политическихъ дѣлъ данныя ясно указывали, что цѣлый Сѣверо-Западный край обвитъ былъ неразрывною сѣтью искусно веденнаго подпольнаго заговора, центръ котораго тяготѣлъ въ Вильнѣ и Минскѣ. Неутомимо слѣдившій за ходомъ политическихъ слѣдствій, главный начальникъ края М. Н Муравьевъ командировалъ въ Минскъ 3-го января 1864 г. жандармскаго полковника А. М. Лосева, возложивъ на его отвѣтственность открыть, во что бы то ни стало, укрывавшихся главныхъ коноводовъ мятежа. Выборъ, какъ оказалось, сдѣланъ былъ самый удачный. Нѣсколько дней спустя по пріѣздѣ въ Минскъ полковника Лосева, полный успѣхъ увѣнчалъ его старанія по исполненію возложеннаго на него весьма труднаго и важнаго для спокойствія края порученія. Отъ него получена была шифрованная телеграмма, извѣщавшая М. Н. Муравьева, что въ Вильнѣ скрывается весьма важный политическій преступникъ Калиновскій. Вечеромъ того же дня, по выходѣ изъ кабинета главнаго начальника края, виленскій полиціймейстеръ М. А. Саранчевъ, подошедши ко мнѣ, спросилъ меня своимъ ровнымъ, тихимъ голосомъ:

[1]) См. „Русскую Старину“, февраль 1904 г.

— Не знаете-ли вы здѣсь какого-нибудь Калиновскаго? Вѣдь вы старожилъ здѣшній.

— Какъ не знать,—отвѣтилъ я ему,—а вамъ зачѣмъ это понадобилось?

— Получилъ приказаніе главнаго начальника края навести по этому предмету подъ рукою справку.

— На двоихъ Калиновскихъ я вамъ могу указать: одинъ былъ директоромъ здѣшняго дворянскаго института, а другой сначала служилъ приказчикомъ въ магазинѣ, а въ настоящее время торгуетъ суконнымъ товаромъ въ домѣ Познанскаго; помнится мнѣ, что еще былъ какой-то ремесленникъ Калиновскій, но про него ничего положительнаго сообщить вамъ не могу.

Записавши въ свою памятную книжку сообщенныя ему мною свѣдѣнія, полиціймейстеръ, пожелавъ всѣмъ намъ присутствовавшимъ покойной ночи, отправился изъ дворца на ночную работу. Обыски въ то ужасное время производились чуть не ежедневно по цѣлому городу одновременно ночью въ нѣсколькихъ мѣстахъ, такъ какъ открытія по подпольной организаціи слѣдовали за открытіями. Но главный коноводъ мятежа, скрывавшійся въ Вильнѣ, несмотря на принятыя мѣры, ускользалъ отъ всѣхъ розысковъ полиціи. Дня чрезъ два послѣ описанной мною сцены снова получена была изъ Минска отъ полковника Лосева телеграмма, сообщавшая, что «Калиновскій подъ именемъ Виторженца проживаетъ въ Свято-Янскихъ мурахъ, то есть въ строеніяхъ, занимающихъ цѣлый кварталъ и принадлежавшихъ прежде іезуитамъ, въ которыхъ помѣщался Виленскій университетъ, а въ настоящее время занятыхъ гимназіею и разными другими учрежденіями». Это обстоятельство крайне усложняло успѣхъ обыска; но такъ какъ съ іюня мѣсяца, по распоряженію М. Н. Муравьева, заведены были не только въ Вильнѣ, а и по всему краю домовыя книги, въ которыя записывались по квартирамъ всѣ проживавшія въ домахъ лица и таблицы о жильцахъ обязательно вывѣшивались при воротахъ каждаго дома, поэтому хотя по полученному свѣдѣнію и можно было найти отыскиваемую личность, если она дѣйствительно тамъ проживала, все-таки для пресѣченія Калиновскому возможности скрыться, на обыски назначены были двѣ роты солдатъ, при десяти полицейскихъ офицерахъ и особо командированныхъ туда же нѣсколькихъ лицъ.

Весь кварталъ былъ оцѣпленъ около полуночи, съ приказаніемъ никого не выпускать изъ воротъ, и затѣмъ начались обыски въ разныхъ квартирахъ. Той партіи, которой досталось производство обыска въ помѣщеніяхъ, гдѣ жили учителя, посчастливилось вскорѣ захватить и скрывавшагося коновода мятежа. Онъ, какъ оказалось, проживалъ въ правомъ флигелѣ, внизу. Когда прибывшія для обыска лица постучали

въ дверь, ее отворилъ какой-то молодой человѣкъ, со свѣчею въ рукахъ. На вопросъ полицейскаго офицера—кто онъ таковъ?—послѣдовалъ отвѣтъ:

— Витольдъ Виторженецъ...

— Васъ-то намъ и нужно; вы арестовываетесь...

Тотчасъ же послѣ этого распоряженія приступили къ обыску занятаго имъ жилища и къ опечатанію всѣхъ найденныхъ тамъ бумагъ. Въ одномъ изъ березовыхъ полѣньевъ, лежавшихъ при печкѣ, открытъ былъ тайникъ, въ которомъ хранились—революціонная печать и другіе компрометирующіе арестанта документы.

Политическій преступникъ вмѣстѣ со всѣмъ найденнымъ у него при обыскѣ тотчасъ же препровожденъ былъ подъ сильнымъ конвоемъ въ Доминиканскую тюрьму, гдѣ работала слѣдственная коммиссія, въ которой состояли генералъ Соболевскій, полковникъ Шелгуновъ и другія лица, стойкія по своимъ убѣжденіямъ.

Когда Калиновскій подвергнутъ былъ на другой день допросу, то съ полнымъ озлобленіемъ сталъ отрицать всѣ взведенныя на него тяжкія обвиненія, добытыя слѣдствіемъ полковника Лосева въ Минскѣ и произведеннымъ обыскомъ. Наконецъ, послѣ нѣсколько-часоваго запирательства, арестантъ, признавая себя Калиновскимъ, добавилъ: — «Одному только лицу открылъ я настоящее свое имя, и попался».

Сознавшись затѣмъ, что онъ былъ главнымъ представителемъ народнаго ржонда въ цѣломъ краѣ, Калиновскій отказался дать объясненія слѣдственной коммиссіи о подпольной организаціи и въ заключеніе прибавилъ, что, хотя польская справа и понесла въ немъ незамѣнимую потерю, но что русское правительство не съумѣетъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ. Онъ сильно ошибся. Никакія затѣмъ увѣщанія и обѣщанія не могли поколебать упорства этого крамольника, которому было тогда всего 26 лѣтъ. По приговору полеваго суда Калиновскій былъ повѣшенъ на Лукишкахъ, нѣсколько дней спустя послѣ его поимки.

Я не рѣшился пойти посмотрѣть на это потрясающее зрѣлище, но тамъ бывшіе разсказывали, что Калиновскій былъ блондинъ, съ рѣзкими хотя и довольно выразительными чертами лица; шелъ на казнь смѣлою поступью, сталъ прямо къ висѣлицѣ и при чтеніи приговора, гдѣ онъ названъ былъ дворяниномъ,—громко произнесъ: «дворянъ нѣтъ, мы всѣ равны». Внутреннее его волненіе пробивалось наружу только въ томъ, что онъ какъ бы машинально обводилъ окружающую его толпу глазами; а можетъ быть онъ отыскивалъ тамъ кого-либо изъ своихъ сотоварищей, желая дать ему понять какимъ-нибудь знакомъ, что тайну о нихъ несетъ онъ съ собою въ могилу, но, и въ такомъ случаѣ, онъ крайне ошибался. Вся подпольная организація была открыта, и

хотя многія изъ виновныхъ лицъ успѣли скрыться за границу, но край былъ уже очищенъ отъ организаторовъ, и можно было сказать съ достовѣрностью, что главный нашъ начальникъ окончательно поборолъ мятежъ, страшный не по вооруженной силѣ, а по таинственности организаціи, о которой до самаго послѣдняго времени мы не имѣли никакого понятія.

Не лишнимъ будетъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о тѣхъ темныхъ личностяхъ, которыя играли главныя роли въ кровавой комедіи послѣдняго польскаго мятежа. Къ нимъ относится нѣкто Дюлоранъ, служившій въ главномъ обществѣ Виленской желѣзной дороги. Когда шайка кинжальщиковъ, покусившаяся на убійство виленскаго губернскаго предводителя дворянства А. Ѳ. Домейки, была вскорѣ переловлена и казнена на Лукишкахъ въ Вильнѣ, Дюлоранъ, опасаясь той же участи, счелъ за лучшее удрать за границу. Послѣ его бѣгства началось сильное замѣшательство между членами подпольнаго ржонд; тогда, чтобы возстановить расшатавшуюся власть, Викентій Калиновскій, бывшій до того революціоннымъ коммиссаромъ въ Гроднѣ, заступилъ мѣсто бѣглеца и сталъ круто распоряжаться. При немъ состоялъ въ званіи агента и довѣреннаго лица двадцати трехъ-лѣтній молодой человѣкъ—Титъ Долецкій, на сестрѣ котораго былъ женатъ повѣшенный въ Вильнѣ Сѣраковскій (Доленго). Долецкій былъ вскорѣ арестованъ послѣ Калиновскаго и разстрѣлянъ въ Вильнѣ. Кандидатъ Петербургскаго университета Здановичъ, сынъ бывшаго профессора Виленскаго университета, имѣлъ въ своемъ завѣдываніи хозяйственную и денежную часть мятежа; онъ былъ арестованъ въ домѣ своего отца, на Зарѣчьѣ. Тамъ, на заднемъ дворѣ, въ одномъ изъ сараевъ за дровами устроена была имъ тайная комната съ небольшимъ окномъ, выходившимъ на совершенно глухой берегъ рѣки Вилейки, гдѣ онъ и занимался подпольной работой. Во время обыска въ этой комнатѣ забраны были революціонная печать, разные бланки, приказы подпольнаго комитета и другіе мятежные документы. Несмотря на то, что всѣ улики виновности Здановича были на лицо, онъ упорно во всемъ запирался. Ни мольбы стараго отца, чтобы онъ открылъ всю истину, ни данное главнымъ начальникомъ края обѣщаніе полнаго помилованія виновнаго, если онъ чистосердечно во всемъ повинится и укажетъ на своихъ сообщниковъ по мятежной организаціи, не смогли поколебать его. Здановичъ былъ повѣшенъ въ Вильнѣ съ нѣкіимъ Дверманновскимъ, занимавшимъ должность революціоннаго коммиссара, иначе губернатора Виленской губерніи. Въ заключеніе остается сказать нѣсколько словъ о преступникѣ Титѣ Долецкомъ, казнь котораго оставила во мнѣ самыя тяжелыя воспоминанія. Ему было 23 года, когда злосчастная судьба привела его на роковое мѣсто предмѣстья Лукишекъ. Сухоща-

АЛЕКСѢЕВСКІЙ РАВЕЛИНЪ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

вый, средняго роста, брюнетъ, гладко остриженный, съ суровымъ взглядомъ исподлобья, стоялъ онъ скромно при чтеніи приговора военнаго суда и, опустивши голову на грудь, обводилъ изрѣдка окружавшую его толпу тоскливымъ взглядомъ. Чтеніе приговора окончено, раздался грозный барабанный бой... Къ осужденному на разстрѣляніе политическому преступнику медленно подошелъ ксендзъ съ крестомъ въ рукахъ и началъ напутствіе въ загробную жизнь, продолжавшееся недолго. Осужденный затѣмъ началъ читать вслухъ молитву Господню, по-польски и при словахъ: «да будетъ воля Твоя», произнесенныхъ дрогнувшимъ голосомъ, но съ избыткомъ чувства, палъ на колѣни и сдѣлалъ земной поклонъ. При этой раздирающей душу сценѣ послѣдняго прощанія съ молодою жизнію сильно дрогнуло трепетавшее въ груди моей сердце; мнѣ стало невыразимо жаль гибнущую молодость и страшно досадно на тѣхъ, которые, скрываясь гдѣ-нибудь вдалекѣ, подталкивали легковѣрную молодежь на путь погибели, ради своихъ корыстныхъ цѣлей... Когда ксендзъ удалился отъ осужденнаго, на него надѣли бѣлый съ очень длинными рукавами саванъ и, завязавъ бѣлымъ платкомъ глаза, повели его къ роковому столбу, ожидавшему свою жертву...

Не лишнимъ будетъ разсказать здѣсь одинъ изъ эпизодовъ послѣдняго мятежа, который выяснитъ наглядно то безвыходное положеніе, въ которомъ находился Сѣверо-Западный край и всѣ русскіе люди, не сочувствовавшіе кровавой рухавкѣ, и какая участь ожидала ихъ въ первое время по пріѣздѣ въ Вильну М. Н. Муравьева. 23-го мая 1863 года, въ шесть часовъ вечера, отрядъ мятежниковъ въ сорокъ человѣкъ изъ шайки мѣстнаго помѣщика Игуменскаго уѣзда Болеслава Свенторжецкаго, тихо подкрался къ имѣнію его—мѣстечку «Богушевичи» и тотчасъ же окружилъ домъ православнаго священника Даніила Конапасевича, который, исполняя честно долгъ православнаго пастыря и вѣрноподданнаго слуги государя и отечества, по мѣрѣ всѣхъ своихъ силъ, боролся съ мятежниками и помогалъ войскамъ въ открытіи и преслѣдованіи мятежническихъ шаекъ, несмотря на угрозы мѣстнаго коновода-предводителя шайки Свенторжецкаго. За нѣсколько дней до появленія мятежниковъ предъ домомъ священника Конапасевича, онъ совершилъ новый подвигъ честнаго служенія своего русскому дѣлу, за который и положилъ свою душу, по словамъ Спасителя «пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы». Узнавши отъ крестьянъ, что въ волостномъ правленіи начальникъ шайки Свенторжецкій, бывшій ихъ помѣщикъ, объявилъ манифестъ революціоннаго комитета, которымъ они, подъ угрозою смерти, призывались къ возстанію, съ обѣщаніемъ даровать имъ надѣлъ земли и, замѣтивъ, что на нихъ былъ наведенъ этимъ документомъ паническій страхъ, для поддержанія упавшаго въ нихъ духа, онъ отправился въ волостное правленіе въ сопровожденіи крестьянъ.

Тамъ на столѣ лежалъ этотъ грозный для простодушныхъ поселянъ манифестъ. Священникъ Конапасевичъ, взявши со стола страшную грамоту, разорвалъ ее при крестьянахъ пополамъ и затѣмъ при своемъ извѣщеніи, тамъ же написанномъ, отправилъ ее къ минскому губернатору. По этому-то поводу и появились предъ его домомъ непрошенные гости. Священникъ Конапасевичъ, захваченный врасплохъ и не имѣя возможности скрыться, вышелъ къ нимъ навстрѣчу вмѣстѣ съ женою и малолѣтнимъ сыномъ—въ надеждѣ, что крамольники пощадятъ его ради семьи; но, увы, эти ожиданія оказались тщетными; послѣ долгихъ ругательствъ и истязаній надъ несчастнымъ, когда револьверъ былъ приложенъ уже къ груди страдальца, молодая его жена бросилась съ мольбами къ разбойнику и, схвативъ его руку, удержала выстрѣлъ, въ эту критическую минуту раздался вдругъ чей-то голосъ изъ толпы мятежниковъ: «подать веревку и повѣсить»... Ни просьбы священника Конапасевича, ни вопли жены и слезы несчастныхъ не могли смягчить ожесточенныя сердца крамольниковъ; они схватили мученика и поволокли его къ воротамъ, на перекладинѣ которыхъ довѣренный лакей Свенторжецкаго, Александръ, повѣсилъ несчастнаго страдальца, глумясь при этомъ надъ его вдовою, упавшею безъ чувствъ при видѣ подобнаго звѣрства. Жители мѣстечка Богушевичи, несмотря на свое числительное превосходство надъ ничтожною толпою мятежниковъ, оставались равнодушными зрителями совершеннаго безчеловѣчія.

Когда объ этомъ звѣрскомъ убійствѣ доведено было до свѣдѣнія главнаго начальника края М. Н. Муравьева, онъ далъ слѣдующую телеграмму на имя начальника военнаго отдѣла генерала Заболоцкаго: «Пошлите немедленно отрядъ въ имѣніе Свенторжецкаго, селеніе Богушевичи, Игуменскаго уѣзда, и прикажите все семейство этого помѣщика взять и доставить въ Минскъ, гдѣ и содержать оное подъ арестомъ; на имѣніе наложить секвестръ и, забравъ все движимое имущество, немедленно продать, вырученныя деньги обратить въ пособіе семействамъ повѣшеннаго священника и другихъ лицъ, отъ Свенторжецкаго пострадавшихъ; всю же усадьбу его уничтожить до основанія—въ примѣръ и урокъ другимъ подобнымъ злодѣямъ. Генералъ-отъ-инфантеріи Муравьевъ».

На другой день по полученіи этого приказанія усадьба богача-пана не существовала, семейство мятежника Свенторжецкаго было отвезено въ Минскъ и посажено подъ домашній арестъ, который длился, впрочемъ, весьма недолго; движимость вся была распродана частію на мѣстѣ, болѣе же цѣнныя вещи перевезены въ Минскъ и проданы съ публичныхъ торговъ; вырученныя отъ продажи четыре тысячи рублей, по обращеніи въ процентныя бумаги, переданы были консисторіею на храненіе въ Минское попечительство до совершеннолѣтія и окончанія курса наукъ

дѣтей покойнаго Конапасевича—Алексѣя и Людмилы, а проценты съ капитала положено было выдавать вдовѣ его на содержаніе съ дѣтьми.

Вѣсть о плачевной кончинѣ священника Конапасевича сообщилъ мнѣ и сослуживцамъ моимъ, членамъ повѣрочныхъ по крестьянскимъ дѣламъ коммиссій, явившимся въ церковь съ Л. С. Маковымъ во главѣ, архимандритъ Св. Троицкаго монастыря Іосифъ, который послѣ отслуженнаго по просьбѣ нашей молебна предъ началомъ нашихъ занятій по великому дѣлу—освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, объявилъ намъ съ амвона въ прочувствованномъ словѣ про эту бѣду, поразившую нашего православнаго священника. Сильно было попріуныли мы при этомъ потрясающемъ извѣстіи, но послѣдовавшее распоряженіе главнаго начальника края по этому случаю успокоило наши взволнованныя чувства, такъ какъ становилось яснымъ, что съ мятежниками церемониться болѣе, по примѣру столь еще недавняго прошлаго, не станутъ. Въ послѣдствіи времени на мѣстѣ мученической кончины священника Конапасевича построена была православная церковь.

7-го августа 1864 года получилъ я оффиціальное письмо отъ правителя генералъ-губернаторской канцеляріи А. Д. Туманова, которое гласило слѣдующее: «Предложеніемъ отъ 6-го сего августа, за № 2416, его высокопревосходительству угодно было поручить мнѣ открыть, подъ предсѣдательствомъ моимъ, коммиссію, пригласивъ въ оную васъ, милостивый государь, и соборнаго священника Антонія Пщолко, для разсмотрѣнія присланной изъ царства Польскаго древней плащаницы и о заключеніи, къ которому придетъ коммиссія относительно этой святыни, представить его высокопревосходительству въ непродолжительномъ времени подробныя свѣдѣнія. Исполняя предложеніе г. главнаго начальника края, имѣю честь покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, пожаловать завтра, въ 10 часовъ утра, въ генералъ-губернаторскую канцелярію для совѣщанія по этому предмету».

— Что за древняя плащаница и какъ она попала въ царство Польское?—невольно пришло мнѣ на мысль, по прочтеніи этого письма. Такъ какъ назначенный въ коммиссію соборный протоіерей А. И. Пщолко былъ моимъ другомъ и духовнымъ отцомъ во все время моего пребыванія въ Вильнѣ, то я тотчасъ же и обратился къ нему съ просьбою разъяснить мнѣ встрѣченное мною недоразумѣніе, тѣмъ болѣе, что главный начальникъ края ожидалъ скорый и серьезный отвѣтъ отъ коммиссіи. Достойный Антоній Ивановичъ, прибывшій тотчасъ же на мое приглашеніе, сообщилъ мнѣ слѣдующія интересныя данныя про нашу древнюю московскую святыню, прежде изложенія которыхъ да позволено будетъ мнѣ сказать нѣсколько словъ про эту свѣтлую личность.

Магистръ богословія, одаренный отъ природы представительною на-

ружностію и христіанскимъ сердцемъ, добрый семьянинъ, пылкій и ревностный поборникъ православной вѣры, вполнѣ русскій по духу, Антоній Ивановичъ Щолко сосредоточилъ всѣ силы своего свѣтлаго ума и честной души на истинное служеніе святой православной церкви и русскому дѣлу въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Подъ руководствомъ знаменитаго митрополита литовскаго, Іосифа Сѣмашки, считавшаго его однимъ изъ ревностнѣйшихъ и способнѣйшихъ пастырей, отецъ Антоній былъ дѣйствительно незамѣнимъ въ борьбѣ противу явныхъ и тайныхъ ковъ латинства и польской пропаганды въ нашемъ искони русскомъ краѣ. Испытавшій на самомъ себѣ и на близкихъ къ нему лицахъ всю тяготу несноснаго положенія здѣшняго православнаго духовенства и подготовленный научно, онъ съ перваго же раза не могъ не обратить на себя вниманіе и главнаго начальника края М. Н. Муравьева, который возлагалъ на него неоднократно разработку разныхъ проектовъ по возстановленію поруганныхъ храмовъ—собора Пречистыя Богородицы, Пятницкой и Николаевской церквей, а также и по устройству въ Вильнѣ православнаго женскаго монастыря во имя св. равноапостольныя Маріи Магдалины. При одномъ изъ такихъ докладовъ, при бытности виленскаго губернатора С. Ѳ. Панютина, отецъ Антоній прочелъ Михаилу Николаевичу свой переводъ описанія древней московской плащаницы, составленнаго въ 1820 году монахомъ Базиліанскаго монастыря, и представилъ ему тогдашнее печатное изображеніе этой древней святыни. Плащаница эта, замѣчательная по художественной работѣ инокинь Московскаго Новодѣвичьяго монастыря, была вышита золотомъ, шелками и жемчугомъ, украшена драгоцѣнными камнями и поднесена въ даръ, три столѣтія тому назадъ, смоленскому епископу Гурію. Во время польскаго нашествія въ 1612 году, когда ляхи были изгнаны изъ предѣловъ Россіи, они похитили у насъ въ числѣ многихъ награбленныхъ ими драгоцѣнностей и эту древнюю святыню изъ Смоленска, которая была подарена польскимъ королемъ Базиліанскому монастырю въ Вильнѣ. Въ послѣдствіи времени, а именно въ 1820 году, монастырь преподнесъ эту плащаницу въ даръ князю Адаму Чарторыйскому, злѣйшему врагу православія и русской народности, для пріумноженія коллекцій древностей въ его Пулавскомъ музеѣ. По этому случаю напечатано было монахомъ, въ какомъ-то журналѣ, вышеизложенное описаніе плащаницы, съ приложеніемъ и снятаго съ нея рисунка, послужившаго, какъ увидимъ ниже, фактическимъ доказательствомъ подлинности отысканной плащаницы. Заинтересованный этимъ описаніемъ, графъ М. Н. Муравьевъ, не любившій ничего откладывать въ дальній ящикъ, тотчасъ же порѣшилъ: отыскать, во что бы то ни стало, нашу древнюю святыню и возвратить ее въ Москву. Добытыя отцемъ Антоніемъ о ней свѣдѣнія были на другой же день сообщены

намѣстнику царства Польскаго графу Бергу, съ покорнѣйшею просьбою не отказать помочь въ отысканіи древней русской святыни. Отнесясь сочувственно къ благочестивому желанію Михаила Николаевича, намѣстникъ царства Польскаго поручилъ варшавскому генералъ-полицеймейстеру Трепову принять мѣры къ немедленному розысканію плащаницы. Несмотря на трудность этого дѣла, такъ какъ незадолго до мятежа 1831 года многія драгоцѣнности изъ Пулавскаго музея были частію вывезены въ Галицію, частію же поступили къ графамъ Замойскимъ, родственникамъ Чарторыйскихъ, а затѣмъ самый музей былъ окончательно разграбленъ во время вспыхнувшаго тогда вооруженнаго мятежа,—порученіе это увѣнчалось блистательнымъ успѣхомъ. Древняя православная святыня была отыскана, и гдѣ же? Между попонами и другимъ древнимъ хламомъ изъ трофеевъ предковъ Замойскихъ.

Обстоятельства тогдашняго положенія дѣлъ въ царствѣ Польскомъ, ко времени начатія розысковъ плащаницы, сложились такимъ образомъ. Брошенная, незадолго передъ тѣмъ въ Варшавѣ въ графа Берга, бомба, изъ окна графа Замойскаго, послужила поводомъ къ конфискаціи его имѣнія въ казну; поэтому поручено было провѣрить опись конфискованнаго движимаго имущества, но плащаница, какъ оказалось,—по ней не значилась. Дальнѣйшіе розыски по Варшавѣ выяснили, что много драгоцѣнностей графовъ Замойскихъ хранилось въ Люблинской губерніи, въ ихъ Клеменсовскомъ замкѣ, куда тотчасъ же и былъ командированъ офицеръ. Когда онъ сталъ разспрашивать тамъ про плащаницу, то ему отвѣтили, что, еще въ 1850 году, самыя цѣнныя вещи были перевезены изъ Клеменсова въ Варшаву въ палацъ графовъ Замойскихъ и что, по всей вѣроятности, она должна находиться тамъ, такъ какъ никто изъ служащихъ въ замкѣ не видѣлъ шитаго золотомъ и шелками изображенія Спасителя. Зная съ достовѣрностью, что отыскиваемая древняя православная святыня не могла находиться въ Варшавѣ, командированный офицеръ потребовалъ сдѣлать подробный осмотръ всѣхъ Клеменсовскихъ рѣдкостей, въ чемъ ему, по тогдашнему положенію края, разумѣется, не могло быть отказано. Произведенный осмотръ не привелъ, однако же, ни къ какимъ утѣшительнымъ результатамъ. Казалось бы, что, послѣ такой неудачи, наступитъ конецъ порученію, но, въ тогдашнее время, не такъ-то легко было утаить истину. Благодаря честному усердію исполнителей, она, непремѣнно, всплывала наружу. Такъ случилось и здѣсь... Командированный офицеръ не остановился передъ встрѣченнымъ затрудненіемъ и сталъ наводить самыя подробныя справки о плащаницѣ, подробно описывая всѣмъ и каждому ея наружные признаки, и вотъ, наконецъ, по счастливой случайности, въ разговорѣ съ однимъ старикомъ-полотеромъ, онъ узналъ отъ него, что тотъ дѣйствительно видѣлъ, и очень уже давно, во время провѣриванія ковровъ,

большое, шитое золотомъ и шелками покрывало съ изображеніемъ Спасителя. Однако, дорогихъ камней на немъ не замѣтилъ, и гдѣ оно теперь можетъ находиться, не знаетъ съ достовѣрностью, но полагаетъ, что оно должно храниться въ одномъ изъ двухъ тайныхъ складовъ, находящихся въ старыхъ флигеляхъ замка. Заручившись подобными свѣдѣніями и давъ обѣщаніе старику не выдавать его, офицеръ хотѣлъ еще разъ попытать счастія, повтореніемъ обыска, твердо рѣшившись произвести самый подробный осмотръ въ Клеменсовскомъ замкѣ. Пригласивши съ собою всѣ мѣстныя власти, предшествуемый старшимъ надсмотрщикомъ замка, въ сопровожденіи прислуги, въ числѣ которой находился и старикъ-полотеръ, онъ принялся снова за осмотръ жилища польскаго магната. Такъ какъ въ самомъ замкѣ плащаницы не оказалось и на этотъ разъ, то перешли къ осмотру двухъ старыхъ флигелей, въ которыхъ помѣщалась библіотека и хранились старыя картины, но и тутъ плащаницы не нашлось. Оставалось приступить къ осмотру двухъ тайныхъ складовъ за библіотекою, которые отворялись весьма рѣдко и не иначе, какъ въ присутствіи кого-либо изъ графовъ Замойскихъ, для провѣтриванія хранившихся тамъ древнихъ вещей. Когда отворена была дверь перваго склада, оттуда понесло спертымъ воздухомъ, подтверждавшимъ справедливость сдѣланнаго заявленія, что туда давно не входилъ уже никто; тамъ хранились старыя картины, дорогой фарфоръ, старинныя люстры, разные домашніе предметы, бывшіе тогда въ употребленіи; всѣ вещи были тщательно пересмотрѣны и перебраны, но плащаницы не находилось. Перешли, наконецъ, во второй и послѣдній складъ, гдѣ сохранялись разные древніе трофеи предковъ графовъ Замойскихъ. При взглядѣ на обстановку этого склада, у офицера родилась какая-то отрадная надежда, обѣщавшая ему находку отыскиваемаго имъ нашего древняго сокровища. Оказалось, что тутъ хранилось множество турецкихъ знаменъ, ковровъ, попонъ и т. п. Тщательно перебирая и пересматривая поодиночкѣ находившіяся въ этомъ складѣ древности, офицеръ нашелъ между попонами какой-то старинный, шитый золотомъ, коверъ. Когда онъ развернулъ его, то передъ глазами всѣхъ присутствовавшихъ открылось изображеніе Спасителя. Не подлежало никакому сомнѣнію, что древняя плащаница, хорошо сохранившаяся, наконецъ, отыскана. Одинъ только изъ угловъ, съ частію надписи, былъ оторванъ у ней, да не оказалось драгоцѣнныхъ камней, хотя слѣды таковыхъ можно было замѣтить. Выдавши росписку въ полученіи древней русской святыни и тщательно уложивши ее, отвезъ онъ плащаницу въ Варшаву къ графу Бергу, который тотчасъ же переслалъ ее, при любезномъ письмѣ, въ Вильну къ графу Михаилу Николаевичу Муравьеву. Когда коммиссіи пришлось осматривать плащаницу, всѣ члены единогласно признали ея подлинность. На слѣдующій за тѣмъ день древняя святыня

наша была выставлена напоказъ въ пріемной комнатѣ дворца, такъ какъ главный начальникъ края пожелалъ еще разъ лично осмотрѣть плащаницу передъ отправленіемъ ея въ Москву. Ежедневно, въ 11 часовъ утра, начинался пріемъ у главнаго начальника края, который и выходилъ иногда изъ кабинета въ красную гостиную къ представляющимся; въ этотъ день число явившихся было довольно значительное, такъ какъ извѣщеніе о счастливой находкѣ древней русской святыни быстро разнеслось между служащими лицами. По окончаніи пріема всѣ присутствовавшіе двинулись вслѣдъ за графомъ М. Н. Муравьевымъ къ столамъ, на которыхъ помѣщена была плащаница. Тамъ, протоіерей А. И. Пщолко предъявилъ публикѣ печатный отъ нея рисунокъ и прочелъ, сдѣланное базиліанскимъ монахомъ, описаніе, послужившее къ отысканію этой драгоцѣнной древности. Подлинность ея была признана всѣми, безусловно, такъ какъ ни въ комъ не осталось ни малѣйшаго сомнѣнія, что печатный рисунокъ былъ сдѣланъ совершенно сходно съ отысканнаго подлинника; потускнѣвшія, отъ времени, надписи были очень легко прочитаны по рисунку. На другой день плащаница была отправлена въ Москву, при письмѣ, къ митрополиту Филарету. Порученіе это было возложено на губернскаго архитектора Н. М. Чагина, который былъ командированъ туда для представленія московскому архипастырю проектовъ иконостасовъ, передѣлывавшихся въ то время въ Вильнѣ: Николаевскомъ соборѣ и древней Николаевской церкви, составленныхъ профессоромъ Резановымъ и по предположенному обращенію упраздненнаго римско-католическаго францисканскаго монастыря, на Трокской улицѣ, въ православную Маріинскую обитель инокинь, которая, впослѣдствіи, и была устроена въ Повизитскомъ монастырѣ. Такимъ образомъ, по неисповѣдимымъ путямъ Провидѣнія, суждено было поруганной ляхами русской святынѣ возвратиться съ торжествомъ въ ту самую Московскую обитель, инокини которой, за 300 лѣтъ предъ тѣмъ, выказали такое искусство въ ея созданіи.

По распоряженію митрополита Филарета полученная изъ Вильны плащаница была выставлена и освѣщена вторично въ Успенскомъ соборѣ и въ первое затѣмъ воскресенье отнесена съ крестнымъ ходомъ въ Новодѣвичій монастырь, при вратахъ котораго и была встрѣчена тамошнимъ духовенствомъ и цѣлою обителію. Въ послѣдствіи времени, когда графъ М. Н. Муравьевъ оставилъ управленіе краемъ, Новодѣвичій монастырь отблагодарилъ его посланною ему въ Петербургъ св. иконою Смоленской Божіей Матери, риза на которой была вышита инокинями съ большимъ искусствомъ жемчугомъ. Какъ цѣнилъ онъ такое вниманіе къ нему, показываютъ слѣдующія заключительныя слова его записокъ: «но не могу не высказать, что всѣ эти манифестаціи и заявленія русскаго чувства составляютъ для меня высшую изъ всѣхъ

наградъ, которыя я могъ получить въ своей жизни. Это выше всего, что могло дать мнѣ правительство, ибо ленты и звѣзды суть награды рядовыя, которыя даются весьма часто по искательству и интригамъ, безъ разсмотрѣнія настоящихъ заслугъ. Заявленіе же благодарности Россіи, удостоившей меня многочисленными адресами во время борьбы съ мятежомъ и крамолою въ Сѣверо-Западномъ краѣ, и присылка святыхъ иконъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи во время управленія краемъ и даже послѣ того, также радушныя и сердечныя заявленія благодарности русскими людьми, коими я былъ удостоенъ значительно послѣ оставленія мною управленія, т. е. когда я не имѣлъ никакого непосредственнаго вліянія на дѣла службы,—составляютъ такія награды, которыя превосходятъ все, что можетъ получить человѣкъ, который посвятилъ себя на служеніе отечеству! Богъ благословилъ меня этимъ счастіемъ, которое, еще разъ скажу, превыше всѣхъ правительственныхъ наградъ: его никто не можетъ ни дать, ни взять».

Послѣ упраздненія въ мартѣ мѣсяцѣ 1865 года Виленскаго женскаго монастыря Визитокъ, одного изъ зловреднѣйшихъ въ политическомъ отношеніи римско-католическихъ монастырей въ краѣ, такъ какъ въ находившемся тамъ пансіонѣ воспитывались въ польскомъ духѣ дочери высшаго польскаго дворянства, незадолго до отъѣзда своего въ Петербургъ, графъ М. Н. Муравьевъ, при одномъ вечернемъ моемъ докладѣ, завелъ разговоръ со мною на эту тему и очень былъ доволенъ, что отъѣздъ монахинь за границу совершился тихо.

— Пусть ихъ попробуютъ, какъ живется за границею, если были недовольны здѣшнею жизнью. Пріемъ, оказанный имъ нѣмцами въ Эйдкуненѣ, будетъ надолго имъ памятенъ... Слава Богу, съ этой минуты Вильна станетъ еще болѣе русскимъ городомъ.

— Справедливо, ваше высокопревосходительство,—отвѣчалъ я ему,—но польскій типъ Вильнѣ придавалъ собственно не монастырь Визитокъ, онъ вѣдь стоялъ въ глуши, а существующая въ Вильнѣ понынѣ Остробрамская часовня, древне-православная икона которой забрана у насъ римско-католиками самымъ наглымъ образомъ...

— Братъ мой, Андрей Николаевичъ, описалъ этотъ печальный эпизодъ невниманія нашего правительства къ нуждамъ здѣшняго края.— Удивителенъ онъ тѣмъ болѣе, что окончательное закрѣпощеніе иконы Богоматери въ латинство совершилось на глазахъ знаменитаго нашего митрополита.

Этотъ грустный фактъ совершился въ 1839 году, въ годъ присоединенія уніатовъ къ православной церкви. Папа металъ тогда громъ и молніи на Россію и на нашего незабвеннаго государя. Митрополиту и новообращенному духовенству было и безъ того довольно заботы: опасались безпорядковъ въ случаѣ отобранія иконы.

— Жаль, ваше высокопревосходительство, что вы не признали возможнымъ поднять этотъ вопросъ въ настоящее время и не закрыли часовни, а вѣдь передъ нею и днемъ и ночью совершались для русскаго чувства самыя оскорбительныя манифестаціи. Подобное распоряженіе еще болѣе увѣковѣчило бы ваше имя въ здѣшнемъ краѣ.

— При Божіей помощи непремѣнно закрою часовню,—отвѣтилъ мнѣ Михаилъ Николаевичъ, стукнувши рукою по столу. Нужно доказать этимъ отщепенцамъ, что мятежи да крамолы ни къ чему доброму ихъ не приведутъ.

Дня черезъ два послѣ этой бесѣды, я удивленъ былъ совершенно неожиданнымъ посѣщеніемъ меня въ особой канцеляріи, управлявшимъ тогда римско-католическою епархіею прелата Жилинскаго, который со мною не былъ знакомъ.

— Я пріѣхалъ къ вамъ, ваше превосходительство, по весьма важному дѣлу, съ предложеніемъ моихъ услугъ главному начальнику края.

Нужно замѣтить, что я тогда былъ статскимъ совѣтникомъ и хотѣлъ было попросить прелата не величать меня не принадлежащимъ мнѣ титуломъ, но воздержался, увлеченный любопытствомъ; при томъ мнѣ пришло въ голову, что поляки величаютъ постоянно статскихъ совѣтниковъ превосходительствами, поручиковъ — капитанами, маіоровъ— полковниками.

— Позвольте, ваше преосвященство, по какому, именно, дѣлу вы изволили пожаловать?— спросилъ я его.

— Я слышалъ, что Михаилъ Николаевичъ затрудняется закрыть Остробрамскую часовню, опасаясь безпорядковъ... Но я ручаюсь головою, что все будетъ спокойно. Пусть скажетъ одно слово закрыть, и я самъ перенесу икону въ костелъ.

Сознаюсь откровенно, что подобное предложеніе прелата крайне поразило меня. Отъ кого онъ могъ узнать про нашъ разговоръ? Я былъ нѣмъ, какъ рыба. Не началъ-ли ужъ дѣйствовать главный начальникъ края? невольно пришло мнѣ на мысль, а потому мнѣ захотѣлось вывѣдать отъ прелата что-нибудь объ этомъ.

— Меня крайне удивляетъ, ваше преосвященство, откуда вы взяли эту новость? Мнѣ ничего неизвѣстно про закрытіе Остробрамской часовни; впрочемъ, я передамъ ваше желаніе главному начальнику края.

— Повторяю вамъ, что его высокопревосходительство порѣшилъ это дѣло, а я ручаюсь, что никакихъ безпорядковъ не будетъ...

— Смѣю увѣрить васъ, ваше преосвященство, что если Михаилъ Николаевичъ порѣшилъ не только закрыть часовню, но даже взять оттуда и икону Богоматери, древнее достояніе православной нашей церкви,

то никакихъ безпорядковъ быть при этомъ не можетъ, но ему пріятно будетъ узнать о вашей готовности помочь ему въ этомъ благомъ дѣлѣ...

Послѣ моихъ словъ прелатъ, видимо, растерялся. Предложивъ сигару, я снова повторилъ ему, что о закрытіи часовни до настоящей минуты никакихъ распоряженій въ виду не имѣется. Затѣмъ разговоръ нашъ перешелъ на тогдашнее положеніе дѣлъ въ краѣ, принимавшемъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе русскій обликъ, и послѣ получасовой пріятной бесѣды мы разстались дружелюбно. Нужно отдать полную справедливость прелату Жилинскому. Онъ честно исполнялъ свои обязанности въ отношеніи русскаго правительства и помогалъ по мѣрѣ своихъ силъ успокоенію взволнованныхъ умовъ. Минутъ черезъ двадцать послѣ его ухода наступила очередь моего доклада, по окончаніи котораго я передалъ Михаилу Николаевичу бывшій разговоръ съ прелатомъ.

— Знаетъ кошка, чье мясо съѣла; боится потерять доходъ, который доставляетъ часовня,—отвѣтилъ, смѣясь, графъ;—спасибо ему за обѣщанное содѣйствіе; будетъ нужно,—припомнимъ ему объ этомъ; впрочемъ, и безъ его помощи, надѣюсь, что спокойствіе въ краѣ не нарушится...

Но, увы! къ крайному прискорбію, упраздненію Остробрамской часовни не суждено было состояться; 19-го марта главный начальникъ края уѣхалъ въ Петербургъ и оттуда уже не возвратился.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ

и

Россія шестнадцатаго вѣка [1]).

II.

При вступленіи на престолъ Іоанна Грознаго, система управленія Московскаго государства была уже довольно сложная. Завѣдываніе отдѣльными отраслями государственныхъ дѣлъ и отдѣльными областями сосредоточивалось въ приказахъ, появленіе которыхъ относится къ XV вѣку. Во главѣ ихъ стояла боярская дума—совѣтъ «лучшихъ» людей, рѣшавшихъ вмѣстѣ съ княземъ высшіе государственные и законодательные вопросы.

Въ началѣ составъ думы былъ строго опредѣленный, въ ней засѣдали только близкіе къ князю люди, его непосредственные совѣтники; но по мѣрѣ уничтоженія удѣловъ въ составъ думы вошли лишившіеся удѣловъ князья, а впослѣдствіи назначеніе въ думу зависѣло почти исключительно отъ воли государя.

Отсутствіе корпоративной организаціи не дало, по словамъ Валишевскаго, боярской думѣ возможности пріобрѣсти прочную организацію. Хотя въ ней участвовало большое число бояръ и князей; но рядомъ съ ними засѣдало еще бо̀льшее число служилыхъ людей: окольничьихъ, дворянъ и даже дьяковъ, и въ сущности было недостаточно принадлежать къ знатному роду для того, чтобы засѣдать въ думѣ.

«Въ спискѣ 1527 г. не встрѣчается именъ ни Голицыныхъ, ни Ку-

---

[1]) См. „Русскую Старину“, іюнь 1904 г.

ракиныхъ, ни Воротынскихъ, Пронскихъ, Хованскихъ, Прозоровскихъ, Репниныхъ, принадлежавшихъ къ знатнѣйшимъ людямъ XVI вѣка. Точно также недостаточно было присутствовать однажды на великокняжескомъ совѣтѣ, чтобы быть приглашаемымъ на него впредь. Случалось, что изъ числа ста и даже болѣе членовъ думы, занесенныхъ въ списокъ, къ разсмотрѣнію дѣла приглашалось человѣкъ двадцать, а то и восемь. На это не существовало ни закона, ни правила, все зависѣло отъ воли государя».

Полномочіе боярской думы было очень велико, почти что безгранично. Она обладала законодательной и административной властью и управляла государствомъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Организація провинціальнаго управленія была тѣсна связана съ землевладѣніемъ.

«Владѣніе землею, помѣстьемъ [1]), влекло за собою двоякаго рода обязательства: крестьянинъ платилъ за нее подать, а вотчинникъ или помѣщикъ долженъ былъ «служить» за землю, т. е. несъ не только гражданскую службу, но составлялъ «государево войско», которое въ мирное время жило такимъ образомъ на этой землѣ, а въ случаѣ войны немедленно призывалось къ оружію». Каждый владѣлецъ извѣстнаго участка земли, въ случаѣ надобности, былъ обязанъ пожизненно и лично являться на службу со своими людьми, лошадьми и вооруженіемъ («конно, людно и оружно», какъ тогда говорилось),

«Службу начинали нести съ 15 лѣтъ. Въ этомъ возрастѣ помѣщичій сынъ получалъ часть отцовской земли или, если семейство было слишкомъ многочисленно, то получалъ новый надѣлъ. По смерти помѣщика земля дѣлилась между его сыновьями; дочери также получали надѣлъ, но только пожизненно и теряли на него право при вступленіи въ бракъ.

Помѣстья могли переходить отъ одного владѣльца къ другому, но съ условіемъ, чтобы интересы государства отъ этого не страдали, т. е. чтобы новый помѣщикъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ служилымъ человѣкомъ. Что касалось вотчинъ, то государство не вмѣшивалось принципіально въ раздѣлъ имущества вотчинника, но слѣдило за тѣмъ, чтобы каждая вотчина принадлежала человѣку, способному нести государеву службу.

«Очевидно, помѣщики болѣе удовлетворяли нуждамъ государства. Располагая ихъ имуществомъ, государь держалъ ихъ въ своихъ рукахъ; поэтому московская политика клонилась постоянно къ тому, чтобы замѣнить вотчины помѣстьями, т. е. наслѣдственныя владѣнія пожизнен-

[1]) Помѣстьемъ называлось въ Московскомъ государствѣ недвижимое имущество, отдаваемое государствомъ въ пользованіе, какъ жалованье за службу. Вотчина была земельное имущество съ правами полной частной собственности на него. Понятіе о вотчинѣ противуполагалось помѣстью, какъ земельному имуществу съ правами условнаго, временнаго и личнаго владѣнія.

ными. На земляхъ, завоеванныхъ и присоединенныхъ къ Московскому княжеству, эта замѣна совершалась легче и быстрѣе. Этому способствовали законы военнаго времени, коими разрѣшалась конфискація имущества и раздача конфискованныхъ земель».

«Судя по одному документу, относящемуся къ 1500 г., мы видимъ,—говоритъ Валишевскій,—что двадцать лѣтъ спустя послѣ присоединенія Новгорода, въ двухъ его повѣтахъ: Ладожскомъ и Орѣшковскомъ было 106 помѣщиковъ, коимъ принадлежала половина обрабатываемой земли: это были люди по большей части низкаго происхожденія: ремесленники и рабочіе, въ лицѣ коихъ государство имѣло покорныхъ слугъ».

«Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ объединеніе страны совершилось мирнымъ путемъ, большинство землевладѣльцевъ были вотчинники, ладить съ которыми было несравненно труднѣе. Съ ними-то Іоаннъ Грозный и велъ ожесточенную борьбу, доставившую ему славу кровожаднаго тирана.

«Помѣстная система, получившая при немъ широкое распространеніе, породила новое неудобство: при недостаткѣ свободныхъ земель, которыя можно было бы раздавать служилымъ людямъ, возникъ настоящій денежный пролетаріатъ. Случалось нерѣдко, что призываемый на войну помѣщикъ жаловался, что ему не на что купить лошадь; иной человѣкъ, исполнявшій въ ожиданіи обѣщаннаго ему помѣстья, обязанность церковнаго пѣвчаго, не имѣлъ даже необходимаго, чтобы нести службу въ пѣшемъ строю. Но какъ бы то ни было, число воиновъ было на-лицо, и государь имѣлъ войско, которое ничего ему не стоило».

Изложивъ вкратцѣ систему управленія страною, которая сводилась въ XVI вѣкѣ къ «кормленію» и была обременительна только для управляемыхъ, и коснувшись тогдашняго судопроизводства съ неизбѣжнымъ въ то время тѣлеснымъ наказаніемъ, выведеніемъ виновнаго на «правежъ» и взяточничествомъ, Валишевскій переходитъ къ описанію торговаго и промышленнаго положенія Московскаго государства.

«Россія XVI вѣка была страною исключительно земледѣльческою,—говоритъ онъ,—несмотря на это, обработка земли совершалась самымъ первобытнымъ способомъ. Наиболѣе хлѣбородными мѣстами считались на сѣверъ отъ Москвы Ярославскій округъ, а на юго-востокѣ побережье рѣки Оки, отъ Рязани до Нижняго Новгорода. По словамъ Герберштейна, на берегахъ Оки земля давала урожай самъ 20, самъ 30. Берега Сѣверной Двины, несмотря на суровый климатъ, славились также хорошими урожаями. Пшеницы сѣяли мало; обыкновенно же воздѣлывались рожь, овесъ и пшено, которые потреблялись внутри страны. Весьма ограниченная вывозная торговля шла черезъ Нарвскій портъ, позднѣе черезъ Архангельскъ и сухимъ путемъ черезъ Польшу. Но она не могла достигнуть большихъ размѣровъ. Потребности Европы

были въ то время ничтожны, и государство само тормозило вывозную торговлю, монополизируя ее; наконецъ, вывозъ большаго количества зерна считался вреднымъ и ведущимъ къ обѣднѣнію страны».

На цѣну зернового хлѣба вліяли: урожай, бо́льшая или меньшая отдаленность отъ центровъ производства, войны и прочіе кризисы, которые переживала страна.

«По свидѣтельству иностранныхъ путешественниковъ, Герберштейна, Флетчера и современныхъ лѣтописцевъ, средняя стоимость четверти ржи колебалась, въ началѣ шестнадцатаго вѣка, отъ 10 до 69 копѣекъ; цѣны на прочіе продукты подвергались такимъ же колебаніямъ.

Въ зависимости отъ этого находилась и заработная плата. Нижеслѣдующія цифры, приводимыя въ сочиненіи Валишевскаго, даютъ нѣкоторое понятіе о существовавшихъ въ то время цѣнахъ на трудъ и землю.

«Въ 1598 г., напр., крестьянинъ брался срубить потребное для постройки моста количество дерева, очистить его и доставить на мѣсто за полторы деньги [1]).

«Обжа или количество земли, которое человѣкъ могъ вспахать съ одной лошадью, стоила въ 1573 г. отъ 8—10 рублей. Домъ стоилъ 3 рубля. За 4 р. и 16 алтынъ можно было купить четыре коровы и двадцать штукъ барановъ; лошадь стоила 1—3 рублей.

«Система хозяйства была трехпольная. Владѣя одной обжей, крестьянинъ могъ посѣять на ней отъ $2^1/_2$—$3^1/_2$ четвертей ржи, столько же овса и, при хорошемъ урожаѣ, получалъ въ годъ 3 рубля дохода. Онъ былъ сытъ съ земли, но ему надобно было одѣться. Полное одѣяніе, не считая пояса и рукавицъ, необходимыхъ въ морозъ, стоило полтину. На подати (по даннымъ за 1555 г.) приходилось тратить отъ 75 к. до 1 р. Всѣ эти данныя относятся къ такъ называемымъ «чернымъ» землямъ, которыя находились въ общинномъ владѣніи волости, считались собственностью великаго князя и на которыхъ жили вольные люди. Положеніе крестьянъ, жившихъ на бѣлыхъ, помѣщичьихъ земляхъ и получавшихъ отъ помѣщика пособіе на первое обзаведеніе или въ случаѣ падежа скота и неурожая, было сноснѣе. Еще лучше было положеніе тѣхъ, которые жили на монастырскихъ земляхъ, менѣе отягощенныхъ податями и гдѣ поэтому менѣе требовали и съ крестьянъ.

«Что касается промышленности, то развитію ея мѣшало то обстоя-

---

[1]) Монетной единицей былъ, какъ и въ настоящее время, рубль, но онъ вѣсилъ по закону 16 зол. серебра, т. е. содержалъ въ семь разъ болѣе серебра, чѣмъ теперь, поэтому англійскіе купцы цѣнили его въ 16 шил. 8 пенсовъ. Въ рублѣ содержалось сто денегъ (то же, что нынѣ копейка). Изъ прочихъ монетъ существовали алтыны = 6 коп., полтины и мѣдныя полушки. Деньга была столь малыхъ размѣровъ, что ее легко было потерять, и купцы, при расплатахъ, набирали ихъ въ ротъ обыкновенно по 50 штукъ.

тельство, что въ каждомъ боярскомъ домѣ ютились въ то время всякаго рода ремесленники, изготовлявшіе всѣ предметы домашняго обихода, что̀ совершенно исключало возможность самостоятельнаго развитія ремеслъ.

«Тѣмъ не менѣе нѣкоторые виды кустарныхъ промысловъ существовали издавна. Такъ, напр., въ Козмодемьянскѣ, по близости отъ Нижняго Новгорода, изготовлялись весьма извѣстные въ то время сундуки и ларцы; таковые же изготовлялись въ Холмогорахъ, гдѣ они славились отдѣлкою изъ краснаго сафьяна или изъ моржевой кожи. Большой извѣстностью пользовались также вяземскія сани и калужскія деревянныя ложки; но всѣ эти издѣлія не приносили особенныхъ барышей. Холмогорскіе сундуки употреблялись для перевозки различныхъ товаровъ въ Москву, а затѣмъ продавались за безцѣнокъ. Сотня калужскихъ ложекъ стоила 20 алтынъ, а санки, сдѣланныя въ Вязьмѣ, можно было купить за полтину».

Предметъ вывозной торговли составляли почти исключительно сырые продукты, среди которыхъ первое мѣсто занимали мѣха, коихъ вывозили въ Европу и въ Азію на 500.000 р. въ годъ. Лучшіе соболи мѣха привозились изъ Обдорска (нынѣ Тобольская губернія); шкуры бѣлыхъ медвѣдей и куньи мѣха доставлялись съ береговъ Печеры и съ Кольскаго полуострова. За великолѣпную соболью шкурку платили до 30 флориновъ зол.; опушка боярской шапки изъ черной лисицы стоила 15 фл.; но горностаевый мѣхъ цѣнился въ то время не высоко; его можно было купить за 3 или 4 деньги.

«Второе мѣсто въ вывозной торговлѣ занималъ воскъ; его продавали до 50.000 пудовъ ежегодно. Затѣмъ шло сало, вывозившееся также въ большомъ количествѣ, отъ 30 до 40.000 пудовъ изъ окрестностей Смоленска, Ярославля, Углича, Новгорода, Вологды и Твери. Внутри государства сало употреблялось въ ограниченномъ количествѣ, такъ какъ богатые люди жгли только восковыя свѣчи, а народъ жегъ лучины. Медъ, который получался въ изобиліи въ Рязанскомъ и Муромскомъ округахъ, а впослѣдствіи въ Казанской землѣ, шелъ, главнымъ образомъ, на приготовленіе любимаго русскими хмѣльнаго напитка, но его вывозили также изъ Пскова, Новгорода, Ярославля и Вологды ежегодно до 10.000 пудовъ. Лосиныя шкуры, коими восторгается Флетчеръ, охотно покупались за границу. Самые крупные лоси водились въ лѣсахъ, въ окрестностяхъ Ростова, Новгорода, Мурома и Перми. Быки, очень мелкой породы, цѣнились не высоко. Въ окрестностяхъ Архангельска добывался моржевый жиръ; рыболовныя тони Ярославля, Бѣлоозера, Нижняго-Новгорода и Астрахани доставляли въ изобиліи рыбу и икру, которая высоко цѣнилась голландскими, французскими и англійскими купцами. Ее продавали даже въ Италію и въ Испанію».

«За границею были въ большомъ спросѣ нѣкоторыя породы птицъ; въ особенности кречеты, за которыхъ платили большія деньги. Псковскій ленъ и конопля, воздѣлывавшіеся въ Смоленскѣ, Дорогобужѣ и Вязьмѣ, находили покупателей за границей, такъ же точно, какъ соль Старорусскихъ солеваренъ и смоленскій и двинскій деготь. Въ Персію шли моржевые клыки, которые употреблялись на разныя издѣлья и на приготовленіе славившихся своими цѣлебными средствами лѣкарствъ и противоядій. На берегахъ Сѣверной Двины и въ Карелiи добывалась въ огромномъ количествѣ слюда, замѣнявшая въ странѣ стекло и т. д.

«Европейскіе купцы привозили въ Московію серебро въ слиткахъ, пряденое золото, мѣдь, ножи, иголки, кошельки, зеркала, сукна, кружева, вино и фрукты; изъ Азіи шли шелковыя ткани, парча, ковры, жемчугъ и драгоцѣнные камни. Всякій купецъ долженъ былъ представить сначала товаръ въ Москву, гдѣ великій князь отбиралъ то, что ему нравилось, и тогда только давалъ позволеніе продавать остальное. Этой привилегіей пользовалась еще дочь Петра Великаго, по отношенію къ модамъ, которыя привозились изъ Франціи.

«Русскіе и иноземные купцы съѣзжались у сліянія Мологи и Волги, гдѣ существовалъ въ то время маленькій городъ, называемый «Холопьимъ городкомъ», отъ котораго уцѣлѣла только одна церковь. По словамъ преданія, этотъ городокъ былъ основанъ новгородскими рабами, бѣжавшими отъ гнѣва своихъ господъ, которые были ими жестоко оскорблены во время ихъ отсутствія, оказавшагося слишкомъ продолжительнымъ для добродѣтели ихъ женъ.

«Въ Холопьемъ городкѣ происходила самая знаменитая въ Россіи ярмарка. Она продолжалась четыре мѣсяца, и въ это время обширный лиманъ Мологи наполнялся столькими судами, плотно поставленными одно возлѣ другаго, что можно было переходить съ берега на берегъ, какъ посуху. На берегу толпились купцы всевозможныхъ національностей; нѣмцы, поляки, литовцы, греки, италіанцы, персы, которые разставляли свой товаръ на обширномъ лугу, окруженномъ наскоро сколоченными лачугами, гдѣ ютились харчевни и кабаки. Этихъ заведеній насчитывали тамъ до семидесяти. Мѣновая торговля шла бойко и приносила великому князю въ худой и въ хорошій годъ 180 пудовъ денегъ. Вообще, торговля велась въ Московскомъ государствѣ болѣе мѣновая, нежели на деньги, которыя были рѣдки и находились въ рукахъ немногихъ богачей и главнымъ образомъ самого великаго князя.

«Мѣновая торговля съ заграницей была чрезвычайно невыгодна, такъ какъ мѣстные товары шли за безцѣнокъ, а заграничные стоили дорого. Одинъ аршинъ бархата, камки или атласа стоилъ рубль, кусокъ тонкаго англійскаго сукна 30 рублей; боченокъ французскаго вина 4 рубля.

«Русскіе купцы, коихъ очень цѣнили за ихъ ловкость и предпріимчивость, пользовались, съ другой стороны, не особенно хорошей славою. Иностранцы говорятъ единогласно объ ихъ хитрости и недобросовѣстности, дѣлая исключеніе только относительно псковскихъ и новгородскихъ купцовъ, издавна славившихся своею честностью. Русская пословица: «продать товаръ лицомъ» примѣнялась широко, такъ же точно, какъ привычка запрашивать за всякую вещь чуть не въ десять разъ больше ея стоимости, если покупатель производилъ впечатлѣніе человѣка богатаго и добродушнаго. Оптовые торговцы привозили обыкновенно съ собою экспертовъ, но тѣ старались нажить съ той и съ другой стороны. Иностранцы подмѣтили, что чѣмъ болѣе купецъ призывалъ въ свидѣтели Бога, тѣмъ болѣе онъ старался обмануть покупателя. Обвѣсить, обмѣрить, продать поддѣльный товаръ, подмѣнить проданную вещь—таковы были обычные пріемы торговли.

«Этимъ объясняется въ значительной мѣрѣ слава, какою пользовались въ Московскомъ государствѣ иноземные купцы, и привилегіи, которыя успѣли отвоевать себѣ уже въ XV вѣкѣ нѣмецкіе, фламандскіе и голландскіе торговые дома, а съ теченіемъ времени англійская торговая кампанія, хотя нельзя сказать, чтобы иностранцы были совершенно чужды вышеупомянутыхъ недостатковъ. По свидѣтельству Герберштейна, нерѣдко случалось, что они продавали, напр., за 12 дукатовъ вещь, стоившую не болѣе 1 или 2 дукатовъ.

«Невѣжественный и всѣми обираемый, русскій купецъ смотрѣлъ на торговлю какъ на войну, во время которой не только позволительно, но даже необходимо прибѣгать къ всевозможнымъ хитростямъ и уловкамъ. Поборы съ товаровъ въ пользу казны были огромные. Всякій предметъ, прежде чѣмъ попасть на рынокъ, подвергался всевозможнымъ сборамъ на заставахъ, паромахъ, въ таможняхъ, существовавшихъ при въѣздѣ въ каждый городъ. Если городъ былъ на берегу рѣки, то взималась пошлина за нагрузку и выгрузку. Если въ немъ существовалъ гостиный дворъ, то купецъ былъ обязанъ остановиться въ немъ, уплативъ за это установленную таксу и т. д.

«Если крестьянинъ привозилъ на рынокъ лошадь или двухъ коровъ, двадцать гусей или десять штукъ барановъ, или нѣсколько четвертей ржи, т. е. много много на рубль товара, то ему приходилось истратить по пути на поборы отъ 8 до 10 денегъ, т. е. болѣе того, что онъ могъ заработать въ день.

Если прибавить къ этому плохое состояніе дорогъ, отсутствіе безопасности на востокѣ отъ татаръ, которые то и дѣло совершали набѣги и грабили путешественниковъ, на югѣ отъ казаковъ и во всей странѣ отъ разбойниковъ, то получится понятіе о тѣхъ тяжелыхъ условіяхъ,

которыя тормозили въ Московскомъ государствѣ развитіе торговыхъ сношеній.

Среди всей этой неурядицы иностранные путешественники отмѣчаютъ одно обстоятельство, которое поражало ихъ своею неожиданностью: это превосходная организація почтоваго сообщенія».

«Зимою, когда устанавливался хорошій санный путь,—говоритъ Валишевскій,—можно было проѣхать изъ Новгорода въ Москву 542 версты въ 72 часа за ничтожную плату: 6 копѣекъ за станцію въ 20 верстъ; на почтовыхъ станціяхъ лошади были наготовѣ. По пути уставшую лошадь можно было всегда замѣнить свѣжей въ первой же попавшейся деревнѣ или даже взявъ ее у перваго прохожаго. Это была государева служба! Для этого достаточно было имѣть открытую подорожную. Правда, лѣтомъ картина мѣнялась. Такъ какъ лошади находились на пастбищѣ или работали въ полѣ, то проходило не мало времени, пока ихъ удавалось собрать. Но лѣтомъ было удобное сообщеніе воднымъ путемъ».

Впрочемъ, это единственное удобство не уравновѣшивало всѣ бѣдствія, которыя парализовали, въ XVI вѣкѣ, развитіе экономической жизни.

Немаловажную роль играли также повальныя болѣзни: свирѣпствовавшая постоянно чума, частые пожары, постоянные неурожаи и вызываемый ими голодъ, отъ котораго гибли тысячи людей.

«Богатство и даже достатокъ составляли въ XVI вѣкѣ явленіе исключительное.

«Кромѣ монастырей одни Строгановы владѣли значительнымъ состояніемъ. Флетчеръ утверждаетъ, что у нихъ было 300.000 р. с. наличными деньгами, помимо обширныхъ помѣстій, которыя тянулись отъ Вычегды до границъ Сибири, и заводовъ, гдѣ работало 10.000 свободныхъ людей и 5.000 крѣпостныхъ.

«Все остальное населеніе было задолжено, самые бѣдные уплачивали процентъ за долгъ своимъ трудомъ, который былъ такимъ образомъ потерянъ въ общей экономіи государства.

«Самая рѣдкость денегъ была признакомъ всеобщей бѣдности. По свидѣтельству италіанца Гваньино (Guagnino), бѣличьи шкуры замѣняли до конца XVI вѣка деньги при мѣховой торговлѣ. Серебро часто употреблялось не въ видѣ монетъ, а въ слиткахъ; первыя Новгородскія монеты были не что иное, какъ слитки».

«Привычка смотрѣть на золото и серебро какъ на товаръ держалась довольно долго,—говоритъ Валишевскій. Но матеріала, изъ котораго изготовлялись деньги, было очень мало. Хотя въ Московскомъ государствѣ, начиная съ XV вѣка, добывалось золото и серебро и Іоаннъ III еще въ 1482 г. просилъ венгерскаго короля, Матвѣя Корвина, прислать ему

инженера для разработки руды, а въ 1491 г. были открыты мѣсторожденія серебра на берегахъ Цильмы, притока Печоры, но все же золото и серебро добывалось въ самомъ ограниченномъ количествѣ, и Россія получала его изъ-за границы. Что касается золота, то въ Россіи водились только иностранныя монеты, венгерскіе и голландскіе, дукаты, флорины, нѣмецкіе талеры.

«Золото составляло такую рѣдкость, что при всѣхъ случаяхъ, когда его требовалось большое количество, напримѣръ, въ случаѣ бракосочетанія или крестинъ въ великокняжеской семьѣ, или въ случаѣ отправленія посольства за границу, цѣнность золотой монеты возростала вдвое.

«Въ Московскомъ государствѣ существовалъ обычай, чтобы во время свадебъ или крестинъ бояре и представители другихъ классовъ подносили великому князю золотые дукаты; чужеземнымъ посламъ золото было необходимо для представительства, даже въ Польшѣ.

«У великаго князя было всегда достаточно золота въ погребахъ. Онъ поражалъ всѣхъ, не исключая западныхъ путешественниковъ, чисто восточнымъ богатствомъ и роскошью, но это былъ «богатый владѣлецъ очень бѣдной страны».

«Точныхъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы опредѣлить, какъ великъ былъ бюджетъ Московскаго государства до конца XVI вѣка—не существуетъ.

«По вычисленіямъ Флетчера, доходъ государевой казны, въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича, т. е. въ послѣдніе годы XVI вѣка, доходилъ до 1.400.000 рублей, который составлялся изъ 400.000 рублей прямыхъ налоговъ и 800.000 косвенныхъ налоговъ».

«Если сравнить эти цифры съ тѣми данными, которыя мы имѣемъ относительно царствованія Алексѣя Михайловича,—говоритъ Валишевскій,—то они оказываются весьма близки къ истинѣ, и на этомъ основаніи можно принять, что въ царствованіе Іоанна Грознаго цифра государственнаго дохода равнялась, среднимъ числомъ, 1.200.000 рублей. Въ Англіи, гдѣ еще не существовало тогда прямыхъ налоговъ, косвенные налоги приносили въ то же время всего 140.000 кронъ, и весь доходъ короля Генриха VIII не превышалъ милліона кронъ; такъ какъ рубль цѣнился тогда 16 шиллинговъ и 8 пенсовъ, слѣдовательно, Іоаннъ IV взималъ со своего народа въ четыре раза больше, нежели Генрихъ VIII со своихъ англійскихъ подданныхъ.

«Въ дѣйствительности же Іоаннъ получалъ съ народа гораздо болѣе. Обильнымъ источникомъ дохода была для великаго князя земля, раздаваемая «служилымъ людямъ», которая удовлетворяла такимъ образомъ самыя существенныя нужды государства—на содержаніе войска и администраціи. Такимъ образомъ монархъ могъ собирать или копить деньги. Хотя пріобрѣтеніе боевыхъ матеріаловъ и уплата жалованія сформи-

рованному, уже въ то время регулярному войску, составившему ядро будущей россійской арміи, поглощало, по свидѣтельству современниковъ, три четверти государева дохода, но одну четверть онъ могъ смѣло откладывать. Дѣйствительно, на содержаніе двора шли доходы съ собственныхъ вотчинъ великаго князя, въ составъ которыхъ входило 36 городовъ съ принадлежавшими съ нимъ селами и деревнями; они платили ему подати деньгами и доставляли кромѣ того хлѣбъ, скотъ, рыбу, медъ, овесъ, сѣно, словомъ, все необходимое для содержанія огромнаго двора и въ такомъ количествѣ, что эти продукты составляли для казны довольно обширный предметъ торговли. Іоаннъ IV получалъ отъ продажи ихъ ежегодно 60.000 рублей, а его болѣе разсчетливый преемникъ имѣлъ до 230.000 рублей дохода».

Указавъ въ бѣгломъ очеркѣ на печальное экономическое положеніе Россіи въ XVI вѣкѣ, Валишевскій переходитъ къ описанію ея умственной жизни, по сколько она выразилась въ тогдашней литературѣ и искусствѣ, въ стремленіи народа къ просвѣщенію, и, давая картину московскихъ нравовъ того времени, старается выяснить причины умственнаго упадка и слабости Московскаго государства.

III.

Монголы, завоевавшіе Россію въ XIII вѣкѣ и оторгнувшіе ее отъ Западной Европы, считаются обыкновенно главными виновниками ея умственнаго застоя,—главною причиною, задержавшею ея дальнѣйшіе успѣхи на пути цивилизаціи и прогресса.

«Я раздѣлялъ долгое время этотъ общераспространенный ошибочный взглядъ,—говоритъ Валишевскій,—и откровенно признаюсь въ этомъ. Все, повидимому, говоритъ за это, тѣмъ болѣе, что исторія этого нашествія покрыта мракомъ. Но меня поразилъ совершенно противуположный взглядъ, высказанный однимъ изъ извѣстнѣйшихъ іерарховъ русской церкви, свидѣтельство котораго пріобрѣтаетъ особенно вѣское значеніе, если принять во вниманіе, что вся умственная жизнь страны сосредоточивалась, по крайней мѣрѣ до XVIII вѣка, почти исключительно въ нѣдрахъ православной церкви.

«Судя по состоянію образованности и успѣхамъ, сдѣланнымъ ею въ теченіе тѣхъ 250 лѣтъ, кои предшествовали нашествію татаръ, пишетъ въ своей исторіи русской церкви, митрополитъ Макарій, нельзя думать, чтобы эти успѣхи были бы значительно больше въ послѣдующіе два вѣка, даже въ томъ случаѣ, если бы татары не посѣтили насъ...

Эти азіаты нисколько не мѣшали духовенству, въ особенности въ монастыряхъ, заниматься наукою. Но русскіе, повидимому, не чувствовали еще въ то время ни малѣйшей потребности въ болѣе высокомъ образованіи. Идя по стопамъ своихъ предковъ, они довольствовались возможностью свободно читать и понимать священное писаніе. Дальше этого ихъ желанія не шли».

«Помимо мнѣнія, высказаннаго столь авторитетнымъ лицомъ, работы новѣйшихъ изслѣдователей опровергли существовавшее ранѣе ошибочное мнѣніе, будто татары внесли съ собою изъ Азіи потокъ варварства, погубившій зачатки европейской культуры. Въ сущности, спутники Батыя были далеко не такіе варвары, какъ принято думать. Превосходные стратеги и еще лучшіе организаторы, они были достойными представителями той цивилизаціи, которая менѣе, нежели сто лѣтъ спустя, привела въ Самаркандѣ въ изумленіе пословъ Генриха Кастильскаго (1405 г.) и которой Европа обязана астрономическими таблицами, составленными Улу-Бекомъ [1]).

«Мало того, татары вовсе не стремились разрушать во что бы то ни стало, если этого не требовали надобности военнаго времени; они никого не притѣсняли, иначе какъ для удовлетворенія своихъ фискальныхъ надобностей; при томъ численность ихъ была не такъ велика, чтобы они могли въ буквальномъ смыслѣ «наводнить» страну. Легенда о наводненіи Россіи татарами, которые пронеслись по ней подобно бурному потоку—не болѣе, какъ мелодраматическая выдумка: предводитель татарскихъ войскъ побѣждалъ русскихъ съ весьма малыми, но прекрасно обученными отрядами, коими командовали искусные полководцы.

«Татары встрѣтили на своемъ пути однѣ развалины; они нашли государство, уже пришедшее въ упадокъ, жившее совершенно обособленно отъ Европы, въ полной политической и умственной отъ нея отчужденности.

«Со временъ Ярослава (1016—1054), выдавшаго свою сестру за короля польскаго Казиміра, одну изъ своихъ дочерей за венгерскаго короля, другую за короля норвежскаго и третью за французскаго короля Генриха I, подобныхъ браковъ болѣе не заключалось, и Кіевъ былъ разграбленъ въ 1169 г. и опустошенъ варварами, пришедшими не изъ Азіи. Мелкіе русскіе удѣльные князья, неустанно боровшіеся за обладаніе Кіева—древней столицы Ярослава, сами предали ее огню и мечу.

---

[1]) Улу-Бекъ ханъ, внукъ Тимура, р. 1393 † 1449 г. Извѣстенъ своимъ покровительствомъ наукѣ, особенно математикѣ; онъ завелъ обсерваторію, высшее училище и т. п. Астрономическія таблицы Улу-Бека на персидскомъ и татарскомъ языкѣ изданы въ Оксфордѣ Томасомъ Гайдомъ (1665 г.).

«Не подлежитъ сомнѣнію, что Россія, которую разоряли и опустошали ея собственныя дѣти, воспринявъ вѣру и образованность изъ Византіи, была связана этимъ съ разлагавшимся трупомъ. Византія наградила ее греческой ученостью въ то время, когда закрытіе въ ней древнихъ школъ и введеніе въ нихъ восточныхъ идей изгнали изъ области науки свободу изслѣдованія,—это необходимое условіе прогресса.

«Изученіе исторіи сводилось въ то время въ Византіи къ собранію легендъ, обученіе философіи было строго воспрещено, всякое умственное движеніе ограничивалось богословскими спорами—все это вмѣстѣ взятое свидѣтельствовало о несомнѣнномъ упадкѣ умственной жизни. Монастыри Востока уже съ XII вѣка выказали полную неспособность воспользоваться тѣмъ научнымъ матеріаломъ, который былъ въ ихъ распоряженіи.

«Умственное отчужденіе православной Россіи было прямымъ послѣдствіемъ ея присоединенія къ Византіи. Изъ числа 240 русскихъ писателей, извѣстныхъ до конца семнадцатаго вѣка, 190 были монахи, 20 принадлежали къ бѣлому духовенству; остальные тридцать оставили сочиненія, по большей части, посвященныя разработкѣ религіозныхъ темъ. Такимъ образомъ литература и наука были почти исключительно достояніемъ церкви. Между тѣмъ она представляла собою уже въ XIII вѣкѣ замкнутый и недоступный для постороннихъ міръ. Православная вѣра воспрещала всякое общеніе съ невѣрными, доходившее до того, что великіе князья московскіе усвоили привычку умывать себѣ руки, по окончаніи аудіенціи даваемой иностраннымъ посламъ,—обычай, глубоко оскорбившій Поссевина, когда онъ прибылъ ко двору Іоанна Грознаго. Присоединеніе ставленника Византіи, митрополита Исидора, къ Флорентійской уніи и взятіе Константинополя турками еще болѣе отдалили Россію отъ Запада, который сдѣлался подозрителенъ въ глазахъ русскихъ людей, въ то время, какъ торжество ислама считалось вполнѣ заслуженной имъ карою.

«Между тѣмъ православная русская церковь не возсіяла послѣ этого событія новымъ блескомъ, а погружалась все болѣе и болѣе въ мракъ и невѣжество. Въ исходѣ XV вѣка при монастыряхъ не существовало болѣе школъ, о которыхъ упоминаютъ многочисленные свидѣтели.

«Въ началѣ XVI вѣка, архіепископъ новгородскій, Геннадій, отмѣчаетъ съ грустью, что причетъ, который ему приходилось посвящать въ духовный санъ, былъ поголовно безграмотенъ. Священнослужители не обучали свою паству словомъ, не произносили проповѣдей, и, по свидѣтельству иностранныхъ путешественниковъ, изъ 10 церковниковъ съ трудомъ находился одинъ умѣвшій прочесть Отче нашъ, такъ что сто лѣтъ спустя, въ 1620 г., ученый шведъ, Іоаннъ Ботвидъ, серьезно

обсуждалъ вопросъ о томъ, исповѣдуютъ-ли московиты христіанскую вѣру.

«Хотя въ монастыряхъ по-прежнему собирали книги и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ были даже свои библіотекари, но чтеніе книгъ сдѣлалось спеціальностью небольшаго числа избранныхъ лицъ и считалось синонимомъ учености. Читать какъ можно болѣе, даже заучивать прочитанное наизусть, считалось верхомъ учености, далѣе этого желанія не шли. Ученый былъ книжникъ, человѣкъ, владѣвшій большимъ числомъ книгъ. Но какихъ книгъ? Въ монастырскихъ библіотекахъ большое и почетное мѣсто занимали апокрифическія сочиненія въ родѣ: «Рукопись Адама, порученная на храненіе чорту», «Завѣщаніе Моисея», «Видѣніе Исаака», которыя пользовались такимъ же авторитетомъ, какъ и книги духовнаго содержанія. Максимъ Грекъ, приглашенный въ началѣ XVI вѣка въ Москву въ качествѣ переводчика священныхъ книгъ, первый рѣшился опровергнуть распространенные среди русскихъ предразсудки, въ родѣ, напр., убѣжденія, что солнце не заходило цѣлую недѣлю послѣ Воскресенія Христова и что ехидна охраняетъ на берегахъ Іордана завѣщаніе Адама и т. п.

«Въ сохранившемся каталогѣ библіотеки Троицо-Сергіевой лавры XVII вѣка значатся 4011 древнихъ рукописей, почти столько же, сколько ихъ насчитывали въ Гластонбюри [1]) въ XIII столѣтіи. Но какая разница по содержанію книгъ! Въ Гластонбюри первое мѣсто занимали римскіе классики, историки и поэты; въ Троицо-Сергіевой лаврѣ находимъ 101 библію, 46 богослужебныхъ книгъ, 58 собраній сочиненій отцовъ церкви, 17 книгъ церковнаго права и всего одно сочиненіе по философіи. Греческіе и латинскіе писатели были незнакомы русскимъ читателямъ до XVII вѣка. Изъ свѣтскихъ сочиненій читались преимущественно однѣ только лѣтописи.

«По части географіи и космографіи пользовались авторитетомъ такія сочиненія, въ которыхъ идеи Птоломея и Аристотеля смѣшивались съ фантазіями манихеевъ и гностиковъ и которыя распространяли самыя нелѣпыя идеи. Изъ философскихъ сочиненій наибольшимъ авторитетомъ пользовались сочиненія Іоанна Дамаскина и его научная теорія, сводящаяся къ любви къ Богу.

«Одновременно съ умозрительными сочиненіями Василія Великаго и Дениса Ареопагита излюбленной книгою считалась вплоть до XVIII вѣка, П ч е л а: это была смѣсь цитатъ изъ священнаго писанія, извлеченій изъ сочиненій отцовъ церкви, отрывочныхъ мыслей,

---

[1]) Гластонбюри—въ англійскомъ графствѣ Сомерсетъ, гдѣ существовало нѣкогда знаменитое бенедиктинское аббатство, основанное св. Августиномъ.

заимствованныхъ изъ сочиненій Аристотеля, Сократа, Эпикура, Діодора, Катона; нѣчто совершенно безсвязное и лишенное здраваго смысла.

«Подъ вліяніемъ пріобрѣтенныхъ такимъ образомъ знаній, русскіе считали предсказаніе солнечныхъ затменій колдовствомъ; математическія сочиненія, къ коимъ причислялась ариѳметика и астрономія, географія и музыка, подвергались запрету, какъ нѣчто безбожное; «книжникъ» былъ какъ бы заколдованъ въ горизонтѣ узкихъ понятій, въ которыхъ онъ топтался на одномъ мѣстѣ, вдали отъ умственнаго движенія, увлекавшаго его западныхъ сосѣдей.

«Въ XVI вѣкѣ въ этотъ мракъ проникъ лучъ свѣта. Появившійся въ Москвѣ Максимъ Грекъ, монахъ изъ Албаніи, былъ до извѣстной степени европеецъ. Ограничиваясь въ своей литературной и научной дѣятельности вопросами религіи и морали, онъ принесъ съ собою въ Москву нѣкоторыя знанія, пріобрѣтенныя имъ въ Миланѣ, Флоренціи, Венеціи, Феррарѣ и въ особенности въ Падуѣ, гдѣ онъ увлекался умственнымъ теченіемъ, заставлявшимъ образованные круги подражать языческимъ нравамъ и возставать противъ средневѣковой схоластики. Онъ понималъ великое значеніе для науки такого просвѣтительнаго центра, какимъ сдѣлался Парижъ. Но при всемъ томъ онъ былъ совершенно лишенъ критическаго ума, который составляетъ главный двигатель умственной жизни Западной Европы, и относился съ такимъ глубокимъ презрѣніемъ къ свѣтской наукѣ, что осуждалъ появленіе русскаго перевода извѣстнаго сочиненія XII вѣка Lucidaire, въ которомъ были изложены довольно сносно нѣкоторыя теоріи космографіи и физики; Максимъ Грекъ рѣшительно изъялъ это сочиненіе изъ библіотекъ, изъ которыхъ были изгнаны греческіе и латинскіе классики.

«Существуетъ легенда о томъ, будто въ Московскомъ Кремлѣ XV вѣка находилось собраніе классиковъ вмѣстѣ со многими другими свѣтскими сочиненіями и нѣсколькими еврейскими рукописями. Мнимое существованіе этой библіотеки, о которомъ возвѣстили русской публикѣ изысканія двухъ европейскихъ ученыхъ Клозіуса (1834 г.) и Тремера (1891 г.), вызвало въ 1894 г. въ печати цѣлую полемику; какъ извѣстно, были предприняты даже раскопки въ подвалахъ древняго терема, но онѣ не привели ни къ чему, и легенда эта не имѣетъ, повидимому, никакой реальной основы. Еще раньше существовала подобная же басня, коей приписывалось московскимъ князьямъ обладаніе цѣлой связки византійскихъ рукописей, будто бы присланныхъ на храненіе въ Москву передъ взятіемъ Константинополя турками. На основаніи этого слуха, кардиналъ Санъ Джіорджіо поручилъ греку Петру Аркудіусу, сопровождавшему польское посольство въ Московію въ 1600 г., провѣрить этотъ фактъ, оказавшійся съ начала до конца вымышленнымъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что Іоаннъ IV и его предшественники имѣли кое-какія книги

и рукописи; но достовѣрно извѣстно лишь то, что въ его книгохранилищѣ, среди разныхъ богослужебныхъ книгъ, лѣтописей и трактатовъ по астрологіи, фигурировало только одно сочиненіе на иностранномъ языкѣ—нѣмецкій травникъ.

«Отъ состоянія первобытнаго варварства и невѣжества, въ которомъ Россія находилась до введенія христіанства, она перешла непосредственно подъ иго суровыхъ и не менѣе дикихъ нравственныхъ воззрѣній, изгонявшихъ во всѣхъ областяхъ свободу знаній и свободу изслѣдованія и не признававшихъ даже за человѣкомъ даже свободу жить. Всѣ жизненныя силы, коимъ человѣчество обязано своимъ прогрессомъ, были осуждены и чуть не прокляты. Наука была проклята, какъ очагъ ереси и невѣрія; свобода изслѣдованія проклиналась, какъ источникъ порчи; проклиналась самая жизнь съ ея радостями, веселіемъ и съ мірскими удовольствіями, какъ ведущая къ соблазну. Подъ вліяніемъ этой новой морали при дворѣ великаго князя исчезли барды и пѣсельники; въ лѣтописяхъ изсякъ живой, поэтичный тонъ, присущій писателямъ XI и XII вѣка, который смѣнился сухимъ, дидактическимъ способомъ изложенія; самый разговоръ, если онъ не касался религіозныхъ сюжетовъ, подвергался осужденію. Воздержаніе, во всѣхъ его видахъ, сдѣлалось главнымъ правиломъ жизни. Въ нѣкоторыхъ семьяхъ двухлѣтнихъ дѣтей пріучали къ воздержанію отъ молока, заставляли ихъ поститься. Мясо разрѣшалось употреблять только три раза въ недѣлю; на супружескія отношенія также налагался запретъ три раза въ недѣлю и во всѣ праздничные дни и посты».

Подъ вліяніемъ тѣхъ же принциповъ, церковь смотрѣла на женщину, какъ на сосудъ бѣсовскій, какъ на исчадіе зла, и проклинала ее и всѣ виды искусства, вдохновительницею котораго являлась вездѣ женщина.

«Въ религіозной жизни это направленіе привело непосредственно къ нелѣпому формализму духовныхъ лицъ, которыя придавали бритью бороды и одеждѣ значеніе вѣковыхъ истинъ и неприкосновенныхъ догматовъ. Послѣ Флорентійской уніи и провозглашенія православной церкви единственной хранительницей священныхъ преданій, форма сдѣлалась святою святыхъ, ковчегомъ истинной вѣры. Внѣ православнаго міра существовалъ латинскій, католическій или протестантскій раціонализмъ, который считался источникомъ невѣрія и ереси. Всякое разсужденіе подвергалось запрету, и Москва, исключивъ это необходимое условіе всякаго прогресса, стала въ умственномъ отношеніи ниже Византіи, гдѣ догматическіе споры пользовались всегда правомъ гражданства. Въ Москвѣ же, начиная съ XII вѣка, обсуждались только такіе, напримѣръ, вопросы:

«Можетъ-ли священникъ, не поспавъ послѣ ѣды, совершать таинство?

«Можетъ-ли онъ совершать его, если къ его одеждѣ пришитъ женскій платокъ?

«Даже самыя проповѣди, если таковыя произносились, говорилось на темы обрядовыя.

«Слѣдуетъ-ли, совершая богослуженіе, ходить по солнцу или противъ солнца?

«Слѣдуетъ-ли креститься двумя или тремя перстами?» Этотъ вопросъ обсуждался на первомъ соборѣ, созванномъ Іоанномъ Грознымъ, и двуперстное сложеніе было признано неправильнымъ.

«Вѣра, отождествленная съ обрядами, низвела благочестіе къ исполненію нѣкоторыхъ внѣшнихъ обрядовъ, къ соблюденію постовъ, къ продолжительному стоянію въ церкви. Исповѣданіе вѣры, какъ актъ внутренней религіи, отошло на второй планъ. Самые богомольные люди исповѣдались всего разъ въ годъ. Самые добросовѣстные не считали грѣхомъ утаить на исповѣди часть своихъ грѣховъ. Соблюденіе обрядовъ замѣняло все остальное. Число ихъ пріумножалось, и они совершались все болѣе и болѣе театрально.

«Въ Вербное воскресенье митрополитъ, сидя на ослѣ, объѣзжалъ храмы, благословляя народъ, который разстилалъ передъ нимъ свою одежду; память трехъ еврейскихъ отроковъ, ввергнутыхъ въ горящую печь, праздновалась торжественно: на мѣсто амвона ставилась большая печь, въ которую вводили со всевозможными церемоніями трехъ юношей, облаченныхъ въ бѣлое одѣяніе.

«Религіозное чувство, очень сильное въ русскомъ народѣ, не находило себѣ исхода.

«Въ то время, какъ Домострой предписывалъ читать извѣстную молитву 600 разъ въ день, обѣщая, что по прошествіи трехъ лѣтъ въ лицѣ читавшаго воплотится Отецъ и Сынъ и Святой Духъ, многіе спорили о томъ, можно-ли безъ грѣха переступить порогъ родильницы и можно-ли считать чистымъ молоко телившейся коровы. Съ того же времени, какъ изъ благочестивыхъ душъ искоренилась, такимъ образомъ, всякая чувственность, среди нихъ распространялись всевозможныя суевѣрія».

Въ религіозныхъ церемоніяхъ, въ которыхъ явно преобладалъ языческій духъ, отразилось вліяніе финскаго полу-языческаго элемента.

Еще въ XVI вѣкѣ финскія племена, населявшія Водскую пятину, нынѣшнюю Петербургскую губернію, поклонялись деревьямъ и камнямъ и приносили имъ жертвоприношенія. По ихъ понятіямъ весь міръ былъ населенъ фантастическими существами: крылатыми ехиднами съ птичьей головой и хоботомъ, которыя могли разрушить землю; драконами о десяти головахъ; растеніями въ видѣ барана, отъ которыхъ рождались ягнята и т. п. Русскіе XVI вѣка показывали иностранцамъ шапки, сдѣланныя изъ шкуръ этихъ чудовищъ.

Православное духовенство боролось съ этими суевѣріями, но бывало, что оно и поощряло ихъ. Нѣкоторыя духовныя лица сами сочиняли колдовскія книги, успѣвали ввести ихъ въ духовную литературу и извлекали изъ нихъ большіе барыши. Люди, занимавшіеся вызываніемъ духовъ, встрѣчались даже въ монастыряхъ. Въ концѣ шестнадцатаго вѣка среди лицъ, окружавшихъ Грознаго, были колдуны.

«Подъ вліяніемъ этихъ суевѣрій самыя простыя явленія жизни получали таинственный и прорицательный смыслъ: потрескиваніе стѣнъ, шумъ въ ушахъ, зудъ въ пальцахъ предвѣщали путешествіе; кряканье утки, дрожанье вѣкъ предвѣщало пожаръ. Существовала цѣлая литература, въ которой объяснялись эти примѣты, а также сны, которымъ придавалось огромное значеніе. Беременныя женщины кормили хлѣбомъ медвѣдей, которыхъ водили скоморохи, и по рычанью этихъ звѣрей угадывали полъ будущаго ребенка.

«Скоморохи пользовались большимъ вліяніемъ; имъ приписывали нерѣдко чудодѣйственную силу. Они могли защитить человѣка отъ царскаго гнѣва, давъ ему носить подъ лѣвой мышкой правый глазъ орла, завернутый въ платокъ. Они брали горсточку земли изъ-подъ ногъ человѣка, отъ котораго хотѣли избавиться, и человѣкъ этотъ былъ приговоренъ къ смерти. Если эту землю бросали въ огонь, то въ то время, какъ она сгорала, человѣкъ высыхалъ. При этомъ не забывали ангеловъ и св. Никиту, который могъ изгнать домового въ томъ домѣ, гдѣ къ нему прибѣгали съ молитвою. Язычество и христіанство, религія и суевѣріе смѣшивались и сливались во-едино. Подъ большіе праздники, на Ивана Купалу, въ Рождественскій и Крещенскій сочельники, православный людъ молился Богу и въ то же время тѣшилъ чорта.

«Наканунѣ Троицы танцовали на могилахъ, испуская дикіе вопли. Въ Великій Четвергъ жгли солому, чтобы вызвать тѣни умершихъ, и приносили изъ-за алтаря щепотку соли, которая считалась вѣрнымъ средствомъ противъ нѣкоторыхъ болѣзней».

«Правда,—говоритъ Валишевскій,—въ XVI вѣкѣ суевѣріе было распространено во всей Европѣ, при самыхъ просвѣщенныхъ дворахъ и даже въ Ватиканѣ.

«Не говоря уже объ астрологахъ, съ коими папа Павелъ III совѣтовался въ тѣхъ случаяхъ, когда ему предстояло принять какое-нибудь важное рѣшеніе, и которые считались людьми науки, въ то время въ Европѣ придавали значеніе всякимъ суевѣрнымъ примѣтамъ, такъ, напримѣръ, паденіе съ дерева совы было принято папою Александромъ VI за предзнаменованіе близкой кончины.

«Но въ Московскомъ государствѣ XVI вѣкъ соотвѣтствовалъ величайшему расцвѣту суевѣрія, составлявшаго сущность умственной жизни, которая была лишена иной болѣе существенной пищи. Этими суевѣріями

*

питались въ широкой степени самыя распространенныя въ то время сочиненія, между тѣмъ, какъ другія были столь бѣдны содержаніемъ, что не могли ничѣмъ удовлетворить потребности читателей.

«Писатели XIV и XV вѣка ограничивались по большей части компиляціями, въ которыхъ не встрѣчается ни черточки нравовъ. Лѣтописи этого вѣка были не болѣе, какъ перечень событій. Самый замѣчательный изъ современныхъ сборниковъ, «Степенная книга», составленная митрополитомъ Макаріемъ, выдѣляется изъ общаго уровня только тѣмъ, что авторъ старался установить въ ней параллель, между фактами и генеалогіей московскихъ государей. Это сочиненіе имѣло политическую тенденцію, и это составляло его отличительную черту.

«По формѣ и содержанію, литература XVI вѣка стояла несравненно ниже произведеній кіевскаго періода. Вмѣстѣ съ поэзіей исчезли естественность и простота, свѣжесть и прелесть произведеній, которыя замѣнились искусственностью. Ни въ одномъ сочиненіи не встрѣчается ни строчки, въ которой проглядывало бы искреннее чувство и гдѣ бы глубина этого чувства искупала поверхностность мысли. Въ это время въ Россіи не появилось ни одной поэмы, не было издано ни одного научнаго или философскаго сочиненія, а между тѣмъ это былъ вѣкъ Петрарки, Боккачіо, Шекспира, Сервантеса, Бэкона, Декарта.

«Даже въ сосѣдней Польшѣ, клонившейся уже къ неизбѣжному упадку, народилась въ шестнадцатомъ вѣкѣ цѣлая плеяда мыслителей и артистовъ и существовала богатая литература. Польскій языкъ былъ замѣчательно выработанъ и достигъ совершенства въ проповѣдяхъ Петра Скарги. Баторій имѣлъ при себѣ неотлучно типографію, которая сопутствовала ему даже въ его походахъ. Въ Московскомъ же государствѣ типографское искусство въ то время даже не зарождалось и хотя на русскомъ языкѣ существовали печатныя книги, но онѣ печатались въ Венеціи, Цетиньѣ, Тюбингенѣ, Прагѣ, Вильнѣ, и когда типографчики появились въ Москвѣ, то ихъ едва не убили и дома ихъ были сожжены. Впрочемъ, что же они могли печатать? часословы, псалмовики, да книги Ветхаго Завѣта.

«Вся самостоятельная литературная дѣятельность русскихъ выразилась въ первой половинѣ шестнадцатаго вѣка въ двухъ произведеніяхъ, въ коихъ вылился весь запасъ пріобрѣтенныхъ знаній, вся ходячая мораль, все умственное богатство народа.

«То были Домострой и Четьи-Минеи.

«Митрополитъ Макарій, составившій Четьи-Минеи, задался задачею собрать въ двѣнадцати огромныхъ томахъ всѣ «чтомыя книги, яже въ Русской землѣ обрѣтаются», и дать назидательное чтеніе на каждый день.

«Для собиранія старыхъ и составленія новыхъ житій русскихъ

святыхъ, вошедшихъ главнымъ образомъ въ этотъ сборникъ, Макарій собралъ вокругъ себя многихъ дѣятелей и самъ былъ между ними не только руководителемъ и редакторомъ, но и ревностнымъ сотрудникомъ.

«Придавая огромное значеніе слогу, онъ замѣнилъ старинное безхитростное изложеніе житій святыхъ на народномъ языкѣ витіеватымъ церковно-славянскимъ, вмѣсто прежней краткой молитвы присоединилъ похвальныя слова въ честь святого и описанія чудесъ, совершавшихся по его кончинѣ въ разныя времена».

Было бы, конечно, излишне останавливаться здѣсь, какъ это дѣлаетъ Валишевскій, имѣя въ виду иностранныхъ читателей, на любопытномъ, но всѣмъ знакомомъ содержаніи замѣчательнаго памятника русской литературы XVI вѣка, именуемаго Домостроемъ, который рисуетъ такъ прекрасно весь домашній обиходъ, всю житейскую мудрость мелкопомѣстнаго боярина тѣхъ временъ и даетъ ясное представленіе объ обществѣ, въ которомъ семья составляла не только центръ, но и краеугольный камень соціальной жизни, въ коемъ первенствующую и даже единственную роль игралъ глава семьи, отъ котораго все зависѣло и которому все подчинялось.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Тульскому гражданскому губернатору Иванову.

16-го сентября 1801 г.

По первому свѣдѣнію, до меня дошедшему, о намѣреніи тульскаго дворянства учредить для неимущихъ дворянъ училище, я уже изъявилъ ему чрезъ васъ мою признательность. Теперь на донесеніе ваше о семъ предположеніи повторяя тѣ же самыя изъясненія, хотя не мышлю я, чтобы въ дѣлѣ общей пользы имя могло присоединить новое достоинство, но чтобы показать, сколь много уважаю я подвигъ дворянства къ сему заведенію, соглашаюсь удовлетворить желанію его, называть его Александровскимъ.

О производствѣ въ полковничій рангъ Петра Еропкина.

Божіею Милостію мы Петръ Вторый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и протчая, и протчая, и протчая.

Нашей военной коллегіи:

Сего іюня 7 дня пожаловали мы архитекта Петра Еропкина за его службы и въ архитектурскомъ дѣлѣ искуство, указали имѣть ему рангъ полковничій, и нашей военной коллегіи о томъ вѣдать. А въ Сенатъ о вышеписанномъ нашъ указъ посланъ. Данъ въ нашемъ верховномъ Тайномъ Совѣтѣ іюня 9 дня 1728 года.

Изъ переписки князя В. Ѳ. Одоевскаго [1].

XIV. Записки В. А. Жуковскаго [2].

1.

(Январь 1838 г.).

Я просилъ васъ о двухъ вещахъ, любезный князь: 1-е, похлопотать о томъ, чтобы наконецъ г-нъ Вражскій [3] сдѣлалъ какой-нибудь разсчетъ съ издателями «Современника». 2-е, подписаться на «Прибавленія къ Русскому Инвалиду» для Безобразова, живущаго въ Москвѣ. Есть еще третья вещь, о которой я просилъ васъ, продажа трехъ экземпляровъ Niebelungen [4]—все это предано забвенію; Вражскій не думаетъ объ отчетѣ, и мы, издатели «Современника», публично расхваставшіеся своимъ великодушнымъ пособіемъ сиротамъ Пушкина, еще менѣе объ немъ думаемъ; Безобразовъ не получаетъ «Прибавленія» и пишетъ объ немъ изъ Москвы; Нибелунгены вами презрѣны. Что мнѣ дѣлать въ такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, сами скажите, князь Владиміръ Ѳедоровичъ?

Жуковскій.

---

[1]) См. „Русскую Старину“, іюнь 1904 г.

[2]) Нѣсколько писемъ и записокъ Жуковскаго къ князю В. Ѳ. Одоевскому было напечатано въ „Русскомъ Архивѣ“ 1900 г., сентябрь, стр. 53—54, и въ „Русской Старинѣ“ 1901 года, іюль, стр. 106—107.

[3]) Т. е. Враскій (см. выше, апрѣль, стр. 196, прим. 4-е).

[4]) Рѣчь идетъ о книгѣ „Les Niebelungen, poème traduit de l'ancien idiôme Teuton par M-me Moreau de la Meltière“, вышедшей въ свѣтъ въ 1837 году Шарлотта Морò де ла Мелтіеръ († 1854, въ Москвѣ) была старинная знакомая Жуковскаго (см. „Русскій Архивъ“ 1900 г., сентябрь, стр. 20, прим. 5-е).

Нельзя-ли мнѣ прислать еще о д и нъ полный экземпляръ «Современника» за прошлый 1837 годъ и д в а за 1836.

2.

(Въ послѣднихъ числахъ января 1838 г.).

Пріѣзжайте ко мнѣ, князь, обѣдать. Отобѣдаемъ вдвоемъ или вмѣстѣ съ Вяземскимъ и кончимъ дѣло Крыловскаго обѣда [1]), о коемъ надобно переговорить. Жду васъ непремѣнно и посылаю вамъ свою карету.

Жуковскій.

3.

(Вѣроятно, 1-го февраля 1838 г.).

Любезный князь. Вы очень, очень меня одолжите, если сдѣлаете въ моей рѣчи поправку необходимую; я не знаю, какъ это мнѣ вчера не пришло въ голову. Но можно-ли успѣть?

У меня стоитъ: «Коихъ присутствіе было бы л у ч ш и м ъ его украшеніемъ».

Велите выбросить л у ч ш и м ъ и послѣ точки поставьте тире [2]). Будетъ это истолковано дурно. Ибо говорится и о Пушкинѣ. Прошу васъ, если можно, исполните просьбу мою.

Ж.

4.

(Вѣроятно, 2-го февраля 1838).

Посылаю корректуру [3]). Въ 12 часовъ буду у Оленина [4]). Пріѣзжайте туда къ этому времени непремѣнно. Привезите, если можно, и поправленную корректуру.

Ж.

---

[1]) По случаю пятидесятилѣтняго юбилея литературной дѣятельности И. А Крылова. Празднество происходило 2-го февраля.

[2]) Желаніе Жуковскаго было исполнено, и въ печатномъ текстѣ его привѣтственной рѣчи эта фраза читается такъ: „На праздникѣ нашемъ недостаетъ д в у х ъ (т. е. Д м и т р і е в а и П у ш к и н а), которыхъ присутствіе было бы его украшеніемъ“.

[3]) Привѣтственной рѣчи И. А. Крылову

[4]) Алексѣя Николаевича.

5.

(1841 г.).

Посылаю вамъ 40 рублей; 10 за одинъ вашъ билетъ и 30 за три, полученные отъ Жустиньяни [1]). Извините меня передъ нимъ; я простудился и боюсь еще болѣе простудиться отъ импровизаціи. Сижу дома.

Вашъ Жуковскій.

Не забудьте сказать Жустиньяни о моей болѣзни. Я точно отъ того не ѣду, что боюсь простуды.

6.

Любезный князь, возвращаю вамъ свой долгъ; а васъ прошу поправить въ пѣснѣ Кашина [2]) одинъ только хоръ на слова Многи лѣта царю государю; пѣсни же самой не трогайте, чтобы намъ не обидѣть старика. Онъ далъ мнѣ carte blanche на одинъ только хоръ. Пришлите мнѣ партицію; между тѣмъ, какъ будете обработывать хоръ, пѣвчіе выучатъ пѣсню.

Жуковскій.

7.

Я боленъ и сижу дома. Благодарю за журналъ. Вотъ бы нынѣче вамъ можно было побывать у меня съ Глинкою [3]).

Ж.

8.

Возвращаю вамъ и музыку, и стихи. Очень обяжете, если завтра доставите. Нынѣче увидимся у Вьельгорскаго и условимся о чтеніи. Принесите къ Вьельгорскому свою музыку. Да лучше заѣзжайте ко мнѣ въ 7-мь часовъ. Поѣдемъ вмѣстѣ.

9.

Творенье по приказанію вашему я отправилъ къ А(нтонинѣ) Дмитріевнѣ [4]). А васъ прошу позаботиться о нашихъ душахъ и ушахъ въ

---

[1]) Извѣстный итальянскій импровизаторъ (см. „Русскую Старину“, май 1904 г., стр. 372, прим. 7-е).

[2]) Композиторъ Даніилъ Никитичъ Кашинъ (р. 1769 † 1842), ученикъ Сарти. Изъ положенныхъ имъ на музыку пѣсенъ Жуковскаго была издана пѣсня „Слава на небѣ солнцу“ (теноръ, басъ и хоръ). См. напечатанную Н. И. Стояновскимъ брошюру „В. А. Жуковскій. Чествованіе его памяти въ С.-Петербургѣ 29-го и 30-го января 1883 года“, стр. 81.

[3]) Композиторомъ Михаиломъ Ивановичемъ.

[4]) Блудовой, дочери Д. Н. Блудова.

субботу, то есть что-нибудь приготовить для пѣнья. Да смотрите же, чтобы намъ залучить и Глинку.

Жуковскій.

10.

Вторникъ.

Любезный князь. По поводу моихъ смиренныхъ именинъ соберется у меня нынче нѣкоторое количество благовоспитанныхъ людей [1]). Пріѣзжайте. Начало комедіи скоро послѣ осьми часовъ.

Вашъ Жуковскій.

11.

Посылаю вамъ переводъ Freude [2]). Уломайте ихъ на ноты и возвратите съ нотами.

XV. Письма и записки А. Н. Оленина.

1.

30-го января 1838 г.

Любезному и досужему князю Владимиру Ѳедоровичу всеусерднѣйше кланяется нижеподписавшійся и препровождаетъ цѣлый грузъ бумагъ къ напечатанію—безъ отлагательства; а именно:

1-е) Порядокъ празднества и встрѣчи И. А. Крылову.

2-е) Экземпляръ рѣчи, по которой должны быть тиснуты печатные экземпляры, и наконецъ

3-е) Проектъ золотой медали въ честь И. А. Крылова, который можетъ быть оттиснутъ послѣ сегодняшняго нашего засѣданія.

Преданный А. Оленинъ.

2.

1-го февраля 1838 г.

Вотъ вашему сіятельству — рѣчь ваша [3]). Прекрасно! — коротко, ясно и прилично. Это не я одинъ говорю, а нѣкоторыя особы, которыя слышали у меня чтеніе этой рѣчи.

---

[1]) Вѣроятно, Жуковскому вспомнилась пригласительная записка А. Ѳ. Воейкова къ князю В. Ѳ. Одоевскому (отъ 11-го февраля 1838 г.), въ которой тотъ писалъ: „У меня никого не будетъ, кромѣ благомыслящихъ, благонамѣренныхъ и благопристойно ведущихъ себя писателей“ (см. „Русскій Архивъ“ 1864 года, ст. 832).

[2]) Вѣроятно, переводъ стихотворенія Шиллера An die Freude.

[3]) Напечатана въ брошюрѣ „Привѣтствія И. А. Крылову“ и т. д. (см. выше, іюнь, стр., 572 прим. 5-е) и въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв.“ 1838 г., ч. XVII, стр. 218—219 (въ подстрочномъ примѣчаніи).

Теперь обратимся къ общему нашему дѣлу и скажемъ, какъ говорилъ князь Мстиславъ Мстиславичъ передъ Липецкимъ сраженіемъ: «Се убо, братіе, пришли есмя въ землю сильную—ничтоже намъ помощь, точью Богъ и правда; станемъ убо мужественно и крѣпко и не озираясь назадъ»!

Итакъ поговоримъ о слѣдующемъ:

1-е) вотъ корректура нѣкоторыхъ піесъ, входящихъ въ составъ нашего libretto, а именно:

1) мое привѣтствіе, которое убѣдительно прошу перепечатать;

2) рѣчь В. А. Жуковскаго;

3) стихи князя Вяземскаго, и

4) рѣчь вашего сіятельства.

Теперь слѣдуетъ еще напечатать:

5) предложеніе на подписку для выбитія медали въ честь И. А. К.[1]).

6) тосты—какъ условлено.

7) Не нужно-ли будетъ приглашенія коротенькія, съ означеніемъ часа для пріѣзда на торжество и съ замѣчаніемъ о простомъ костюмѣ, въ которомъ гражданскіе чиновники могутъ быть.

Вслѣдъ за симъ я пришлю форму 5-й піесы и 7-й. Между тѣмъ можно приступать къ печатанію первыхъ четырехъ.

Vale et me ama. А. Оленинъ.

3.

3-го февраля 1838 г.

Дѣйствительный тайный совѣтникъ Оленинъ, свидѣтельствуя свое почтеніе его сіятельству князю Владимиру Ѳедоровичу Одоевскому, проситъ покорнѣйше не забыть обѣщаніе подарить Оленину нѣсколько экземпляровъ вчерашнихъ печатныхъ листовъ, розданныхъ всѣмъ присутствовавшимъ [2]). Его сіятельство тѣмъ много обяжетъ Оленина.

4.

4-го февраля 1838 г.

Дѣйствительный тайный совѣтникъ Оленинъ, свидѣтельствуя свое почтеніе его сіятельству князю Владимиру Ѳедоровичу Одоевскому, поспѣшаетъ его увѣдомить, что онъ сейчасъ сообщилъ гг. членамъ-распорядителямъ Крылова празднества о невозможности князю быть сегодня на совѣщаніи и просилъ ихъ отложить назначенное собраніе до

---

[1]) Крылова.

[2]) Т. е. брошюры „Привѣтствія И. А. Крылову“.

завтрашняго дня, т. е. въ воскресенье, къ 2 часамъ по-полудни; къ которому времени Оленинъ будетъ ожидать его сіятельство князя Владимира Ѳедоровича Одоевскаго.

P. S. Въ запискѣ его сіятельства было сказано, что онъ при ней посылаетъ два экземпляра Крыловой тетрадки [1]). Но этихъ тетрадокъ Оленинъ не получилъ, а желалъ бы очень ихъ имѣть!

XVI. Письмо Ф. Ф. Вигеля.

27-го марта (1838).

Вамъ несправедливо сказали, почтеннѣйшій князь, будто я ожидаю отъ васъ какого-то билета: за деньги, которыя имѣлъ я честь вамъ вручить, уже я получилъ прошлогодній «Современникъ», а на изданіе г. Плетнева [2]) я все сбирался подписаться и не знаю, какъ сего доселѣ не сдѣлалъ. Я все надѣюсь какъ будто бы еще бесѣдовать съ Пушкинымъ, когда буду читать «Современникъ» нынѣшняго года: я въ немъ вижу алтарь, сооруженный стараніями его сотрудника, собрата и пріятеля. Не почитатели его высокихъ дарованій (ими полна Россія), но избранные имъ счастливцы, коимъ ближе были извѣстны высокія чувства его души и кои сами одарены талантами, кладутъ на сей жертвенникъ цвѣты своего искусства и воображенія. Я также зналъ его, дивился ему и всей душой его любилъ, но увы! безталанный, что кромѣ бѣднаго лепта, бѣлой бумажки могу принесть я въ даръ? И въ этомъ сталъ бы я себѣ отказывать? Только я не знаю, прикажете-ли къ себѣ прислать или подписаться гдѣ-нибудь? Сердечно благодарю за присылку собственныхъ новыхъ вашихъ произведеній; одно уже читалъ я въ «Альманахѣ» [3]), который купилъ, а въ другомъ [4]) узналъ человѣка, который хочетъ выдать себя за bon diable, тогда какъ одно только прилагательное ему прилично.

Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть вашъ покорнѣйшій слуга Ф. Вигель.

---

[1]) Т. е. брошюры: „Привѣтствія И. А. Крылову“.

[2]) П. А. Плетневъ былъ редакторомъ „Современника“ въ 1838—1846 гг.

[3]) Въ „Альманахѣ на 1838 г.“, изданномъ В. А. Владиславлевымъ, былъ напечатанъ (стр. 221—288) разсказъ князя В. Ѳ. Одоевскаго: „Записки гробовщика“.

[4]) „Сегеліель, или Донъ Кихота XIX столѣтія. Сказка для старыхъ дѣтей. Отрывокъ изъ 1-й части“, помѣщ. въ „Сборникѣ на 1838 г.“, изданномъ А. Ѳ. Воейковымъ и В. А. Владиславлевымъ въ память открытія въ 1837 году ихъ типографіи.

XVII. Письмо Я. М. Невѣрова [1]).

Берлинъ. 25-го ноября (нов. ст.) 1838.

Ваше сіятельство, милостивый государь князь Владиміръ Ѳедоровичъ.

По возвращеніи моемъ въ Берлинъ я имѣлъ удовольствіе писать къ вамъ съ дѣвицею, жившею въ домѣ Полуехтовыхъ (нѣмкою, не знаю, право, ея имени; это было въ началѣ октября). Я послалъ вамъ съ нею облатки и увѣдомлялъ, что одна изъ присланныхъ вами повѣстей вашихъ будетъ переведена. Этотъ переводъ теперь конченъ—и очень удачно: я читалъ его въ рукописи. Для меня такъ пріятно было видѣть васъ въ нѣмецкой одеждѣ, что я, прочтя нѣмецкую «Сильфиду», почелъ долгомъ извѣстить васъ, что вслѣдъ за «Сильфидою» переведенъ будетъ и «Гробовщикъ». «Сильфида» уже печатается въ первой книжкѣ Мундова журнала на 1839 годъ «Freyhafen» [2]). Фарнгагенъ [3]), вашъ переводчикъ, прибавилъ къ «Сильфидѣ» маленькое notice; онъ въ восторгѣ отъ того, что могъ прочесть изъ вашихъ вещей,—и теперь переводитъ «Гробовщика». Я обѣщалъ доставить ему свѣдѣніе о вашемъ «Сельгіелѣ» [4]), но, къ несчастію, у меня затерялся тотъ листокъ «Литературныхъ Прибавленій», въ которомъ была статья о немъ [5]); если вамъ можно, князь, сообщить маленькое извѣстіе о главномъ содержаніи этого романа, то вы бы очень одолжили тѣмъ меня и здѣшнихъ литераторовъ. Вы представить не можете, какъ интересуются здѣсь, по крайней мѣрѣ въ томъ кругу, который я знаю, русскимъ словомъ вообще и особенно тѣмъ, что вы для него сдѣлали. «Княжна Мими» переведена въ Russische Hundert und Eins [6]), въ сборникѣ русскихъ повѣстей. «Послѣдній квартетъ Бетховена» также переведенъ Тицемъ въ изданномъ имъ томѣ Russische historische und romantische Erzählun-

---

[1]) Яныуарій Михайловичъ Невѣровъ (р. 1801 † 1893), другъ Грановскаго и Станкевича, писатель и педагогъ, въ 1864—1879 гг. попечитель Кавказскаго учебнаго округа.

[2]) Журналъ „Freihafen“ издавался Теодоромъ Мундтомъ (Mundt, р. 1808 † 1861) въ 1837—1844 гг.

[3]) Извѣстный Varnhagen von Ense.

[4]) Т. е. Сегеліелѣ (см. выше, стр. 156, прим. 4-е).

[5]) Въ № 16 „Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду“ 1838 г., отъ 16-го апрѣля, помѣщенъ разборъ „Сборника на 1838 годъ“, и тутъ, на стр. 310—312, идетъ рѣчь о „Сегеліелѣ“.

[6]) Сборникъ: „Russisches Hundert und Eins, enthaltend Erzählungen, Novellen, Mährchen, Schilderungen russischer und morgenländischer Sitten“ вышелъ въ свѣтъ, въ двухъ томахъ, въ Берлинѣ, въ 1835—1836 гг.

gen, Begebenheiten und Skizzen von Tietz [1]). 1838. Berlin. Еслибъ были подъ рукою «Себастьянъ Бахъ», «Насмѣшка мертваго» и проч(ія) ваши вещи, то и ихъ бы также перевели тотчасъ. Но здѣсь книги русскія рѣдкость, хотя теперь очень многіе ими интересуются. Я знаю въ Берлинѣ до десяти литераторовъ, хорошо знающихъ по-русски, которые охотно бы знакомили нѣмцевъ съ русскою литературою, еслибъ имѣли книги и журналы, но ихъ достать здѣсь ужасно трудно. Фарнгагенъ хочетъ выписывать для себя какой-нибудь журналъ и просилъ моего совѣта и выбора, но я такъ давно не видалъ русскихъ журналовъ, что рѣшительно былъ въ затрудненіи, что̀ ему отрекомендовать.

Не знаю, обратили-ли вы вниманіе на статью его о Пушкинѣ въ октябрскихъ номерахъ Jahrbücher der wissenschaftlichen Kritik [2])— она возбудила здѣсь живой интересъ какъ содержаніемъ своимъ, такъ въ особенности именемъ Фарнгагена, и русская литература на-ряду съ современными политическими вопросами составляла на нѣсколько недѣль предметъ общаго разговора. Забавно, что профессоръ Гансъ [3]), одна изъ остроумнѣйшихъ головъ между тяжеловѣсными нѣмецкими учеными, высказалъ подозрѣніе, что это написано не Фарнгагеномъ, а русскимъ, и именно мною—онъ знаетъ, что я хорошо знакомъ съ Фарнгагеномъ, такъ что мнѣ надобно было оправдываться. Главное дѣло въ томъ, что Гансъ на своихъ лекціяхъ, на которыя каждодневно сбирается болѣе 400 человѣкъ всѣхъ званій, возрастовъ и націй, жарко нападаетъ на славянскіе народы и старается доказать, что они способны только воспринимать пассивно, ничего не производя, а потому всѣ его послѣдователи никакъ не хотѣли вѣрить, чтобы русскіе могли имѣть поэта съ европейскимъ значеніемъ, и думали, что статья написана русскимъ. Со всѣмъ тѣмъ она чрезвычайно заинтересовала здѣсь всѣхъ. Одинъ мой знакомый французъ перевелъ ее и теперь переводитъ книгу Кёнига [4]) съ измѣненіями, въ которыхъ я обѣщался помочь ему. Если вы, князь, имѣете переписку съ Мельгуновымъ [5])

---

[1]) Писатель Friedrich Tietz (р. 1803 † 1879), бывшій одно время (въ 1844 г.) директоромъ театра въ Ревелѣ.

[2]) Переводъ этой статьи Фарнгагена о Пушкинѣ былъ помѣщенъ въ приложеніи къ тому III „Отечественныхъ Записокъ“ 1839 г. (въ переводѣ М. Н. Каткова) и въ „Сынѣ Отечества“ 1839 г., т. VII, Критика, стр. 1—37.

[3]) Профессоръ Берлинскаго университета Эдуардъ Гансъ (р. 1798 † 1839), читавшій естественное право и прусское гражданское право.

[4]) Извѣстную книгу Генриха-Іосифа Кёнига (р. 1790 † 1870): „Literarische Bilder aus Russland“, вышедшую въ свѣтъ въ 1837 году.

[5]) Николаемъ Александровичемъ (см. выше, апрѣль, стр., 196 прим. 3-е), на основаніи устныхъ сообщеній котораго была написана книга Кёнига.

или по крайней мѣрѣ знаете, гдѣ онъ [1]), то потрудитесь написать ему объ этомъ; я охотно бы писалъ къ нему самъ, но не знаю, гдѣ онъ. Еще нѣсколько словъ о Пушкинѣ: скоро явится очень удачный переводъ въ стихахъ «Бахчисарайскаго фонтана». Гёте [2]), внукъ поэта, посвятившій себя музыкѣ и учащійся у Мендельсона-Бартольди,—положилъ на музыку пѣсню Земфиры и всю эту сцену; потомъ одну изъ своихъ музыкальныхъ фантазій назвалъ «Кавказскій плѣнникъ»—но мнѣ не удалось слышать ни того, ни другаго. Кстати о музыкѣ. Кажется, мнѣ доведется вамъ рекомендовать одну артистку, извѣстную миссъ Клару Новелло [3]), которая отправляется въ Петербургъ. Меня просили Маербееры [4]) дать ей писемъ; несмотря на холодную и бездушную методу, ея чудный голосъ и техническое совершенство сдѣлали ее любимицею здѣшней музыкальной публики.

Я останусь въ Берлинѣ до конца семестра, до апрѣля—потомъ черезъ Копенгагенъ и Стокгольмъ возвращусь въ Петербургъ въ половинѣ или концѣ мая; до тѣхъ поръ я къ вашимъ услугамъ и радъ буду исполнить всякую коммиссію, которую вы на меня возложите.

Съ искреннимъ моимъ къ вамъ почтеніемъ и глубокою преданностью имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Ян. Невѣровъ.

XVIII. Письмо Н. А. Полевого.

С.-Петербургъ, 21-го декабря 1838.

Вы позволили, милый князь, прислать къ вамъ за статейкой [5]) во вторникъ въ 6 часовъ—посылаю въ среду, въ 8-мь, надѣясь, что вы простите мою докуку.

Въ XII книжкѣ «С(ына) О(течества)» я помѣщу въ Литтер(атурныхъ) извѣст(іяхъ) самое дружеское, но извините!.. осто-

---

[1]) Н. А. Мельгуновъ находился въ это время въ Москвѣ (см. статью А. И. Кирпичникова „Между славянофилами и западниками“ въ „Русской Старинѣ“ 1898 г., т. 96, стр. 325).

[2]) Вальтеръ Гёте (р. 1818 † 1885).

[3]) Извѣстная пѣвица Клара Новелло (р. 1818), въ 1838 году дававшая съ большимъ успѣхомъ концерты въ Германіи, а въ 1839 г. въ Петербургѣ; въ 1843 году она вышла замужъ за итальянскаго графа Gigliucci.

[4]) Знаменитый композиторъ Мейерберъ былъ въ это время придворнымъ капельмейстеромъ въ Берлинѣ.

[5]) Вѣроятно, здѣсь имѣется въ виду повѣсть князя В. Ѳ. Одоевскаго „Свидѣтель“, напечатанная въ «Сынѣ Отечества» 1839 года (т. VII, Русская Словесность, стр. 77—90). Полевой былъ въ это время негласнымъ редакторомъ „Сына Отечества“.

рожное извѣщеніе объ изданіи «Отеч(ественныхъ) Записокъ» [1]). Осторожное потому, милый князь, что заговори я безусловно панегирикомъ, и Смирдинъ [2]) взбѣсится, да и кто еще знаетъ будущую участь «От(ечественныхъ) Записокъ»? Можетъ быть (отъ чего да сохранитъ ихъ Богъ), онѣ перейдутъ Богъ знаетъ куда... Словомъ, я изъявляю дружбу и почтеніе, только съ оговоркой [3]). Говорю откровенно.

Касательно конторы ничего сдѣлать не могу, ибо это выходитъ уже изъ предѣловъ власти моей надъ «С(ыномъ) О(течества)». Я въ немъ даири [4]), а мой кубо [5]) дѣйствуетъ самобытно по всему, не касающемуся внутренняго содержанія.

Весь вашъ Н. Полевой.

XIX. Письма графини Е. П. Ростопчиной [6]).

1.

Пятигорскъ, 25-е маія 1839.

Зачѣмъ васъ здѣсь нѣтъ?.. здѣсь такъ хорошо, тепло, свѣтло, воздухъ такъ чистъ, такъ тихъ, дышется легко, живется такъ же, безъ заботъ, безъ мыслей, безъ занятій, словомъ, мнѣ здѣсь такъ привольно и пріятно, что часто приходитъ въ голову: «Зачѣмъ же васъ здѣсь нѣтъ?».. Какъ вы бы отдохнули отъ всѣхъ своихъ труженическихъ обязанностей и хлопотъ! Какъ вы бы помолодѣли и духомъ, и сердцемъ, и здоровьемъ; какъ мы съ вами наболтались бы до-сыта!.. Но вы, между тѣмъ, душитесь за перомъ и бумагами, да еще казенными, скучаете въ опустѣломъ Петербургѣ и убиваете свое бѣдное существо надъ тысячью непріятныхъ и досадныхъ трудовъ.—Почти недѣля, что я здѣсь, и еще не раскрывала книги, не подходила къ письменному снаряду; и теперь, желая поздороваться съ вами, изъ-за тридевяти земель, тридесяти горъ и рѣкъ, нахожу вмѣсто чернилъ какую-то размазню изъ сажи, явный

---

[1]) „Отечественныя Записки“ стали выходить съ 1839 года, подъ редакціею А. А. Краевскаго. Князь В. Ѳ. Одоевскій былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ этого журнала.

[2]) Книгопродавецъ А. Ф. Смирдинъ, бывшій издателемъ „Сына Отечества“.

[3]) Въ 12-й книжкѣ „Сына Отечества“ 1838 года въ отдѣлѣ Извѣстія и Смѣсь (стр. 93) явилось только слѣдующее краткое упоминаніе объ „Отечественныхъ Запискахъ“: „Съ новаго года толстыми книгами являются: Библіотека для чтенія, Отечественныя Записки, Московскій Наблюдатель и смиренный Сынъ Отечества“.

[4]) Даири—духовный императоръ Японіи, первымъ подданнымъ котораго признавалъ себя кубо—свѣтскій императоръ Японіи.

[5]) Т. е. А. Ф. Смирдинъ.

[6]) Нѣсколько писемъ графини Е. П. Ростопчиной къ князю В. Ѳ. Одоевскому напечатано въ „Русскомъ Архивѣ“ 1864 года, ст. 846—849.

признакъ необразованности, слѣдственно благоденст(в)ія сего края, спокойнаго, малограмотнаго, малопишущаго. Сюда на-дняхъ долженъ прибыть вашъ двоюродный братъ [1]), находящійся въ службѣ въ здѣшнемъ корпусѣ, и я горю нетерпѣньемъ съ нимъ познакомиться. Въ дѣтствѣ моемъ, семейство Ренкевичевыхъ [2]) представляло мнѣ его идеаломъ ума и души; если это точно правда, что онъ таковъ, то знакомство съ нимъ будетъ мнѣ и пріятно, и опасно, и дружба одного изъ князей Одоевскихъ [3]) врядъ-ли будетъ мнѣ защитою противъ привлекательности другаго. Но во всякомъ случаѣ я обѣщаюсь не утаивать отъ васъ ни мнѣнія моего о вашемъ родственникѣ, ни подробностей нашей встрѣчи. Il aurait beaucoup à faire pour vous effacer de mon coeur, et je l'en défie, en votre nom et au mien [4]). Говорятъ, что онъ много написалъ въ послѣдніе года и что дарованье его обѣщаетъ замѣнить Пушкина, и говорятъ это люди умные и дѣльные, могущіе судить о поэзіи. Посмотримъ, посмотримъ!.. Онъ Одоевскій, и это уже большое достоинство въ моихъ глазахъ.

Знаете-ли вы, что вы должны меня спасти, меня избавить и защитить въ одномъ щекотливомъ случаѣ? Уже здѣсь, дня съ четыре тому, получила я чрезъ нашего управляющаго въ Москвѣ письмо отъ Бенкендорфа [5]), написанное 24-го генваря, въ которомъ онъ проситъ очень вѣжливо и обязательно моего соучастія для альманаха Владиславлева [6]). Гдѣ это письмо завалялось, почему такъ поздно дошло до меня,—не знаю, но предвижу, что меня обвинятъ въ неучтивости

---

[1]) Декабристъ, поэтъ князь Александръ Ивановичъ Одоевскій, въ концѣ 1837 года переведенный изъ Сибири на Кавказъ рядовымъ Нижегородскаго драгунскаго полка. Князь А. И. Одоевскій скончался 15-го августа 1839 г.

[2]) Ефимъ Ефимовичъ Ренкевичъ (р. 1772 † 1834), бывшій въ 1818—1821 гг. московскимъ вице-губернаторомъ, а съ 1830 г. вятскимъ губернаторомъ, и жена его Александра Александровна, рожденная Пашкова (р. 1770 † 1825). Ихъ сынъ Александръ Ефимовичъ служилъ вмѣстѣ съ княземъ А. И. Одоевскимъ въ л.-гв. Конномъ полку и, по прикосновенности къ дѣлу декабристовъ, былъ въ 1826 г. переведенъ въ Бакинскій гарнизонный батальонъ прапорщикомъ.

[3]) Т. е. князя В. Ѳ. Одоевскаго.

[4]) Т. е. Ему стоило бы много труда изгладить васъ изъ моего сердца, и ему это не удастся—порукой въ томъ вы и я.

[5]) Шефа жандармовъ графа А. Х. Бенкендорфа.

[6]) Рѣчь идетъ объ альманахѣ „Утренняя Заря“ на 1840 годъ, издававшемся Владиміромъ Андреевичемъ Владиславлевымъ (служившимъ въ корпусѣ жандармовъ). Доходъ отъ этого изданія былъ пожертвованъ Владиславлевымъ въ пользу С.-Петербургской дѣтской больницы, предсѣдателемъ которой состоялъ графъ Бенкендорфъ. См. письмо гр. Бенкендорфа къ М. Н. Загоскину, отъ 24-го января 1839 года, въ „Русской Старинѣ“ 1902 года, іюль, стр. 87.

за то, что я не отвѣчала, и прошу васъ, душенька-благодѣтель и доброжелатель, возьмите на себя трудъ меня оправдать и чрезъ Владиславлева доведите до Бенкендорфа причину моей невольной невѣжливости. Я теперь ничего запаснаго не имѣю, чтобы замаслить подаяньемъ безвинную вину, но попросите Плетнева, чтобъ онъ уступилъ что-нибудь изъ присланныхъ ему недавно мелочей, и отдайте Владиславлеву [1]). Не правда-ли, что отвѣчать прямо Бенкендорфу было бы неловко и не кстати? Но, ради Бога, будьте моимъ заступникомъ и ходатаемъ, и устройте дѣло такъ, чтобъ меня бранили какъ можно менѣе, ибо на отсутствіе осужденій я уже перестала надѣяться въ здѣшнемъ мірѣ. Если вамъ будетъ досужно, напишите мнѣ нѣсколько словъ; до 10-го августа адресуйте сюда, а позже въ Анну какъ всегда. Addio, caro amabilissimo, siate per me sempre qual che siate adesso ed io non posso e non voglio cambiare mai [2]).

Е. Ростопчина.

Посылаю вамъ цвѣты, сорванные на здѣшнихъ горахъ, а именно на Машукѣ.

2.

(1844 г.)

Merci [3]) pour la nouvelle et aussi pour la dédicace, que j'accepte de grand coeur; seulement je crains qu'à l'inspection du titre ceux des lecteurs qui me voient quelquefois de près n'aillent supposer que vous vous voulez railler en me dédiant un «Живой Мертвецъ» [4]), à moi qui en ai l'air.—Mais cela me donnera une teinte intéressante que je

---

[1]) Въ „Утренней Зарѣ“ на 1840 г. напечатаны слѣдующія стихотворенія графини Ростопчиной: Опыты простонародныхъ мелодій (стр. 119—121); Искушенье (стр. 298—301) и Цвѣтокъ на могилу Елисаветы Михайловны Хитровой, урожденной княжны Кутузовой-Смоленской (стр. 438—439).

[2]) Т. е. Прощайте, любезнѣйшій другъ, будьте для меня всегда такимъ, какимъ вы были доселѣ, а я не могу и не хочу никогда перемѣниться.

[3]) Переводъ: Благодарю васъ за повѣсть, а также за посвященіе ея мнѣ, которое я принимаю отъ всей души; но боюсь только, какъ бы, взглянувъ на заглавіе, тѣ изъ читателей, которые иногда видятъ меня вблизи, не подумали, что вы хотите посмѣяться, посвящая мнѣ „Живого Мертвеца“, мнѣ, которая такъ на него походитъ. Но это придастъ мнѣ интересный колоритъ, которымъ я отнюдь не гнушаюсь. Надѣюсь, что все то, что вы мнѣ нѣкогда посвящали, будетъ напечатано съ моимъ именемъ въ новомъ изданіи вашихъ сочиненій, и если вы выставляете даты при своихъ произведеніяхъ, вы сами убѣдитесь, что въ былые годы вы несравненно болѣе обо мнѣ помнили и что я гораздо сильнѣе властвовала надъ вашимъ вдохновеніемъ. А затѣмъ Господь да хранитъ васъ.

[4]) „Живой Мертвецъ“ былъ напечатанъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1844 года, т. 32, Словесность, стр. 305—332.

suis loin de dédaigner.—J'espère que tout ce que vous m'avez dédié autrefois ne me sera pas enlevé dans la nouvelle édition, et si vous mettez les dates à vos productions, vous pourrez vous convaincre vous-même qu'au temps jadis j'étais beaucop plus présente à votre souvenir et beaucoup plus l'arbitre de vos inspirations..... Et sur ce Dieu soit avec vous.

3.

Москва, 15-го генваря 1848.

Милый князь—невидимка, неуслышка и нечитанка,—что это съ вами дѣется и какъ вы живете-поживаете на нашемъ ужъ чрезъ чуръ не бѣломъ свѣтѣ, вращаемомъ теперь въ какомъ-то странномъ адскомъ вальсѣ, отъ котораго у него голова до горячки закружилась и послѣ котораго онъ едва-ли уцѣлѣетъ, если Богъ не сжалится и не пошлетъ ему въ лейбъ-медики порядочной чумы, добраго потопа или полдесятка Аттилъ, Мамаевъ и Чингисъ-хановъ, чтобъ привести его въ порядокъ и спокойствіе, освободивъ отъ лишнихъ и враждебныхъ членовъ, которыхъ въ немъ такъ много набралось и развелось. Что моя добрая княгиня?... Ничего ровно объ васъ не знаю, и боюсь, чтобъ вы меня не забыли. Это, право, было бы грѣшно, ибо о друзьяхъ-покойникахъ велѣно вспоминать и молиться, а я, если и не совсѣмъ покойница, но рѣшительно похоронена въ грязи, ссорѣ и запустѣніи того, что смѣютъ звать московской жизнію. Хороша жизнь!.. стоитъ смерти, но не имѣетъ ея выгодъ,—уединенья и молчанья! Недавно я было отдохнула умственно и расправила крылья мысли въ бесѣдѣ Чихачева [1]); онъ прожилъ здѣсь недѣлю, ежедневно бывалъ у меня, и мы съ нимъ толковали объ Европѣ, о которой здѣсь хотя и имѣютъ нѣкоторыя понятія, но вообще очень сбивчивыя и неопредѣленныя; иные представляютъ ее себѣ въ видѣ ресторація, гдѣ безсмѣнно подаются и пожираются лучшаго сорта трюфли и паштеты; для другихъ она—сераль продажныхъ баядерокъ; для дамъ—модный магазейнъ; для Хомякова и его шумливыхъ, нечесанныхъ, немытыхъ приверженцевъ—бѣдный заграничный міръ только сцена, на которую они поглядываютъ спокойно съ своего тепленькаго мѣстечка, зѣваючи или припѣваючи, какъ кому случится, покуда бѣдные арлекины и паяцы, дѣйствующіе единственно для вящшей ихъ, зрителей, забавы, стукаются, дерутся и суетятся, а славяне глядятъ презрительно, да поглаживаютъ свою бородку.—А мнѣ невыразимо отрадно за обновленную, вдохно-

[1]) Извѣстный географъ и путешественникъ Петръ Александровичъ Чихачевъ (р. 1808 † 1890). Русская наука обязана ему трудомъ по геологіи и географіи Алтая („Voyage scientifique dans l'Altaï oriental", 1845).

*

вленную, благородно-патріотическую Италію, невыразимо-бсльно за моихъ парижскихъ друзей. Во Франціи теперь двѣ Франціи: одна высшее званіе, благонамѣренное, благомыслящее, добродѣтельное, почтенное—страдаетъ отъ бури, которой она не въ силахъ противиться и которая угрожаетъ ее поглотить; другая—гнусные, завистливые возмутители и еще гнуснѣйшая толпа, которая, какъ хищный звѣрь, бросается на все, что богаче, образованнѣе и выше ея. Это повтореніе фараонова сна—les vaches maigres qui dévorent les vaches grasses [1]); это исчадіе Каина, уничтожающее потомковъ Сифовыхъ. Чѣмъ и какъ все это кончится?.. Слава Богу, наше дѣло сторона; намъ только должно повторять слова Христовы: «да мимо идетъ чаша сія!» и не допускать нашу Русь, еще здоровую и молодую, отравляться мнимымъ просвѣщеньемъ, гдѣ ядъ сокрытый и тлетворный подносится ей злоумышленно или неосторожно. Еслибъ намъ теперь себя духовно оградить китайскою стѣною, запретить в с ѣ безъ изъятія книги и журналы, прервать всѣ сношенія съ Западомъ, мы бы еще на много вѣковъ отвратили отъ себя заразу....

Но это, кажется, не мое дѣло, а у меня, милый мой Одоенка, есть до васъ дѣло мое собственно, и очень для меня важное: можете-ли вы отъ меня спросить Лихтенталя, продастъ-ли онъ мнѣ піанино въ двѣсти пятьдесятъ или 300 рублей серебромъ?.. Буде у него такое есть и подержанное, но хорошее, пусть онъ его мнѣ тотчасъ вышлетъ. Въ прелестной степи, называемой первопрестольнымъ градомъ, нѣтъ, рѣшительно н ѣ т ъ порядочнаго инструмента или порядочнаго мастера. Для дѣтей мы наняли кое-что въ видѣ клавесина, отъ котораго уши болятъ и нервы содрогаются; а я должна поститься въ музыкальномъ отношеніи, что́ мнѣ чрезвычайно грустно. Давая вамъ это, впрочемъ скучное, порученье, я надѣюсь на вашу дружбу, а еще болѣе благотворительность: это въ своемъ родѣ благодѣянье, которое вы мнѣ окажете, и вы лучше всякаго другаго это поймете. Поговорите о мнѣ со всѣми нашими дорогими, съ Вяземскимъ, котораго люблю заочно и молча столь же, какъ въ глаза, съ Михаиломъ Юр(ьевичемъ) Віельгорскимъ, съ Карамзиными, съ Н. Ланскою [2]); поминайте меня чаще; авось-ли ваши воспоминанья меня магнетическою силою къ вамъ притянутъ. Простите, люблю васъ всѣхъ, всѣ вы мнѣ недостаете, а в ы едва-ли не болѣе всѣхъ; v o u s veut dire ici le ménage, la chère princesse adorablement bonne, tout comme le prince adorablement

---

[1]) Тощія коровы пожираютъ тучныхъ коровъ.

[2]) Наталья Николаевна Ланская (въ первомъ бракѣ бывшая за А. С. Пушкинымъ).

volage [1]). Прошу это прочитать вашей женѣ и расцѣловать ее за меня. Кланяйтесь добрымъ Путятамъ [2]). Преданная вамъ не на шутку Евдокія Ростопчина.

Remettez de grâce la lettre ci-incluse à son adresse [3]).

XX. Письмо К. Д. Кавелина.

Москва, 17-го февраля 1841 года.

Милостивый государь князь Владиміръ Ѳедоровичъ!

Господинъ Невѣровъ [4]) сообщилъ мнѣ, что ваше сіятельство съ благосклонностію приняли желаніе мое служить подъ вашимъ начальствомъ въ Собственной канцеляріи его императорскаго величества [5]), требуя, чтобъ я представилъ опыты трудовъ своихъ по ученой юридической части на предварительное ваше усмотрѣніе. Спѣшу воспользоваться этимъ лестнымъ дозволеніемъ. Представляю разсужденіе, написанное мною въ послѣдній годъ бытности моей студентомъ Московскаго университета, за которое я удостоился получить золотую медаль, и планъ готовимой мною диссертаціи, для публичнаго защищенія на степень магистра. Самой же диссертаціи, которую ваше сіятельство желали имѣть, я потому не могу вамъ теперь представить, что до сихъ поръ запасаю еще матеріалы изъ Полнаго Собранія Законовъ и другихъ юридическихъ актовъ и примусь за это важное для меня дѣло тогда, когда добросовѣстно могу сказать, что все возможное не опустилъ изъ виду. Если же вамъ угодно видѣть отрывокъ диссертаціи изъ готовыхъ теперь у меня матеріаловъ, то я исполню вашу волю, испрашивая на эту работу недѣли три отсрочки.

Позвольте мнѣ, ваше сіятельство, обременить ваше вниманіе еще нѣсколькими строками относительно лично меня. Находясь еще въ университетѣ, я получилъ почти непреодолимое желаніе посвятить себя изученію отечественнаго гражданскаго законодательства, а поэтому почту себя особенно счастливымъ, если удостоюсь поступить на службу во II-ое Отдѣленіе Собственной его императорскаго величества канце-

---

[1]) Т. е. подъ словомъ вы здѣсь надо разумѣть вашу семью: дорогую княгиню, восхитительно добрую, равно какъ и князя, восхитительно вѣтреннаго.

[2]) Старому знакомому князя В. Ѳ. Одоевскаго, писателю Николаю Васильевичу Путятѣ (р. 1802 † 1877) (о немъ см. „Русскій Архивъ“ 1878 г. книга первая).

[3]) См. выше, стр. 157, прим. 1-е.

[4]) Т. е. передайте, пожалуйста, вложенное здѣсь письмо по его адресу.

[5]) Князь В. Ѳ. Одоевскій занималъ въ это время должность старшаго чиновника во II Отдѣленіи Собственной его величества канцеляріи.

ляріи, мѣсто, для достиженія этой цѣли единственное, изобилующее огромными юридическими матеріалами [1]).

Лаская себя надеждою, что любимый для меня родъ службы начнется прямо подъ непосредственнымъ вашего сіятельства начальствомъ, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію вашего сіятельства, милостиваго государя, покорнѣйшій слуга Константинъ Кавелинъ.

P. S. Прилагаю при семъ адресъ мой, если ваше сіятельство удостоите меня отвѣтомъ: Константину Дмитріевичу Кавелину, въ Москвѣ, близъ Арбата, въ Большомъ Толстовскомъ переулкѣ, въ домѣ д(ѣйствительной) ст(атской) сов(ѣтницы) Кавелиной.

Къ письму приложена слѣдующая памятная записка:

Кандидатъ Императорскаго Московскаго университета Константинъ Кавелинъ, родомъ изъ дворянъ, поступилъ въ 1835 году въ университетъ, по юридическому факультету. Въ 1839 году удостоенъ золотой медали, за разсужденіе о римскомъ гражданскомъ владѣніи (de possessione) степени кандидата, и по высочайше дарованному господину министру народнаго просвѣщенія позволенію представлять его величеству объ отличнѣйшихъ изъ окончившихъ курсъ своекоштныхъ студентахъ удостоился быть представленнымъ государю императору. Въ 1840-мъ году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, кандидатъ Кавелинъ выдержалъ экзаменъ на степень магистра гражданскаго законодательства и теперь занимается приготовленіемъ диссертаціи о россійскомъ гражданскомъ судопроизводствѣ отъ Уложенія до царствованія императрицы Екатерины II [2]). Онъ желаетъ вступить въ службу въ С.-Петербургѣ, но, не имѣя средствъ содержать себя безъ жалованья, желалъ бы получить мѣсто съ жалованьемъ отъ 1.500 до 2.000 рублей.

Сообщ. **И. А. Бычковъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) К. Д. Кавелинъ не поступилъ на службу во II Отдѣленіе Собственной его величества канцеляріи.

[2]) Свою магистерскую диссертацію „Основныя начала русскаго судоустройства и гражданскаго судопроизводства въ періодъ времени отъ Уложенія до Учрежденія о губерніяхъ“ Кавелинъ защитилъ въ Московскомъ университетѣ въ 1844 году.

1-ая Московская гимназія въ 50-хъ годахъ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

Въ началѣ іюня 1854 г. моя мать сочла меня болѣе или менѣе подготовленнымъ для 2-го класса и отправилась къ директору 1-ой гимназіи (бывшему инспектору студентовъ) Ивану Абрамовичу Шпейеру съ просьбою проэкзаменовать меня немедленно, чтобы успокоить ея родительское сердце и дать возможность ребенку погулять лѣто на свободѣ, безъ страха экзамена. Теперь такая несвоевременная просьба покажется просто нелѣпостью; но тогда наплывъ учениковъ въ гимназіи былъ далеко не такъ великъ, и начальство старалось подбирать мальчиковъ изъ семействъ болѣе достаточныхъ, а мать моя пріѣхала въ собственной колескѣ; кромѣ того, можетъ быть, возъимѣлъ свое дѣйствіе и золотой, подсунутый письмоводителю канцеляріи. Какъ бы то ни было, мать моя получила такой отвѣтъ: «Теперь, сударыня, невозможно собрать господъ учителей: у нихъ вакація, и они разбрелись, кто куда могъ. А вы пожалуйте съ вашимъ мальчикомъ 20-го числа, когда жалованье выдаютъ, часовъ около 12; тогда авось и наберется достаточно, чтобы проэкзаменовать во 2-ой классъ». 20-го іюня мать одѣла меня въ новый костюмъ и повезла къ Предтеченскимъ воротамъ въ гимназію, которая въ этомъ году только-что была перестроена и отдѣлана заново. Мы явились прямо въ канцелярію, гдѣ я увидалъ директора и человѣкъ 6—7 учителей въ разнообразныхъ неформенныхъ костюмахъ. Мать представила меня Шпейеру, который довольно ласково потрепалъ меня жирной рукой по щекѣ и велѣлъ отвести меня прежде всего къ учителю ариѳметики, который задалъ мнѣ довольно большое дѣленіе и велѣлъ потомъ провѣрить его умноженіемъ; я исполнилъ это удовлетворительно и получилъ 4. Затѣмъ

я попалъ въ руки учителей французскаго и нѣмецкаго языковъ; у перваго я получилъ, кажется, 3, а у второго оказался ниже всякой критики, такъ какъ зналъ только буквы, да и то плохо: ни мать, ни готовившій меня учитель изъ семинаристовъ не имѣли никакого понятія о гимназической программѣ. При всей своей очевидной снисходительности экзаменаторъ не могъ поставить мнѣ удовлетворительный баллъ и заявилъ о своемъ затрудненіи директору. Тотъ обратился къ матери, сильно сконфуженной моимъ неуспѣхомъ.

— Да сколько, сударыня, лѣтъ вашему сыночку, что вы непремѣнно хотите его въ 2-ой классъ отдать?

— Девять, т. е. будетъ девять 18-го августа.

Директоръ расхохотался.

— И вы хотѣли его во второй классъ втиснуть! Да кто же это вамъ позволитъ? Да мы и никакого права не имѣемъ, хотя бы онъ изъ всѣхъ предметовъ по 5 получилъ!

— Я думала, что онъ такой большой и развитой,—пробормотала еще болѣе сконфуженная мать.

— И не думайте! Это дѣло совершенно невозможное; самъ г. попечитель этого разрѣшить не можетъ. Тутъ прямой законъ. Мы и въ 1-й-то классъ, по-настоящему, не можемъ экзаменовать его, развѣ только изъ особаго снисхожденія въ виду того, что ему будетъ 9 лѣтъ при началѣ ученія; да и то, если г.г. учителя будутъ согласны взять на себя мой грѣхъ.

Мать смотрѣла на учителей умоляющими глазами. Учитель ариѳметики и «нѣмецъ» стали просить за меня директора.

Я былъ такъ мало запуганъ дома и такъ мало импонировала на меня обстановка канцеляріи, что, пока рѣшалась моя участь, я приспособлялся взобраться на спинку стула, покинутаго «нѣмцемъ». Директоръ это замѣтилъ.

— Видите, сударыня: онъ еще совсѣмъ дитя, а вы его во 2-ой классъ! (Мать поспѣшила положить конецъ моимъ эквилибристическимъ упражненіямъ). Ну, да ужъ Богъ съ вами! Г.г. учителя желаютъ, и авось онъ учиться хорошо будетъ. Изъ чего ему еще проэкзаменоваться нужно? Да, изъ Закона Божьяго и изъ русскаго. Иди къ батюшкѣ! Въ 1-й классъ, батюшка!

Экзаменъ мой окончился въ три минуты: батюшкѣ я громко отбарабанилъ: «Вѣрую»; учитель русскаго языка, просматривавшій у окна газету, велѣлъ мнѣ читать изъ «Извѣстія съ Бѣлаго моря» изъ той же газеты и продиктовалъ мнѣ двѣ строчки. Оба поставили по 4 (о конкурсѣ въ то время не могло быть и рѣчи). Директоръ поздравилъ мою мать и даже меня погладилъ по головѣ; что-то пріятное сказали моей матери и два—три учителя. Письмоводитель подсунулъ ей заго-

товленное прошеніе и сказалъ, какія именно бумаги должна она представить. Директоръ милостиво отпустилъ насъ, сказавъ, что 16-го августа я долженъ уже въ вицмундирѣ явиться съ 9 часамъ въ гимназію; нехудо, если у меня къ тому времени будетъ и мундирчикъ.

Мать была довольна на половину; я—въ полномъ восторгѣ: принятъ въ гимназію, гдѣ и учителя и даже директоръ оказались такіе ласковые и гдѣ такъ легко учиться по-русски—только газеты читать. Но какъ все это измѣнилось къ 16-му августа!

Мать привезла меня къ половинѣ девятаго и надѣялась присутствовать при моемъ вступленіи на новое поприще. Но надзиратель надъ своекоштными, Адольфъ Ивановичъ Яннау, сухой поджарый человѣкъ съ ястребинымъ носомъ и сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ, сейчасъ же отдѣлилъ меня отъ матери и поставилъ въ ряды такихъ же малышей, а матери указалъ пріемную комнату, гдѣ находились и другіе родители. Насъ же помѣстили къ актовой залѣ у входа въ гимназическую церковь; въ самой же церкви стояли въ рядахъ такъ называемые «казенные», т. е. пансіонеры, одѣтые вмѣсто вицмундировъ въ новенькія курточки. Намъ велѣли стоять тихо, да и примѣръ «казенныхъ», которые держались, какъ солдаты на ученьѣ, дѣйствовалъ на насъ угнетающимъ образомъ. Около 10 часовъ явился директоръ въ мундирѣ, со шпагой, съ орденами. Я не узналъ бы его, еслибъ не слышалъ кругомъ себя робкаго шопота: «директоръ!»—до того измѣнилось выраженіе его лица: коротко остриженные волосы стояли, какъ у ежа; заплывшіе глаза метали молніи; онъ грозно пыхтѣлъ, какъ бы заранѣе гнѣваясь.

— Смир-на!—привѣтствовалъ онъ насъ, хотя мы и безъ того застыли отъ страха.—Велите тамъ начинать!—сказалъ онъ надзирателю и кивнулъ головою по направленію къ алтарю.

Отслужили молебенъ съ многолѣтіемъ. Когда діаконъ возгласилъ: Начальствующимъ, учащимъ и учащимся многая лѣта, директоръ гордо посмотрѣлъ на насъ, и большіе гимназисты съ восторгомъ рявкнули многолѣтіе вмѣстѣ съ хоромъ. Затѣмъ надзиратели отвели всѣхъ насъ во внутренній дворъ гимназіи, среди котораго стояла новешенькая гимнастика, поставили по классамъ полукругомъ и велѣли стоять смирно. Черезъ нѣсколько минутъ передъ нами появился директоръ и замѣчательно зычнымъ голосомъ (онъ былъ изъ моряковъ) сказалъ намъ рѣчь приблизительно такого содержанія:

— Сейчасъ васъ разведутъ по классамъ—показать, куда каждый долженъ являться на уроки. Вы увидите, что тамъ все чистое и новое съ иголочки; бѣда вамъ, если вы вздумаете столы или скамейки портить: жестоко пороть буду. Въ большую перемѣну, пока хорошая погода, васъ будутъ выводить на этотъ дворъ. Не вздумайте на гимна-

стикѣ упражняться и портить ее: не для того она поставлена. Когда учитель въ классъ входитъ, вы должны встать, и дежурный прочтетъ молитву. Когда я войду въ классъ и скажу: здравствуйте, дѣти, вы должны мнѣ отвѣтить: здравія желаемъ, ваше превосходительство (Шпейеръ былъ въ генеральскомъ чинѣ). Остальное вамъ скажутъ надзиратели и учителя. Ну, какъ вы будете отвѣчать мнѣ, когда я войду и скажу: здравствуйте, дѣти!

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство!—гаркнули триста юношескихъ и дѣтскихъ голосовъ.

Шпейеръ, до тѣхъ поръ мрачный и грозный, просіялъ и милостивымъ движеніемъ руки отпустилъ насъ по классамъ.

Три младшихъ своекоштныхъ класса повелъ попарно Яннау, разсадилъ насъ въ соотвѣтственныя мѣста (корридоры, украшенные картинами, болѣе или менѣе педагогическаго содержанія, и классы, дѣйствительно, блистали новизной) и опять таки велѣлъ сидѣть смирно. Мы, первоклассники, осматривали новую обстановку и другъ друга и шопотомъ знакомились. Грозная фигура и рѣчь директора и не на такихъ малышей, какъ я, нагнала бы страхъ и трепетъ.

Черезъ полчаса тотъ же Яннау сдѣлалъ намъ перекличку, сказалъ намъ, какіе уроки будутъ завтра, и велѣлъ явиться непремѣнно къ 9 часамъ съ тетрадками, карандашами и перьями, и затѣмъ насъ «распустили». Я и нѣсколько другихъ мальчиковъ, привезенныхъ родителями, были въ затрудненіи, какъ отыскать ихъ: дѣятельный Яннау довольно ласково провелъ насъ черезъ церковь и актовую залу на парадное крыльцо, гдѣ я и нашелъ свою мать. Оказалось, что она не потеряла времени даромъ; во время молебна успѣла познакомиться съ Яннау, попросить его обратить на меня особенное вниманіе, успѣла вручить ему что-то и, освѣдомившись объ его адресѣ, намекнуть ему, что онъ и впредь будетъ получать пріятныя неожиданности. Адольфъ Ивановичъ вовсе не воспылалъ при этомъ благороднымъ негодованіемъ, а напротивъ разсыпался, насколько могъ, въ благодарностяхъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и другіе заботливые родители вступали съ нимъ въ такое же полюбовное соглашеніе. Да и могло-ли это быть иначе? Надзиратель за своекоштными получалъ всего 25 рублей въ мѣсяцъ безъ квартиры и въ гимназіи оставался отъ 8 часовъ до 3-хъ. А въ Москвѣ уже и въ то время сколько-нибудь приличную семейную квартиру съ отопленіемъ нельзя было имѣть меньше 20 рублей, частныхъ же уроковъ надзиратели не могли давать и потому, что и сами обыкновенно были люди безъ всякаго образованія.

А. И. Яннау получалъ отъ моихъ родителей, пока у нихъ были средства, какъ я потомъ узналъ отъ матери, 3 рубля въ мѣсяцъ и къ праздникамъ приношеній натурою рублей на десять. А все-таки,

какъ теперь я полагаю, онъ былъ одинъ изъ самыхъ честныхъ и добросовѣстныхъ чиновниковъ 1-ой гимназіи. Педагогомъ онъ, конечно, не былъ ни капельки; но за то и не воображалъ себя таковымъ, какъ другіе надзиратели, нѣмцы и русскіе, которые, пользуясь казенными довольно обширными квартирами, набирали себѣ пансіонеровъ, держали ихъ обыкновенно впроголодь и передвигали изъ класса въ классъ черезъ посредство пятирублевыхъ (т. е. получавшихъ 5 рублей въ мѣсяцъ) репетиторовъ и умаливаній учителей «прибавить моему одну единичку»; учителю, который, можетъ быть, вчера же угощался до второго часу у этого же самаго Ивана Францовича, было неловко отказать «товарищу»; а родители учениковъ за эти угощенія и за дешевыхъ репетиторовъ расплачивались сторицею. Адольфъ Ивановичъ (въ ученическомъ просторѣчіи просто Адольфъ) получалъ небольшія благодарности за особое вниманіе къ ученику, которое выражалось въ томъ, что онъ еженедѣльно выписывалъ всѣ баллы ученика и посылалъ въ субботу родителямъ (до 1858 г. казенныхъ «балльниковъ» не существовало), подыскивалъ репетиторовъ, являлся къ родителямъ самолично, если ученику грозила серьезная бѣда, совѣтовалъ попросить директора, учителя, но и только: никогда онъ не просилъ учителей за своихъ и вообще держался вдали отъ нихъ; никогда мы не замѣчали, чтобы онъ былъ снисходительнѣе къ тѣмъ, чьи родители благодарили его, или суровѣе къ остальнымъ: за мелкія шалости онъ и тѣмъ и другимъ дѣлалъ одинаковыя словесныя внушенія, постукивая, для большей убѣдительности, въ лобъ пальцемъ съ перстнемъ весьма почтенныхъ размѣровъ; за среднія ставилъ подъ звонокъ на колѣни послѣ классовъ, а въ болѣе серьезныхъ случаяхъ обращался къ авторитету инспектора. Когда мои родители впослѣдствіи обѣднѣли и перестали благодарить его за меня, я не почувствовалъ никакой перемѣны въ его обращеніи со мною, а когда я былъ въ 6-мъ классѣ, онъ же доставилъ мнѣ первый урокъ (взяточники по натурѣ, какъ извѣстно, ненавидятъ тѣхъ, кто перестаетъ давать имъ).

А ужъ служака онъ былъ, какихъ мало на свѣтѣ: ни въ семь лѣтъ моего ученья въ гимназіи, ни въ три года моего учительства тамъ же, онъ, сколько помню, ни разу не манкировалъ, хотя и приходилъ иногда съ повязаннымъ горломъ. Во время большой перемѣны онъ никогда не присаживался, и его сѣрые глаза имѣли способность выдѣть одновременно все во всѣхъ четырехъ залахъ, гдѣ шумѣла наша трехсотенная толпа: всякій толчекъ товарищу, всякая попытка вступить въ борьбу или драку или даже пробѣжать по залѣ немедленно вызывали съ его стороны не тяжелую, но неизбѣжную кару.

За то съ Адольфа Ивановича нечего было и спрашивать какихъ-либо педагогическихъ соображеній. Вотъ какая сцена, напр., по-

вторялась десятки разъ каждый годъ. Пуститъ кто-нибудь безъ всякаго основанія слухъ, что завтра не учиться. При отпускѣ своекоштныхъ учениковъ «Адольфъ» непремѣнно стоитъ на площадкѣ чугунной лѣстницы и пропускаетъ мимо себя всѣ классы.

— Адольфъ Ивановичъ! завтра не приходить?—спрашиваетъ его какой-нибудь первоклассникъ.

— Отчего это?

— Говорятъ, праздникъ.

— Какой вздоръ! Никакого праздника нѣтъ.

Двѣ-три «пары», слышавшія этотъ отвѣтъ, проходятъ молча.

— Адольфъ Ивановичъ! Завтра праздникъ?—спрашиваетъ другой мальчикъ.

— Вотъ я тебѣ задамъ праздникъ!—отвѣчаетъ Адольфъ уже съ раздраженіемъ.

Опять проходятъ двѣ-три пары безъ вопроса.

— Адольфъ Ивановичъ! Завтра не приходить?—спрашиваетъ третій.

— Подъ звонокъ, на колѣни!—уже гремитъ Адольфъ, и бѣдный козелъ отпущенія съ ревомъ идетъ подъ звонокъ. Адольфъ Ивановичъ, очевидно, былъ убѣжденъ, что нелѣпый вопросъ столько разъ задается ему съ дурнымъ умысломъ.

Но возвращаюсь къ началу своей гимназической карьеры.

17-го августа, въ $8^1/_2$ часовъ, я съ пачкою тетрадей уже былъ на внутреннемъ гимназическомъ дворѣ, знакомился кое съ кѣмъ изъ товарищей и со страхомъ созерцалъ гимнастику, за пользованіе которой было обѣщано столь суровое воздаяніе. Адольфъ Ивановичъ прохаживался между нами и наблюдалъ за порядкомъ.

Безъ пяти минутъ девять прозвонилъ звонокъ, и мы попарно двинулись въ классы. Мы въ своемъ классѣ уже нашли вывѣшенный на стѣнѣ списокъ всѣхъ насъ по алфавиту и распредѣленіе уроковъ. Такъ какъ Адольфъ не могъ быть одновременно во всѣхъ трехъ классахъ, а порядокъ передъ приходомъ учителей долженъ быть образцовый («чтобъ муху слышно было», объяснилъ намъ тотъ же Адольфъ), такъ намъ былъ присланъ «старшій», т. е. ученикъ VI или VII класса съ нашивками и съ властью надзирателя. Онъ назначилъ изъ насъ дежурнаго (перваго по алфавиту) и объяснилъ ему его обязанности: приготовить губку и мѣлъ, вытереть доску и, главное, составить списокъ отсутствующихъ; на первый разъ онъ сдѣлалъ намъ перекличку и самъ составилъ такой списокъ.

Ровно въ 9 часовъ въ классъ вошелъ учитель ариѳметики Александръ Тимоѳеевичъ Раменскій (онъ 20-го іюня экзаменовалъ меня во второй классъ и тогда показался мнѣ очень добродушнымъ; но теперь въ вицмундирномъ фракѣ имѣлъ видъ несравненно болѣе суровый),

плотный четырехъ-угольный человѣчекъ лѣтъ подъ пятьдесятъ; говорилъ онъ сильно въ носъ.

По выслушаніи молитвы, которая тогда читалась передъ каждымъ урокомъ, онъ обратился къ намъ съ такою рѣчью:

— Ну, поросята, раскрывайте тетради, берите перья и пишите ясно, раздѣльно и правильно.

«Вопросъ. Что есть ариѳметика?

«Отвѣтъ. Ариѳметика есть наука о числахъ.

«В большое и точка. Что есть число?

«О большое и точка. Число есть собраніе единицъ.

«В. Что есть единица?» и т. д.

Продиктовавъ страницы три очень медленно, онъ велѣлъ одному изъ насъ прочесть написанное и за сдѣланную имъ ошибку щелкнулъ чтеца въ носъ.

Къ слѣдующему разу мы должны были все продиктованное выучить и говорить наизусть съ вопросами и отвѣтами.

Раменскій былъ учитель ужасно старозавѣтный по дидактическимъ пріемамъ—мы и задачи должны были говорить наизусть,— но въ сущности недурной и неглупый. Онъ рѣдко бралъ на себя трудъ «толковать» уроки, въ особенности въ началѣ (большинство изъ насъ уже знали четыре дѣйствія), но когда убѣждался, что даже и порядочные ученики не понимаютъ продиктованнаго, онъ кряхтя сходилъ съ каѳедры и объяснялъ кратко, но очень удобопонятно, такъ что послѣ него и плохой ученикъ могъ повторить объясненіе; впередъ шелъ онъ медленно, и только тогда, когда и плохіе ученики усвоивали отдѣлъ. «Науку» онъ сокращалъ елико возможно, но программу исполнялъ въ точности; онъ никогда не опаздывалъ и не пропускалъ уроковъ. Частныхъ уроковъ своимъ ученикамъ (какъ извѣстно, тѣ же взятки, но въ смягченной формѣ) онъ никогда не давалъ; да и едва-ли кто и вводилъ его въ искушеніе: при его системѣ частыхъ повтореній, кромѣ отчаянныхъ к а м ч а т н и к о в ъ, никто у него, начиная со второго полугодія, меньше тройки не получалъ.

Ученики разсказывали анекдоты объ его феноменальной скупости (напр., какъ онъ, пріобрѣтя при посредствѣ кухарки въ магазинѣ Ермолова фунтъ орѣховъ и, найдя въ немъ орѣхъ со свищомъ, посылалъ ее снова въ магазинъ перемѣнить негодный орѣхъ); не знаю, насколько въ нихъ было правды; но увѣренъ, что онъ при своихъ донельзя простыхъ привычкахъ—никто никогда не видалъ Раменскаго ѣдущимъ на извозчикѣ; ту же фуражку съ кокардою, которую я знавалъ первоклассникомъ, я видѣлъ на Раменскомъ и черезъ одиннадцать лѣтъ, самъ служа учителемъ въ той же гимназіи—не проживалъ и половины своего скромнаго жалованья. А человѣкъ привычки былъ онъ до такой степени,

что, выйдя въ отставку въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, онъ все же ежедневно въ половинѣ девятаго направлялся тихимъ шагомъ къ гимназіи; дойдетъ до воротъ, вздохнетъ и поплетется назадъ домой.

Черезъ недѣлю или двѣ послѣ начала уроковъ я былъ свидѣтелемъ отвратительной сцены, за которую я надолго возненавидѣлъ Раменскаго и, какъ потомъ оказалось, не совсѣмъ справедливо.

Былъ у насъ ученикъ Самоваловъ изъ новенькихъ, но довольно великовозрастный, съ глупымъ и жалкимъ лицомъ, очевидно очень бѣдный, судя по вицмундиру изъ грубаго сукна; сидѣлъ онъ на задней скамейкѣ, слушая въ десятый или двадцатый разъ: «Вопросъ: что есть уменьшаемое? Отвѣтъ: уменьшаемое есть число, отъ котораго при вычитаніи» и пр.; онъ, вѣроятно, безсознательно вынулъ изъ кармана перочинный ножикъ и сталъ что-то вырѣзывать на новенькомъ столѣ, покрытомъ блестящимъ чернымъ лакомъ. Раменскій замѣтилъ.

— Ты что это, поросенокъ, тамъ дѣлаешь?—воззвалъ математикъ и двинулся къ виновному. Самоваловъ покраснѣлъ, какъ ракъ, и спряталъ ножикъ; но улика была на лицо.

— Ну ужъ, братъ, не прогнѣвайся, а я Адольфу Ивановичу скажу, и тотъ тебѣ такую порку задастъ...

Когда кончился урокъ, Раменскій велѣлъ Самовалову идти за нимъ; но на того напалъ такой страхъ, что онъ, почти обезумѣвъ, грубо отвѣтилъ: «Не хочу, не пойду» и оттолкнулъ Раменскаго, когда тотъ попытался взять его за руку.

Раменскій покраснѣлъ отъ гнѣва; необычно быстрымъ шагомъ вышелъ изъ класса и черезъ минуту явился съ страшнымъ для насъ Адольфомъ. Несчастный Самоваловъ и тутъ продолжалъ «оказывать сопротивленіе властямъ» и спасаться отъ нихъ, бѣгая по столамъ и тѣмъ усугубляя свою вину. Наконецъ, призванъ былъ солдатъ, и Самовалова увели.

Пока мы смотрѣли на эту охоту за нашимъ товарищемъ, наши сердчишки колотились отъ чисто животнаго страха, а когда Самоваловъ явился минутъ черезъ двадцать назадъ смертельно блѣдный, съ какими-то красными полосами на лбу и дрожащими губами, нашъ животный страхъ осложнился и состраданіемъ, и въ то же время какимъ-то отвращеніемъ къ потерпѣвшему.

Позднѣе я убѣдился, что Раменскій вовсе не былъ жестокимъ человѣкомъ; напротивъ, онъ былъ благодушнѣе и сострадательнѣе большинства нашихъ учителей; но онъ былъ до крайности исполнительнымъ чиновникомъ, а такъ какъ директоръ рекомендовалъ всѣмъ смотрѣть за чистотой столовъ, то онъ, скрѣпя сердце, и предалъ Самовалова на казнь; весьма возможно, что самъ же онъ и попросилъ при этомъ Адольфа наказывать преступника полегче. А наказывать въ то время

значило драть; всѣ другія наказанія: единицы, стояніе на колѣняхъ въ классѣ или подъ звонкомъ въ корридорѣ, изгнаніе изъ класса, оставленіе послѣ класса, тройка за поведеніе и проч., имѣли въ нашихъ глазахъ значеніе постолько, посколько они приближали наказуемаго къ розгамъ. Три единицы въ недѣлю вели къ субботней поркѣ, которой подвергалось не менѣе 20—30 учениковъ каждый разъ; стоять на колѣняхъ или быть изгнаннымъ изъ класса въ хорошей компаніи было гораздо веселѣе, нежели сидѣть на урокѣ; но Шпейеръ иногда дѣлалъ набѣги въ гимназію, и если былъ въ дурномъ расположеніи духа, захватывалъ стоящихъ въ корридорѣ или на колѣняхъ и уводилъ драть; подъ звонкомъ постоять (противъ учительской) или остаться послѣ класса и вдвоемъ-втроемъ побѣгать по пустымъ корридорамъ тоже занятіе пріятное; но могъ придти инспекторъ и увести съ собою для той же жестокой расправы; инспекторъ у насъ (Л. О. Новицкій) былъ человѣкъ добрый и хорошій; но такова была тогда система воспитанія.

Чтобы не возвращаться къ этому гнусному предмету, я теперь же скажу, какъ производилась эта расправа и какъ «система» дѣйствовала на наши характеры и міровоззрѣніе.

Удовольствіе видѣть самый актъ мнѣ и моимъ товарищамъ доставилъ г. директоръ (убѣжденный любитель «системы») на второй или третій мѣсяцъ моего пребыванія въ гимназіи. Разъ явился онъ со своимъ штабомъ—при немъ всегда находился одинъ надзиратель еврейскаго типа и экономъ Росціусъ—во время большой перемѣны въ рекреаціонный залъ, когда мы едва-едва успѣли купить у булочника или вынуть изъ заднихъ кармановъ свои завтраки. Мгновенно воцарилась мертвая тишина, и мы прижались къ стѣнкамъ.

— Становись по росту; маленькіе впередъ!—загремѣлъ Шпейеръ.

Въ нѣсколько секундъ приказъ его былъ исполненъ; завтраки исчезли безслѣдно.

Въ это время въ залу вошли трое служителей; двое несли скамейку, а третій мѣдный тазъ съ пучками намоченныхъ розогъ. За ними шли, опустивъ головы, два «казенныхъ» гимназиста, уже подростки, лѣтъ по 15—16.

— Эти два негодяя,—началъ хриплымъ басомъ директоръ,—совершили скверный поступокъ [1]), за который ихъ слѣдовало бы выгнать

---

[1]) Мудрый педагогъ такъ и не объяснилъ намъ, въ чемъ состоялъ проступокъ наказуемыхъ; проступокъ, какъ черезъ нѣсколько дней сказалъ мнѣ кто-то изъ старшихъ, былъ достоинъ „системы“: юноши ночью, переодѣвшись въ солдатскія шинели, ушли изъ гимназіи, напились водкой и на Предтеченскомъ бульварѣ обидѣли двухъ дѣвушекъ, за что и были препровождены въ полицію, а оттуда въ гимназію на расправу.

изъ гимназіи; но ихъ несчастные родители упросили меня оставить ихъ пока, увѣряя, что они исправятся. Только я при васъ всѣхъ накажу ихъ примѣрно, чтобъ вы знали, какъ въ гимназіи поступаютъ съ негодяями. Зубрицкій! раздѣвайся, ложись!

— Ваше превосходительство! простите! помилуйте!—завылъ дикимъ голосомъ Зубрицкій, упалъ на колѣни и обхваталъ толстыя ноги директора. Тотъ оттолкнулъ его сапогомъ въ лицо и сдѣлалъ знакъ служителямъ. Въ одинъ мигъ (при помощи усерднаго черненькаго надзирателя) Зубрицкій оказался полураздѣтымъ и распластаннымъ на скамейкѣ; одинъ солдатъ крѣпко держалъ его за голову, другой за ноги, и началось истязаніе. Пучки были длинные и толстые; били со всего плеча, такъ что послѣ 15 — 20 ударовъ вся кожа сдѣлалась синебагровой, а черезъ двѣ-три минуты потекла кровь. Зубрицкій не кричалъ, а вылъ нечеловѣчески. Но басъ директора все-же былъ слышанъ отчетливо: — «Хорошенько, хорошенько его, мерзавца!», и онъ въ тактъ притопывалъ ногою.

Было дано ударовъ сорокъ; но какихъ! Вѣроятно, и солдатъ не часто такъ наказывали.

Принялись за другого, и съ такимъ же усердіемъ; этотъ не вопилъ, но грызъ лавку и стоналъ; въ результатѣ подъ нимъ оказались двѣ лужицы крови.

— Довольно!—провозгласилъ, наконецъ, директоръ.—Такъ и съ каждымъ изъ васъ будетъ поступлено, если вы будете дурно вести себя. Прощайте, дѣти!

Едва-ли два-три десятка хриплыхъ голосовъ крикнуло: Здравія желаемъ, ваше превосходительство!

Странно для нынѣшняго поколѣнія: ни съ кѣмъ изъ насъ ни во время казни, ни послѣ нея не сдѣлалось дурно; только большинство маленькихъ были бѣлѣе стѣны; а когда я досталъ изъ кармана свой розанчикъ и хотѣлъ ѣсть его, въ немъ оказался вкусъ сырого мяса, и я съ отвращеніемъ бросилъ его въ плевальницу; то же дѣлали и многіе другіе.

Какое вліяніе имѣла на насъ такая система? Конечно, на разныхъ разное; но можно было подмѣтить и нѣчто общее, впрочемъ, съ раздѣленіемъ по группамъ.

Такъ какъ это не было традиціонное ежедневное и ежечасное всеобщее дранье бурсацкое, извѣстное намъ по Помяловскому и по воспоминаніямъ, напримѣръ, Н. И. Гилярова-Платонова, и дѣти «благонравныя» и изъ «хорошихъ домовъ» ему не подвергались, то каждый классъ непремѣнно распадался на не отвѣдавшихъ казенныхъ розогъ и на близко знакомыхъ съ ними. Каждая группа имѣла свою гордость; первые страшно боялись перейти въ число вторыхъ и жили въ непре-

станномъ трепетѣ; не было униженія, на которое не согласился бы съ восторгомъ «благонравный» (я, конечно, не говорю объ исключеніяхъ, «о герояхъ») изъ страха передъ роковой скамейкой и не столько изъ-за физической боли, сколько изъ опасенія перейти въ «разрядъ штрафованныхъ»; никогда онъ и про себя не осмѣливался критиковать какія-либо слова или дѣйствія человѣка, имѣющаго власть послать его «внизъ».

Въ результатѣ—запуганные умы и души, рабы и трусы, если не на всю жизнь, то съ отзвуками этой физической, не разсуждающей трусости, прекрасный матеріалъ для изготовленія слѣпыхъ исполнителей на службѣ и часто тирановъ въ семьяхъ и вообще надъ слабѣйшими. Но если «благонравный» по ребяческой живости подпадалъ экзекуціи и не могъ скрыть совершившагося факта, онъ сразу становился «отчаяннымъ», для котораго ужъ нѣтъ ничего завѣтнаго. Послѣ казенной серьезной порки всѣ домашнія наказанія были для него сущій пустякъ, и онъ заставлялъ трепетать передъ собою не только братьевъ и сестеръ, но часто и родителей. Подъ вліяніемъ закоренѣлыхъ въ «отчаянности» товарищей онъ необыкновенно быстро терялъ всякій стыдъ и совѣсть, и становился донельзя циниченъ и въ словахъ, и въ дѣйствіяхъ, способенъ на всякую гадость, иногда и на преступленіе, но при этомъ часто храбръ до безумія.

Нѣсколько смутно припоминается мнѣ фигура нѣкоего Грешнера (вслѣдствіе ея легендарности я не отвѣчаю за точность фактовъ, но такое преданіе сложилось среди насъ, живыхъ свидѣтелей), моего «товарища» по третьему классу [1]), который въ одинъ день съумѣлъ совершить два дѣянія (подвига съ нашей точки зрѣнія), заставившія говорить о немъ всю гимназію. Въ продолженіе цѣлаго урока рисованія онъ былъ дѣятельно занятъ въ своемъ уголкѣ изготовленіемъ въ плевальницѣ особаго снадобья; самодѣльнымъ сифономъ изъ бумажки онъ вытягивалъ чернила изъ ввинченныхъ чернильницъ, мѣшалъ чернила съ пескомъ, туда же крошилъ бумажки и кусочки мѣла. Потомъ онъ

[1]) Мнѣ, 11-лѣтнему мальчику, странно было и считать своими „товарищами“ 17—18-лѣтнихъ юношей, которые по многу лѣтъ засѣдали въ „камчаткѣ“ третьяго класса, въ надеждѣ, что когда-нибудь ихъ перепустятъ въ четвертый, а оттуда они уже прямо направлялись въ юнкера или въ гражданскую службу. Эти юноши во всякомъ случаѣ насъ не считали товарищами и выдавали насъ начальству, если мы расшумимся или сдѣлаемъ дѣтскую шалость. Отношеніе физической силы между нами и ими было настолько неравное, что я живо помню, какъ одинъ изъ нихъ, раздраженный приставшимъ къ нему мальчикомъ съ первой скамейки, запустилъ руку въ его хоть и остриженныя кудри и поднялъ его на воздухъ. Эти камчатники, переодѣвшись въ штатское, ходили на Бабій городъ драться на кулаки и считались тамъ витязями не изъ послѣднихъ.

взялъ у кого-то чистый листъ бумаги, въ двѣ минуты нарисовалъ какую-то фигуру и обратился къ учителю:

— Александръ Трофимовичъ! Посмотрите пожалуйста мой рисунокъ; я окончилъ.

Учитель, польщенный такимъ неожиданнымъ усердіемъ отчаяннаго лѣнтяя, поспѣшилъ на его зовъ; когда онъ наклонился къ рисунку, Грешнеръ надѣлъ ему на голову плевальницу съ всѣмъ содержимымъ въ ней. Можете себѣ представить нашъ восторгъ при этомъ зрѣлищѣ (мы не любили учителя). Къ тому же въ эту минуту раздался звонокъ, двери отворились, и учитель долженъ былъ въ этомъ видѣ идти въ корридоръ и въ учительскую.

Разсудили-ли, что на Грешнера розги не дѣйствуютъ, приберегали-ли его для торжественнаго наказанія, не знаю. Во всякомъ случаѣ его не водили внизъ, а рѣшили запереть послѣ уроковъ въ одномъ изъ классовъ и проморить голодомъ до вечера. Сидитъ Грешнеръ подъ замкомъ, а дверь стеклянная. Видитъ онъ, что по корридору проходитъ надзиратель за казенными, нѣмецъ Нейманъ, человѣкъ, кажется, хорошій, во всякомъ случаѣ ему, Грешнеру, не сдѣлавшій никакого зла, но носившій плохо пригнанный парикъ. Грешнеръ стучитъ въ стекло и знаками показываетъ, что онъ умираетъ отъ жажды и что вообще чувствуетъ себя нехорошо. Добрый Нейманъ достаетъ стаканъ воды и ключъ у солдата и идетъ къ заключенному. Но только-что онъ вошелъ, Грешнеръ сорвалъ съ него парикъ и опять-таки надѣлъ ему на голову плевальницу; затѣмъ онъ заперъ нѣмца, положилъ ключъ въ карманъ и ушелъ домой, сказавъ, что его отпустилъ г. Нейманъ. А на другой день онъ явился въ гимназію, чтобы показать намъ парикъ Неймана! Конечно, ему предложили «отставку съ мундиромъ», т. е., жестоко выдравши, уволили навсегда изъ гимназіи.

Разсказывали, будто Грешнеръ черезъ нѣсколько дней взломалъ у отца ящикъ съ деньгами, похитилъ 400 рублей и уѣхалъ на Кавказъ (тогда еще не замиренный) въ юнкера; тамъ и сложилъ онъ свою буйную голову.

Какъ ни антипедагогично было дранье за шалости, еще безсмысленнѣе и нелѣпѣе было дранье за три единицы въ недѣлю (рисованіе и чистописаніе не считались). Иной скромный и усердный, но малоспособный и плохо подготовленный по языкамъ мальчикъ пять-шесть разъ въ годъ подвергался этому жестокому наказанію, которое нисколько не улучшало ни его французскаго выговора, ни умѣнья угадывать родъ именъ по-нѣмецки. Самъ исполнительный «Адольфъ» потомъ говорилъ мнѣ, что его возмущало это *правило*, и онъ приказывалъ бить какъ можно легче такихъ несчастныхъ.

Съ четвертаго класса, по обычаю, дранье прекращалось, только

иногда въ видѣ экстренной мѣры прилагалось оно къ пансіонерамъ. Но далеко не всѣ были согласны подвергаться этому, теперь унизительному, по мнѣнію даже самыхъ отчаянныхъ, наказанію: до насъ то и дѣло доходили слухи, что такой-то вынулъ ножъ и грозилъ зарѣзаться, другой хотѣлъ пырнуть солдата и предпочелъ быть выключеннымъ или отсидѣть двѣ недѣли въ карцерѣ на водѣ и хлѣбѣ; а третій и дѣйствительно ударилъ ножемъ инспектора, который вылежалъ недѣли три въ постели.

Освобожденные, вслѣдствіе обычая, отъ страха дѣйствительно страшнаго наказанія и привыкшіе съ десяти лѣтъ съ презрѣніемъ относиться ко всѣмъ другимъ видамъ взысканія, мы съ четвертаго класса дѣлались какими-то башибузуками по отношенію къ надзирателямъ и многимъ учителямъ, не говоря уже о маленькихъ гимназистахъ, которыхъ мы позволяли себѣ бить, какъ говорится, походя. То же продолжалось и въ пятомъ классѣ; только съ шестаго мы становились нѣсколько серьезнѣе и какъ-будто цивилизованнѣе; но у многихъ вплоть до самаго университета отношенія къ начальству носили дикій и свирѣпый характеръ. Дальше я приведу примѣры; теперь же позволю себѣ забѣжать лѣтъ на семь впередъ и указать на то, какія послѣдствія имѣло на нравы гимназистовъ упраздненіе розогъ.

Въ 1861 году я окончилъ курсъ въ гимназіи, а въ 1865 году былъ приглашенъ учителемъ исторіи въ ту же первую гимназію въ 3-й, 4-й и 5-й параллельные классы. Не безъ страха думалъ я о томъ, какъ-то я сумѣю поддержать дисциплину среди этихъ подростковъ, изъ которыхъ иные еще помнили меня самого гимназистомъ; но я надѣялся на хорошаго и энергичнаго директора. Первый урокъ пришлось мнѣ давать въ пятомъ классѣ, и я былъ убѣжденъ, что директоръ просидитъ у меня весь часъ, чтобы поддержать новичка. Каковъ же былъ мой ужасъ, когда директоръ, отрекомендовавъ меня ученикамъ, сейчасъ же скрылся, сказавъ съ любезною улыбкой:

— Ну, не хочу вамъ мѣшать!

Хороша любезность,—думалъ я.—Надо мной, безъ сомнѣнія, сейчасъ продѣлаютъ рядъ штукъ, которыя навсегда уничтожатъ мой авторитетъ. Нечего дѣлать, пока надо терпѣть. Вѣроятно, мои не геройскія чувства отражались на лицѣ моемъ, такъ какъ мнѣ показалось, что нѣкоторые ученики улыбались.

— Ваша фамилія?—спросилъ я юношу лѣтъ семнадцати, на видъ довольно дерзкаго (а про себя думаю: сейчасъ начнется. Такую «фамилію» мнѣ ляпнетъ, что весь классъ со смѣху покатится).

Юноша всталъ во весь ростъ и почтительно отвѣтилъ мнѣ.

— Аинцевъ.

Классъ молчитъ. Заглянулъ я въ списокъ: тамъ есть такая фамилія и противъ нея отмѣтка: втор., т. е. на второй годъ.

*

— Вы изъ какого предмета не выдержали?

— Изъ математики.

— А изъ исторіи держали?

— Да-съ. Три получилъ.

— Ну-ка, разскажите мнѣ,—и я началъ урокъ. Ученики сидятъ, не шелохнутся. Одинъ шопотомъ спросилъ о чемъ-то сосѣда. Я строго посмотрѣлъ въ ту сторону; сосѣдъ, не отвѣчая, отмахнулъ на вопрошающаго рукою. Я просто глазамъ своимъ не вѣрилъ.

Прозвонилъ звонокъ, а я еще не кончилъ разсказа; я ожидалъ взрыва буйства и невольно остановился на серединѣ фразы; но ученики сидятъ неподвижно и смотрятъ, какъ говорится, мнѣ въ ротъ. Я окончилъ, сложилъ списокъ и поклонился.

— До свиданья, А. И.,—отвѣчаютъ мнѣ два десятка привѣтливыхъ голосовъ.

Слѣдующій мой урокъ былъ послѣ большой перемѣны, во время которой учителя параллельныхъ классовъ, или такъ называемаго директорскаго дома не имѣли особой комнаты, а находились въ залѣ среди учениковъ. Ученики завтракаютъ, болтаютъ, смѣются, ходятъ группами или парами, обнявшись, какъ институтки. Среди нихъ спокойно ходитъ молодой надзиратель, изрѣдка дѣлая замѣчанія маленькимъ. И только, нѣтъ и въ поминѣ тѣхъ наглыхъ шалостей, героическихъ дракъ; нѣтъ и подобострастной трусости «благонравныхъ» передъ нами или передъ надзирателями.

Я просто глазамъ своимъ не вѣрилъ и, зайдя къ директору послѣ окончанія уроковъ, выразилъ ему свое удивленіе и спросилъ его, какимъ чудеснымъ способомъ достигъ онъ такихъ результатовъ?

Директоръ былъ польщенъ моимъ вопросомъ и сказалъ: «Конечно, тутъ есть частица и моей работы, но главная причина—отмѣна розогъ. Мое поступленіе сюда какъ разъ совпало съ распоряженіемъ объ уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній, и я настоялъ, чтобъ надзиратели исполняли его, какъ слѣдуетъ, т. е. воздерживались безусловно отъ всякихъ «внушеній», кромѣ нравственныхъ, за что обѣщалъ имъ свою поддержку. Ну, конечно, не обошлось безъ жертвъ: пришлось разстаться съ двумятремя надзирателями, которые не могли примѣниться къ новымъ порядкамъ; пришлось исключить и десятка два учениковъ, которые не поддавались нравственнымъ воздѣйствіямъ. Но за то, видите, что вышло».

Впослѣдствіи я убѣдился, что дѣло идетъ не такъ ужъ гладко, какъ мнѣ показалось съ перваго раза; что въ нормальныхъ классахъ, куда директоръ заглядываетъ рѣже и куда не подбираются дѣти изъ интеллигентныхъ семействъ, бываютъ и единоборства, и массовыя шалости, и «исторіи» съ малоуважаемыми учителями, что блестящая медаль

имѣетъ и свою оборотную сторону: исключенія и увольненія изъ гимназіи и по закону (больше двухъ лѣтъ нельзя пробыть въ классѣ), и по постановленію совѣта, и по настойчивому внушенію директора стали несравненно чаще и что за всякую шалость, тѣмъ болѣе за недостаточные успѣхи ученика теперь стали отвѣчать «родители», которыхъ начали вызывать еженедѣльно, и поодиночкѣ, и группами, и «внушать» и угрожать имъ безъ конца... Но въ общемъ все-же перемѣна была разительная и въ высшей степени отрадная.

Отъ 1865 года возвращаюсь къ 1854-му.

Учителемъ русскаго языка въ младшихъ 3-хъ классахъ былъ у насъ Павелъ Петровичъ Магницкій, котораго потомъ мнѣ пришлось узнать довольно близко. Оригинальное впечатлѣніе производилъ онъ и какъ человѣкъ, и какъ учитель даже и среди русскаго общества того времени, столь богатаго оригинальными явленіями. Сынъ священника, изъ Московскаго военнаго госпиталя, онъ съ дѣтства обладалъ выдающимися способностями: памятью, находчивостью, умѣньемъ сочинять звучные стихи и пр., но вмѣстѣ съ тѣмъ, повидимому, и незаурядной лѣнью и безшабашностью. Онъ воспитывался въ той же гимназіи уваровскаго времени, гдѣ его дядя Лебедевъ былъ инспекторомъ; Лебедевъ былъ человѣкъ нелицепріятный, наказывавшій своего роднаго племянника въ примѣръ другимъ. Онъ окончилъ курсъ не въ числѣ первыхъ, но древніе языки и математику зналъ, навѣрно, лучше иныхъ первыхъ. Поступивъ на филологическій факультетъ, онъ скоро попалъ гувернеромъ въ аристократическій домъ Чертковыхъ и тамъ имѣлъ случай безъ особыхъ усилій узнать хорошо и языки новые; кромѣ того въ богатой чертковской библіотекѣ онъ узналъ если не содержаніе, то названіе массы источниковъ и пособій по русской и всеобщей исторіи и, что̀ еще того важнѣе, познакомился съ профессорами, или посѣщавшими домъ Чертковыхъ, или дававшими тамъ уроки.

Когда въ 1849 году (если не ошибаюсь) студенты-филологи читали при министрѣ лекціи товарищамъ на вольныя темы, лекція Магницкаго была изъ первыхъ. Короче сказать, все слагалось такъ, что, имѣй онъ немножко честолюбія и выдержки, передъ нимъ открывалась карьера видная, тѣмъ болѣе, что когда онъ хотѣлъ, онъ могъ быстро постигнуть любой характеръ и просто очаровать любаго человѣка (кого грубой,—кого тонкой лестью, кого начитанностію и умомъ, кого находчивостью и смѣлостью, кого остроуміемъ). Честолюбія-то или, вѣрнѣе, самолюбія, у него было очень много, но выдержки, устойчивости ни малѣйшей. Когда обстоятельства его вынудятъ или когда онъ захочетъ показать себя, онъ могъ просидѣть пятьдесятъ часовъ подъ рядъ и сдѣлать въ два-три дня то, на что̀ другому понадобятся мѣсяцы (здоровьемъ и крѣпостью головы и нервовъ онъ отличался изумитель-

ными); но за то послѣ такого подвига онъ засыпалъ умственно (занимаясь только картами или чтеніемъ французскихъ романовъ) на цѣлые годы. Кромѣ того, его самолюбіе, не поощряемое большими успѣхами (а откуда могли они взяться при такой лѣни?), переходило въ непомѣрное самомнѣніе и въ стремленіе издѣваться надъ тѣми средними людьми, которые становились рядомъ съ нимъ или даже выше его, а этими издѣвательствами и своею дерзостью, въ минуту возбужденія, онъ способенъ былъ на самую отчаянную выходку; онъ хоть и внушалъ страхъ и невольное уваженіе, но еще больше возбуждалъ ненависть въ сослуживцахъ и начальствѣ, что конечно, карьерѣ не могло способствовать, въ особенности въ то время, когда «почтительность» была высшей служебной добродѣтелью.

И вотъ въ 30 лѣтъ, этотъ такъ много обѣщавшій молодой человѣкъ, стоявшій по подготовкѣ, способностямъ и даже знаніямъ головой выше большинства товарищей, былъ только м л а д ш и м ъ учителемъ русскаго языка; но учителемъ особаго рода. Во-первыхъ, онъ рѣзко отличался отъ своихъ сослуживцевъ и самымъ костюмомъ: ходилъ не въ вицъ-мундирѣ, а въ модномъ фракѣ съ красными шелковыми отворотами на рукавахъ, въ отличномъ бѣльѣ и лаковыхъ сапожкахъ (у него были очень дорогіе частные уроки), любилъ, несмотря на свою не особенно красивую наружность, изящныя бездѣлушки: золотыя запонки, часики съ эмалью, духи и пр.

Во-вторыхъ, онъ пропускалъ массу уроковъ, а на остальные, чуть не на всѣ, являлся за полчаса и за 20 минутъ до звонка. Но и это время онъ не насъ училъ, а самъ забавлялся на счетъ насъ и своихъ сослуживцевъ. Войдетъ медленно и важно, стряхнетъ барежевымъ платкомъ пыль съ кресла, усядется, возьметъ перо, чтобы отмѣтить отсутствующихъ, осмотритъ его кончикъ, прищуривъ свои небольшіе глазки, и начнетъ издѣваться.

— Дежурный!—ты откуда, братецъ мой, это перо досталъ?

— Въ лавкѣ купилъ-съ.

— Врешь! Ты его въ навозной кучѣ нашелъ. Это не перо, а помело! (Классъ сдержанно и робко смѣется на счетъ ни въ чемъ не повиннаго дежурнаго).

— Ты его и другимъ учителямъ подавалъ?

— Точно такъ-съ.

— Что ты, братецъ, точно солдатъ отвѣчаешь? Ты вѣдь не солдатъ еще; можетъ быть, будешь имъ. А пока отвѣчай, какъ люди отвѣчаютъ: Да, подавалъ?

— Подавалъ-съ.

— Кому же ты его подавалъ? Александру Трофимовичу?

— Да-съ.

— А онъ тебя «поросенкомъ» не назвалъ?

Классъ смѣется теперь уже на счетъ учителя ариѳметики, у котораго «поросенокъ» любимое слово. А Магницкій начинаетъ перебирать другихъ учителей и высказывать предположенія, что каждый изъ нихъ долженъ былъ сказать.

Надоѣстъ ему эта забава; выдумаетъ другую: исказитъ, напр., умышленно и всегда обидно фамилію какого-нибудь ученика, преимущественно изъ барчуковъ, и если тотъ надуется или заплачетъ, начнетъ рисовать картину, какъ его дома нянюшки и мамушки пѣстуютъ и балуютъ.

Читатель можетъ подумать, что у такого учителя-забавника ученики чувствовали себя очень свободно. Ничуть не бывало: его боялись, какъ огня, хотя онъ никогда никого не записывалъ въ журналы, никогда ни на кого не жаловался и очень рѣдко ставилъ единицы. Тѣмъ не менѣе у него сидѣли, какъ истуканы, и не смѣли ни слова шепнуть товарищу: ужъ очень боялись его насмѣшекъ, которыя намъ казались непомѣрно ѣдкими. Кромѣ нихъ онъ пускалъ въ ходъ только одно наказаніе—изгнаніе изъ класса, да и то потому, что устраивалъ себѣ изъ него забаву: если ученикъ не выходитъ самъ и проситъ прощенія (обыкновенно всѣ такъ дѣлали изъ глупаго стремленія доставить потѣху учителю и всему классу), Магницкій велитъ, бывало, растворить двери, засучитъ правый рукавъ своего дорогаго фрака, возьметъ ученика за шею и ждетъ, когда по корридору будетъ проходить экономъ или кто-нибудь изъ надзирателей и пускаетъ въ него ученикомъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы тотъ ударился ему въ животъ; послѣ этого онъ насмѣшливо извинится передъ пострадавшимъ и вполнѣ довольный усядется на каѳедру.

Помню такой характерный случай. Я былъ уже въ 3 классѣ, а Магницкій, намѣревавшійся выходить изъ гимназіи въ отставку [1]), былъ особенно небреженъ и въ классѣ почти все время проводилъ въ подобныхъ забавахъ. Былъ у насъ «силачъ» Игнатьевъ, подростокъ лѣтъ пятнадцати, отличавшійся непомѣрно длинными и для его возраста, дѣйствительно, очень крѣпкими руками. Въ классѣ Магницкаго онъ что-то шепнулъ сосѣду; Магницкій позвалъ его къ каѳедрѣ, милостиво пошутилъ и велѣлъ выдти вонъ. Игнатьевъ, хвалившійся прежде передъ нами, что Магницкій не посмѣетъ «вышвырнуть» его, какъ другихъ, довольно дерзко отвѣчалъ:—Я не пойду.

У Магницкаго, который, несмотря на невысокій ростъ, обладалъ незаурядной силой, лицо потемнѣло; онъ быстро всталъ, кивнулъ чтобъ отворили двери, и на этотъ разъ, уже не дожидаясь пѣли пу-

[1]) Онъ перешелъ на службу въ коммерческое училище.

стилъ Игнатьева такъ, что тотъ проѣхался, какъ на конькахъ, черезъ половину обширнаго класса и выкатился въ корридоръ; но тамъ, остановившись, обернулся къ Магницкому и, поднявъ кулакъ, гнѣвно произнесъ:

— Ты у меня, Павелъ Петровъ, смотри: впередъ такъ не толкайся!

Мы замерли отъ ужаса; а Магницкій искренно весело разсмѣялся и только сказалъ:

— Экой дуракъ какой! Дежурный, запри дверь.

Послѣ этого онъ не только не мстилъ Игнатьеву, а какъ будто даже полюбилъ его.

Читатели, конечно, увѣрены, что такой лѣнтяй учитель ничему насъ не научилъ, но Магницкій былъ настолько способный человѣкъ, что въ тѣ 10—15 уроковъ, которые онъ все же посвящалъ дѣлу, онъ успѣвалъ съ нами столько, что мы переходили въ 4-й классъ, пожалуй, болѣе подготовленными, чѣмъ еслибы насъ училъ усердный, но заурядный учитель.

Во-первыхъ, онъ любилъ стихи (и прекрасно читалъ ихъ), а потому заставлялъ насъ заучивать массу басенъ Крылова и тѣхъ стихотвореній, которыя нравились ему самому.

Далѣе: по грамматикѣ онъ не давалъ намъ никакого учебника, такъ какъ не удовлетворялся существовавшими, и, какъ бы предугадывая то, что войдетъ въ употребленіе черезъ 6—7 лѣтъ, начиналъ не съ этимологіи, а съ синтаксиса простаго предложенія, который проходилъ исключительно на разборѣ, при чемъ самъ-ли выдумалъ или усвоилъ отъ кого-нибудь довольно остроумный способъ представлять этотъ разборъ графически: отъ опредѣленія къ слову опредѣляемому вела подстрочная дуга, заканчивающаяся стрѣлкою; отъ дополненія или обстоятельства вела такая же подстрочная дуга.

Склонять и спрягать мы выучивались уже въ I классѣ; во II производили это почти безошибочно и тогда же проходили на разборѣ всѣ части рѣчи, а въ концѣ года получали 2—3 листика почтовой бумаги, въ которыхъ заключалась вся суть этимологіи, ихъ мы безъ особаго труда выучивали на зубокъ; подобные же 3—4 листика, заключавшіе суть синтаксиса сложнаго предложенія, получались въ концѣ III класса, и устный экзаменъ сходилъ блестяще, тѣмъ болѣе, что ассистенты, опасаясь злаго языка Магницкаго, рѣдко рѣшались вмѣшиваться.

Что касается до орѳографіи, надъ которой нынѣ обыкновенно убиваются учителя и учительницы въ 3-хъ первыхъ классахъ, Магницкій не училъ насъ ей вовсе, а между тѣмъ выучивалъ не хуже, чѣмъ другіе его современники. Онъ дѣлалъ такъ: до втораго полугодія третьяго класса, сколько помню, вовсе не занимался ни диктантами, ни изложе-

ніями; но то, что мы учили наизусть, мы должны были умѣть писать на доскѣ и, дѣйствительно, умѣли не столько изъ страха единицъ, сколько изъ страха его остротъ и насмѣшекъ. А въ III классѣ послѣ Рождества онъ продиктовалъ намъ, какъ сейчасъ помню, отрывокъ изъ «Портрета» Гоголя, объявивъ предварительно, что за каждую ошибку будетъ вычитать по баллу. Въ результатѣ получилось штукъ пять пятерокъ, столько же четверокъ, меньше четверти единицъ и двоекъ, остальныя тройки. Повидимому, онъ былъ доволенъ результатомъ, такъ какъ диктантовъ цѣлому классу онъ, кажется, и не возобновлялъ. Вотъ и всѣ его труды надъ нами.

Рѣшительно не помню, кто у насъ въ I классѣ былъ «батюшкой». Но ясно припоминаю, что всѣ трое «батюшекъ», перемѣнившіеся у насъ въ теченіе 7 лѣтняго курса, пользовались нашимъ уваженіемъ: единицъ почти не ставили, подъ розги никого не подводили, а между тѣмъ какъ-то заставляли насъ учиться (даже всѣ тексты учить изъ катехизиса Филарета) и умѣли держать классъ. Батюшка Надеждинъ, преподававшій въ старшихъ классахъ, позволялъ себя «заговаривать», т. е. охотно отвѣчалъ на наши болѣе или менѣе хитроумные вопросы [1]) и тратилъ иногда половину урока на разъясненія и споры. Мы тогда втихомолку смѣялись, что онъ поддается нашей хитрости; но теперь я думаю, что онъ насквозь насъ видѣлъ; а считалъ такіе разговоры для насъ далеко не безполезными. И кто не согласится съ нимъ?

Было-ли такое наше отношеніе къ закону Божію обусловлено особеннымъ нашимъ счастіемъ, или вообще столичные законоучители (всѣ изъ окончившихъ академію) выбирались тогда изъ лучшихъ священниковъ, не могу сказать съ увѣренностію.

Какъ разъ наоборотъ стояло дѣло съ новыми языками и особенно съ чистописаніемъ и рисованіемъ. Ничего нельзя себѣ представить антипедагогичнѣе постановки этихъ преметовъ. Нашъ учитель «искусствъ» (Александръ Трофимовичъ Скино) былъ, можетъ быть, и прекрасный техникъ, но о томъ, какъ держать классъ и какъ учить насъ, имѣлъ такъ же мало понятія, какъ курица о мореплаваніи. Я прекрасно помню, что въ продолженіе всего втораго класса я писалъ одно слово: т и ш и н а по двумъ линейкамъ, а въ третьемъ прямо перешелъ къ скорописи; два года подъ-рядъ я рисовалъ классическій шлемъ и такъ наловчился въ этомъ дѣлѣ, что всегда получалъ 5, но никогда и не пытался нарисовать что-либо другое. Если въ гимназіи не было ни директора, ни инспектора, классъ Скино превращался въ нѣчто неска-

---

[1]) Напр. слѣдуетъ-ли подавать нищему, если знаешь, что милостыня будетъ снесена въ кабакъ?

занно ярмарочное. Вотъ въ чемъ состояло, напр., наше времяпрепровожденіе:

Только-что усѣлся учитель на каѳедрѣ, выставилъ abs'ы и разложилъ свой рисунокъ (частная работа, не имѣвшая никакого отношенія къ нашему классу), поднимается одинъ ученикъ.

— Александръ Трофимовичъ, я перо забылъ.

— Становись на колѣни,—отвѣчаетъ тотъ, не поднимая головы.

— Александръ Трофимовичъ, я тетрадь забылъ.

— Становись на колѣни.

— Александръ Трофимовичъ, у меня линейки нѣтъ.

— Становись на колѣни и т. д., и т. д.

Черезъ пять минутъ больше половины класса стоитъ (вѣрнѣе: сидитъ, лежитъ и ползаетъ) на колѣняхъ. Между наказанными шумъ, гамъ, толкотня; немногіе сидящіе на скамейкахъ смѣются, посылаютъ наказаннымъ «галокъ» (бумажная стрѣла). Александръ Трофимовичъ поднимаетъ наконецъ голову.

— Ступайте всѣ вонъ!—говоритъ онъ колѣнопреклоненнымъ.

Тѣ съ хохотомъ убѣгаютъ въ корридоръ. Оставшимся завидно.

— Александръ Трофимовичъ! и у насъ перьевъ нѣтъ.

— Становитесь всѣ на колѣни! Тѣ со смѣхомъ оставляютъ скамейки. Но вотъ «Адольфъ», призванный какимъ-нибудь учителемъ сосѣдняго класса, вгоняетъ толпу изгнанныхъ, поощряя ихъ толчками, и что-то шепчетъ на ухо Скино.

— Инспекторъ здѣсь!—догадывается кто-то изъ насъ, и у всѣхъ моментально являются и перья, и тетради, а Скино столь же моментально прячетъ свой рисунокъ и начинаетъ ходить между нами. Но тревога оказалась ложною, и черезъ пять минутъ опять начинается:

— Александръ Трофимовичъ! Я перо сломалъ.

— Становись на колѣни, и т. д., и т. д.

Учитель французскаго языка М-г Фуке, или М-г Фукъ, какъ мы его называли и въ глаза, во-первыхъ, очень плохо зналъ по-русски и понималъ насъ такъ же мало, какъ и мы его. Хотя онъ былъ строгъ и временами даже бѣшенъ, все же мы продѣлывали надъ нимъ непозволительныя штуки. Начинаетъ, напримѣръ, дежурный читать молитву и, заранѣе сговорившись, чтобы никто не смѣялся, читаетъ ее три раза подъ-рядъ, а потомъ тѣмъ же тономъ и скороговоркою читаетъ:

Горитъ востокъ зарею новой,
Ужъ на равнинахъ по холмамъ и т. д.

Потомъ Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ, потомъ басни, ему извѣстныя и пр. Иные художники растягивали молитву минутъ до двадцати, пока въ рядахъ учениковъ поднимался неистовый смѣхъ, а Фукъ начиналъ дико вращать глазами...

М-г Фуке не училъ насъ переводить ни съ русскаго, ни на русскій, а задавалъ намъ зубрить грамматику по какому-то учебнику со всѣми тонкостями и исключеніями; девять десятыхъ класса ровно ничего не понимали изъ того, что отвѣчали ему. Все, чѣмъ мы, не говорившіе по-французски, воспользовались отъ него за цѣлые три года, это навыкомъ спрягать глаголы.

Но М-г Фуке не былъ худшимъ изъ тѣхъ трехъ учителей, которыхъ пережилъ я за 7 лѣтъ въ гимназіи. Въ старшихъ классахъ, правда, насъ училъ человѣкъ очень умный и замѣчательно образованный, владѣвшій превосходно и русскимъ языкомъ, Густавъ Ивановичъ Коппъ (бывшій позднѣе ученымъ секретаремъ Румянцевскаго лицея); но онъ чувствовалъ такое отвращеніе къ строгостямъ, что у него занимался, только тотъ, кто хотѣлъ заниматься, а таковыхъ было немного. Ясно помню двѣ сценки, характеризующія не его методу ученія, а нашу методу обращенія съ нимъ. Первая—изъ курса VI класса. На задней скамейкѣ трое учениковъ играютъ въ преферансъ; я сижу по близости и читаю романъ. Проходитъ по классу Густавъ Ивановичъ Коппъ и крѣпко возмущается не моимъ романомъ, конечно, а картежниками.

— Господа! Вѣдь ваше поведеніе совершенно неприлично: развѣ можно такъ явно на урокѣ въ карты играть?

— Нельзя-то, нельзя, Густавъ Ивановичъ,—отвѣчаетъ ему одинъ изъ игроковъ, задумавшійся надъ ходомъ.—Да, вотъ вы скажите-ка, какъ тутъ поступить: я семь трефъ играю, съ чего идти теперь? Густавъ Ивановичъ (самъ отличный игрокъ) подумалъ секунду и сказалъ: «разумѣется, съ дамы» и, сконфузившись, пошелъ прочь.

Черезъ годъ, въ VII классѣ, Густавъ Ивановичъ изучаетъ списокъ, въ виду окончанія четверти и видитъ, что у меня нѣтъ балла.

— Г. Кирпичниковъ!—онъ былъ изысканно учтивъ съ нами:—у васъ отмѣтки нѣтъ. Потрудитесь отвѣтить урокъ.

— Погодите, Густавъ Ивановичъ, минутъ десять: я очень занятъ,—отвѣчалъ я, не вставая и уткнувшись въ книгу, вовсе не французскую Коппъ вызываетъ другаго, а черезъ 10 минутъ снова обращается ко мнѣ: кончили вы, наконецъ? Можете отвѣтить?

— Нѣтъ, еще не кончилъ.

— Да, въ чемъ дѣло?

— Не могу понять двухъ стиховъ изъ Горація, а у насъ сейчасъ латынь.

— Покажите мнѣ!

Я показываю; Коппъ сразу разрѣшаетъ мое недоумѣніе и проситъ въ благодарность отвѣтить ему. Я у него же спрашиваю что задано? отвѣчаю, и получаю пятерку.

Это былъ можетъ быть, лучшій учитель во всей Москвѣ, по крайней

мѣрѣ, по степени подготовки и по порядочности. За то М-г Ге, который у ч и л ъ насъ въ среднихъ классахъ, былъ навѣрно изъ худшихъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ подзывалъ къ каѳедрѣ говорящихъ по-французски и преимущественно богатенькихъ, продавалъ имъ, будто-бы, по случаю, пріобрѣтенные фуляровые платки и полушопотомъ разсказывалъ такіе скабрезные анекдоты, что мальчики попорядочнѣй отказывались идти на его вызовъ и жаловались родителямъ; намъ же, не говорившимъ по-французски, онъ ставилъ тройки или четверки, по указаніямъ своихъ любимцевъ.

Цѣлый годъ терпѣло его начальство, но, къ чести своей, не больше.

Чтобы покончить съ новыми языками, скажу о нѣмецкомъ. Въ 3-хъ младшихъ классахъ н ѣ м ц е м ъ былъ нѣкто Томсонъ; впрочемъ, несмотря на англійскую фамилію, онъ дѣйствительно былъ нѣмецъ и по-англійски не зналъ ни слова. Это былъ человѣкъ очень добродушный, даже добрый по-своему, неглупый, но мало образованный и, конечно совсѣмъ не педагогъ; родной языкъ зналъ онъ только практически и, не мудрствуя лукаво, шелъ по учебнику, не прибавляя и не упуская ни одного слова.

Не могу не припомнить относительно его одного факта, весьма характернаго для такъ называемаго добраго стараго времени. Онъ былъ, безъ сомнѣнія, честнѣе половины своихъ сослуживцевъ, но вовсе не считалъ грѣхомъ, съ вѣдома всего начальства и всѣхъ гимназистовъ, давать уроки своимъ ученикамъ въ самой гимназіи. Онъ отнюдь не тѣснилъ богатенькихъ, вымогая такіе уроки, и бралъ за нихъ очень дешево: по 1 р. за часъ; но соединялъ 7, 8 и болѣе учениковъ вмѣстѣ и давалъ такіе сводные уроки 3 раза въ недѣлю, отъ 8 часовъ утра до 9, въ одномъ изъ пустыхъ классовъ, какъ разъ противъ учительской. Родителямъ было не тяжело платить 12—13 руб. въ мѣсяцъ и пріятно, когда сынъ изъ троечниковъ дѣлался пятерочникомъ, а ему выгодно, такъ какъ онъ за 3 недѣльные часа получалъ около 100 рублей въ мѣсяцъ.

Это продолжалось десятки лѣтъ подъ-рядъ; но когда я поступилъ учителемъ въ ту же гимназію въ 1865 г. и спросилъ его, продолжаются-ли по-прежнему его ранніе уроки, онъ даже сконфузился:

— Да, что вы! Какъ можно? Развѣ при нынѣшнихъ порядкахъ это дозволяютъ? Да, я и самъ усталъ!

Въ старшихъ классахъ по-нѣмецки насъ училъ нѣкто Сиверсъ, старшій надзиратель, кажется, человѣкъ неглупый и учитель довольно строгій, не пропустившій ни одного урока, и все-таки же, по полному равнодушію къ дѣлу, ухитрившійся не выучить насъ ровно ничему. На выпускномъ экзаменѣ я могъ получить 5 только потому, что переводилъ,

будто-бы à livre ouvert, статью, надъ которой мы сидѣли недѣли четыре.

Естественную исторію преподавалъ намъ всѣ семь лѣтъ одинъ учитель, очень хорошо знавшій свой предметъ, воспитанникъ Педагогическаго института Вл. Вас. Григорьевъ. Талантливый и добрый человѣкъ, онъ, когда мы были въ младшихъ классахъ, покучивалъ весьма основательно, но, впрочемъ, въ классъ приходилъ (если приходилъ) вполнѣ трезвый; потомъ онъ женился, остепенился и издалъ нѣсколько учебниковъ, для своего времени, говорятъ, очень хорошихъ. Какъ у учителя, у него былъ одинъ недостатокъ: онъ занимался не съ цѣлымъ классомъ, а съ тѣми немногими, которые окружали его каѳедру. Поэтому изъ его учениковъ вышло довольно много естествоиспытателей, но мы, остальные, не интересовавшіеся предметомъ спеціально, выносили за всѣ семь лѣтъ лишь нѣсколько десятковъ названій ни на что намъ не нужныхъ, а передъ живой природой были такъ же немощны, какъ самые завзятые классики.

Географіи училъ насъ Оскаръ Гебель, впослѣдствіи директоръ одной изъ московскихъ же гимназій, училъ, сколько помню, хорошо.

Григорьевъ и Гебель это было уже молодое поколѣніе учителей, съ отвращеніемъ смотрѣвшее и на взятки, и на розги, и своимъ примѣромъ замѣтно умягчавшее наши дикіе нравы.

Возвращаюсь къ собственной въ то время очень маленькой личности. Въ первомъ классѣ я былъ не только хорошимъ ученикомъ (цѣлый годъ третьимъ на золотой доскѣ), но и хорошимъ мальчикомъ, а со второго, учась въ общемъ недурно и переходя съ наградами, я пустился во всѣ тяжкія по части дракъ и всякихъ шалостей. Руководило мною, сколько помню, честолюбіе, желаніе играть роль въ классѣ; а духъ заведенія былъ такой, что смирные и скромные мальчики внушали товарищамъ не уваженіе, а антипатію и почти презрѣніе. «А! маменьки боишься! Маменька за ушко выдеретъ и конфетки не дастъ!»—говорили такому мальчику, когда онъ отказывался принять участіе въ какой-нибудь самой дикой и грубой шалости, и это производило на живыхъ и честолюбивыхъ дѣтей сильное дѣйствіе. У меня же, какъ на грѣхъ, въ это время разстроилось семейное положеніе: умеръ внезапно отецъ, мы обѣднѣли, и мать не могла очень усердно слѣдить за моимъ ученіемъ. Я и пожелалъ стать молодцомъ и достигъ своей цѣли. И знаешь, бывало, урокъ, но неприлично его отвѣтить безъ какого-нибудь надувательства или грубости учителю, и считываешь съ ногтя имена, которыя и безъ того мнѣ извѣстны, и просишь подсказывать, когда это совсѣмъ не нужно. Грубости говорили рѣшительно всѣмъ, кромѣ развѣ Магницкаго, что̀ не мѣшало, въ случаѣ угрозы розгами, вопить и валяться въ ногахъ даже у Адольфа. Въ разговорахъ между собою сквернословили

самымъ отчаяннымъ образомъ, хотя многіе, и я въ томъ числѣ, совсѣмъ не понимали тѣхъ ужасныхъ словъ, которыя говорили мы. Что дѣлать! Мода того требовала.

Четвертый классъ, куда мы перешли въ 1857 году, служилъ какъ-бы передѣломъ въ гимназической жизни того времени. Съ него начинался новый главный предметъ—латинскій языкъ [1]); переходъ въ этотъ классъ, какъ увѣряли у насъ, давалъ какія-то права «на чинъ», такъ какъ равнялся окончанію курса въ уѣздномъ училищѣ, а главное: въ силу древняго обычая въ немъ тѣлесныя наказанія примѣнялись только въ экстренныхъ случаяхъ, да и тогда возбуждали глубокое негодованіе учениковъ, иногда выражавшееся даже готовностію на преступленіе. Такъ за годъ до насъ въ одно прекрасное утро по гимназіи разнесся слухъ, что «казенный» четвероклассникъ К., котораго инспекторъ повелъ сѣчь, въ самый критическій моментъ досталъ изъ-за голенища ножъ и разрѣзалъ инспектору животъ. Дѣйствительно, послѣ этого воспитанникъ К. исчезъ изъ гимназіи навсегда (разсказывали, будто онъ избѣгъ суда, такъ какъ былъ признанъ психически больнымъ), а инспекторъ Гривцовъ не показывался недѣли три. Въ 1-й Московской гимназіи, кромѣ того, съ 4-го класса мы, своекоштные, соединялись съ пансіонерами и переселялись изъ полутемнаго внутренняго корридора въ свѣтлый, гдѣ помѣщались всѣ старшіе классы и куда обыкновенно направлялись высокіе посѣтители.

Въ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ, а также въ виду того, что къ намъ поступило нѣсколько новыхъ учениковъ изъ хорошихъ дворянскихъ семей (двое являлись экзаменоваться даже въ пажескихъ мундирахъ) и въ виду значительнаго измѣненія нашего учительскаго персонала, большинство моихъ товарищей почувствовали себя въ 4-мъ классѣ полувзрослыми; но я былъ слишкомъ еще юнъ для этого—мнѣ только-что минуло 12 лѣтъ, и для меня лично этотъ классъ промелькнулъ мало замѣтно. Изъ новыхъ преподавателей сильнѣе всѣхъ врѣзался въ нашу память новый инспекторъ Коносовъ, взявшій на себя обязанность внѣдрить въ насъ элементы латинскаго языка. Онъ терроризировалъ насъ своею строгостью, но за то склоненія и спряженія вбилъ основательно, въ иныхъ чуть-ли не на всю жизнь. Метода онъ держался новаго и интереснаго, единственно пригоднаго при томъ маломъ количествѣ времени, которое отпускалось тогда на латынь (по 4 часа въ недѣлю въ 4 старшихъ классахъ), но пріемы употреблялъ весьма курьезные, и не будь онъ въ то же время строгимъ инспекторомъ, едва-ли мы выучились бы у него чему-нибудь путному. Онъ велѣлъ купить намъ басни

---

[1]) Таковыми признавались Законъ Божій, русскій языкъ и математика; только въ нихъ двойка считалась непереводнымъ балломъ.

Федра и сразу началъ чтеніе 1-й басни: Lupus et agnus; за чтеніемъ слѣдовалъ переводъ 1-й фразы, а потомъ обстоятельный разборъ съ изученіемъ краткой этимологіи (1-ое склоненіе—lupa, 2-ое lupus и т. д.); затѣмъ долженъ былъ слѣдовать переводъ на латинскій и съ латинскаго всевозможныхъ комбинацій изъ разученныхъ словъ; но до этого мы, кажется, дойти не успѣли. Пріемы же у него были такіе: ученикъ, напримѣръ, спрягаетъ глаголъ sum и пропускаетъ, положимъ, imperfectum.

— Что же ты перескочилъ черезъ imperfectum? Ты, стало быть, какъ теленокъ скачешь: скокъ! скокъ! И почтенный инспекторъ съ мрачнымъ выраженіемъ лица начинаетъ показывать, какъ скачетъ теленокъ, что̀ было мукой не только для провинившагося, но и для всего класса, такъ какъ смѣяться никто не смѣлъ.

Отчего мы его такъ боялись, я до сихъ поръ не могу дать себѣ отчета; несомнѣнно, что его черные «строгіе» глаза и вообще вся его довольно мрачная наружность была первой причиной, но важнѣйшая заключалась въ манерѣ держать себя съ учениками, выработанной, очевидно, опытомъ. Вотъ для образца сценка, въ которой я игралъ довольно печальную роль.

На второй день послѣ вступленія въ должность, инспекторъ входитъ къ намъ послѣ перваго звонка (по первому звонку мы шли въ классъ и усаживались; по второму шли по классамъ учителя); мы встали, разумѣется, и затѣмъ опять сѣли, не дождавшись его кивка.

Обведя насъ всѣхъ мрачнымъ взоромъ, инспекторъ заявляетъ:

— Пока начальникъ не велитъ вамъ садиться, вы должны стоять, хотя бы онъ вышелъ изъ класса. Поняли?

Въ слѣдующую перемѣну онъ входитъ опять; мы встаемъ; онъ сейчасъ же повертывается и выходитъ. Мы продолжаемъ стоять, видя въ этомъ испытаніе.

— Если мы, какъ лакеи, въ ожиданіи барина стоять должны, намъ бы слѣдовало хоть шинели дать держать,—остритъ въ полголоса стоящій сзади меня товарищъ.

Я былъ очень смѣшливъ и фыркнулъ, хоть и подозрѣвалъ, что черный инспекторскій глазъ смотритъ въ дверную скважину.

Мгновенно явился Коносовъ, велѣлъ всѣмъ сѣсть, а меня поманилъ за собою пальцемъ въ корридоръ.

— Ты чему смѣялся?—спросилъ онъ, устремивъ на меня свои безжалостные глаза.

— Такъ-съ; виноватъ! Смѣшно показалось.

— Что же это тебѣ смѣшно показалось?

— Вспомнилъ смѣшное.

— Такъ вотъ, чтобъ ты впередъ не вспоминалъ чего не надобно,

я тебя въ книжечку внесу. Ты знаешь эту книгу?—и онъ показалъ мнѣ переплетенную темную тетрадь.

— Нѣтъ, не знаю-съ.

— Это черная книга; плохо тому будетъ, кто попадетъ сюда два раза! А ты уже разъ попалъ сюда. Какъ твоя фамилія?

Я сказалъ и воротился въ классъ, какъ въ воду опущенный, да и товарищей черной книгой напугалъ. Къ счастію, мои бойкіе отвѣты изъ латинской этимологіи нѣсколько примирили со мною строгаго инспектора.

Новый учитель русскаго языка Г. (онъ, кажется, живъ до сихъ поръ) былъ человѣкъ не безъ способностей и не безъ знаній по словесности (судя по его печатнымъ трудамъ), но насъ онъ училъ славянскому языку, который онъ и самъ зналъ плохо, и синтаксису, по очень толстому учебнику Перевлѣсскаго, въ которомъ объ одномъ предлогѣ п о говорилось на 3-хъ или 4-хъ страницахъ; эту безполезную премудрость мы запоминали черезъ пятое на десятое. Учитель былъ доволенъ и этимъ, и ставилъ пятерки тѣмъ, кто говорилъ побойчѣе. Г. поступилъ къ намъ изъ провинціи и черезъ годъ опять перешелъ въ провинцію инспекторомъ.

Въ томъ же IV классѣ начиналась и исторія; положимъ, два урока ея полагалось и въ III классѣ, но тамъ они давались совмѣстно съ географіей, и опредѣленнаго курса для исторіи не полагалось: учи, чему хочешь. И исторіи и географіи въ III классѣ училъ насъ очень извѣстный въ то время по Москвѣ педагогъ Зенгбушъ, довольно удачно воскресившій полузабытый методъ Язвинскаго, по которому всякій подлежащій запоминанію фактъ долженъ быть связанъ съ какимъ-нибудь изображеніемъ. Такъ, напримѣръ, нарисовавъ Скандинавскій полуостровъ, учитель изображалъ на немъ и массу условныхъ фигуръ, которыя представляли животныхъ, растенія, занятія жителей и пр. Ученикъ разсказывалъ сперва по такой разрисованной картѣ, а потомъ постепенно переходили и къ картѣ нѣмой. По исторіи этотъ способъ сосредоточивалъ дѣло на хронологіи: въ классъ вносилась разграфленная доска, изображавшая изъ себя 20 столѣтій. Преподаватель, положимъ, говорилъ годъ крещенія Руси 988-й и кратко повѣствовалъ объ этомъ событіи. Затѣмъ спрашивалъ: которое это будетъ столѣтіе? Найдите его на доскѣ? Которое десятилѣтіе? Найдите клѣточку, соотвѣтствующую году крещенія, и поставьте здѣсь крестикъ. На слѣдующемъ урокѣ учитель спрашиваетъ:

— Покажите годъ крещенія Руси? Который это будетъ годъ?— Медленно, но вѣрно ученикъ опредѣляетъ годъ 988-й. Черезъ 2—3 урока отъ частаго повторенія годъ врѣзается въ память, какъ врѣзается и степень его близости къ другимъ важнымъ годамъ изъ русской и всеобщей исторіи. Метода, проводимая энергичнымъ и предан-

нымъ ей преподавателемъ, приносила хорошіе плоды (доска эта и сейчасъ мнѣ ясно представляется); но исторіей этого нельзя было назвать.

Съ IV класса по всеобщей и русской исторіи бралъ насъ въ свои руки В. И. Сончаковъ, о которомъ я встрѣчалъ воспоминанія (и всегда въ очень отрадномъ смыслѣ) въ разсказахъ Максимова объ А. Н. Островскомъ и еще гдѣ-то, хотя онъ едва-ли дожилъ и до 35 лѣтъ. Это была во всѣхъ отношеніяхъ, какъ тогда выражались, с в ѣ т л а я л и ч н о с т ь, и моя, по крайней мѣрѣ, память о школьномъ времени была бы втрое тусклѣй и мрачнѣй, еслибъ не училъ въ 1-й гимназіи Сончаковъ; да и вся дальнѣйшая жизнь моя, по всей вѣроятности, сложилась бы совсѣмъ иначе. Ученикъ Грановскаго и Кудрявцева, онъ связывалъ наше поколѣніе съ ихъ незабвенными именами и, какъ мнѣ теперь кажется, сразу, точно чудомъ, превращалъ насъ изъ противныхъ звѣренышей въ маленькихъ, но уже почти воспитанныхъ дѣтей. Если бы первый с и л а ч ъ изъ казенныхъ осмѣлился сказать грубость Сончакову и тѣмъ огорчилъ его, любой изъ насъ бросился бы на силача, какъ раздраженный воробей на ворона. Несмотря на свою болѣзненность, Сончаковъ не только не пропускалъ ни одного урока и готовился къ каждому изъ нихъ, какъ только могъ лучше, но, главное, онъ и въ классѣ не терялъ ни одной минуты и работалъ неустанно, изъ всѣхъ силъ. Учительство для него было не чиновничьей службой и не ремесломъ, а свѣтлымъ, великимъ дѣломъ и подвигомъ. Онъ не былъ особенно талантливъ, говорилъ онъ не очень красиво; но когда я черезъ два года прочелъ Тургеневскаго Рудина, я не могъ не сравнить съ Рудинымъ-учителемъ нашего Сончакова, и сравненіе было не въ пользу великаго фразера, а въ пользу нашего болѣзненнаго историка, который только скромно дѣлалъ с в о е дѣло при крайне неблагопріятныхъ условіяхъ и дѣйствовалъ на насъ не столько словомъ, сколько примѣромъ своимъ. Оцѣнили мы его и поняли, конечно, не сразу; но когда поняли, то многіе изъ насъ уже мѣры своему увлеченію не знали.

Въ IV классѣ у насъ полагалась древняя исторія. Ни по Кайданову, ни по Смарагдову Сончаковъ не рѣшился вести насъ, а выкопалъ очень небольшой, но довольно толковый учебникъ Берте́, сухой скелетъ котораго онъ облачалъ плотію посредствомъ своихъ разсказовъ. Въ V классѣ для средней исторіи онъ, какъ самъ говорилъ, былъ такъ с ч а с т л и в ъ, что могъ назначить намъ только-что вышедшій учебникъ Стасюлевича; но онъ пугалъ насъ VI классомъ: новая исторія всѣхъ важнѣе, а проходить ее придется по тупому и пошлому Смарагдову!

И вотъ трое изъ насъ лѣтомъ, при переходѣ изъ V класса въ VI-й (мнѣ въ то время едва минуло 14 лѣтъ, моимъ соратникамъ было не-

многимъ больше) рѣшили, для общей пользы и для удовольствія Сончакова (хотя онъ и называлъ наше предпріятіе глупостью) составить свой учебникъ по всѣмъ лучшимъ пособіямъ. Учебникъ мы, конечно, не составили [1]), но каждый изъ насъ прочиталъ съ конспектомъ по полудюжины хорошихъ книгъ и исписалъ по дюжинѣ тетрадей. Судите, насколько эта добровольная работа была полезна намъ.

Въ V классѣ мы получили еще двухъ, даже пожалуй трехъ хорошихъ учителей. Латыни насъ сталъ учить едва-ли не лучшій знатокъ этого предмета изъ гимназическихъ учителей всей Москвы Яковъ Вас. Смирновъ [2]), которому я безконечно много обязанъ не только въ гимназіи, но далеко за предѣлами ея. Онъ происходилъ изъ духовнаго званія, учился въ Педагогическомъ институтѣ и въ мое время былъ уже сѣдымъ одинокимъ старикомъ, проводившимъ жизнь по-монашески. Онъ состоялъ старостой нашей гимназической церкви, жилъ въ самомъ зданіи гимназіи (гдѣ теперь одна изъ залъ попечительской канцеляріи) и бывалъ у всѣхъ церковныхъ службъ безъ исключенія, при чемъ онъ буквально первымъ входилъ въ церковь и послѣднимъ выходилъ изъ нея, потушивъ свѣчи. Все остальное его время уходило на работу надъ классиками, лучшими изданіями которыхъ вмѣстѣ съ Forcellini, Стефани и др. дорогими пособіями, была сплошь завалена его большая комната и даже его крошечная спальня, и на тайныя добрыя дѣла, куда шли всѣ его доходы почти до копѣйки; самъ на себя онъ едва-ли проживалъ больше гривенника или пятіалтыннаго въ день, такъ какъ просвирка и чай, кажется, составляли его единственную пищу. Человѣкъ идеальной доброты и честности, онъ какъ-то умудрялся представлять себѣ и всѣхъ другихъ людей такими же и жилъ въ мирѣ и любви и съ начальствомъ, и съ товарищами, и съ учениками, которые, впрочемъ, вовсе не считали за грѣхъ обманывать его самымъ безсовѣстнымъ образомъ; иногда онъ и замѣчалъ обманъ, дѣлалъ видъ, что сердится, но сейчасъ же прощалъ и забывалъ. Но въ общемъ учительской ловкости у него не было и слѣда, и одинъ ученикъ, хорошо знающій грамматическія формы, могъ вполнѣ удобно отвѣчать за цѣлый классъ, когда Яковъ Васильевичъ спрашивалъ насъ съ мѣста и въ разбивку; за то

---

[1]) Да онъ, къ счастію, оказался и не нуженъ, такъ какъ въ эту же зиму вышелъ Веберъ въ переводѣ Соколова.

[2]) Кромѣ краткой этимологіи, которая выдержала нѣсколько изданій, Я. В. Смирновъ напечаталъ подробную латинскую грамматику въ 2-хъ частяхъ, Саллюстія и Метаморфозы Овидія съ примѣчаніями и словарями, и книгу для перевода съ русскаго на латинскій.

Кромѣ древнихъ языковъ онъ вполнѣ свободно читалъ по-нѣмецки, хотя произносилъ и очень плохо.

если кто изъ насъ хотѣлъ заниматься латынью, всѣ связи и всѣ книги Якова Васильевича такъ же, какъ и все его время, были къ услугамъ любознательнаго мальчика. Мало этого: и по окончаніи курса въ гимназіи, Яковъ Васильевичъ не покидалъ хорошаго ученика: рекомендовалъ его профессорамъ въ университетъ и доставлялъ ему хорошіе уроки.

Этотъ по истинѣ святой человѣкъ слишкомъ далеко стоялъ отъ насъ, насмѣшливыхъ мальчишекъ, уже испорченныхъ и системой воспитанія нашего въ младшихъ классахъ, и вліяніемъ крѣпостной прислуги, и плохихъ романовъ, чтобы имѣть на всѣхъ насъ сильное вліяніе; но кто по обстоятельствамъ хоть нѣсколько сближался съ нимъ, на всю жизнь выносилъ изъ этого сближенія идеальный образъ учителя, беззавѣтно преданнаго своему дѣлу.

Ближе къ намъ былъ другой хорошій преподаватель, доставшійся на нашу долю съ того же V класса, преподаватель русской словесности, представители которой по традиціи должны вліять на гимназистовъ старшихъ классовъ. Это былъ одинъ изъ лучшихъ кандидатовъ филологическаго факультета Московскаго университета, нѣкто С., и теперь еще крѣпкій и сильный, но въ полномъ уединеніи живущій старикъ. Передъ поступленіемъ въ 1-ую гимназію, онъ прослужилъ уже года четыре гдѣ-то въ провинціи; тѣмъ не менѣе явился къ намъ до того конфузливымъ, что не поднималъ глазъ отъ списка и въ началѣ совсѣмъ не произвелъ на насъ особо-благопріятнаго впечатлѣнія; къ тому же и задавалъ онъ намъ учить наизусть стихи и образцы ораторской рѣчи. Но прошло три-четыре мѣсяца, и мы невольно стали прислушиваться къ его содержательнымъ, хотя и не краснорѣчивымъ разборамъ всякихъ образцовъ (хотя и смѣялись надъ его полнымъ неумѣніемъ произносить букву р), да и въ рецензіяхъ на наши письменныя упражненія не могли не усмотрѣть искренняго желанія выучить насъ честно думать и правильно писать по-русски. Перешли мы въ 6-й классъ, и С. пріятно поразилъ насъ предложеніемъ сходиться черезъ воскресенье вечеромъ въ гимназіи на литературные вечера, на которыхъ желающіе изъ насъ должны были читать свои переводы и оригинальныя статьи и, подъ руководствомъ преподавателя, подвергать прочитанное обсужденію. Если память меня не обманываетъ, сперва начальство гимназіи приняло эту выдумку подъ свое покровительство: оно предоставило намъ актовый залъ, согнало всѣхъ «казенныхъ» изъ 3-хъ высшихъ классовъ и почтило нѣсколько первыхъ вечеровъ своимъ стѣснительнымъ присутствіемъ. Но это продолжалось мѣсяцъ—два, затѣмъ мы стали собираться въ одномъ изъ классовъ подъ отвѣтственностію только С., въ числѣ несравненно меньшемъ, и тогда-то дѣло пошло живѣе и лучше: въ «рефератахъ» никогда недостатка не было, а споры, еслибъ ихъ не направлялъ умѣлою рукою нашъ предсѣдатель и еслибъ сол-

даты не тушили лампы въ 10 часовъ, могли бы затягиваться до полуночи. Я помню, что особенно посчастливилось у насъ одной темѣ, въ тотъ моментъ довольно современной, хотя, пожалуй, для насъ и не совсѣмъ подходящей. Кто-то предложилъ характеристику героя въ повѣсти Тургенева: «Рудинъ»—подъ заглавіемъ: Что такое фразеръ? Безконечные споры наши побудили С—а предложить наиболѣе рьяному оппоненту написать свой контръ-рефератъ; онъ вызвалъ рекритику со стороны перваго автора, которая со своей стороны заставила вмѣшаться третьяго и т. д. Дѣло тянулось съ полгода, и рѣшеніе вопроса о фразерствѣ заставило и насъ самихъ пофразерничать въ достаточной степени. Но въ общемъ эти литературные вечера были намъ чрезвычайно полезны; они пріучили насъ къ сознательному чтенію и расширили нашъ умственный кругозоръ, а наши добровольные переводы и компиляціи помогли намъ относительно новыхъ языковъ и пріучили насъ къ серіозной работѣ.

Когда мы въ 1860 г. перешли въ 7-ой классъ, С., кажется, поссорившійся къ этому времени съ инспекторомъ, усерднымъ, но не умнымъ, самодовольнымъ и до крайности рутиннымъ педагогомъ, сталъ нашимъ любимѣйшимъ учителемъ. Едва онъ входилъ въ классъ, какъ треть учениковъ окружала его каѳедру, отъ которой онъ не могъ отогнать насъ никакими силами, и начинались безконечные разговоры на весьма разнообразныя, но всегда серіозныя, историко-литературныя, историческія или, по крайней мѣрѣ, литературныя темы. Здѣсь мы получили весьма ясныя понятія и о гомеровскомъ вопросѣ, и работахъ Буслаева, и о народной поэзіи, и о древней Эддѣ, и объ Оссіанѣ, и о братьяхъ Гриммахъ, и объ Маркѣ Кралевичѣ, и о Песталоцци и пр. и пр. По окончаніи урока мы бѣжали за С—ымъ въ библіотеку и тамъ продолжали бесѣду съ нимъ до послѣдней возможности. Мы сидѣли на мѣстахъ и занимались урокомъ только въ томъ случаѣ, когда въ классъ заходилъ нашъ инспекторъ, усердно наблюдавшій за преподаваніемъ С—а; но тотъ сумѣлъ довольно скоро освободить и себя и насъ отъ соглядатая. Разъ инспекторъ появился въ нашъ классъ и усѣлся на окнѣ въ то время, какъ С. велъ съ нами частный разговоръ о Гамлетѣ; предупрежденные однимъ изъ товарищей, который во-время замѣтилъ «начальство» въ корридорѣ, мы успѣли усѣсться по мѣстамъ, а С., никогда не унижавшій себя перемѣной предмета рѣчи, покончилъ съ характеристикой Гамлета и принялся характеризовать Полонія, смотря въ упоръ на инспектора и такими чертами, что и мы не могли отвести глазъ отъ живаго Полонія, а потомъ начали такъ откровенно пересмѣиваться, что инспекторъ покраснѣлъ, какъ ракъ, демонстративно удалился и больше уже не появлялся на урокахъ русской словесности.

Какъ же при такихъ условіяхъ шло у насъ настоящее дѣло? Какъ исполнялась программа?

Исполнялась такъ хорошо, какъ только могла исполняться тогдашняя нелѣпая программа, заключавшая въ себѣ и теорію и исторію литературы во всемъ объемѣ отъ XI вѣка до XIX включительно, по безъименнымъ министерскимъ учебникамъ. С—ъ, конечно, не могъ выносить этихъ учебниковъ, а диктовалъ намъ краткіе отвѣты на всякій §§ программы, а разсказами и чтеніемъ пополнялъ продиктованное, такъ что мы, поступая въ университетъ, не только имѣли понятіе о Кириллѣ Туровскомъ, Серапіонѣ и пр. и пр., но и о хронографахъ, палеяхъ и апокрифахъ, и уже не говоря о Державинѣ, Фонфизинѣ, но даже изъ Сумарокова, Княжнина, Аблесимова прочли отрывки по хрестоматіи Галахова. Любя учителя, мы старались даже отличиться у него на экзаменѣ, чтобы не дать его въ обиду инспектору, и въ количествѣ 7—8 человѣкъ пошли на словесный факультетъ. Мы поддерживали съ нимъ дружескія отношенія и въ университетѣ на первыхъ курсахъ и собирались у него раза два въ годъ, а готовившіеся къ учительству или болѣе серьезно занимавшіеся пользовались его совѣтами и книгами.

Я лично, сверхъ всего прочаго, обязанъ всецѣло С—у и тѣмъ знаніемъ нѣмецкаго языка, какое я принесъ въ университетъ. Дѣло было такъ. Передъ Рождествомъ я попросилъ у С—а какой-нибудь работы или темы для сочиненія. Зная всѣхъ насъ, какъ свои пять пальцевъ и, вѣроятно, жалѣя, что такой усердный юноша идетъ въ филологи, не будучи въ состояніи прочесть и полустраницы по-нѣмецки (читать по-французски я выучился на романахъ), онъ принесъ мнѣ не помню ужъ кѣмъ написанную нѣмецкую книжку по гомеровскому вопросу и отмѣтилъ изъ нея страницъ 60—70, гдѣ излагались позднія, сравнительно съ Гомеровской эпохой, преданія о Троянской войнѣ и о возвращеніяхъ героевъ; я долженъ былъ прочесть ихъ и составить конспектъ, чтобы потомъ, пользуясь имъ, изложить прочтенное С—у. Языкъ въ содержаніи поэмъ и преданій оказался, конечно, очень простымъ; тѣмъ не менѣе первыя страницы отняли у меня массу времени, и свой лексикончикъ я истрепалъ за двѣ недѣли до невозможности; потомъ мнѣ стало все легче и легче, и послѣднія страницы я уже прочелъ, только коекогда заглядывая въ словарь. Въ январѣ я возвратилъ книгу, а случая изложить прочтенное такъ и не дождался. Когда года черезъ два я напомнилъ объ этомъ С—у, разсказалъ, что былъ очень тогда обиженъ его невниманіемъ къ моей работѣ, и высказалъ мое предположеніе о томъ, не хотѣлъ-ли онъ просто заставить меня почитать по-нѣмецки, онъ только улыбнулся, по своему обыкновенію, одною стороною рта.

Кстати по поводу новыхъ языковъ мнѣ припоминается одна сценка

изъ послѣдняго года нашей гимназической жизни, которая мнѣ кажется очень характерною для того времени, когда извѣстное свободомыслiе дошло уже и до старшихъ классовъ средней школы. Въ серединѣ 2-го полугодія мы какъ-то вдругъ пришли къ сознанію, что новые языки въ университетѣ намъ необходимы, а между тѣмъ большая часть изъ насъ ни по-французски, ни по-нѣмецки, что называется, ступить не умѣютъ. Поговорили мы между собою на эту тему и рѣшили принять энергичныя мѣры.

— Директора! Директора!—стали мы кричать на пустомъ урокѣ во всѣ 28—30 здоровыхъ голосовъ. Сполошились надзиратели; почти бѣгомъ прибѣжалъ инспекторъ: «Чего вы орете?»—вѣжливо обратился онъ къ намъ; «съ ума вы что-ли сошли?» Изъ нашей среды выступили два депутата и очень сдержанно заявили ему, что намъ надо поговорить съ г. директоромъ, хотя мы ничего не имѣемъ и противъ того, чтобы при этомъ разговорѣ присутствовалъ и г. инспекторъ. «По какому это важному (и онъ передразнилъ депутата) дѣлу? Говорите со мною! Стану я для васъ, мальчишекъ, тревожить г. директора!» «Директора! Директора!» забасили наши «казенные», оскорбленные названіемъ мальчишекъ, и забасили такъ, что въ сосѣднихъ классахъ стало невозможно заниматься; въ корридоръ вышли учителя и за ними ученики смотрѣть, какъ бунтуютъ 8-классники.

Директоромъ у насъ былъ Г. К. Виноградовъ, повидимому, очень добрый человѣкъ и даже, говорятъ, хорошій педагогъ—онъ впослѣдствіи управлялъ женскими гимназіями и оставилъ тамъ по себѣ благодарную память,—но нашей гимназіей онъ занимался мало и рѣдко къ намъ показывался, можетъ быть, потому, что не хотѣлъ мѣшать не по разуму ревностному инспектору.

Нечего дѣлать! Инспекторъ побѣжалъ за директоромъ; во время его отсутствія мы вели себя примѣрно; въ другихъ классахъ возобновились уроки. Черезъ 10 минутъ пришелъ директоръ, обладавшій очень величественной фигурой; за нимъ нашъ кругленькій инспекторъ, видимо взволнованный. Мы всѣ встали и очень вѣжливо поклонились. «Здравствуйте, господа!—отвѣтилъ вѣжливо директоръ; о чемъ вамъ угодно говорить со мною?»

Выступилъ одинъ изъ депутатовъ [1]) и очень обстоятельно изложилъ начальству желаніе товарищей. Сущность его сводилась къ тому, чтобы намъ на послѣднее передъ университетомъ полугодіе оставили одинъ день въ недѣлю (кажется, среду) свободнымъ именно для занятія

---

[1]) Если не ошибаюсь, кн. А. И. Урусовъ, впослѣдствіи знаменитый адвокатъ и извѣстный литераторъ.

новыми языками, при чемъ два важныхъ урока этого дня мы согласны перенести на другіе дни недѣли.

Я не помню, что отвѣчалъ намъ директоръ, да, вѣроятно, и плохо понялъ его: не только на меня, но и на старшихъ моихъ товарищей едва-ли могла произвести большое впечатлѣніе ссылка на уставъ гимназій, на недостатокъ власти у него, директора, и т. п. чиновничьи аргументы; но прекрасно помню, что послѣ получасовыхъ очень сдержанныхъ съ обѣихъ сторонъ преній—инспекторъ молчалъ и только вздергивалъ плечами—онъ обѣщалъ намъ доложить объ этомъ нашемъ желаніи педагогическому совѣту и о рѣшеніи его насъ увѣдомить. Онъ удалился, провожаемый нашимъ очень почтительнымъ поклономъ и единодушно выраженною благодарностью.

Само собою разумѣется, что рѣшеніе совѣта по этому вопросу (если только было какое-нибудь рѣшеніе) такъ и не дошло до насъ, а недѣль черезъ пять-шесть мы и сами сообразили, что наше желаніе было едва-ли исполнимо. Я привелъ этотъ случай только для того, чтобы показать, насколько мы стали смѣлы по отношенію къ начальству отчасти потому, что мы были въ послѣднемъ классѣ, а больше по духу времени: со святою вѣрою мы, какъ и весь міръ, вступили въ 1861 г., годъ освобожденія крестьянъ и первой всероссійской студенческой исторіи.

Но она—внѣ предѣловъ этой статейки, и чтобъ закончить послѣднюю, мнѣ остается сказать хоть по нѣсколько строкъ объ остальныхъ преподавателяхъ VII класса, которые не производили на насъ такого сильнаго вліянія, какъ Сончаковъ, Смирновъ и С—въ. Начну по порядку.

Законъ Божій преподавалъ намъ уже не молодой, но, кажется, очень умный священникъ Надеждинъ. Баллы онъ ставилъ довольно щедро, а мы, изъ уваженія къ нему, учили то, что полагалось намъ болѣе или менѣе, усердно. Въ этомъ году, сколько помню, ученики съ одной стороны, а батюшка съ другой, благочестиво обманывали другъ друга: мы по очереди заговаривали его, чтобы не отвѣчать скучнаго и, можетъ быть, не всѣмъ хорошо извѣстнаго урока, а онъ, зная что мы уже выходимъ въ жизнь и даже въ университетъ, всѣ наши духовнонравственные труды ограничилъ зубреніемъ одной тетрадки лекцій богословія, охотно говорилъ съ нами о милостынѣ, о постахъ, о хожденіи къ службѣ и пр.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ жизни поволжскихъ раскольниковъ.

9-го апрѣля 1791 года дѣйствительный тайный совѣтникъ гофмейстеръ графъ А. А. Безбородко писалъ нижегородскому и пензенскому генералъ-губернатору, генералъ-поручику Ив. Мих. Ребиндеру слѣдующее:

«Здѣсь явились Нижегородскаго намѣстничества дворцовый крестьянинъ Алексѣй Гребенщиковъ и Симбирскаго—сызранскій купецъ Василій Ладвановъ и подали общую просьбу ея императорскому величеству отъ имени многихъ тамошнихъ селеній обывателей, содержащихъ вѣру и законъ по старопечатнымъ книгамъ, съ жалобою на притѣсненія и обиды, чинимыя имъ отъ церковнослужителей. Ея величество, предостерегая, чтобъ поводомъ къ таковымъ жалобамъ не служило корыстолюбіе церковнаго причта, высочайше повелѣть мнѣ изволила, съ одной стороны, объясниться съ преосвященнымъ митрополитомъ новгородскимъ и с.-петербургскимъ, дабы отъ него написано было къ преосвященнымъ архіереямъ тѣхъ епархій о запрещеніи духовенству дѣлать просителямъ какія-либо обиды и притѣсненія, тѣмъ болѣе, что, ежели сіи люди показаны были прежде несправедливо бывшими у исповѣди изъ корысти священниковъ, то сіе завело бы только слѣдствія и для сихъ послѣднихъ предосудительныя, а съ другой,—сообщить вашему превосходительству о надлежащемъ со стороны вашей начальникамъ покровительствѣ въ случаѣ обидъ имъ, и чтобъ, если какія-либо отъ духовныхъ правительствъ послѣдуютъ къ вамъ подобныя требованія, ваше превосходительство доносили ея императорскому величеству. Впрочемъ, всемилостивѣйшей государынѣ угодно, чтобъ какъ никто изъ старообрядцевъ, въ образѣ мыслей ихъ и исповѣданіи вѣры, притѣсненъ не былъ, такъ, напротивъ, не можетъ быть дозволено, чтобъ и они распространяли заблужденіе свое уловленіемъ въ оное другихъ вновь и, слѣдственно, нужно за поступками ихъ надзирать и всякія вредныя поползновенія отвращать, особливо давъ приказанія о наблюденіи и извѣщеніи васъ исправникамъ тѣхъ уѣздовъ, гдѣ ихъ селенія или же монастыри и другія собранія находятся, но и тутъ надзирая, чтобъ по корыстолюбію не произошло никакого угнетенія и непорядка».

Сообщ. **Александръ Успенскій.**

Мнѣніе А. С. Шишкова о цензурѣ и книгопечатаніи въ Россіи [1]

1826 года.

Начальникъ главнаго штаба вашего императорскаго величества препроводилъ ко мнѣ, по высочайшему повелѣнію, выписку, заключающую въ себѣ нѣкоторыя замѣчанія на счетъ цензуры и книгопечатанія въ Россіи, съ тѣмъ, чтобы я представилъ вашему величеству свое по сему предмету мнѣніе.

Обративъ надлежащее вниманіе на означенную выписку, я нахожу, что содержаніе оной заключается въ слѣдующихъ главныхъ статьяхъ: въ разсмотрѣніи разныхъ сословій, составляющихъ у насъ такъ называемую публику, въ исчисленіи недостатковъ существовавшей доселѣ цензуры и, наконецъ, въ представленіи нѣкоторыхъ мыслей о преобразованіи оной.

Изложивъ на каждую изъ сихъ статей подробно мое мнѣніе и представляя оное при семъ на высочайшее вашего императорскаго величества благоусмотрѣніе, я долгомъ почитаю всеподданнѣйше доложить вашему величеству, что сочинитель выписки, говоря о настоящемъ положеніи цензуры, не имѣлъ въ виду новаго, высочайше утвержденнаго въ 10-й день протекшаго іюня, устава о цензурѣ, которымъ отклонены всѣ извѣданные опытомъ недостатки прежняго цензурнаго управленія. Но какъ избранныя на сей конецъ средства не совсѣмъ согласны съ предполагаемыми сочинителемъ выписки нововведеніями, то въ прилагаемомъ при семъ мнѣніи моемъ и показаны неудобства сихъ послѣднихъ.

Новое образованіе цензуры, постановленное высочайше утвержден-

---

[1]) Въ „Русской Старинѣ“ 1900 г. (т. 103 № 9 стр. 579—591) была напечатана записка о цензурѣ Ѳ. В. Булгарина, которая по высочайшему повелѣнію 5 іюля 1826 г. была препровождена Дибичемъ на заключеніе министра народнаго просвѣщенія.—Это заключеніе и печатается въ настоящее время.—

Ред.

нымъ въ 10-й день протекшаго іюня уставомъ, чуждо всѣхъ сихъ неудобствъ и вполнѣ соотвѣтствуетъ потребностямъ сей части. Верховный цензурный комитетъ имѣетъ въ трехъ членахъ своихъ главныхъ начальниковъ трехъ важнѣйшихъ, по отношенію къ цензурѣ, отраслей государственнаго управленія и отъ того снабженъ всѣми средствами наблюдать за хорошимъ направленіемъ печатаемыхъ въ Россіи книгъ и сочиненій.

Разсмотрѣніе рукописи подъ заглавіемъ: о цензурѣ въ Россіи и о книгопечатаніи вообще.

«Необыкновенные перевороты въ политическомъ мірѣ, воспослѣдовавшіе въ продолженіе послѣднихъ тридцати лѣтъ, порождавшіе постепенно страхъ и надежду во всѣхъ сословіяхъ общества, сдѣлали людей любопытными, внимательными ко всѣмъ происшествіямъ и распространили вкусъ къ средствамъ, сообщающимъ познанія, свѣдѣнія и извѣстія, то-есть, къ чтенію» [1]).

Гораздо ближайшею и болѣе естественною причиною умножившейся у насъ наклонности къ чтенію почитаю я быстрое, въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ, распространеніе просвѣщенія въ отечествѣ нашемъ. Многія сотни учебныхъ заведеній воспріяли въ Россіи въ сіе время свое начало, и мудрено-ли, что вмѣстѣ съ тѣмъ умножились въ разныхъ состояніяхъ любители чтенія и возросло любопытство? Впрочемъ, исключая Отечественную войну, немного окажется политическихъ происшествій, которыя бы могли въ теченіе означеннаго времени порождать у насъ постепенно страхъ и надежду во всѣхъ сословіяхъ общества.

«Россія не столь просвѣщена, какъ другія государства Европы, но, по своему положенію, она болѣе другихъ государствъ имѣетъ нужду въ нравственномъ и политическомъ воспитаніи взрослыхъ людей и направленіи ихъ къ цѣли, предназначенной правительствомъ» [2]).

Направленіе подданныхъ къ цѣли, предназначенной правительствомъ, равно важно для всякаго государства, и я не знаю, почему предстоитъ въ томъ преимущественная надобность для Россіи. Сочинитель выписки говоритъ, что сего требуетъ положеніе ея; но какое положеніе? Географическое, физическое или политическое, сего не объясняетъ. По крайней мѣрѣ въ нравственномъ и политическомъ воспитаніи взрослыхъ людей, если бы и предположить возможность онаго, не менѣе должны нуждаться Франція, Неаполь, Испанія и другія государства, въ кото-

---

[1]) „Рус. Стар.“ 1900 г. № 9, стр. 579.

[2]) Тамъ же, стр. 580.

рыхъ, въ продолженіе тридцати послѣднихъ лѣтъ, возникали политическія неустройства и перевороты.

«Силою не возможно остановить распространеніе идей, подобно какъ корабля на ходу, при сильномъ волненіи. Можно снять флюгеръ, указующій направленіе вѣтра, но этимъ не возможно перемѣнить вѣтра. Напротивъ того, искусное управленіе парусами и рулемъ, даже вопреки вѣтру, введетъ корабль мимо опасныхъ мѣстъ къ желаемой пристани» [1]).

Распространеніе идей полезныхъ для блага государства отнюдь не должно быть стѣсняемо; что касается до вредныхъ для общества мнѣній, какъ-то противныхъ вѣрѣ, правительству и правамъ, то таковыя и можно и должно останавливать рѣшительно; ибо неоспоримо, что симъ мнѣніямъ или идеямъ нельзя дать хорошаго направленія. Надежда, вопреки распространяющимся ложнымъ и вреднымъ мнѣніямъ, достигать предположенной правительствомъ цѣли не сбыточна и опасна. Всякое зло должно быть пресѣкаемо въ корнѣ; въ противномъ случаѣ, не взирая на всѣ другія мѣры, оно рано или поздно непремѣнно произведетъ тѣ горестныя послѣдствія, которыя отклонить старались.

II. Сословія, составляющія публику.

1) «Знатные и богатые люди: Большая часть ихъ, т. е. девятнадцать двадцатыхъ, получили самое поверхностное воспитаніе и не имѣютъ даже тѣхъ свѣдѣній, которыя почерпаетъ юношество въ обыкновенныхъ пріуготовительныхъ школахъ Германіи или въ гимназіяхъ литовскихъ и остзейскихъ губерній. Отданные съ дѣтства на руки французскимъ гувернерамъ (въ числѣ коихъ весьма мало достойныхъ воспитателей), молодые русскіе дворяне, подъ ихъ руководствомъ, учатся только многимъ языкамъ и получаютъ поверхностное понятіе объ исторіи и другихъ наукахъ. Верхомъ мудрости почитаютъ они правила французскихъ энциклопедистовъ, которыя и называются у нихъ философіею. Хотя по своему положенію въ свѣтѣ, сей классъ людей долженствовалъ бы быть привязанъ къ настоящему образу правленія, но преждевременное честолюбіе, оскорбленное самолюбіе, неумѣстная самонадѣянность заставляетъ ихъ часто проповѣдывать правила вредныя для нихъ самихъ и для правительства. Весьма легко истребить вліяніе сихъ людей на общее мнѣніе и даже подчинить ихъ господствующему мнѣнію дѣйствіемъ приверженныхъ къ правитель-

[1]) „Рус. Стар.“ 1900 г. № 9, стр. 580.

ству писателей. Ихъ легко можно перевоспитать, убѣдить, дать настоящее направленіе ихъ умамъ» [1]).

Сомнѣваюсь, чтобы легко было перевоспитать, убѣдить и дать настоящее направленіе умамъ людей, зараженныхъ подражаніемъ французамъ. Немало писано противъ сего благомыслящими писателями, но не послѣдовало отъ того никакой пользы. Можно было съ основательностію надѣяться, что происшествія 1812 года произведутъ спасительный переломъ въ пользу характера народнаго; но и сіе не имѣло надлежащаго успѣха. Послѣ сего напрасно бы было кричать родителямъ: воспитывайте дѣтей своихъ по-русски. Ибо если бы кто-либо и воспользовался таковымъ совѣтомъ, то по необходимости вскорѣ бы раскаялся въ томъ, увидѣвъ, что недостаточное познаніе французскаго языка и непривычка къ французскому обхожденію не мало вредятъ дѣтямъ его. На французскомъ языкѣ разсуждаютъ у насъ о важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ министры въ кабинетахъ своихъ; на французскомъ языкѣ говорятъ генералы передъ войскомъ; французскій языкъ сдѣлался какъ бы признакомъ образованности и необходимою принадлежностію лучшаго общества и особливо между женщинами. И при всѣхъ таковыхъ обстоятельствахъ, можно-ли истребить сіе зло, столь сильно вкоренившееся въ нашихъ нравахъ, дѣйствіемъ нѣкоторыхъ писателей, которыхъ, по всей вѣроятности, и читать никто не захочетъ?

2). Говоря о среднемъ состояніи, въ которое входятъ достаточные и бѣдные дворяне, чиновники гражданскіе, приказные люди, купцы, заводчики и даже мѣщане, сочинитель выписки говоритъ, что оно составляетъ такъ называемую русскую публику. По мнѣнію его, не надобно большихъ усилій, чтобы быть не только любимымъ ею, но даже обожаемымъ; для того потребны два средства: справедливость и гласность (publicité). Нашу публику, говоритъ онъ, можно совершенно покорить, увлечь, привязать къ трону одною тѣнью свободы въ мнѣніяхъ на счетъ мѣръ и проектовъ правительства, какъ сіе было до 1816 года.

Нѣтъ сомнѣнія, что справедливость есть однимъ изъ надежнѣйшихъ средствъ къ пріобрѣтенію любви народной; но чтобы сіе не требовало большихъ усилій, въ томъ я никакъ не могу согласиться. Относительно къ гласности въ распоряженіяхъ правительства, то, по мнѣнію моему, гласность сія отнюдь не должна быть безусловная, но разсчетливая и основанная на опытномъ познаніи свойствъ и нравственныхъ потребностей народа. Что касается до возможности совершенно покорить, увлечь, привязать нашу публику къ трону одною только свободою въ мнѣніяхъ на счетъ нѣкоторыхъ мѣръ и проектовъ правительства, то сіе, кажется

[1]). Тамъ же, стр. 580.

мнѣ, скорѣе можетъ произвесть неуваженіе къ правительству, нежели привязанность къ трону. Мѣры и проекты правительства, предаваемыя на сужденіе журналистовъ, уже часто отъ сей одной причины не достигнутъ желаемой цѣли. Никакая важная мѣра не должна быть предпринимаема въ государственномъ управленіи безъ зрѣлаго о пользѣ оной разсужденія; но разсужденіе сіе въ монархическомъ правленіи принадлежитъ не публикѣ и народу, а государю и высшимъ правительственнымъ мѣстамъ. При таковомъ положеніи, если бы правительство усмотрѣло невыгоду предполагаемыхъ имъ мѣръ, или затруднительность приведенія ихъ въ исполненіе, то можетъ безъ всякаго неудобства отложить на время, или вовсе отмѣнить намѣренія свои, и сіе не будетъ сопровождаться никакими непріятными послѣдствіями. Напротивъ того, допуская о своихъ намѣреніяхъ неумѣстныя разсужденія подданныхъ, оно поставляетъ себя какъ бы въ нѣкоторую зависимость отъ ихъ заключеній и какъ бы обязывается отчетомъ предъ ними, такъ что въ случаѣ неудачи непремѣнно даетъ мѣсто праздным толкамъ и превратнымъ сужденіямъ; а все сіе не только нарушаетъ должное къ верховной власти уваженіе, но и бываетъ причиною весьма важныхъ неустройствъ. Въ подтвержденіе сего заключенія, довольно будетъ привесть слѣдующее:

Извѣстно, что въ нѣкоторое время царствованія блаженной памяти государя императора позволялось писать о свободѣ крестьянъ, и, кромѣ нарочно изданныхъ о семъ книгъ, всѣ почти наши журналы наполнены были разными о семъ разсужденіями. Что же изъ сего послѣдовало? Обстоятельства сіи не укрылись отъ простаго народа, и безпрепятственное печатаніе подобныхъ статей принято было несомнительнымъ знакомъ желанія правительства дать крестьянамъ свободу. Отселѣ произошло неповиновеніе ихъ помѣщикамъ и частые бунты, которые даже и до сего времени пресѣчены быть не могутъ. Я очень помню, что одна взбунтовавшаяся большая вотчина, при всеподданнѣйшемъ прошеніи на имя блаженной памяти государя императора, представила книжку «Вѣстника Европы», въ которой разсуждаемо было о пользѣ освобожденія крестьянъ, какъ доказательство, что само правительство подало поводъ къ таковымъ съ ихъ стороны дѣйствіямъ, и что они, не повинуясь своему помѣщику, только входятъ въ его виды.

3) О нижнемъ состояніи. Сочинитель выписки говоритъ, что оно заключается у насъ въ мелкихъ подъячихъ, грамотныхъ крестьянахъ и мѣщанахъ, деревенскихъ священникахъ и вообще церковникахъ, съ присовокупленіемъ къ нимъ важнаго класса раскольниковъ. «Магическій жезлъ, которымъ можно управлять по произволу симъ состояніемъ, есть Матушка Россія. Искусный писатель, продолжаетъ онъ, представляя сей священный предметъ въ тысячѣ разнообразныхъ видахъ,

какъ въ калейдоскопѣ, легко покоритъ умы нижняго состоянія, которое у насъ разсуждаетъ болѣе, нежели думаютъ[1])».

Правда, что посредствомъ любви къ отечеству и привязанности къ родинѣ, свойственныхъ нашему народу, можно успѣвать во многомъ по отношенію къ направленію образа мыслей простаго класса людей, но какъ въ немъ вообще весьма мало находится читателей, то и не такъ-то легко дѣйствовать на оный посредствомъ писателей, какъ полагаетъ сочинитель выписки. Что касается до раскольниковъ, сего закоренѣлаго въ своихъ предразсудкахъ и заблужденіяхъ класса, то едва-ли Магическій жезлъ сочинителя не останется безъ всякой силы. Единственнаго средства къ убѣжденію сихъ людей, по мнѣнію моему, искать должно въ стараніяхъ духовенства нашего.

4) По отношенію къ ученымъ и литераторамъ, сочинитель выписки утверждаетъ, что вовсе безполезно раздражать этихъ людей, когда нѣтъ ничего легче, какъ привязать ихъ ласковымъ обхожденіемъ и снятіемъ запрещенія писать о бездѣлицахъ, напр. о театрѣ и т. д.

Раздражать безъ всякой причины никого не должно; запрещенія же писать о бездѣлицахъ и даже о театрѣ въ новомъ Уставѣ о цензурѣ не существуетъ, а потому, пропуская все, что говоритъ о семъ сочинитель выписки, я поспѣшаю къ разсмотрѣнію указанныхъ имъ недостатковъ существовавшаго доселѣ цензурнаго управленія.

Ш. О недостаткахъ цензуры.

1) «Въ отношеніи къ вѣрѣ. Цензура состояла сперва подъ вліяніемъ мистицизма, а нынѣ состоитъ подъ вліяніемъ противной партіи. Сперва выходило множество книгъ сектаторскихъ, мистическихъ; нынѣ покровительствуются книги, служащія опроверженіемъ первыхъ. Изъ сего боренія партій не произошло никакой пользы для вѣры и нравственности; напротивъ того, размножились секты, толки о вѣрѣ и самыя дурныя идеи о правительствѣ»[2]).

До вступленія моего въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія, цензура, какъ объясняется сочинителемъ замѣчаній, состояла подъ вліяніемъ мистицизма, и тогда выходило множество сектаторскихъ и мистическихъ книгъ. Естественнымъ послѣдствіемъ сего зла было размноженіе сектъ, толковъ о вѣрѣ и самыхъ вредныхъ мнѣній для

---

[1]) Тамъ же, стр. 582.

Тамъ же, стр. 584.

правительства; но сіе произошло не отъ боренія партій, или отъ нынѣшняго сопротивленія сему злу, какъ угодно утверждать о томъ сочинителю, но единственно отъ покровительства мистицизму. По случаю доклада вашему императорскому величеству въ 3-й день января сего года о книгахъ духовнаго содержанія, напечатанныхъ за нѣсколько лѣтъ предъ симъ безъ дозволенія духовной цензуры, я имѣлъ счастіе представить выписку изъ оныхъ и замѣчанія, которыя ясно показываютъ, что въ сихъ духовныхъ или мистическихъ книгахъ, подъ видомъ таинственнаго истолкованія священнаго писанія и примѣненія разныхъ мѣстъ содержанія онаго къ такъ называемому нравственному, но въ сущемъ дѣлѣ развратному ученію, искажена святость книгъ Божественнаго Откровенія и разсѣяны явныя и возмутительныя лжеученія, совершенно противныя церковнымъ и гражданскимъ постановленіямъ. Для меня весьма удивительно, что послѣ сего запрещеніе печатать подобныя книги называется вліяніемъ партіи, и покровительству книгъ, служащихъ опроверженіемъ первымъ, приписывается размноженіе сектъ, толковъ о вѣрѣ и самыхъ вредныхъ идей для правительства. Не говоря уже о томъ, что отъ опроверженія нечестивыхъ и возмутительныхъ книгъ не могло произойти никакихъ другихъ послѣдствій, кромѣ добрыхъ, нельзя не замѣтить, что со времени вступленія моего въ управленіе министерствомъ, ни одной книги, въ опроверженіе мистическихъ, не напечатано, а слѣдовательно сочинитель замѣчаній, или не знаетъ порядочно дѣла, о которомъ изъясняется, или утверждаетъ вещи небывалыя.

2) Въ отношеніи къ правительству. Сочинитель замѣчаній говоритъ, что у насъ смотрятъ не на духъ сочиненій, но на одни слова и фразы. Вмѣсто того, чтобы запрещать писать противъ правительства, цензура запрещаетъ писать о правительствѣ. Самыя сильныя препоны для словесности и наукъ воспослѣдовали отъ изданія повелѣнія въ 1822 году, которымъ запрещено было всѣмъ служащимъ писать и публиковать о дѣлахъ, до службы относящихся, и о внутреннемъ и внѣшнемъ состояніи Россіи, безъ позволенія начальства. Существо сего повелѣнія весьма справедливо, ибо нигдѣ, даже въ самой Англіи, не позволяется публиковать актовъ правительства безъ согласія онаго. Но наша цензура приняла сіе повелѣніе въ противномъ смыслѣ и не позволяетъ печатать никакихъ, даже маловажныхъ извѣстій, безъ согласія различныхъ министерствъ, которыя иногда изъ снисхожденія позволяютъ, а чаще отговариваются тѣмъ, что не имѣютъ предписаній, какъ дѣйствовать въ семъ случаѣ, и множество любопытныхъ вещей пропадаютъ для наукъ.

Я не знаю, на чемъ сочинитель замѣчаній основываетъ столь рѣшительное утвержденіе, что у насъ смотрятъ не на духъ сочиненій, но на

одни только слова и фразы. По крайней мѣрѣ во все управленіе мое министерствомъ народнаго просвѣщенія, къ сему наипаче обращаемо было все вниманіе цензуры, и кромѣ немногихъ случаевъ неосмотрительности цензоровъ, о которыхъ тогда же доводимо было до высочайшаго свѣдѣнія, я желалъ бы видѣть хотя одно сочиненіе, написанное въ дурномъ духѣ и въ сіе время пропущенное. Впрочемъ, цензура какъ прежде, такъ и нынѣ не можетъ оставлять безъ вниманія самыхъ словъ и фразъ, ибо они даютъ настоящее значеніе составнымъ частямъ сочиненія. Что касается до запрещенія печатать всякаго рода статьи, безъ согласія того министерства, о предметахъ коего въ нихъ разсуждается, то, по мнѣнію моему, ничто не можетъ быть благонадежнѣе для правительства, какъ сіе распоряженіе: ибо никто не можетъ разсудить съ большею основательностію, полезно-ли пропустить къ напечатанію ту или другую статью, какъ правительственное мѣсто, гдѣ производятся дѣла, имѣющія непосредственное къ тому отношеніе, и получаются свѣдѣнія о происшествіяхъ, обнаруживающія справедливость или неосновательность предполагаемыхъ къ напечатанію свѣдѣній и разсужденій. Иногда маловажное по видимому извѣстіе дѣлается весьма важнымъ по стеченію обстоятельствъ, и обнародованіе онаго въ превратномъ видѣ можетъ влечь за собою самыя непріятныя послѣдствія.

3) Въ отношеніи къ нравственности. Здѣсь сочинитель замѣчаній повторяетъ прежде сказанное, что цензура, привязываясь единственно къ словамъ, часто пропускаетъ самыя соблазнительныя стихотворенія, а иногда запрещаетъ самыя невинныя статьи.

Такъ какъ я уже достаточно говорилъ о неосновательности такового утвержденія, по отношенію ко времени управленія моего министерствомъ народнаго просвѣщенія, то и излишнимъ почитаю еще болѣе распространяться о семъ.

4) «Касательно личности. У насъ до сихъ поръ защищали не лица, а пороки и дурные поступки. Запрещено строжайше, даже въ переводахъ съ иностраннаго, представлять камергеровъ, министровъ, генераловъ, и особенно князей и графовъ иначе, какъ въ самыхъ блестящихъ краскахъ и людьми добродѣтельными» [1]).

Такового запрещенія вовсе не существовало и существовать не можетъ. Въ защиту пороковъ и дурныхъ поступковъ не сдѣлано ни одного распоряженія по цензурѣ съ самаго учрежденія министерства народнаго просвѣщенія, и я не могу не удивляться столь превратному толкованію о дѣйствіяхъ цензуры. Она запрещаетъ вымышленныя повѣствованія о министрахъ, графахъ, князьяхъ и проч., а также и переводы

[1]) Тамъ же, стр. 587.

сего рода, приноровленные, по сходству обстоятельствъ, къ обидѣ чести какого-либо изъ нашихъ государственныхъ людей; и ничего не можетъ быть справедливѣе. Извѣстно, что злонамѣренные писатели, желая выказать недоброжелательство свое къ какому-либо лицу, облеченному довѣренностію правительства, и не смѣя осмѣивать или охуждать его въ сочиненіяхъ своихъ явно, прибѣгаютъ къ вышеизъясненному средству, и подъ вымышленными именами министровъ, графовъ или князей, описываютъ помянутое лицо самыми черными красками, а выставляя въ то же время нѣкоторыя сходныя съ обстоятельствами происшествія и отношенія разныхъ лицъ, намекаютъ довольно ясно, о комъ они говорятъ такимъ образомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что цензура обязана тщательно пресѣкать всякое покушеніе къ подобнымъ соблазнительнымъ дѣйствіямъ.

IV. Мысли о преобразованіи цензуры.

Упомянувъ о недостаточномъ числѣ цензоровъ въ С.-Петербургѣ, коихъ по прежнему штату было только три, сочинитель замѣчаній полагаетъ полезнымъ составить многочисленный цензурный комитетъ изъ академиковъ и профессоровъ, безъ малѣйшей прибавки жалованья, гдѣ могутъ засѣдать, какъ почетные члены, нѣсколько литераторовъ, съ совѣщательнымъ голосомъ, сверхъ того двѣ духовныя особы должны быть прикомандированы только для разрѣшенія духовныхъ пунктовъ, встрѣчающихся въ свѣтскихъ сочиненіяхъ. Всѣ же духовныя сочиненія должны подлежать Синоду и духовной цензурѣ.

Неудобство предоставленія права цензуры большему числу чиновниковъ извѣдано многолѣтними опытами при нѣкоторыхъ университетахъ, гдѣ лекторами цензуры полагались всѣ ординарные, экстраординарные профессоры и даже магистры. Какой же пользы ожидать можно отъ предполагаемаго въ С.-Петербургѣ цензурнаго комитета, который, по назначенію сочинителя замѣчаній, долженъ состоять по крайней мѣрѣ изъ 50 или 60 человѣкъ. Не говоря уже о медленности дѣлопроизводства, неразлучной съ таковымъ образованіемъ, обязанности цензоровъ раздробятся на множество разныхъ лицъ, между коими не можетъ существовать единства. Сверхъ того, при таковомъ порядкѣ вещей, важное цензурное дѣло будетъ почитаться какъ бы второстепеннымъ или побочнымъ занятіемъ употребленныхъ для сего чиновниковъ, тѣмъ болѣе, что многотрудному званію цензоровъ не полагается предоставить никакой особенной выгоды и даже не назначается производства жалованья.

«Сей комитетъ долженъ раздѣляться на два о т д ѣ л е н і я подъ предсѣдательствомъ президента, назначеннаго правительствомъ.

1-е отдѣленіе, по части математическихъ и физическихъ наукъ,
2-е отдѣленіе, по части исторіи, статистики и словесности [1]).

Таковое раздѣленіе нахожу я весьма недостаточнымъ: ибо въ немъ опущены весьма важныя отрасли человѣческихъ познаній, какъ-то: науки философическія, юридическія и медицинскія. Сверхъ того не упоминается ни слова о музыкальныхъ сочиненіяхъ и произведеніяхъ гравированія и литографіи, которыя также должны быть подвергаемы цензурѣ.

«3-е Отдѣленіе театральныхъ піесъ и періодическихъ изданій, журналовъ, газетъ и альманаховъ, должно быть при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ по части высшей полиціи (la haute police). Сюда же принадлежитъ и цензура приходящихъ изъ чужихъ краевъ книгъ. Это потому, что театральныя піесы и журналы, имѣя обширный кругъ зрителей или читателей, скорѣе и сильнѣе дѣйствуютъ на умы и на общее мнѣніе. И такъ высшей полиціи должно знать общее мнѣніе и направлять умы по произволу правительства, то оно же и должно имѣть въ рукахъ своихъ служащія къ тому орудія. 3-е отдѣленіе можетъ быть въ сношеніяхъ, но не должно быть въ зависимости отъ двухъ первыхъ, и должно дѣйствовать особо по волѣ государя императора, изъявляемой министру. Сіе третье отдѣленіе должно быть составлено изъ чиновниковъ, просвѣщенныхъ въ полномъ смыслѣ слова, надежныхъ и нравственныхъ. Они должны получать хорошее содержаніе. Шесть человѣкъ, включая въ то число и секретаря, весьма достаточно для сего отдѣленія» [2]).

При составленіи новаго устава о цензурѣ, касательно театральныхъ сочиненій приняты въ разсужденіе слѣдующія обстоятельства: 1) что сочиненія сіи печатаются не для представленія только, а преимущественно для чтенія, а 2) что многія театральныя сочиненія печатаются исключительно только для чтенія. На семъ основаніи, наблюденіе за представленіемъ театральныхъ сочиненій и позволеніе играть новыя сего рода произведенія оставлено принадлежностью министерства внутреннихъ дѣлъ; что касается до одобренія къ напечатанію ихъ, то сіе отнесено къ министерству народнаго просвѣщенія. Распредѣленіе сіе почитаю я совершенно соотвѣтствующимъ существу самого дѣла и пользѣ общественной.

Относительно отдѣленія отъ министерства народнаго просвѣщенія цензуры журналовъ, газетъ и альманаховъ, то, по мнѣнію моему, сіе не только было бы вовсе безполезно, но даже и не безвредно. Ибо кромѣ

---

[1]) Тамъ же, стр. 588.
[2]) Тамъ же, стр. 589.

того, что цензуры во всѣхъ сихъ случаяхъ руководствоваться должны тѣми же правилами, правительство безъ единства и согласія въ распоряженіяхъ, стремящихся къ одной и той же цѣли, т. е. къ охраненію вѣры, преданности къ престолу и нравовъ народныхъ, не можетъ имѣть никакого надежнаго въ семъ важномъ дѣлѣ обезпеченія. Всеобщность и согласіе дѣйствій при цензурѣ всѣхъ вообще печатаемыхъ въ Россіи книгъ гораздо болѣе представляетъ возможности и способовъ министерству народнаго просвѣщенія направлять общественное мнѣніе къ полезной цѣли, нежели сколько можетъ имѣть ихъ министерство внутреннихъ дѣлъ, или полиціи.

*

Донесеніе изъ Фридрихсгама отъ 25-го марта 1796 года о государственномъ переворотѣ въ Швеціи.

Приводимое ниже сообщеніе о государственномъ переворотѣ въ Швеціи доставлено было императрицѣ Екатеринѣ II правителемъ Выборгскаго намѣстничества, княземъ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ Щербатовымъ, при слѣдующемъ рапортѣ его изъ Выборга, отъ 26-го марта 1796 года: «Каково мною сейчасъ отъ фридрихсгамскаго капитанъ исправника Клайгилса съ нарочнымъ получено письмо, содержащее нѣкоторыя извѣстія изъ Швеціи, оное вашему императорскому величеству у сего всеподданнѣйше подношу».—Письмо же Клайгилса, отъ 25-го марта, было такого содержанія: «Милостивый государь! Полученныя мною отъ стороны Швеціи извѣстія содержатъ въ себѣ слѣдующее: 1) Пріѣхавшій на первыхъ дняхъ прошедшей недѣли въ Гельсингфорсъ изъ Стокгольма курьеръ привезъ генералу Клингспорну вѣдомость, что въ Стокгольмѣ обнаружилась революція; что городскія ворота заперты и что молодой государь [1]) при помощи трехъ сословій народныхъ объявленъ царствующимъ, ибо одно только дворянство держало сторону герцога-правителя [2]), у котораго возжи правленія уже отняты. 2) Въ Пумалѣ въ Швеціи находятся 24 человѣка егерей, а въ Аньялѣ поставлены пикеты, и во всѣхъ пограничныхъ мѣстахъ удвоена стража. Въ аньяльской киркѣ обнародовано повелѣніе, чтобы каждый крестьянинъ до привозу казеннаго провіанта давалъ ежедневно солдатамъ по 2 фунта хлѣба и 1-му фунту овощей. 3) Что изъ Свеаборга перевозятся на границу пушки, и что всѣ финляндскіе полки получили приказъ быть въ готовности къ походу. Наняты также для перевозу полковаго багажа лошади, коего часть находится уже противъ Райволы. Напослѣдокъ, кажется, что нѣтъ вѣрныхъ извѣстій о происходившемъ въ Стокгольмѣ, гдѣ крайне безпокоятся въ разсужденіи королевской особы. Многіе утверждаютъ, что вѣдомость о его короноваціи сомнительна, и подозрѣваютъ о существованіи его между живыми. Слухъ носится, что 30.000 россійскаго войска идутъ къ границѣ. На сихъ дняхъ пріѣхалъ со стороны Швеціи въ Биркенейландъ лодочникъ, который подаетъ собою видъ совершеннаго обо всемъ невѣдѣнія. Нелишне было бы присматривать за нимъ изблизка. Повидимому, все сіе откроется въ нѣсколько дней, почему и прошу ваше сіятельство доставить ко мнѣ со вручителемъ сего нѣсколько бланкетовъ для паспортовъ и нѣкоторое количество денегъ на нужные по поводу сего расходы».

Сообщ. **Александръ Успенскій.**

---

[1]) Король Густавъ-Адольфъ IV.

[2]) Герцога Карла Зюдерманландскаго.

Воспоминанія педагога [1].

Вскорѣ послѣ моего перехода въ спеціальные классы началась война съ Турціей, и всѣхъ насъ старшихъ воспитанниковъ охватило сильнѣйшее патріотическое чувство. Кадеты 1-го корпуса всегда отличались патріотизмомъ, чему болѣе всего спосособствовала исторія корпуса. Портреты фельдмаршаловъ, бывшихъ воспитанниковъ 1-го корпуса: Прозоровскаго, Каменскаго, Румянцева-Задунайскаго и такихъ знаменитыхъ генераловъ, какъ Кульневъ, Толь и мн. др., заставляли кадетъ гордиться тѣмъ, что они воспитываются въ столь славномъ 1-мъ корпусѣ. Мраморныя доски, съ именами убитыхъ въ сраженіяхъ, бывшихъ воспитанниковъ, занимавшія всѣ стѣны корпусной церкви,—все это развивало воинственный духъ кадетъ, и воспитанники, начиная съ неранжированной роты и до старшихъ ротъ, всѣ искренно желали быть убитыми въ сраженіи, чтобы попасть на эти доски.

— Мы, — говорили обыкновенно кадеты, — не должны посрамить 1-го корпуса.

Привожу все это, какъ свидѣтельство противъ того крайне ложнаго взгляда на значеніе исторіи прежнихъ корпусовъ, которымъ проникались преобразователи военно-учебныхъ заведеній въ 1863 году, когда, выражаясь словами поэта:

... въ глаза исторіи плевали.

Война съ Турціей на Дунаѣ, затѣмъ осада Севастополя заставили насъ, старшихъ воспитанниковъ, съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ слѣдить за каждымъ извѣстіемъ съ театра войны; всѣ рвались въ Крымъ,

[1]) См. „Русскую Старину“ 1904 г. май.

въ Севастополь. Но опытъ 1848 и 1849 годовъ показалъ невыгоды усиленныхъ выпусковъ, надолго уменьшившихъ число офицеровъ для послѣдующихъ выпусковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ понизившихъ качество офицеровъ, и потому, несмотря на надобность въ офицерахъ, усиленные выпуски болѣе не допускались, такъ что каждый долженъ былъ ожидать окончанія курса.

Хорошо помню я послѣдній выпускъ, произведенный въ іюнѣ 1854 г. Императоръ Николай, послѣ смотра на Марсовомъ полѣ, собралъ къ себѣ выпускныхъ воспитанниковъ всѣхъ корпусовъ и сказалъ имъ трогательную рѣчь, которую закончилъ слѣдующими словами:

— Тяжелое время настало для меня и для Россіи, но съ такими, какъ вы, я ничего не боюсь.

Какой восторгъ вызвали эти слова! Воспитанники бросились цѣловать государю руки и ноги; многіе рыдали, всѣ клялись въ готовности умереть въ бою.

18-го февраля 1855 года, во время утреннихъ классовъ, пришло распоряженіе отъ Я. И. Ростовцева вести воспитанниковъ въ церковь на молебствіе о здравіи государя. Тутъ только мы узнали въ первый разъ, что онъ сильно боленъ. Къ концу молебна пріѣхалъ въ церковь докторъ Обломьевскій и сообщилъ, что государь скончался. Послѣ обѣда мы снова пошли въ церковь, но уже на панихиду.

Кончина императора Николая поразила насъ, какъ громомъ; мы чувствовали себя какъ бы осиротѣвшими; намъ казалось, что осиротѣла и вся Россія; многіе воспитанники плакали, и когда пришло въ корпусъ распоряженіе, чтобы на часахъ у гроба государя стояли два унтеръ-офицера 1-го корпуса, то всѣ они просились идти ко гробу. Была составлена очередь, и по два унтеръ-офицера день и ночь стояли у гроба сперва въ Зимнемъ дворцѣ, а потомъ въ Петропавловской крѣпости. Мнѣ пришлось три дня стоять во дворцѣ и два дня въ крѣпости, оставаясь на часахъ подрядъ по два часа, и отдыхая затѣмъ четыре часа.

Какъ кадеты всѣхъ корпусовъ любили Николая Павловича, видно изъ слѣдующаго печальнаго событія, бывшаго спустя мѣсяцъ послѣ смерти государя. Въ Пажескомъ корпусѣ былъ преподавателемъ русскаго языка и словесности Благосвѣтловъ (бывшій потомъ редакторомъ журнала «Дѣло»). Одинъ изъ пажей подалъ ему сочиненіе съ изложеніемъ царствованія Николая I, гдѣ назвалъ его «великимъ». Благосвѣтловъ съ ироніей замѣтилъ: «чѣмъ же онъ былъ великъ?» Пажи вскочили съ своихъ мѣстъ, бросились на Благосвѣтлова и вытолкали его изъ класса. Исторія эта окончилась удаленіемъ Благосвѣтлова изъ всѣхъ тѣхъ военно-учебныхъ заведеній, въ которыхъ онъ преподавалъ, а пажи понесли сравнительно легкое домашнее наказаніе, такъ какъ

проступокъ этотъ, по мнѣнію Ростовцева, выкупался преданностью и любовью къ покойному и къ только-что вступившему на престолъ государю.

Черезъ руки очень многихъ учителей прошелъ я въ теченіе десятилѣтняго пребыванія своего въ корпусѣ; но буду говорить только о нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Русскій языкъ въ приготовительномъ классѣ преподавалъ Орѣшниковъ — послѣдній представитель старыхъ учителей прошлаго и начала нынѣшняго вѣка, приготовляемыхъ изъ мѣщанъ, съ спеціальною цѣлью преподавать въ корпусѣ. Въ 1772 году Бецкій получилъ разрѣшеніе императрицы Екатерины II опредѣлять въ Сухопутный шляхетный корпусъ (впослѣдствіи 1-й кадетскій), черезъ каждые 3 года, отъ 14-ти до 16-ти лицъ изъ мѣщанъ, съ цѣлью образовать изъ нихъ для корпуса учителей. Порядокъ этотъ держался, кажется, только до Павла Петровича. Вотъ изъ этихъ-то учителей, давно уже выслужившихъ свой обязательный срокъ службы, и былъ старикъ Орѣшниковъ. Въ прежнее время начальство корпуса нисколько не стѣснялось въ своемъ обращеніи съ мѣщаниномъ, хотя бы занимавшимъ должность учителя.

Старые ротные командиры, воспитывавшіеся сами въ корпусѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, впослѣдствіи разсказывали мнѣ, что бывало директоръ корпуса приходитъ въ классъ и обращается къ этому учителю прямо на «ты»; замѣтивъ же его въ несовсѣмъ трезвомъ видѣ, безъ церемоніи вызывалъ его изъ класса и наказывалъ тѣлесно, послѣ чего велитъ ему опять идти въ классъ [1]).

Въ мое время Орѣшниковъ хотя такому наказанію не подвергался, но страхъ къ начальству питалъ необыкновенный. Передъ ротнымъ командиромъ, передъ дежурными офицерами онъ кланялся такъ низко, что мы, дѣти, передразнивали его, встрѣчая такими же низкими поклонами, при входѣ его въ классъ. Многіе шалуны, зная, что Орѣшниковъ никогда не пожалуется начальству, позволяли себѣ дерзкія насмѣшки: подходили къ нему и, кланяясь передъ нимъ также низко, произносили на распѣвъ, подражая его манерѣ говорить: «г-нъ Орѣшниковъ, изъ породы грѣшниковъ, сидитъ на печкѣ, ѣстъ ватрушки».

---

[1]) Находясь уже на службѣ, я встрѣтился съ однимъ генераломъ, который также когда-то учился у Орѣшникова; онъ разсказалъ мнѣ, что при немъ было еще много учителей изъ мѣщанъ, и директоръ, генералъ Перскій, за пьянство наказывалъ ихъ тѣмъ, что на недѣлю дѣлаетъ его маляромъ, такъ что воспитанники видятъ изъ класснаго окна, какъ ихъ учитель краситъ въ саду стѣну или заборъ, а по окончаніи срока наказанія, онъ снова приходитъ въ классъ.

На что Орѣшниковъ обыкновенно отвѣчалъ: «шалунъ! садитесь, садитесь».

Какъ учитель маленькихъ классовъ, Орѣшниковъ велъ свое дѣло недурно, поэтому-то онъ такъ долго держался въ корпусѣ. Когда директоромъ былъ назначенъ Лихонинъ, то онъ былъ пораженъ манерами Орѣшникова и велѣлъ его удалить.

Въ первомъ и во второмъ общихъ классахъ преподавателемъ русскаго языка у меня былъ Н. Я. Прокоповичъ, извѣстный другъ и товарищъ Н. В. Гоголя. Панаевъ, въ своихъ литературныхъ воспоминаніяхъ, говоритъ о Прокоповичѣ, между прочимъ, слѣдующее: «онъ былъ большой чудакъ, а главное—добрякъ». Если бы Панаевъ поучился у Прокоповича, то, конечно, никогда не сказалъ бы послѣдняго. Мы, ученики его, вынесли о немъ совершенно другое мнѣніе и говорили, что это злой и мстительный человѣкъ. Мы трепетали, ожидая его въ классъ. Едва начинался грамматическій разборъ, Прокоповичъ требовалъ, чтобы мы съ перваго же урока могли производить разборъ безошибочно. Каждая ошибка или остановка выводила его изъ себя: онъ бросалъ въ полъ или въ доску мѣломъ, топалъ ногами, словомъ, выказывалъ всѣ признаки крайняго раздраженія, наконецъ, прогонялъ отвѣчающаго на мѣсто и ставилъ ему въ журналъ единицу.

Но все это продѣлывалось только тогда, когда онъ былъ одинъ въ классѣ; если же въ классъ приходилъ директоръ или инспекторъ, то Прокоповичъ дѣлался совершенно другимъ человѣкомъ. Откуда только у него являлось терпѣніе; онъ объяснялъ ученикамъ то, что они плохо понимали, поправлялъ ихъ, и все это такимъ мягкимъ, любезнымъ голосомъ, что мы считали себя счастливыми, если кто-нибудь посѣтилъ классъ. Въ добавокъ ко всему этому у Прокоповича были любимцы и отверженцы; къ числу послѣднихъ нерѣдко принадлежали нѣкоторые изъ лучшихъ учениковъ класса, такъ что намъ дѣлалась непонятною причина нелюбви, а вмѣстѣ съ тѣмъ и бросавшагося намъ въ глаза несправедливаго преслѣдованія такихъ учениковъ. Хотя крайняя раздражительность Прокоповича отчасти и объяснялась его чахоточнымъ состояніемъ, но для его учениковъ это нисколько не было легче.

Однажды во время урока Прокоповича (во 2-мъ классѣ) зашелъ въ классъ инспекторъ классовъ А. Я. Кушакевичъ, который если и приходилъ въ классъ, то всегда на двѣ-три минуты. Кушакевичъ почувствовалъ въ классѣ запахъ яблоковъ и, съ свойственной ему шутовской манерой, сталъ кричать: «ха-ха, яблоками пахнетъ, кто принесъ яблоки? у кого яблоки?» Долго никто не отвѣчалъ ни слова; но такъ какъ Кушакевичъ продолжалъ допрашивать, то вдругъ Прокоповичъ, съ раскраснѣвшимся лицомъ, заговорилъ: «это я, ваше пре-

восходительство, идя въ классы, купилъ яблоки для своихъ дѣтей и принесъ ихъ въ карманѣ». Кушакевичъ успокоился: «ха-ха, дѣло объяснилось, вонъ гдѣ яблоки» и вышелъ изъ класса.

Въ старшихъ классахъ теорію словесности и исторію русской литературы преподавалъ у насъ Василій Тимоѳеевичъ Плаксинъ, прослужившій учителемъ 40 лѣтъ, изъ нихъ 30 лѣтъ въ 1-мъ корпусѣ.

Онъ съ искренней любовью относился къ своимъ ученикамъ, но въ то же время заставлялъ насъ заниматься, строго и требовательно относясь къ нашимъ занятіямъ. Самъ онъ никогда не заводилъ въ классахъ постороннихъ разговоровъ, уроковъ не пропускалъ никогда (по крайней мѣрѣ въ тѣ 4 года, когда я у него учился), и мы относились къ нему съ полнымъ уваженіемъ.

Плаксинъ очень не любилъ Булгарина и Греча. Послѣдній иногда, въ качествѣ наставника-наблюдателя русскаго языка, являлся къ намъ на экзаменъ; Плаксинъ держалъ себя передъ нимъ съ большимъ тактомъ: встрѣчалъ его какъ старшаго, но не низкопоклонничалъ. На лекціяхъ онъ не пропускалъ случая передъ нами ядовито отозваться о Гречѣ, хотя всегда въ приличной формѣ. Такъ, говоря о нашихъ старыхъ писателяхъ романовъ, Плаксинъ указывалъ на тридцатые и сороковые годы, какъ на время увлеченія романами, при этомъ прибавлялъ: «кто тогда только не писалъ романовъ? и даже Гречъ увлекся и написалъ два романа, но, изъ уваженія къ Николаю Ивановичу, мы говорить о нихъ не будемъ». На юбилей Н. И. Греча Плаксинъ подписался, но, несмотря на свою любовь при всякомъ случаѣ пооратор-ствовать,—рѣчи не говорилъ. Считаю не безъинтереснымъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ юбилеѣ, на которомъ мнѣ случайно привелось присутствовать.

Въ 1854 году, если не ошибаюсь 27-го декабря, въ сборной залѣ 1-го корпуса назначено было праздновать юбилей пятидесятилѣтней педагогической и литературной дѣятельности Н. И. Греча. По подпискѣ былъ назначенъ обѣдъ, и воспитанники 3-го спеціальнаго класса должны были встрѣтить юбиляра при входѣ въ залу, при чемъ воспитаннику К. К. Случевскому (въ настоящее время извѣстному писателю) была дана, не знаю кѣмъ составленная, рѣчь, которую онъ выучилъ и сказалъ юбиляру отъ лица старшихъ воспитанниковъ 1-го корпуса. Воспитанники 3-го спеціальнаго класса были затѣмъ приглашены къ обѣду, и такъ какъ остались еще незанятыя мѣста, то пригласили нѣсколько воспитанниковъ изъ унтеръ-офицеровъ 2-го спеціальнаго класса, въ числѣ ихъ попалъ и я. На обѣдѣ было участниковъ, какъ мнѣ казалось, около 200 человѣкъ, но я никого изъ литераторовъ въ лицо не зналъ и потому не могу сказать, кто изъ нихъ былъ.

Было произнесено нѣсколько рѣчей, въ которыхъ восхвалялась дѣятельность Николая Ивановича на поприщѣ литературномъ и педагогическомъ. Дѣло не обошлось безъ маленькаго скандала. Въ концѣ обѣда, передъ Гречемъ выросъ какой-то господинъ, уже порядочно выпившій, и началъ говорить слѣдующее: «никакихъ заслугъ русской литературѣ вы не оказали»... Но тутъ этого господина увели прочь. Въ корпусѣ былъ у меня товарищъ Погоржельскій, родной внукъ Ѳ. В. Булгарина; онъ постоянно ходилъ къ Булгарину въ отпускъ. Въ день юбилея Греча, Погоржельскій былъ въ отпуску и потомъ разсказалъ намъ, что Булгаринъ пріѣхалъ домой съ юбилейнаго обѣда до крайности взбѣшенный.

— Гречъ,—говорилъ онъ,—въ своей рѣчи благодарилъ даже тѣхъ, кто когда-нибудь далъ ему четвертушку бумаги, а обо мнѣ, сотрудничавшемъ съ нимъ много лѣтъ, даже не упомянулъ ни единымъ словомъ.

— Послѣ этого—добавилъ Ѳ. В. Булгаринъ,—я и самъ ни слова не напишу объ его юбилеѣ.

Исполнилъ-ли Булгаринъ свою угрозу, я, не читавшій въ то время газетъ, не знаю.

Инженерный полковникъ Лука Лукичъ Германъ былъ совершенно особенный преподаватель и оригинальный человѣкъ. Въ началѣ года одинъ изъ учениковъ долженъ былъ поднести ему толстую, хорошо переплетенную тетрадь, затѣмъ онъ бралъ перо, садился на каѳедру и начиналъ писать геометрію, диктуя въ то же время самъ себѣ въ слухъ. Кто желалъ, могъ тоже писать за нимъ. Одинъ изъ второгодникъ воспитанниковъ чертилъ на доскѣ мѣломъ тѣ фигуры, ставя на нихъ соотвѣтствующія буквы, о которыхъ диктовалъ Германъ. Такъ шло дѣло въ теченіе цѣлаго года. Большая часть воспитанниковъ занималась въ это время постороннимъ дѣломъ и потомъ уже переписывала себѣ изъ тетради Германа. Понятно, что Лука Лукичъ, постоянно только диктуя, долженъ былъ бы окончить курсъ приблизительно въ полгода, если бы воспитанники не принимали мѣръ къ тому, чтобы этого не случилось. Дѣлалось это такъ: какъ только замѣчалось, что Германъ слишкомъ подвинулся впередъ, воспитанники вырывали около половины того, что уже было написано Германомъ, тетрадь отдавалась переплетчику, который вставлялъ вмѣсто вырванныхъ листовъ чистую бумагу, и Лука Лукичъ, никогда ничего не помнившій и потому ничего не подозрѣвавшій, снова диктовалъ и писалъ то же самое. Искусно регулируя, достигали того, что въ послѣдній, предъэкзаменный урокъ, Лука Лукичъ какъ разъ оканчивалъ положенный по программѣ курсъ геометріи.

Другой способъ остановки слишкомъ быстраго движенія курса впередъ состоялъ въ заговариваніи Германа. Никогда никого не спрашивая, Германъ не зналъ почти ни одной фамиліи своихъ воспитанниковъ

а называлъ каждаго просто «ты, братецъ» (только двухъ учениковъ зналъ Германъ: хозяина тетради и писавшаго на доскѣ). Неожиданный вопросъ поражалъ Луку Лукича, онъ пріостанавливался, какъ говорили воспитанники, «ошалѣвалъ», потомъ слегка ударялъ себя въ лобъ и говорилъ: «что ты такое, братецъ, спрашиваешь?» при этомъ обыкновенно повторялъ то, что ему говорили.

Подойдетъ кто-нибудь къ Герману съ цѣлью пріостановить его занятіе и говоритъ: «Полковникъ (иначе Германа никто не называлъ и онъ это очень любилъ), что это мы все идемъ впередъ да впередъ, такъ мы ничего не будемъ знать, надо повторить пройденное».

Германъ пріостанавливается писать, смотритъ нѣсколько времени на говорящаго и говоритъ:

— А ты, братецъ, вѣрно замѣтилъ. Да, надо повторить, я буду теперь спрашивать. Садитесь всѣ на мѣста!

Онъ вынимаетъ изъ кармана книжку (которая къ нашему удивленію у него оказывалась) и хочетъ кого-нибудь вызвать. Но въ это время подходитъ другой воспитанникъ и, показывая программу, говоритъ:

— Полковникъ, мы не успѣемъ окончить курсъ, надо продолжать, вонъ какъ еще много осталось.

Германъ смотритъ на программу.

— Что ты, братецъ, вздоръ говоришь, развѣ мы такъ мало прошли?

— Да вотъ посмотрите, мы не окончимъ, надо скорѣе продолжать, лучше въ другой разъ будемъ отвѣчать.

— Да, ты, братецъ, вѣрно говоришь (обращается къ классу): вѣдь мы, пожалуй, не успѣемъ окончить курсъ (общій крикъ: конечно, не успѣемъ, надо продолжать). Да, братцы, я буду продолжать, дайте мнѣ тетрадь. И пойдутъ тѣ же занятія.

Но иногда Лука Лукичъ заупрямится, и тогда его невозможно сбить съ толку. Несмотря на то, что нѣсколько воспитанниковъ указываютъ на необходимость продолжать, онъ стоитъ на своемъ.

— Ты, братецъ, все врешь, я буду спрашивать!

Подымается общій шумъ, всѣ кричатъ: надо продолжать. Но Германъ стоитъ на своемъ.

— Молчите, я хочу спрашивать.

И онъ вызоветъ кого-нибудь къ доскѣ. Одно спасеніе: выходитъ не вызванный, а кто-нибудь изъ постоянно занимающихся геометріей и бойко отвѣчаетъ на всѣ вопросы. А съ боку товарищи подсказываютъ Герману.

— Полковникъ, онъ хорошо отвѣчаетъ.

— Ты, братецъ, хорошо отвѣчаешь,—повторяетъ Германъ.

— Полковникъ, онъ отлично знаетъ геометрію.

— Ты, братецъ, отлично знаешь геометрію.

— Полковникъ, мы всѣ также хорошо знаемъ, будемъ лучше продолжать.

— Да, братцы, будемъ продолжать,—соглашается Германъ. И дѣло улажено.

Одинъ разъ какъ-то Германъ заупрямился до того, что, спросивъ одного, вызвалъ затѣмъ другаго, потомъ третьяго и четвертаго. Но такъ какъ въ классѣ было всего трое всегда знавшіе все, что было пройдено, то на вызовъ четвертаго вышелъ опять одинъ изъ отвѣчавшихъ. Германъ какъ будто замѣтилъ.

— Да ты, братецъ, кажется, уже отвѣчалъ?

— Нѣтъ, полковникъ, вы только-что меня вызвали.

— Странно, ты, должно быть, похожъ на другаго.

На этомъ онъ и успокоился.

Инженеръ-капитанъ Паукеръ [1]) отличался крайней неаккуратностью въ своихъ занятіяхъ. Курсъ высшей алгебры въ 3-мъ спеціальномъ классѣ былъ обширный и трудный, а онъ пропускалъ бо́льшую часть своихъ уроковъ, черезъ что̀ во̀-время не оканчивалъ курсъ и самую трудную часть, интегральное исчисленіе, проходилъ во время нашихъ экзаменовъ, такъ что мы не имѣли возможности повторять пройденное и не сдѣлали ни одной задачи. Результатомъ такого преподаванія вышло слабое знаніе нами интегральнаго исчисленія, и когда я вмѣстѣ съ однимъ изъ товарищей поступилъ въ Артиллерійскую академію, то мы не въ состояніи были слѣдить за курсомъ академіи, гдѣ большая часть преподаваемыхъ наукъ была основана на интегральномъ исчисленіи. Три года такимъ образомъ преподавалъ Паукеръ въ 1-мъ корпусѣ и только послѣ третьяго года сдѣлалъ честный шагъ, отказался отъ уроковъ, да и то обидѣвшись на Лихонина, который прямо сказалъ ему, что изъ-за его пропусковъ ученики ничего не знаютъ изъ математики.

Исторію преподавалъ у насъ въ среднихъ классахъ Твелькмейеръ, а въ старшихъ В. П. Макинъ. Твелькмейеръ былъ лѣнивъ, уроки пропускалъ часто (сравнительно съ другими), никогда къ нимъ не готовился, а пока воспитанникъ отвѣчаетъ, онъ бралъ записки и прочитывалъ по нимъ то, что ему надо было объяснить намъ къ слѣдующему уроку. В. П. Макинъ наоборотъ былъ очень усерденъ и хорошо намъ читалъ новую исторію. Преподаваніе исторіи происходило по литографированнымъ запискамъ, разсылавшимся по корпусамъ черезъ главный штабъ военно-учебныхъ заведеній.

По поводу составленія этихъ записокъ я слышалъ уже впослѣдствіи, когда самъ служилъ преподавателемъ въ 1-мъ корпусѣ, отъ самого Макина слѣдующій небезынтересный и весьма характерный разсказъ. За-

---

[1]) Впослѣдствіи министръ путей сообщенія.

писки составлялись, по распоряженію Якова Ивановича Ростовцева, слѣдующими преподавателями исторіи: 1-го корпуса—В. П. Макинымъ, школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ—Шакѣевымъ и профессоромъ академіи генеральнаго штаба—Иваномъ Шульгинымъ. Онѣ писались согласно основаніямъ, указаннымъ въ извѣстномъ Наставленіи Ростовцева [1]). Составленныя записки поступали на цензуру къ инспекторамъ классовъ тѣхъ заведеній, въ которыхъ составители находились на службѣ. В. П. Макину было поручено составить записки по древней исторіи; говоря о Греціи, Макинъ указалъ, что образъ правленія тамъ былъ республиканскій,—н а и л у ч ш і й для этого государства, раздѣленнаго на отдѣльныя небольшія части. Послѣ цензуры инспектора классовъ, записки отсылались въ штабъ военно-учебныхъ заведеній, а Я. И. Ростовцевъ отправлялъ ихъ на просмотръ и одобреніе въ 3-е отдѣленіе Собственной его величества канцеляріи. Записки Макина были возвращены въ штабъ военно-учебныхъ заведеній, съ отмѣткою краснымъ карандашемъ противъ вышеприведенныхъ мѣстъ. Яковъ Ивановичъ тотчасъ же послалъ за инспекторомъ классовъ 1-го корпуса А. Я. Кушакевичемъ и за В. П. Макинымъ, и оба они, въ теченіе слишкомъ полчаса, должны были, молча, выслушивать много непріятностей, высказанныхъ горячимъ Яковомъ Ивановичемъ. Затѣмъ, записки были возвращены Макину и другимъ составителямъ для болѣе тщательнаго пересмотра, а инспектора классовъ, въ глазахъ Якова Ивановича, потеряли кредитъ, и цензура была возложена на директоровъ. Такимъ образомъ, записки Макина уже цензуровалъ О. С. Лихонинъ, записки Шакѣева—директоръ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ — Сутгофъ [2]), кто цензуровалъ записки Шульгина, я теперь не помню.

Въ спеціальныхъ классахъ читалъ намъ статистику (въ 1-мъ спеціальномъ классѣ — Европы, во 2-мъ — Россіи) Соколовскій, человѣкъ очень умный и знавшій свое дѣло, умѣвшій своимъ краснорѣчивымъ чтеніемъ заинтересовать воспитанниковъ. Будучи очень малъ ростомъ, Соколовскій съ особымъ неудовольствіемъ относился къ кадетамъ высокимъ и нерѣдко острилъ на счетъ высокаго роста. Кадеты часто кричали ему изъ-за двери: «маленькій», на что онъ спокойно отвѣчалъ: «большой, да глупъ». Въ концѣ 1853—1854 учебнаго

---

[1]) Наставленіе для образованія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній. Высочайше утверждено 24-го декабря 1848 года. Спб. 1849 г. Книга эта не находится и, кажется, никогда не находилась въ продажѣ, а въ большомъ числѣ экземпляровъ хранилась въ каждомъ корпусѣ.

[2]) Генералъ Сутгофъ даже прочелъ извѣстныя историческія сочиненія Капфига (Capefigue) и послѣ этого постоянно вставлялъ въ разговоръ фамилію прочитаннаго автора, почему и ему самому дали кличку К а п ф и г ъ, которую кадеты постоянно ему выкрикивали.

года Соколовскій внезапно умеръ, а на его мѣсто поступилъ Самойловичъ, далеко уступавшій Соколовскому и въ знаніи предмета, и въ краснорѣчіи, такъ что любовь къ статистикѣ стала въ воспитанникахъ ослабѣвать.

Естественную исторію читали два учителя: Зельгеймъ (бывшій впослѣдствіи директоромъ, кажется, гимназіи человѣколюбиваго общества) и Станиславъ Осиповичъ Жолкевичъ; оба они, а въ особенности послѣдній, были преданы своему дѣлу, что̀ отражалось и на ученикахъ, такъ что въ общихъ классахъ воспитанники почти поголовно занимались составленіемъ гербаріевъ. Жолкевичъ отличался также умѣніемъ говорить, при чемъ нерѣдко привиралъ въ своихъ разсказахъ о наблюденіяхъ надъ животными и своихъ путешествіяхъ.

Въ старшихъ классахъ физику, химію и физическую географію читалъ Николай Ивановичъ Черухинъ, человѣкъ очень умный и способный, но до крайности лѣнивый. Являясь на уроки, онъ постоянно занимался разговорами съ воспитанниками или разсказами анекдотовъ, нерѣдко нескромнаго свойства. Онъ никогда никого не спрашивалъ и, такъ какъ по физикѣ учебника тогда не было и мы сами составляли за нимъ записки, то должны были сами побуждать его перейти отъ разговоровъ къ дѣлу. Только постоянными напоминаніями намъ удавалось заставить его, хотя полчаса (изъ полуторачасоваго урока) прочесть намъ нѣсколько изъ физики; несмотря на эти побужденія, онъ не каждый годъ успѣвалъ окончить курсъ по программѣ. Однажды, въ разговорѣ съ воспитанниками, Черухинъ узналъ, что у воспитанниковъ хранится альбомъ съ каррикатурными рисунками на всѣхъ служащихъ, онъ просилъ показать ему альбомъ, и воспитанники, выдѣливъ его каррикатуру, показали ему; Черухинъ много смѣялся, находилъ рисунки очень остроумными и затѣмъ спросилъ, почему же здѣсь нѣтъ его. Когда же воспитанники сказали, что они не хотятъ ему показать, то онъ присталъ съ просьбой показать, давая слово, что это его не обидитъ. Послѣ усиленной его просьбы, воспитанники показали ему его изображеніе и, несмотря на данное слово, Черухинъ оскорбился, что̀ и выразилъ на словахъ. Изображенъ Черухинъ былъ въ видѣ шарманщика, который одной рукой вертитъ ручку шарманки, а другой указываетъ на сидящую на шарманкѣ обезьяну и говоритъ: «вотъ, господа, посмотрите на этого субъекта» (любимое слово Н. И.).

Законовѣдѣніе военное и гражданское преподавалъ Добровольскій, человѣкъ, отличавшійся необыкновенной толщиной и большими на выкатѣ глазами, которыми, впрочемъ, дурно видѣлъ: близорукъ онъ былъ въ такой сильной степени, что буквально мазалъ носомъ книгу, когда читалъ. Подобно Черухину, Добровольскій мало занимался въ классѣ и больше проводилъ время въ разсказахъ анекдотовъ, впрочемъ,

всегда приличныхъ. Уроки задавалъ намъ по учебнику, имъ же составленному. Говорилъ Добровольскій хорошо, и нѣкоторые уроки его, состоявшіе въ разсказѣ о розыскахъ виновныхъ въ различныхъ уголовныхъ дѣлахъ, доставляли намъ большое удовольствіе. Вмѣстѣ съ Черухинымъ и Макинымъ Добровольскій впослѣдствіи перешелъ на частную службу къ Демидову.

По военнымъ наукамъ у насъ были вообще хорошіе учителя. По тактикѣ генеральнаго штаба капитаны Зотовъ и Карцевъ. Первый изъ нихъ впослѣдствіи сдѣлался извѣстнымъ, какъ участникъ Плевненскаго боя, въ качествѣ корпуснаго командира и начальника штаба Румынской арміи. Карцевъ же умеръ командующимъ войсками Харьковскаго военнаго округа.

Въ 1855 году я окончилъ курсъ во 2-мъ спеціальномъ классѣ и имѣлъ право выйти изъ корпуса прапорщикомъ въ артиллерію или въ саперы, или въ армію подпоручикомъ; но остался еще на одинъ годъ въ 3-мъ спеціальномъ классѣ для приготовленія къ академіи.

По окончаніи нашихъ домашнихъ экзаменовъ, начались по всѣмъ предметамъ, до крайности тяготившіе насъ, вторичные экзамены—п у б л и ч н ы е. На этихъ экзаменахъ Я. И. Ростовцевъ былъ главнымъ лицомъ, затѣмъ приглашались академики и профессора университета, бывшіе главными наставниками-наблюдателями въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, также профессора и учителя военно-учебныхъ заведеній и члены Совѣта. На экзамены собирались воспитанники 3-го спеціальнаго класса всѣхъ петербургскихъ и московскихъ корпусовъ и юнкера артиллерійскаго и инженернаго училищъ, такъ что экзамены, начавшись въ 8 часовъ утра, тянулись безъ перерыва до третьяго или четвертаго часа. Экзамены публичные были уничтожены только за годъ до преобразованія кадетскихъ корпусовъ.

Первая мысль публичныхъ экзаменовъ принадлежала Я. И. Ростовцеву, который устроилъ ихъ въ началѣ сороковыхъ годовъ для 2-го спеціальнаго класса и обратился къ бывшему тогда главному начальнику военно-учебныхъ заведеній великому князю Михаилу Павловичу съ просьбой осчастливить ихъ личнымъ присутствіемъ. Отъ одного изъ лицъ, служившихъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ очень долго, съ начала тридцатыхъ годовъ, я слышалъ слѣдующій интересный разсказъ по поводу этихъ экзаменовъ. Хотя Михаилъ Павловичъ, по просьбѣ Ростовцева, и согласился присутствовать на публичномъ экзаменѣ, но очень не охотно и видимо тяготился этимъ. Въ первый разъ экзаменъ былъ назначенъ изъ русской словесности и математики. Михаилъ Павловичъ вызвалъ троихъ воспитанниковъ, которые должны были писать сочиненіе, и троихъ для отвѣта по математикѣ.

Послѣ каждаго отвѣтившаго Михаилъ Павловичъ подзываетъ къ

себѣ Я. И. Ростовцева и видимо выражаетъ желаніе уѣхать. Ростовцевъ уговариваетъ остаться. Но такъ какъ нетерпѣніе Михаила Павловича съ каждымъ отвѣтомъ возрастало и онъ дѣлался все суровѣе, то, послѣ третьяго призыва, Я. И. сказалъ ему: «теперь можно» (уѣхать). Михаилъ Павловичъ быстро поднялся, за нимъ встали всѣ бывшіе въ залѣ; Михаилъ Павловичъ благодаритъ академиковъ, профессоровъ и преподавателей и говоритъ, что онъ съ своей стороны постарается имъ также доставить удовольствіе. Дня черезъ два Михаилъ Павловичъ отдаетъ приказъ: такого-то числа назначается парадъ воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній на Марсовомъ полѣ, присутствовать на которомъ приглашаются всѣ преподаватели и главные наставники-наблюдатели кадетскихъ корпусовъ. Въ назначенный день погода стоитъ отличная, всѣ начали одѣваться, но вдругъ разсылаются повѣстки, что парадъ отмѣняется до слѣдующаго дня. На другой день повторяется то же, на третій день—то же, наконецъ, на четвертый день погода сомнительная, каждую минуту надо ждать дождя, всѣ ждутъ отмѣны парада, но время идетъ, а отмѣны нѣтъ; нечего дѣлать,—всѣ одѣваются, съѣзжаются на Марсово поле къ половинѣ десятаго. Тучи усиливаются, начинаетъ накрапывать дождь, наставники-наблюдатели и преподаватели ищутъ, куда бы спрятаться, но вдругъ махальные закричали: его императорское высочество изволитъ ѣхать. Всѣ выстроились, профессора и преподаватели впереди, Остроградскій на правомъ флангѣ. Великій князь пріѣхалъ и, хотя дождь началъ усиливаться, медленно объѣхалъ строй и приказываетъ проходить церемоніальнымъ маршемъ, при этомъ обращается къ преподавателямъ, профессорамъ и академикамъ: «господа, пожалуйте сюда, благодарю васъ за доставленное мнѣ на экзаменѣ удовольствіе, позвольте мнѣ теперь доставить вамъ удовольствіе на моемъ экзаменѣ». Воспитанники, подъ проливнымъ дождемъ, прошли церемоніальнымъ маршемъ мимо великаго князя, сзади котораго стояли приглашенные. Такъ отплатилъ великій князь за то, что его заставили провести нѣсколько часовъ на экзаменѣ!..

Во время публичныхъ экзаменовъ одно обстоятельство заставило меня выйти изъ корпуса въ тотъ полкъ, въ который я самъ никогда бы не вышелъ. Библіотекарь корпуса, капитанъ Бойсманъ, два раза писалъ записки моему ротному командиру — фонъ-деръ-Вейде, чтобы онъ передалъ мнѣ, что въ опредѣленный имъ часъ онъ будетъ ожидать меня съ тѣми книгами, которыя я взялъ изъ библіотеки для обязательныхъ своихъ сочиненій. Съ свойственной ему безпечностью, фонъ-деръ-Вейде забылъ объ этихъ запискахъ. Между тѣмъ Бойсманъ, не предполагая, чтобы записки эти не доходили до меня, приписалъ несдачу мною книгъ моей неисполнительности и моему невниманію къ

его требованіямъ и написалъ третью записку съ различными угрозами; эта записка была привезена разсыльнымъ прямо ко мнѣ. Я тотчасъ собралъ всѣ книги и отнесъ ихъ къ Бойсману, при этомъ сказалъ ему, что, не получивъ первыхъ двухъ записокъ, я былъ удивленъ, когда въ ней упоминалось о какихъ-то другихъ запискахъ. Слово «удивленъ» почему-то показалось Бойсману обиднымъ; онъ пожаловался инспектору—полковнику Линдену.

Во время моего разговора съ Линденомъ пришелъ Бойсманъ; дѣло объяснилось и уже окончилось; но въ это время вошелъ директоръ Лихонинъ. Онъ приказалъ выпустить меня вмѣсто гвардіи, куда я по экзамену имѣлъ право выйти,—въ артиллерію. Двѣ недѣли я прожилъ въ увѣренности, что меня выпустятъ въ артиллерію, но за три дня до выпуска Лихонинъ объявилъ мнѣ прощеніе, при этомъ оказалось, что въ представленіи, посланномъ въ главный штабъ, я былъ записанъ въ лейбъ-гвардіи Волынскій полкъ.

16-го іюня государь императоръ, послѣ сдѣланнаго имъ смотра воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній, поздравилъ насъ съ офицерскимъ чиномъ. Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ подзывалъ затѣмъ къ себѣ по очереди каждаго изъ насъ, цѣловался съ нами и вручалъ при этомъ приказъ о производствѣ.

Въ заключеніе считаю не лишнимъ дополнить характеристику нѣкоторыхъ лицъ, служившихъ въ то время въ корпусѣ.

О дѣятельности директора корпуса Ореста Семеновича Лихонина въ моихъ запискахъ сказано достаточно; что касается его душевныхъ качествъ, то мы, кадеты, считали его человѣкомъ крайне сухимъ, дежурные же офицеры почти поголовно его не любили, считая его гордецомъ, черствымъ эгоистомъ, нисколько не входящимъ въ ихъ положеніе. Онъ охотно слушалъ сплетни на кадетъ и служащихъ.

Даромъ слова Лихонинъ не владѣлъ совершенно, и потому никогда никто изъ насъ не слышалъ его рѣчей, обращенныхъ къ классу или къ ротѣ.

Инспекторомъ классовъ, при моемъ поступленіи въ корпусъ былъ дѣйств. статскій совѣтникъ Александръ Яковлевичъ Кушакевичъ. Въ классы онъ заходилъ очень рѣдко и всегда на нѣсколько минутъ. Придетъ на урокъ математики, обратится къ учителю:

— Что какъ отвѣчаютъ?

— Не очень хорошо.

— Ха! Ха!—говоритъ Кушакевичъ, повернувшись къ классу,—трудно, не могу учиться? Грешневку ѣсть могу (при сильно малороссійскомъ акцентѣ, выходило такъ: хрешневуку истъ моху), ароматный сбитень пить могу, а математики учиться не могу? Срамъ, срамъ, а всему мы виноваты, мы виноваты.

Кто это мы, для насъ, воспитанниковъ, это никогда не разъяснилось. Прочелъ Кушакевичъ въ классномъ журналѣ запись учителя: «Поповъ и Титовъ шалили», приходитъ въ классъ и поетъ: «и Поповъ и Титовъ не поѣдутъ со двора».

Послѣдній годъ пребыванія своего въ корпусѣ Кушакевичъ поднялъ гоненіе на тетради и книги на классныхъ столахъ. Онъ сталъ требовать, чтобы классные столы были всегда чисты и на нихъ бы ничего не лежало. Но такъ какъ учителя на это не обращали вниманія, то приказаніе Кушакевича исполнялось только тогда, когда воспитанники увидятъ Кушакевича, или услышатъ его голосъ въ классномъ корридорѣ. Тогда все прибирается со столовъ, и Кушакевичъ, заглянувъ въ классное окно, очень довольный отходитъ прочь. Если же онъ подошелъ къ окну нечаянно, такъ что воспитанники его не замѣтили раньше, то онъ тотчасъ идетъ въ классъ; но въ это время книги и тетради быстро прячутся, и когда онъ входитъ, всѣ столы уже чисты.

— Спрятали,—говоритъ онъ,—вотъ такъ чтобы всегда было; этого нельзя дозволять, нельзя дозволять.

Эта исторія повторялась безпрестанно, иногда по нѣсколько разъ въ день въ различныхъ классахъ.

Кушакевичъ былъ крайне честолюбивъ, ему все казалось, что дежурные офицеры, которые при входѣ его въ классный корридоръ рапортовали ему,—относятся къ нему не съ должнымъ уваженіемъ. Часто мы, кадеты, слышали замѣчанія, которыя онъ дѣлалъ дежурнымъ офицерамъ.

Въ 1852 году Кушакевичъ былъ назначенъ членомъ Совѣта военно-учебныхъ заведеній, а должность инспектора 1-го корпуса получилъ капитанъ Линденъ. Устроилъ это Кушакевичу Лихонинъ, который нѣсколько лѣтъ хлопоталъ о замѣнѣ Кушакевича другимъ лицомъ.

Въ молодости своей Кушакевичъ былъ извѣстнымъ учителемъ математики; онъ написалъ очень хорошіе для своего времени учебники по различнымъ отдѣламъ математики (вмѣстѣ съ Киндеревымъ), былъ учителемъ математики великихъ князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича.

Константинъ Александровичъ Линденъ былъ образованнымъ и дѣятельнымъ инспекторомъ классовъ въ теченіе десяти лѣтъ. Въ 1861 году, въ чинѣ генералъ-маіора, Линденъ былъ назначенъ директоромъ корпуса въ Омскѣ.

Священникомъ корпуса при моемъ поступленіи былъ протоіерей Раевскій, человѣкъ умный и многосторонне образованный, обладавшій краснорѣчіемъ; многія изъ проповѣдей его были имъ прекрасно произнесены и произвели на кадетъ впечатлѣніе. Раевскій былъ очень высокаго роста, плотный мужчина, говорилъ съ особымъ семинарскимъ

выговоромъ на *о*; онъ имѣлъ привычку бранить воспитанниковъ словомъ «о к а я н н ы й».

Вмѣсто Раевскаго, въ 1850 году, былъ назначенъ въ 1-й корпусъ, только-что рукоположенный священникъ Бенедиктовъ, который отличался безпримѣрной добротой; во все время пребыванія въ заведеніи Бенедиктова (въ теченіе 15-ти лѣтъ) никогда никто не видѣлъ не только гнѣвающимся, но даже на лицѣ его никогда не бывало и тѣни неудовольствія. Это удивительное добродушіе Бенедиктова располагало воспитанниковъ, которые относились къ нему съ полною откровенностью.

Батальоннымъ командиромъ въ корпусѣ былъ полковникъ Владиміръ Степановичъ Малевичъ, человѣкъ, говорившій о фронтѣ и никогда ни о чемъ болѣе. Воспитанники его не любили, называли С ы ч е м ъ, на котораго онъ былъ очень похожъ своими круглыми глазами и острымъ носомъ. Малевичъ очень хорошо зналъ свою кличку и когда бывало въ лагеряхъ слишкомъ долго держалъ воспитаанниковъ н ученьѣ, то достаточно было, чтобы въ двухъ мѣстахъ раздался тихій возгласъ: «Сычъ», чтобы онъ тотчасъ прекратилъ ученье.

В. Г. Фонъ-Бооль.

(П р о д о л ж е н і е с л ѣ д у е т ъ).

Осквернение православнаго храма евреемъ.

4-го сентября 1850 года обыватели города Балты были взволнованы необычайнымъ происшествіемъ: сынъ мѣстной еврейки-мѣщанки, Абрамко Хворостянскій, во время заутрени, стремительно вбѣжалъ въ православный соборъ и, испражнившись на церковномъ помостѣ, на разстояніи 1 аршина отъ порога, къ сторонѣ западныхъ дверей, попытался скрыться, но былъ задержанъ. Единовѣрцы приложили старанія къ тому, чтобы выдать его за сумасшедшаго. Юноша, на первыхъ порахъ, отказался отъ дачи показаній, но товарищамъ по острогу сознался, что былъ подговоренъ содержателемъ заѣзжаго дома Хуссидомъ Гершемъ Шапиръ.

Домъ Шапира стоялъ вблизи храма. Хуссиду былъ нестерпимъ колокольный звонъ; онъ будто-бы надѣялся на то, что оскверненный храмъ закроютъ. Хворостянскій явился послушнымъ въ его рукахъ орудіемъ и удовольствовался всего лишь однимъ полтинникомъ, на который первые дни покупалъ себѣ въ острогѣ булки.

Сестра Абрамки, якобы, и сама хвалилась совершить нѣчто подобное тому, что̀ сдѣлалъ братъ. На-ряду съ обвиненіемъ Шапира, среди балтскихъ христіанъ прошла молва, будто осквернение храма было слѣдствіемъ того, что торговецъ-еврей купилъ у солдата краденное сало, оказавшееся не гусинымъ, а собачьимъ (чего, впрочемъ, солдатъ не зналъ, найдя то сало въ горшечкѣ, въ одной мастерской). Невольные потребители сабачьяго сала предъ суднымъ днемъ рѣшились отомстить христіанамъ, увѣренные въ томъ, что продавецъ-солдатъ имѣлъ злой умыселъ.

По доведеніи до свѣдѣнія его величества подробностей дѣла, государь высочайше повелѣть соизволилъ отдать еврея Хворостянскаго въ вѣчные арестанты, а мать и сестру его, по подозрѣнію въ знаніи объ умыслѣ его, выдержать подъ арестомъ годъ.

(Ежели откроется въ томъ удостовѣреніе—то оставить въ заключеніи не менѣе 3-хъ лѣтъ).

По истеченіи года обѣ женщины освобождены.

Сообщилъ **Алексѣй Мердеръ.**

О Шведской могилѣ и капиталѣ Судіенка.

(По неизданнымъ архивнымъ даннымъ) [1]).

Пройдетъ еще пять лѣтъ, и настанетъ двухсотлѣтіе со дня Полтавской битвы, событія, имѣвшаго большое значеніе въ исторіи русскаго народа. Думаемъ, что все, относящееся къ этому событію, имѣетъ интересъ. Въ настоящей статьѣ мы остановимся на заботахъ о Шведской могилѣ въ началѣ прошлаго вѣка и на пожертвованіи Судіенка.

Шведская могила отстоитъ отъ Полтавы въ пяти верстахъ. Это большой курганъ, гдѣ, при участіи самого Петра Великаго, погребены русскіе воины, павшіе въ Полтавскомъ сраженіи. Могила эта до начала прошлаго столѣтія не была предметомъ заботъ ни правительства, ни общества. Впервые на нее обратилъ вниманіе первый малороссійскій генералъ-губернаторъ князь А. Б. Куракинъ, установившій здѣсь совершеніе торжественной панихиды, 26-го іюня, наканунѣ дня самаго сраженія. Преемникъ его, князь Я. И. Лобановъ-Ростовскій, пожелалъ устроить около могилы храмъ, о чемъ и сообщилъ тому же самому князю Куракину, занимавшему тогда постъ министра внутреннихъ дѣлъ. «Случай довершенія монумента Полтавской побѣды,—писалъ онъ,—(здѣсь онъ разумѣетъ памятникъ, сооруженный въ Полтавѣ по случаю столѣтія битвы), позволяетъ заняться дать и самому мѣсту той уважительной печности, коею государь императоръ увѣнчиваетъ память

[1]) Составлено на основаніи дѣла архива Полтавскаго губернскаго правленія, по описи № 402, 1809 г., на 279 листахъ; въ дальнѣйшемъ изложеніи мы указываемъ страницы и листы изъ этого дѣла.

августѣйшаго предка своего, почему и нахожу нужнымъ представить нѣкоторыя мѣстныя соображенія и чертежъ предположенія исполнить удобнаго». Далѣе онъ предлагаетъ построить храмъ во имя св. Петра и Павла или Сампсонія, «яко патрона дня той знаменитой баталіи», и при немъ домъ для инвалидовъ, на 25 человѣкъ, которые бы охраняли этотъ храмъ. На самой же могилѣ онъ предполагалъ поставить бронзовый крестъ, «ибо изъ преданіевъ извѣстно, что въ Бозѣ почивающій Петръ Великій, по совершеніи церковнаго обряда надъ павшими тѣлами, воздвигнулъ тогда же собственноручно деревянный крестъ». Желаніе князя не осуществилось. Оно совпало съ заботами правительства устроить въ Россіи нѣсколько инвалидныхъ домовъ. Эти дома предполагалось устроить въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Черниговѣ и Курскѣ. Когда этотъ проектъ былъ поднесенъ императору Александру I, то онъ выразилъ пожеланіе устроить, взамѣнъ этихъ пяти городовъ, инвалидный домъ на Шведской могилѣ. Но это также не осуществилось, за недостаткомъ средствъ [1]).

На помощь князю, въ осуществленіи его благаго намѣренія, явился тайный совѣтникъ Іосифъ Степановичъ Судіенко. Судіенко служилъ по почтовому вѣдомству и завѣдывалъ всѣми имѣніями и капиталами князя А. А. Безбородка, въ домѣ котораго онъ игралъ роль совѣтника и друга. Дослужился онъ до чина тайнаго совѣтника. Въ день своей коронаціи императоръ Павелъ пожаловалъ ему имѣніе въ Конотопскомъ уѣздѣ въ 600 дес., да самъ Безбородко, въ 1787 году, подарилъ ему шесть селъ. Словомъ, это былъ очень богатый человѣкъ. Онъ пожелалъ помочь князю, съ которымъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, и высказалъ ему свое желаніе дать 50 тысячъ на постройку этого храма.

Князь Лобановъ-Ростовскій поспѣшилъ увѣдомить объ этомъ князя Куракина. «Не будетъ оно (т. е. это пожертвованіе) препятствіемъ предположенію, при лучшей удобности, помѣщенію инвалидовъ, а созидатель удовлетворится въ благомъ намѣреніи своемъ общеполезнаго дѣла. Въ воздаяніе чего, если удостоится онъ получить единую строку, изъявляющую монаршее ему благоволеніе, почтетъ себя счастливымъ». Получить монаршее благоволеніе желалъ самъ Судіенко, что̀ и высказалъ князю. Товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, О. П. Козодавлевъ, отвѣтилъ «что постарается сдѣлать все къ приведенію къ должному окончанію столь богоугоднаго дѣла къ чести и славѣ соорудителя такого храма» [2]). Судіенко получилъ желаемое. 1-го августа 1811 года онъ былъ удостоенъ слѣдующаго высочайшаго рескрипта:

«Господинъ тайный совѣтникъ Судіенко.

---

[1]) Отношеніе отъ 28-го іюня 1809 г., за № 2381.

[2]) 9-го ноября 1810 г., за № 14861.

«Министръ внутреннихъ дѣлъ, вслѣдствіе отношенія къ нему малороссійскаго генералъ-губернатора князя Лобанова-Ростовскаго, довелъ до свѣдѣнія моего о желаніи вашемъ воздвигнуть собственнымъ вашимъ иждивеніемъ памятникъ съ церковью надъ курганомъ, близъ города Полтавы, на полѣ, гдѣ въ Бозѣ почивающимъ предкомъ моимъ, императоромъ Петромъ Великимъ, одержана надъ непріятелемъ побѣда. Столь достохвальное намѣреніе ваше, съ пожертвованіемъ весьма значущаго капитала, сохранить память сей знаменитой для Россіи побѣды есть для меня пріятнымъ доказательствомъ примѣрной вашей къ отечеству преданности, исполняющей васъ толикою любовью къ пользѣ и славѣ онаго. И потому я особливымъ удовольствіемъ поставляю себѣ удостовѣрить васъ черезъ сіе въ совершенномъ моемъ къ вамъ благоволеніи. Александръ» [1]).

Этотъ рескриптъ Судіенко получилъ незадолго до своей кончины, остался имъ доволенъ и, вѣроятно, подъ впечатлѣніемъ его, пожертвовалъ еще 50 тысячъ, о чемъ и заявилъ своему душеприкащику графу И. В. Завадовскому. Это пожертвованіе не вошло въ его духовную, которая была составлена въ 1808 году. Князь Лобановъ-Ростовскій, получивъ извѣщеніе отъ Судіенка о желаніи его пожертвовать на храмъ 50 тысячъ, предписалъ хорунжему стародубскому получить ихъ отъ Судіенка, что̀ онъ и сдѣлалъ. Деньги эти были помѣщены въ стародубскомъ казначействѣ. Завѣщанныя же другія 50 тысячъ Завадовскій внесъ въ полтавскій приказъ общественнаго призрѣнія [2]). Такъ образовался капиталъ Судіенка въ 100 тысячъ, давшій возможность, хотя и поздно, но все-таки устроить храмъ на могилѣ.

Капиталъ этотъ въ 1812 году былъ отданъ на «подкрѣпленіе казенной палатѣ» для покупки воловъ въ армію. Правительство ассигновало на этотъ предметъ 100 тысячъ, но деньги еще не были отпущены, а потому и было разрѣшено пользоваться капиталами приказа общественнаго призрѣнія [3]). Въ 1831 году казна разсчиталась съ приказомъ, и всѣ деньги были ему возвращены.

Проектъ храма былъ составленъ въ Петербургѣ архитекторомъ Стасовымъ [4]). Но смѣта его была слишкомъ велика. Стасовъ предполагалъ сдѣлать надъ могилой сводъ, большія арки, площадки, а также карнизы, и все это изъ гранита. Полъ въ храмѣ долженъ быть мраморный. Помимо этого, Стасовъ предполагалъ поставить четыре статуи, а

---

[1]) Дѣло, стр. 16.

[2]) 1802 г., № 804, л. 30.

[3]) 12-го іюня 1812 г. № 1207, л. 39, и № 241, л. 40.

[4]) Василій Петровичъ Стасовъ (1769†1848) былъ придворнымъ архитекторомъ. Въ 1811 г. за планы и фасады храма на Шведской могилѣ былъ удостоенъ Академіею художествъ званія академика.

равно трофеи и фигуры въ барельефахъ изъ бронзы; надъ куполомъ крестъ съ глобусомъ изъ мѣди, съ позолотой черезъ огонь. Естественно, что такой проектъ требовалъ большихъ затратъ. По смѣтѣ Стасова необходимо было на это полмилліона. Этотъ проектъ понравился императору Александру, и онъ утвердилъ его, но, въ виду большой стоимости, предложено было другому архитектору Гваренги составить смѣту, а Стасову повелѣно, «чтобы свою апробованную мысль привелъ только въ размѣръ проекта Гваренги». Всѣ эти проекты и смѣты были отосланы князю Лобанову для соображенія, но князь Лобановъ медлилъ; это вызвало въ 1815 г. запросъ со стороны министра внутреннихъ дѣлъ Козодавлева о томъ, въ какомъ положеніи находится дѣло о постройкѣ храма. Началась переписка, при томъ очень долгая и осложнившаяся интереснымъ эпизодомъ. Князь Лобановъ въ своемъ отвѣтѣ министру писалъ, что онъ лично докладывалъ императору еще въ 1812 году, «дабы благоволилъ до начатія того дѣла разрѣшить испытать о той же матеріи мысль Гваренги, на что послѣдовало высочайшее соизволеніе, что ему отъ меня и сообщено; но были-ли тѣ бумаги ему представлены, осталось то мнѣ неизвѣстнымъ». Но министръ не признавалъ нужды въ томъ, чтобы спрашивать мнѣнія Гваренги о постройкѣ, и, въ свою очередь, спрашивалъ князя, для какой цѣли ему нужно было «знаніе мысли о семъ Гваренги и нужно-ли требовать отъ него отзыва» [1]). Но отвѣтъ на это пришлось дать уже преемнику князя Лобанова, князю Н. Г. Репнину. Князь Репнинъ иначе посмотрѣлъ на дѣло. Князь Лобановъ почему-то медлилъ, не хотѣлъ приступить ни къ составленію смѣты стоимости матеріала, изслѣдованію грунта могилы и т. п., а князь Репнинъ вообще относился къ этому дѣлу равнодушно и не сочувствовалъ ему. Онъ началъ собирать справки, и оказалось, что плановъ, присланныхъ Лобанову, нѣтъ при дѣлахъ, а они остались у него. На запросъ министра кн. Репнинъ могъ отвѣтить только въ сентябрѣ 1818 года, т. е. спустя два года послѣ того, какъ получилъ этотъ запросъ.

Лобановъ отвѣчалъ, что, согласно проектамъ, сдѣланнымъ архитекторами Гваренги и Стасовымъ, потребуется по крайней мѣрѣ втрое больше той суммы, какая была въ капиталѣ Судіенка. Но плановъ и чертежей кн. Лобановъ не прислалъ. Послѣ долгой переписки выяснилось, что кн. Лобановъ всѣ эти планы передалъ графу В. П. Кочубею. Это было уже въ 1827 году [2]). Капиталъ же Судіенка возросъ за это время до 200 тысячъ руб. асс. Конечно, вполнѣ возможно было построить храмъ и на эти деньги, но не по смѣтамъ и плану Стасова, гдѣ требо-

[1]) 21-го февраля 1816 г., л. 14.

[2]) См. письмо отъ 11-го мая 1827 г.

вались гранитъ, бронза, чугунъ и т. п.; все же это приходилось въ то время привозить за сотни верстъ, а гранитъ съ далекаго сѣвера. Надо сказать, что князь Репнинъ въ это время былъ озабоченъ учрежденіемъ въ Полтавѣ кадетскаго корпуса, о чемъ очень усердно хлопоталъ. На учрежденіе корпуса средствъ нужно было много; помимо пособій, полученныхъ отъ дворянскаго сословія, необходимы были еще средства на постройку зданія, квартиръ для служащихъ. Князю Репнину пришла мысль испросить высочайшее повелѣніе употребить капиталъ Судіенка на «устроеніе Полтавскаго кадетскаго корпуса», чѣмъ уничтожалась самая цѣль пожертвованія и нарушалась воля завѣщателя, которая должна быть священна для тѣхъ, кто принимаетъ пожертвованія. Но Репнинъ иначе смотрѣлъ на это и лично просилъ императора Николая I, что видно изъ его отношенія къ министру внутреннихъ дѣлъ графу Закревскому. Репнинъ писалъ, что имъ «сдѣлано всеподданнѣйшее представленіе и хотя его императорскому величеству благоугодно было изъявить словесно высочайшее свое соизволеніе на предположеніе, но предписанія по сему мною еще не получено» [1]). Въ ожиданіи отвѣта, князь Репнинъ ничего не предпринималъ, хотя и была образована въ Полтавѣ коммиссія изъ семи человѣкъ съ предсѣдателемъ Дьяковымъ [2]) во главѣ, для разработки проекта, съемки плана мѣстности, изслѣдованія грунта и т. п. Отвѣтъ на ходатайство князя Репнина послѣдовалъ только въ мартѣ 1831 года. Императоръ Николай не согласился на предположенія Репнина, находя, что «это было бы несправедливо» [3]). Надо замѣтить, что шелъ уже двадцатый годъ съ того времени, когда было принято пожертвованіе Судіенка. Но министерство внутреннихъ дѣлъ все-таки продолжало запрашивать о ходѣ дѣла; запросилъ сначала управляющій министерствомъ Новосильцовъ, а затѣмъ и самъ министръ, графъ Блудовъ. Князь не замедлилъ отвѣтомъ, но теперь явился съ новымъ проектомъ, который, какъ и первый, не согласовался съ волею завѣщателя. Кн. Репнинъ находилъ, что капитала, пожертвованнаго Судіенкомъ, недостаточно (его было въ то время 220 тысячъ), такъ какъ на постройку потребуется 500 тысячъ, да на покупку земли около могилы, для образованія площади, нужны также средства, и безъ пособія правительства князь Репнинъ находилъ невозможнымъ исполнить волю завѣщателя. Сверхъ того, устройство самаго храма князь находилъ неудобнымъ.

«Храмъ этотъ,—писалъ князь,—какъ отстоящій отъ Полтавы въ пяти верстахъ и нахожденіе храмовъ въ ближайшихъ къ оному селеніяхъ не только не можетъ имѣть прихода, но едва-ли найдутся и молель-

---

[1]) 6-го апрѣля 1829 г. № 1344.

[2]) Дьяковъ былъ впослѣдствіи предсѣдателемъ гражданской палаты.

[3]) 1831 г. № 963, л. 126.

щики, развѣ въ храмовой праздникъ, слѣдовательно, для содержанія какъ храма, такъ и церковнослужителей для онаго, должно будетъ внести также капиталъ въ государственныя кредитныя установленія». «По всѣмъ симъ уваженіямъ полагаю я,—заканчиваетъ князь,—невозможнымъ привести нынѣ въ исполненіе завѣщанія тайнаго совѣтника Судіенка и составлять смѣту на будущее время безполезно, ибо цѣны на все необходимое измѣнятся». Припоминая указъ Петра Великаго о построеніи, въ память Полтавской викторіи, мужскаго монастыря, князь Репнинъ предлагалъ,—думая, что этимъ будетъ выполненъ завѣтъ Петра,—употребить капиталъ Судіенка на улучшеніе Полтавскаго Крестовоздвиженскаго монастыря (находится въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Шведской могилы), пристроивъ къ собору два придѣла, одинъ во имя свв. апостоловъ Петра и Павла, а другой во имя преподобнаго Сампсонія Страннопріимца (Петропавловскій монастырь и долженъ быть, по завѣту Петра, съ придѣломъ Сампсонія), а на самой могилѣ устроить чугунную вокругъ ея ограду, обсадить ее тополями, а при входѣ построить часовню отъ этого монастыря [1]). Этотъ второй проектъ князя не былъ утвержденъ, такъ какъ являлся нарушеніемъ воли завѣщателя. Графъ Блудовъ отвѣчалъ князю, что, «при всей удобности и приличіи, не можетъ быть приведено въ дѣйствіе» и предлагалъ сократить смѣту въ предѣлахъ имѣющихся средствъ и приступить къ постройкѣ храма [2]).

Самая постройка храма нѣсколько затормозилась, помимо несочувствія князя, эпизодомъ, который раскрываетъ намъ архивъ. І. С. Судіенко скончался 4-го декабря 1811 года, оставивъ большое состояніе своему воспитаннику, усыновленному повелѣніемъ Александра I и принявшему фамилію Судіенко [3]). Въ годъ смерти Судіенка наслѣднику его было девять лѣтъ, и, понятно, нужна была опека по управленію имѣніями. Духовнымъ завѣщаніемъ І. С. Судіенко опекунами малолѣтняго назначилъ: графа В. П. Кочубея, своего благодѣтеля которому обязанъ былъ чинами, орденами и помѣстьями, графа И. А. Безбородка, князя Я. И. Лобанова-Ростовскаго и графа И. В. Завадовскаго. Но изъ этихъ четырехъ опекуновъ графъ Кочубей тотчасъ же отказался, графъ Безбородко скоро скончался (1815 г.); остались двое: кн. Лобановъ-Ростовскій и графъ Завадовскій. Наиболѣе дѣятельное участіе въ дѣлахъ управленія опеки принималъ графъ Завадовскій, такъ какъ

[1]) 20-го мая 1832 г., № 2422.

[2]) 1832 г., № 472, л. 152.

[3]) Михаилъ Іосифовичъ Судіенко († 1872) служилъ въ кирасирахъ; въ 1827—28 гг. былъ адъютантомъ графа А. Х. Бенкендорфа; затѣмъ до 1835 г. находился въ отставкѣ; съ 1835 по 1841 г. былъ новгородъ-сѣверскимъ предводителемъ дворянства.

князь Лобановъ-Ростовскій занималъ до 1816 г. постъ малороссійскаго генералъ-губернатора, а затѣмъ жилъ въ Петербургѣ, бывъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Князь Лобановъ, вскорѣ же по учрежденіи опеки, далъ полный просторъ въ управленіи Завадовскому «по всѣмъ случаямъ, гдѣ ни залога, ни займа, ни продажи не оказывается нужнымъ» [1]).

Въ маѣ мѣсяцѣ 1832 г. служившій въ канцеляріи князя Репнина Адріанъ Лантуховъ, бывшій секретаремъ у Лобанова-Ростовскаго, подалъ князю оффиціальную бумагу, въ которой сообщалъ, что изъ сохранившейся у него «партикулярной переписки» кн. Лобанова-Ростовскаго съ гр. Завадовскимъ видно, что покойный Судіенко, за четыре дня до своей кончины, пожертвовалъ на Шведскую могилу еще сто тысячъ, сверхъ пожертвованныхъ имъ ранѣе. Вмѣстѣ съ этимъ Лантуховъ представилъ письмо, въ которомъ Завадовскій сообщалъ князю о смерти Судіенка, и записку на четвертушкѣ простой бумаги. Записка эта была безъ подписи, но впослѣдствіи, при дознаніи объ этихъ деньгахъ, ни наслѣдникъ покойнаго Судіенка, ни сама опека не усомнились въ ея подлинности, а наслѣднику Судіенка, М. І. Судіенку, штабсъ-ротмистру лейбъ-гвардіи Кирасирскаго полка, конечно, былъ хорошо знакомъ почеркъ его опекуна, отъ котораго онъ лично принималъ наслѣдство въ 1827 году, когда ему исполнилось 25 лѣтъ. Да и сравнивая почеркъ этой записки съ подписью графа, нельзя усомниться, чтобы она была не подлинна. Приводимъ эту небольшую записку:

«Людей нѣкоторыхъ велѣлъ покойникъ отпустить на волю, а прочихъ наградить деньгами. На Полтавскую могилу прибавилъ еще сто тысячъ. Это оставляю исполнить до пріѣзду вашего сіятельства въ Малороссію, ибо есть такого много, что̀ должно рѣшить съ общаго совѣта. Лошадей много есть, которыхъ, почитаю, и не нужно держать до возрасту наслѣдника, то таковая статья требуетъ рѣшимости, но все сіе удобнѣе будетъ на мѣрахъ положить въ пріѣздъ вашъ сюда.

«Зима насъ не веселитъ, ибо частые дожди разстраиваютъ оную, какъ то и сими днями великій дождь согналъ и снѣгъ послѣдній. Суммы наличной осталось полтораста тысячъ, кромѣ векселей; оные хранятся въ цѣлости, кромѣ расходу на его поминовеніе, какову онъ особо отложилъ и означилъ на расходы разные» [2]).

Письмо Завадовскаго съ извѣщеніемъ о кончинѣ Судіенка и приложенная къ нему вышеприведенная записка были получены кн. Лобановымъ-Ростовскимъ въ декабрѣ 1811 года; но князь отвѣтилъ графу

---

[1]) Письмо кн. Лобанова-Ростовскаго, отъ 7-го мая 1812 года.

[2]) Л. 190 и слѣд.

только въ маѣ слѣдующаго года. Извиняясь за долгое молчаніе, чему причиной было много дѣлъ, князь писалъ: «При какомъ объявленіи наличныя деньги отправлены должны быть въ Московскій опекунскій совѣтъ, пріобщаю форму; дополнительныя на церковь выслать должно въ здѣшнее общественное призрѣніе (т. е. въ Приказъ), и то и другое черезъ почту, ибо полупроцентныя за пересылку удобнѣе заплатить, нежели рисковать другою какою-либо сюда пересылкою оныхъ» [1]).

Князь Репнинъ, получивъ сообщеніе Лантухова, въ томъ же мѣсяцѣ донесъ объ этомъ министру внутреннихъ дѣлъ гр. Блудову, распорядившись въ то же время о производствѣ дознанія. Изъ опекуновъ въ это время въ живыхъ былъ только графъ В. П. Кочубей, который, какъ мы сказали выше, отказался отъ опекунства еще при учрежденіи самой опеки. На сдѣланный ему запросъ графъ Кочубей отвѣтилъ, что ему ничего неизвѣстно объ этомъ распоряженіи покойнаго Судіенка. Графъ Блудовъ предписалъ произвести тщательное дознаніе. «При всей неопредѣлительности сего случая,—писалъ онъ,—имѣя въ виду удостовѣреніе, заключающееся въ доставленной отъ васъ собственноручной запискѣ покойнаго графа И. В. Завадовскаго, состоявшаго также въ числѣ попечителей, что на сіе новое пожертвованіе воля Судіенка дѣйствительно была и способы къ исполненію сей воли, судя по извѣстной обширности оставшагося имущества, вѣроятно, остались, я нахожу, что обстоятельства сего нельзя оставить безъ вниманія» [2]). Началось разслѣдованіе дѣла, продолжавшееся пять лѣтъ. Предписаніе о дознаніи получилъ черниговскій губернаторъ, который, въ свою очередь, предписалъ заняться этимъ дѣломъ дворянскимъ опекамъ въ Стародубѣ и Новгородѣ-Сѣверскомъ, а эти послѣднія запросили наслѣдника, штабсъ-ротмистра Судіенка, жившаго въ Москвѣ. Занялась этимъ дѣломъ и Черниговская палата гражданскаго суда. Словомъ, работа закипѣла, а въ результатѣ ничего не вышло. Черниговская палата представила черниговскому губернатору обстоятельный докладъ [3]), въ которомъ помѣщенъ и отвѣтъ Судіенка.

Судіенко писалъ, что «до нынѣшняго времени не имѣлъ не только письменнаго, но даже и приватнаго свѣдѣнія». Далѣе онъ сообщилъ, что попечители, «отдавая ему имѣнія по завѣщанію, ни слова не упомянули и нигдѣ въ бумагахъ не показали сихъ вновь яко бы пожертвованныхъ онымъ Судіенкомъ ста тысячъ рублей; забыть имъ о столь важной суммѣ невозможно было, тѣмъ паче, что онъ, воспитываясь безотлучно при лицѣ одного изъ нихъ, Якова Ивановича (т. е. кн. Лоба-

---

[1]) Дѣло, стр. 192 и 193.
[2]) Дѣло, 7-го марта, 1833, л. 120.
[3]) Дѣло, л. 173—182.

кова-Ростовскаго), зналъ, можно сказать, всѣ дѣйствія по управленію завѣщаннымъ ему имѣніемъ. Онъ не только въ малолѣтствѣ былъ благодѣтельнымъ наставникомъ, но и во время службы его не оставлялъ его своимъ покровительствомъ, а потому можно-ли думать, что онъ умолчалъ о важной обязанности, которую предлежало ему исполнить, если бы подлинно сія обязанность утверждена была какимъ-либо согласіемъ Осипа Ивановича (т. е. покойнаго Судіенка)». Въ заключеніе Судіенко просилъ опеку прислать ему всѣ бумаги по этому дѣлу, чтобы онъ отъ представитьи возраженіе «основательнымъ образомъ». Конечно, получить эти сто тысячъ на основаніи одной только записки покойнаго Завадовскаго нельзя было, главнымъ образомъ, потому, что завѣщаніе покойнаго Судіенка было изустное. По закону 21-го марта 1823 года словесныя духовныя завѣщанія, или такъ называемыя изустныя памяти вовсе уничтожались, и впредь было повелѣно не принимать ихъ ни въ какое уваженіе. На этотъ законъ и опирался Судіенко и просилъ опеку «оказать ему законное покровительство къ сгражденію его спокойствія и оградить его отъ такого платежа силою законовъ». Черниговская палата такъ и поступила; она рѣшила «увольнить штабсъ-ротмистра Судіенка отъ платежа сихъ денегъ, буде самъ добровольно не пожелаетъ внести ихъ». Но Судіенко не пожелалъ этого сдѣлать.

Графъ Блудовъ, а также и главноуправляющій путями сообщенія и публичными зданіями графъ Толь очень интересовались ходомъ этого дѣла. Въ управленіи путей сообщенія были составлены архитекторомъ Мельниковымъ новые планы устройства храма, одинъ въ 445 т., а другой въ 341 т. Вѣроятно, вслѣдствіе этого, графъ Толь просилъ графа Блудова о новомъ разсмотрѣніи дѣла объ этихъ ста тысячахъ. Харьковскій, черниговскій и полтавскій генералъ-губернаторъ увѣдомилъ, что въ дѣлахъ никакихъ слѣдовъ о новомъ пожертвованіи Судіенка нѣтъ, что деньги не были переданы, и производство новаго разслѣдованія безполезно. Наслѣдникъ покойнаго Судіенка «почти рѣшительно отвергаетъ, — писалъ онъ,—изустную волю завѣщателя тѣмъ, что попечители надъ имѣніями сего послѣдняго никогда ему объ оной не объявляли, ни лично, ни словесно (sic)». Графъ Толь согласился съ этимъ отзывомъ генералъ-губернатора. Да и захотѣлъ-ли бы Судіенко дать эти 100 тысячъ, когда онъ не сочувствовалъ волѣ своего благодѣтеля, пожертвовавшаго капиталъ на постройку храма? Это видно изъ слѣдующаго обстоятельства. Въ 1836 году Михаилъ Судіенко, бывшій въ это время въ отставкѣ, подалъ харьковскому, черниговскому и полтавскому генералъ-губернатору гр. В. В. Левашову прошеніе, въ которомъ ходатайствовалъ, чтобы сто тысячъ, пожертвованныя покойнымъ Судіенкомъ, съ наросшими процентами, были обращены «на устроеніе Полтавскаго кадетскаго корпуса, съ тѣмъ, чтобы изъ получаемыхъ процентовъ капитала сего вос-

питывать нѣсколько человѣкъ кадетъ изъ бѣдныхъ дворянъ Черниговской и Полтавской губерній и воспитанниковъ именовать «воспитанниками тайнаго совѣтника Судіенка». Графъ Левашовъ, получивъ это прошеніе, отправилъ черезъ черниговскаго губернатора, для передачи Судіенку, копію бумаги, полученной кн. Репнинымъ въ 1831 г. съ отвѣтомъ императора Николая I на просьбу его обратить капиталъ Судіенка на «устроеніе Полтавскаго кадетскаго корпуса» [1]). Какъ сказано выше, отвѣтъ былъ слѣдующій: «Это было бы несправедливо».

Этимъ мы заканчиваемъ нашъ очеркъ, на основаніи новыхъ матеріаловъ, извлеченныхъ нами изъ архива Полтавскаго губернскаго правленія.

Настоящее дѣло интересно и съ другой стороны. Оно точно указываетъ цѣль пожертвованія покойнаго Судіенка. Хотя мы и читаемъ въ рескриптѣ императора Александра I о желаніи Судіенка воздвигнуть «памятникъ съ церковью», но дальнѣйшая переписка объ устройствѣ этого храма указываетъ вполнѣ точно, что Судіенко желалъ устроить т о л ь к о х р а м ъ.

Изъ дѣла видно также, что Судіенко не желалъ устройства инвалиднаго дома на Шведской могилѣ. Надо сказать, что до сей поры держится преданіе объ этомъ. Въ духовномъ завѣщаніи Судіенка, которое нами найдено въ архивѣ (до сей поры оно не было извѣстно), нигдѣ не находится упоминанія объ этомъ [2]). Намъ могутъ возразить, что, быть можетъ, было другое завѣщаніе, какъ это нерѣдко бываетъ, и послѣднее, въ такомъ случаѣ, имѣетъ законную силу. Но въ архивномъ дѣлѣ мы нашли актъ о передачѣ имущества въ 1827 году наслѣднику, штабсъ-ротмистру Судіенку, гдѣ и приведено цѣликомъ это духовное завѣщаніе, на основаніи котораго состоялся актъ передачи имущества покойнаго І. Судіенка [3]).

Такимъ образомъ, не подлежитъ нынѣ сомнѣнію, на основаніи этихъ данныхъ, что желаніе Судіенка построить инвалидный домъ должно отнести къ области преданій.

Происхожденіе этого преданія слѣдующее. Въ 1809 г., какъ мы видѣли, кн. Лобановъ-Ростовскій вошелъ съ проектомъ устройства храма на Шведской могилѣ. Но императоръ Александръ I, озабоченный устройствомъ инвалидныхъ домовъ въ Россіи, пожелалъ устроить такой домъ на Шведской могилѣ. Желаніе императора народная молва смѣшала съ желаніемъ Судіенка.

На основаніи разсмотрѣнныхъ нами матеріаловъ мы пришли къ слѣдующимъ выводамъ:

---

[1]) Дѣло, л. 263 и 264.
[2]) Дѣло, лл. 231—239.
[3]) Дѣло, тамъ же.

1) Забота о построеніи храма на Шведской могилѣ на капиталъ Судіенка занимала мѣстную администрацію и правительство вскорѣ послѣ смерти завѣщателя, а не начиная съ 1840-хъ годовъ, какъ думали до сей поры.

2) Переписка о построеніи храма ясно указываетъ на волю покойнаго Судіенка — построить на могилѣ только храмъ, а не памятникъ.

3) Желаніе Судіенка построить на Шведской могилѣ инвалидный домъ есть преданіе. Изъ духовнаго завѣщанія Судіенка ясно видно, что такого желанія у Судіенка не было.

На капиталъ Судіенка, по иниціативѣ послѣдняго черниговскаго, харьковскаго и полтавскаго генералъ-губернатора Кокошкина, построенъ былъ на Шведской могилѣ храмъ и освященъ въ 1857 году. Этотъ храмъ существовалъ до конца прошлаго столѣтія, когда онъ былъ вновь передѣланъ на тотъ же капиталъ, переданный въ 1890 году, по высочайшему повелѣнію, въ вѣдѣніе Святѣйшаго Синода [1])

И. Фр. Павловскій.

Полтава.

---

[1]) См. нашу статью „Шведская могила“ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1895 г. и нашу книгу: „Полтавская битва и ея памятники“ (2-е изданіе).

Взысканіе за медленное исполненіе высочайшаго повелѣнія.

Отношеніе статсъ-секретаря Муравьева министру юстиціи.

10-го августа 1827 года.

«Государь императоръ, разсмотрѣвъ отзывъ министра народнаго просвѣщенія о причинѣ двухъ-мѣсячнаго замедленія въ исполненіи по объявленному статсъ-секретаремъ Муравьевымъ ему, министру народнаго просвѣщенія, повелѣнію его величества о училищныхъ строеніяхъ въ Ораніенбаумѣ и Кронштадтѣ, и находя въ томъ виновными попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, за неисполненіе высочайшаго повелѣнія и директора департамента народнаго просвѣщенія, за несвоевременный докладъ министру народнаго просвѣщенія, о неисполненіи высочайшей воли, высочайше повелѣть соизволилъ: попечителю сдѣлать строжайшій за то выговоръ, съ внесеніемъ въ его формуляръ; а директора департамента посадить подъ арестъ на сутки при сенатской гауптвахтѣ, равномѣрно со внесеніемъ въ его формуляръ. Его величество повелѣваетъ, чтобъ министръ народнаго просвѣщенія, по принадлежности, о семъ сдѣлалъ надлежащее исполненіе и донесъ его величеству».

Муниципальный фонд
Московской обл. библиотеки

Редакторъ-Издатель С. Зыковъ.